AUTHOR *of*

THE DA VINCI CODE

DAN BROWN

ДЭН БРАУН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ORIGIN

A NOVEL

Происхождение
Дэн Браун

Аннотация
Дэн Браун. Происхождение
ПРОЛОГ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19

ГЛАВА 20
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ГЛАВА 31
ГЛАВА 32
ГЛАВА 33
ГЛАВА 34
ГЛАВА 35
ГЛАВА 36
ГЛАВА 37
ГЛАВА 38
ГЛАВА 39
ГЛАВА 40
ГЛАВА 41
ГЛАВА 42
ГЛАВА 43
ГЛАВА 44
ГЛАВА 45

ГЛАВА 46
ГЛАВА 47
ГЛАВА 48
ГЛАВА 49
ГЛАВА 50
ГЛАВА 51
ГЛАВА 52
ГЛАВА 53
ГЛАВА 54
ГЛАВА 55
ГЛАВА 56
ГЛАВА 57
ГЛАВА 58
ГЛАВА 59
ГЛАВА 60
ГЛАВА 61
ГЛАВА 62
ГЛАВА 63
ГЛАВА 64
ГЛАВА 65
ГЛАВА 66
ГЛАВА 67
ГЛАВА 68
ГЛАВА 69
ГЛАВА 70
ГЛАВА 71

ГЛАВА 72
ГЛАВА 73
ГЛАВА 74
ГЛАВА 75
ГЛАВА 76
ГЛАВА 77
ГЛАВА 78
ГЛАВА 79
ГЛАВА 80
ГЛАВА 81
ГЛАВА 82
ГЛАВА 83
ГЛАВА 84
ГЛАВА 85
ГЛАВА 86
ГЛАВА 87
ГЛАВА 88
ГЛАВА 89
ГЛАВА 90
ГЛАВА 91
ГЛАВА 92
ГЛАВА 93
ГЛАВА 94
ГЛАВА 95
ГЛАВА 96
ГЛАВА 97

ГЛАВА 98
ГЛАВА 99
ГЛАВА 100
ГЛАВА 101
ГЛАВА 102
ГЛАВА 103
ГЛАВА 104
ГЛАВА 105
ЭПИЛОГ
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Профессор символогии и религозной иконологии из Гарварда Роберт Лэнгдон приезжает в Музей Гуггенхайма в Бильбао, чтобы принять участие в презентации открытия, которое «изменит лицо науки навсегда». Хозяин вечера его друг и бывший студент, Эдмон Кирш, сорокалетний технологический магнат, чьи ослепительные изобретения и смелые предсказания сделали его противоречивой фигурой во всем мире. Этот вечер не должен стать исключением: он утверждает, что всех ждет удивительный прорыв, который бросит вызов основам человеческого существования.

Дэн Браун
Происхождение

ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

«Мы должны быть готовы избавиться от жизни, которую планировали, чтобы жить жизнью, которая нас ждет»

Джозеф Кэмпбелл

Все упомянутые в романе произведения искусства, архитектуры, места действия, научные и религиозные организации реально существуют.

ПРОЛОГ

По мере продвижения старинного фуникулера вверх по головокружительному склону Эдмонд Кирш разглядывал зубчатую вершину горы над собой. Вдалеке, построенный прямо в скале, огромный каменный монастырь словно висел в воздухе, волшебным образом сливаясь с вертикальной пропастью.

Это древнее святилище в Каталонии, Испания, простояло на земле более четырех столетий, никогда не меняя своей первоначальной цели: изолировать своих обитателей от современного мира.

«По иронии судьбы они станут первыми, кто узнает правду, — подумал Кирш, гадая как они будут реагировать. Исторически наиболее опасными людьми на земле были люди божьи… особенно когда их богам угрожали. И я собираюсь бросить пылающее копье в гнездо шершней».

Когда поезд достиг вершины горы, Кирш увидел одинокую фигуру, ожидающую его на платформе. Высохший как скелет человек был задрапирован в традиционную католическую пурпурную сута-

ну и белый стихарь, с дзуккетто на голове. Кирш узнал эти грубые черты с фотографий и почувствовал неожиданный всплеск адреналина.

Вальдеспино встречал меня лично.

Епископ Антонио Вальдеспино был значимой фигурой в Испании — не только надежным другом и советником самого короля, но и одним из самых ярых и влиятельных защитников страны в вопросе сохранения консервативных католических ценностей и традиционных политических стандартов.

— Эдмонд Кирш, полагаю? — сказал епископ, когда Кирш сошел с поезда.

— Каюсь, виновен, — сказал Кирш, улыбаясь и протягивая руку для рукопожатия. — Епископ Вальдеспино, я хочу поблагодарить вас за организацию этой встречи.

— Я благодарю вас за этот запрос. — Голос епископа был сильнее, чем ожидал Кирш — ясный и проницательный, как колокол. — Мы не часто встречаемся с мужами науки, особенно с такими как вы. Сюда, пожалуйста.

Пока Вальдеспино вел Кирша через платформу, холодный горный воздух теребил сутану епископа.

— Признаюсь, — сказал Вальдеспино, — я

представлял вас иначе. Я ожидал ученого, но вы же… — Он посмотрел на изящный костюм Китон К50 и туфли Страус Баркер с презрением. — Стиляга, я правильно говорю?

Кирш вежливо улыбнулся. Слово «стиляга» не употреблялось уже несколько десятилетий.

— Читая ваш список заслуг, — сказал епископ, — я все еще не совсем уверен, что они ваши.

— Я специализируюсь на теории игр и компьютерном моделировании.

— Значит, вы создаете компьютерные игры, в которые играют дети?

Кирш ощутил, как епископ изображал невежество, пытаясь казаться старомодным. Точнее, Кирш знал: Вальдеспино пугающе хорошо разбирался в технологиях и часто предупреждал других об их опасности.

— Нет, сэр, на самом деле теория игр — область математики, которая изучает закономерности для прогнозирования будущего.

— Ах, да. Кажется, я читал, что несколько лет назад вы предсказали европейский финансовый кризис? Когда никто не послушал, вы спасли ситуацию, создав компьютерную программу, которая вытащила ЕС из мертвых. Как звучит ваша

знаменитая цитата? «Мне тридцать три — как Христу, когда он воскрес из мертвых».

Кирш съежился.

— Скверная аналогия, ваша светлость. Я был молод.

— Молод? — усмехнулся епископ. — А сколько же вам лет… может быть, сорок?

— Именно.

Старик улыбнулся. Сильный ветер продолжал вздымать его сутану.

— Кроткие, как предполагалось, унаследуют землю, но вместо этого она отошла молодым — технически повернутым, тем, кто смотрит в мониторы, а не в собственные души. Должен признать, никогда не предполагал, что я встречу молодого человека, выступающего истцом. Они называют вас пророком.

— Не таким хорошим, как хотелось бы, ваша милость, — ответил Кирш. — Когда я просил о встрече с вами и вашими коллегами, я допустил лишь двадцатипроцентную вероятность вашего согласия.

— И как я сказал моим коллегам, набожные всегда могут извлечь выгоду из слушания неверующих. Ведь слушая голос дьявола, мы больше ценим голос Бога. — Старик улыбнулся. — Я шучу,

конечно. Прошу простить мое стареющее чувство юмора. Порой, я не контролирую, что говорю.

С этими словами епископ Вальдеспино прошел вперед.

— Нас ждут. Сюда, пожалуйста.

Кирш смотрел на пункт назначения, исполинская крепость из серого камня, взгроможденная на краю отвесной скалы, погруженной на тысячи футов в пышный ковер лесистых предгорий. Не обращая внимания на высоту, Кирш отвел взор от бездны и последовал за епископом по неровной тропинке, концентрируясь на грядущей встрече.

Кирш просил аудиенцию у трех значимых религиозных глав, которые только что проводили здесь конференцию.

Парламент мировых религий.

С 1893 года сотни представителей духовенства из почти тридцати мировых религий собирались в разных местах каждые несколько лет, чтобы провести неделю, занимаясь межконфессиональным общением. Среди участников были многочисленные влиятельные христианские священники, еврейские раввины и исламские муллы со всего мира, а также индуистские пуджари, буддийские бхикху, джайны, сикхи и другие.

Самопровозглашенной целью парламента ста-

ло «гармоничное развитие всех религий мира, построение взаимоотношений между различными духовностями и празднование общности всех верований».

Благородная затея, подумал Кирш, несмотря на ее бесполезность — бессмысленные поиски случайных точек пересечения среди сумбура древних сказаний, басен и мифов.

Когда епископ Вальдеспино вел его по тропе, Кирш смотрел на склон горы с саркастической мыслью. Моисей поднялся на гору, чтобы принять Слово Божье… а я поднимаюсь на гору, чтобы совершить абсолютно противоположное.

Мотивацией Кирша для восхождения на эту гору, уверял он себя, служила одна из этических норм, но он знал, что питает его визит великая доза гордыни, которую он очень хотел ощутить, сидя лицом к лицу с этими клириками и предсказывая их неизбежную кончину.

Своей правдой нас уже не накормишь.

— Я просмотрел ваше резюме, — внезапно сказал епископ, взглянув на Кирша. — Я вижу, что вы выпускник Гарвардского университета?

— Бакалавр. Да.

— Понятно. Недавно я прочел, что впервые в истории Гарварда контингент абитуриентов

состоит больше из атеистов и агностиков, чем из относящих себя к какой-либо религии. Это довольно показательная статистика, мистер Кирш.

Что сказать, Кирш хотел ответить, что студенты становятся все умнее.

Ветер вздымался сильнее, когда они дошли до древнего каменного здания. В тусклом свете на входе воздух был грузным, с густым ароматом горящего ладана. Двое мужчин проскользнули сквозь лабиринт темных коридоров, глаза Кирша пытались приспособиться, пока он следовал за епископом. Наконец, они пришли к необычно маленькой деревянной двери. Епископ постучал, наклонился и вошел, приглашая гостя войти следом.

Кирш нерешительно переступил порог.

Он очутился в прямоугольной палате, высокие стены которой изобиловали древними томами в кожаных переплетах. Дополнительные отдельно стоящие книжные полки выступали из стен словно ребра, чередующиеся с жужжащими и шипящими чугунными радиаторами, придавая комнате жуткое впечатление, что она живая. Кирш поднял глаза к украшенному перилами балкону, окружавшему второй ярус, и несомненно понял, где он находится.

Он понимал и поразился, что его допустили в знаменитую библиотеку монастыря Монсеррат. Эта священная комната, согласно слухам, содержала исключительно редкие тексты, доступные посвятившим свои жизни Богу монахам, уединившимся на этой горе.

— Вы просили о секретности, — сказал епископ. — Это наше самое конфиденциальное место. Мало кто из посторонних входил сюда.

— Благодарю за особую привилегию.

Кирш последовал за епископом к большому деревянному столу, за которым сидели в ожидании двое немолодых мужчин. Человек слева выглядел пожилым, у него были уставшие глаза и спутанная белая борода. На нем был мятый черный костюм, белая рубашка и фетровая шляпа.

— Это раввин Иегуда Ковеш, — сказал епископ. — Он видный иудаистский философ, написал много трудов по каббалистической космологии.

Кирш потянулся через стол и вежливо пожал руку раввину Ковешу.

— Рад с вами познакомиться, сэр, — сказал Кирш. — Читал ваши книги по каббале. Не могу сказать, что все понял, но я их прочел.

Ковеш дружелюбно кивнул, легкими касания-

ми платка вытерев увлажнившиеся глаза.

— А это, — продолжал епископ, приблизившись к другому мужчине, — достопочтенный Аллама Саид аль-Фадл.

Преподобный исламский мыслитель встал и широко улыбнулся. Он был невысоким и коренастым, с добродушным лицом, которое, казалось, контрастировало с его темными, проникновенными глазами. Облачен он был в непритязательную белую рясу.

— Кстати, мистер Кирш, я прочел ваши предсказания о будущем человечества. Не сказал бы, что согласен с ними, но я их прочел.

Кирш любезно улыбнулся и пожал этому человеку руку.

— И наш гость, Эдмонд Кирш, — подвел итог епископ, обращаясь к двум своим коллегам, — как вы знаете, весьма уважаемый специалист по компьютерам, теории игр, изобретатель и своего рода пророк в мире технологий. Учитывая его достижения, я был озадачен просьбой, с которой он обратился к нам троим. Поэтому сейчас я предоставлю мистеру Киршу возможность объяснить, с чем он к нам пожаловал.

С этими словами епископ Вальдеспино уселся между двумя своими коллегами, сложил руки

и выжидательно уставился на Кирша. Все трое были обращены к нему подобно членам трибунала, что создавало атмосферу скорее инквизиции, нежели дружеской беседы ученых. Епископ, как уже понял Кирш, даже не поставил для него стул.

Кирш чувствовал себя более смущенным, чем напуганным, когда изучал этих трех людей перед ним. Это была Святая Троица, как я просил. Трое мудрецов.

Поймав момент, чтобы собраться с силами, Кирш подошел к окну и посмотрел на захватывающую панораму внизу. Солнечное лоскутное одеяло старинных пастбищ, простирающихся через глубокую долину, переходило к массивным вершинам горного хребта Кольсерола. А тем временем на горизонте, где-то над Балеарским морем, собиралась пугающая гряда грозовых облаков.

Очень кстати, подумал Кирш, ощутив смятение, которое скоро он вызовет в этом зале и в окружающем мире.

— Господа, — начал он, резко повернувшись к присутствующим. — Я полагаю, епископ Вальдеспино уже передал вам мою просьбу о конфиденциальности. Прежде чем мы продолжим,

я хочу лишь прояснить: то, чем я сейчас с вами поделюсь, должно быть сохранено в строжайшей тайне. Попросту говоря, я прошу всех вас об обете молчания. Договорились?

Все трое кивнули в молчаливом согласии, которое, по мнению Кирша, было излишним. Они сами захотят скрыть эту информацию, а не распространять ее.

— Сегодня я пришел сюда потому, — начал Кирш, — что сделал научное открытие, которое вас ошеломит. Я стремился к нему многие годы, в надежде дать ответы на два основополагающих вопроса человеческого бытия. Теперь, когда мне это удалось, я пришел именно сюда, потому что полагаю, что эта информация окажет глубокое воздействие на верующих всего мира, что, весьма вероятно, приведет к сдвигам, которые я могу описать, скажем так, только как разрушительные. На данный момент я единственный человек в мире, владеющий информацией, которую я вам вскоре раскрою.

Кирш полез в свой костюм и вытащил огромный смартфон, который он сделал для удовлетворения своих собственных уникальных потребностей. У смартфона был яркий мозаичный чехол, с помощью которого он установил смартфон перед

тремя мужчинами, как телевизор. Через мгновение он будет использовать его, чтобы связать смартфон с ультрабезопастным сервером, введя пароль из сорока семи символов и получить потоковую видеопрезентацию для них.

— То, что вам предстоит увидеть, сказал Кирш, — лишь наброски заявления, с которым я надеюсь обратиться к миру — возможно, через месяц или около того. Но прежде я хочу проконсультироваться с наиболее влиятельными религиозными мыслителями мира, чтобы получить представление о том, как эта новость будет воспринята теми, на кого она подействует прежде всего.

Епископ шумно вздохнул, скорее со скучающим, чем с озабоченным видом.

— Интригующее вступление, мистер Кирш. Вы говорите так, будто то, что собираетесь показать нам, сотрясет устои мировых религий.

Кирш оглядел древнее хранилище священных текстов. Это не сотрясет ваши устои. Это их разрушит.

Кирш взглянул на сидящих перед ним мужей. Они еще не знали о том, что всего через три дня Кирш планировал обнародовать свое открытие на тщательно организованном событии. И когда

он это сделает, люди во всем мире поймут, что у учений всех религий действительно есть одна общая черта.

Они все ошибались.

ГЛАВА 1

Профессор Роберт Лэнгдон пристально посмотрел на сорокафутовую собаку, сидящую на площади. Мех животного представлял собой живой ковер из травы и ароматных цветов.

«Я бы тебя полюбил, — подумал он. — Честно».

Лэнгдон немного задумался об этом существе, а затем продолжил движение по подвесной дорожке, спустившись по обширной террасе лестницы, чьи неровные ступени были предназначены для того, чтобы выбить прибывшего посетителя из его обычного ритма походки. Миссия выполнена, решил Лэнгдон, чуть не споткнувшись из-за нерегулярных шагов.

В конце лестницы Лэнгдон вынужден был остановиться, чтобы посмотреть на массивный объект, неясно вырисовывавшийся впереди.

Теперь я видел все.

Перед ним возвышалась паучиха Черная вдова, ее тонкие железные ноги поддерживали луковичное тело, по крайней мере, на высоте тридцати футов. Внизу живота паучихи висел мешочек с сеткой из проволоки, наполненный

стеклянными шарами.

— Ее зовут Маман, — послышался голос.

Лэнгдон опустил взгляд и увидел стройного мужчину, стоявшего внизу у паучихи. Тот был в черном парчовом шервани, и у него были комичные, с завитушками, усы — почти как у Сальвадора Дали.

— Меня зовут Фернандо, — продолжал он, — и я здесь для того, чтобы проводить вас в музей. Мужчина внимательно разглядывал набор ярлыков с именами на столике перед собой. — Могу я узнать ваше имя?

— Конечно. Роберт Лэнгдон.

У мужчины глаза на лоб полезли.

— Ой, простите! Я не узнал вас, сэр!

Я и сам себя едва узнаю, подумал Лэнгдон, с важным видом приблизившись в своем галстуке-бабочке, во фраке с черными фалдами и белым жилетом. Выгляжу как участник группы «Виффенпуф». Классический фрак у Лэнгдона был тридцатилетней давности и сохранился со времен его членства в принстонском клубе «Плющ», однако благодаря его привычке регулярно заниматься плаванием, он по-прежнему неплохо облегал фигуру. В спешке пакуя вещи, он снял с вешалки в шкафу не тот чехол, и его обычный

смокинг остался на месте.

— В приглашении было сказано «в черно-белом», — сказал Лэнгдон. — Надеюсь, фрак этому соответствует?

— Фрак классический! Вы выглядите эффектно! — человек подскочил и тщательно приколол именной ярлык к лацкану жакета Лэнгдона.

— Встретить вас — большая честь, — продолжал человек с усами. — Вы, конечно же, бывали здесь?

Лэнгдон пристально смотрел между лап паучихи на сверкающее здание.

— Вообще-то, смею сказать, никогда не был.

— Не может быть! — человек нарочито опешил. — Вы не любитель современного искусства?

Лэнгдону всегда нравилось современное искусство — прежде всего исследование того, почему конкретные произведения были восприняты как шедевры: капельные картины Джексона Поллока; «Банки супа Кэмпбелл» Энди Уорхолла; цветные прямоугольники Марка Ротко. Тем не менее, Лэнгдону было гораздо удобнее обсуждать религиозную символику Иеронима Босха или манеру Франсиско де Гойи.

— Я скорее приверженец классицизма, — от-

ветил Лэнгдон. — Да Винчи мне ближе, чем Кунинг.

— Но да Винчи и Кунинг так похожи!

Лэнгдон сдержанно улыбнулся.

— Тогда мне явно придется чуть больше узнать о Кунинге.

— Что ж, вы пришли в подходящее место! — человек сделал взмах рукой в направлении огромного здания. — В этом музее вы найдете одну из лучших в мире коллекций современного искусства! Очень надеюсь, что вам понравится.

— Я тоже надеюсь, — ответил Лэнгдон. — Вот только хотел бы я знать, зачем я здесь.

— Как вы, так и все остальные! — человек от души рассмеялся, мотая головой. — Пригласивший вас весьма скрытен в отношении цели сегодняшнего мероприятия. Даже персонал музея не знает, в чем тут дело. В загадочности — весь интерес, слухи зашкаливают! В здании несколько сотен гостей — множество знакомых лиц — и никто понятия не имеет о повестке дня нынешнего вечера!

Теперь Лэнгдон усмехнулся. Очень немногие люди на земле могли бы позволить себе браваду для отправки приглашений в последнюю минуту, когда бы их прочитали: в субботу вечером. Будьте

там. Доверьтесь мне. И даже меньшее было бы уговорить сотни VIP-персон бросить все и отправиться в северную Испанию, чтобы принять участие в этом мероприятии.

Лэнгдон вышел из-под паучихи и пошел дальше по дорожке, поглядывая на реющий впереди огромный красный флаг.

ВЕЧЕР С
ЭДМОНДОМ КИРШЕМ

«Эдмонд, конечно, никогда не испытывал недостатка в уверенности», — подумал удивленный Лэнгдон.

Лет двадцать назад юный Эдди Кирш был у Лэнгдона одним из первых студентов в Гарвардском университете — лохматый заядлый компьютерщик, интерес которого к кодированию привел его к Лэнгдону на семинар «Коды, шифры и язык символов». Утонченность интеллекта Кирша произвела на Лэнгдона глубокое впечатление, и хотя Кирш в конце концов отверг архаичный мир семиотики ради сияющих перспектив компьютерной техники, у них с Лэнгдоном сложилась связка «студент-преподаватель», которая удерживала их в контакте последние два десятилетия, прошедшие с момента окончания Киршем университета.

Ныне ученик превзошел учителя, подумал Лэнгдон. На несколько световых лет.

Теперь Эдмонд Кирш был известным всему миру одиночкой с миллиардным состоянием — компьютерный специалист, футурист, изобретатель и предприниматель. К своим сорока годам он дал рождение ряду удивительных передовых технологий, каждая из которых стала большим скачком вперед в столь разных областях, как робототехника, изучение мозга, искусственный интеллект и нанотехнологии. А его точные предсказания будущих научных прорывов создали вокруг этого человека ореол таинственности.

Лэнгдон подозревал, что пугающая способность Эдмонда к прогнозированию проистекает из его невероятно обширных знаний об окружавшем его мире. Ибо насколько Лэнгдон помнил, Эдмонд всегда был ненасытным библиофилом — читал все, что под руку попадет. Страсть этого человека к книгам и его способность поглощать их содержание превосходили все, с чем когда-либо сталкивался Лэнгдон.

В течение последних нескольких лет Кирш жил преимущественно в Испании, приписывая свой выбор постоянному любовному роману со старинным шармом страны, архитектурой аван-

гарда, эксцентричными джин барами и отличной погодой.

Раз в году, когда Кирш возвращался в Кембридж выступить в медиа¬лаборатории при Массачусетском технологическом институте, Лэнгдон присоединялся к нему за едой в одном из популярных в Бостоне заведений, о которых Лэнгдон никогда не слышал. Их беседы были вовсе не о технологиях; все, что Кирш когда-либо хотел обсудить, касалось искусства.

— Вы — моя связь с культурой, Роберт, — зачастую шутил Кирш. — Мой собственный бакалавр искусств!

Этот игривый намек на семейное положение Лэнгдона был особенно ироничен тем, что исходил от собрата-холостяка, отвергавшего единобрачие как «вызов в адрес эволюции» и сфотографировавшегося за многие годы с множеством супермоделей.

Зная репутацию Кирша как новатора в области компьютерных технологий, можно было легко представить его себе застегнутым на все пуговицы технарем. Но он, вопреки такому представлению, рядился в образ поп-идола, вращающегося в кругу знаменитостей, одевающегося по последней моде, слушающего загадочную

музыку андерграунда и собравшего обширную коллекцию бесценной импрессионистской и современной живописи. Кирш часто присылал Лэнгдону имейлы, чтобы попросить у него совета по новейшим произведениям искусства, которые он намечал приобрести для коллекции.

А затем тот поступал строго вопреки совету, припоминал Лэнгдон.

Около года назад Кирш удивил Лэнгдона, спросив его не об искусстве, а о Боге — странной теме для самозваного атеиста. За тарелкой ребрышек крюдо* в «Тигровой маме» в Бостоне, Кирш расспрашивал Лэнгдона об основных устоях различных мировых религий, в частности их разных историй об Акте Творения.

* Вяленые ребрышки

Лэнгдон дал ему полный обзор бытующих мнений, из истории Бытия, разделяемой иудаизмом, христианством и исламом, на всем протяжении истории индуизма о Брахме, вавилонской сказке о Мардуке и других.

— Мне любопытно, — сказал Лэнгдон, когда они вышли из ресторана. — Почему футурист так интересуется прошлым? Значит ли это, что наш знаменитый атеист наконец нашел Бога?

Эдмонд рассмеялся.

— Досужие домыслы! Я просто оцениваю своих конкурентов, Роберт.

Лэнгдон улыбнулся. Классика.

— Наука и религия друг другу не конкуренты, это два разных языка, которые пытаются рассказать одну и ту же истину. В этом мире есть место для обоих.

После этой встречи Эдмонд не было видно почти год. И затем, три дня назад Лэнгдон получил конверт FedEx с авиабилетом, бронью в гостинице и запиской от Эдмонда, где приглашал его присутствовать на сегодняшнем мероприятии. Было написано: «Роберт, для меня будет честью, если кто-кто, а ты сможешь присутствовать. Твое понимание во время нашей последней беседы помогло сделать эту ночь возможной».

Лэнгдон недоумевал. Ничто в этой беседе даже отдаленно не относилось к мероприятию, которое будет вести футурист.

В конверте FedEx было еще черно-белое изображение двоих людей, стоящих лицом к лицу. Кирш написал Лэнгдону коротенькое стихотворение.

«Роберт,

В мое лицо гляди ты смело —

И я восполню все пробелы.

Эдмонд.»

Лэнгдон улыбнулся, увидев эту картинку — толковая аллюзия на эпизод, к которому Лэнгдон имел отношение несколькими годами ранее. В промежутке между двумя лицами просматривался силуэт Святого Грааля, иначе — чаши Грааля.

Сейчас Лэнгдон стоял неподалеку от музея и непрочь был узнать, о чем собирается заявить его бывший студент. Легкий ветерок колыхал фалды его фрака, когда он продвигался по цементированной дорожке вдоль набережной реки Нервьон, которая когда-то была водной артерией процветающего промышленного города. В воздухе едва сквозил запах меди.

Когда Лэнгдон повернул по этой дорожке, он наконец позволил себе взглянуть на этот огромный, сияющий музей. Его архитектуру было невозможно оценить, окинув одним взглядом. Вместо этого его пристальный взгляд двигался взад и вперед этих эксцентричных продолговатых форм.

Это здание не просто нарушает правила. Оно их полностью игнорирует. Для Эдмонда — самое подходящее место.

Музей Гуггенхайма в Бильбао, Испания, был похож на инопланетную галлюцинацию — кружащийся коллаж из деформированных металлических форм, которые, казалось, были

подперты друг к другу почти случайным образом. Растянутая в длину, хаотичная масса фигур была покрыта более чем тридцатью тысячами титановых плит, которые сверкали, как рыбные чешуйки, и придавали структуре одновременно органическое и внеземное ощущение, как будто какой-то футуристический левиафан вылез из воды на солнечный берег реки.

Когда в 1997 году со здания впервые сняли леса, газета «Нью-Йоркер» провозгласила архитектора Фрэнка Гери создателем корабля фантастической мечты, волнообразной формы и в плаще из титана», в то время как другие критики по всему миру восторгались: «Величайшее здание нашего времени!», «Сверкание ртути!», «Потрясающее архитектурное достижение!»

С момента открытия этого музея были воздвигнуты десятки деконструктивистских зданий — концертный зал имени Диснея в Лос-Анжелесе, «Мир БМВ» в Мюнхене и даже новая библиотека в альма-матер самого Лэнгдона. Для каждого характерны были нетрадиционная архитектура и способы постройки, и все же Лэнгдон сомневался, что хоть какое-то из них сравнится глубиной производимого потрясения с музеем Гуггенхайма в Бильбао.

По мере приближения Лэнгдона к зданию казалось, что с каждым шагом облицованный фасад видоизменяется, являя новую сущность при всякой смене ракурса. Теперь стала видимой самая значительная иллюзия музея. Невероятно, но в этой перспективе огромное сооружение казалось буквально плывущим по воде, по волнам обширной, будто бесконечной лагуны, плескавшейся о наружные стены музея.

Лэнгдон на мгновение остановился, чтобы подивиться этому эффекту, а затем направился через лагуну по простенькому пешеходному мосту, дугой раскинутому над водным простором. Он едва дошел до середины, как его потревожил громкий, шипящий звук. Он исходил откуда-то из-под ног. Он резко остановился в тот самый момент, когда из-под перехода повалили клубы вихреобразного тумана. Завеса густого тумана выросла вокруг него и затем перекатами понеслась через лагуну, подкатываясь к музею и охватывая основание всей его конструкции.

«Туманная скульптура», — подумал Лэнгдон.

Он читал об этой работе японской художницы Фуджико Накая. «Скульптура» считалась революционной, так как была создана из видимого воздуха — стены тумана, которая материализова-

лась, а затем рассеивалась с течением времени. И так как ветер и атмосферные условия всегда были разными, при новом появлении скульптура выглядела каждый раз по-разному.

Шипение моста прекратилось, и Лэнгдон смотрел теперь, как стена тумана тихо установилась через всю лагуну, свертываясь и расползаясь, будто у тумана были свои намерения. Эффект был неосязаемым и одновременно сбивающим с толку. Теперь казалось, что весь музей парит над водой, невесомо покоясь на облаке — призрачный корабль, заблудившийся в море.

Как только Лэнгдон собрался продолжить свой путь, спокойную поверхность вод сотрясла серия мелких извержений. Неожиданно небо за пределами лагуны простреляли пять огненных столбов, непрерывно громыхая, подобно ракетным двигателям, пронзившим отягощенный туманом воздух, и создавая яркие отсветы на титановых пластинах облицовки музея.

Личные архитектурные вкусы Лэнгдона больше тяготели к классическому стилю музеев типа Лувра или Прадо, и все же, когда он смотрел, как над лагуной парят туман и пламя, ему думалось, что нет места более подходящего, чем этот сверхсовременный музей, для проведения

мероприятия человеком, любившим искусство и новаторство, имевшим столь ясный взгляд на будущее.

Теперь, прогуливаясь по туману, Лэнгдон обнаружил вход в музей — зловещая черная дыра в структуре рептилии. Когда он приблизился к порогу, у Лэнгдона возникло неловкое чувство, что он входит в рот дракона.

ГЛАВА 2

Адмирал военно-морского флота Луис Авила сидел на стуле опустевшего бара в чуждом ему городе. Он устал от поездки и только прилетел в город после работы, из-за которой оказался за многие тысячи миль всего за двенадцать часов. Он потягивал вторую порцию тоника и рассматривал множество разноцветных бутылок позади барной стойки.

Любой мужчина способен блюсти трезвость в пустыне, но в оазисе лишь твердый духом может усидеть не разомкнув губ.

Почти год Авила не размыкал губ на зов дьявола. Глядя на свое отражение в увешанном зеркалами баре, он позволил себе редкий момент согласия с образом, бросавшим ему ответный взгляд.

Авила был одним из тех средиземноморских мужчин-счастливчиков, которым старение было к лицу. Спустя годы его жесткая черная щетина превратилась в выдающуюся бороду с проседью, огненные черные глаза стали излучать спокойную уверенность, а упругая оливковая

кожа высушенная солнцем и испещренная морщинками придавала ему вид человека, который постоянно щурится на море.

Даже в 63 года его тело выглядело худым и подтянутым — впечатляющее телосложение, которое в дальнейшем было только подчеркнуто сшитой на заказ формой. В данный момент Авила был одет в свой белый военный мундир — царственно выглядевший наряд, состоящий из двубортного белого кителя, широких черных погон, множества медалей за службу, накрахмаленной белой рубашки со стоячим воротничком, а также украшенных шелком белых широких брюк.

Может «Непобедимаая армада» впредь и не будет самой могущественной на планете, но мы все еще знаем, как должен выглядеть офицер.

Адмирал уже несколько лет не надевал этот мундир — но предстоял особый вечер, а ранее, когда он прогуливался по улицам этого безвестного городка, рад был благосклонным взглядам женщин, как и тому, что мужчинами ему выделена была широкая койка.

Все уважают тех, кто живет по уставу.

— Повторить тоник? — спросила симпатичная барменша. Ей было за тридцать, фигуристая, с

игривой улыбкой.

Авила отрицательно помотал головой.

— Нет, спасибо.

Этот бар был совсем пуст, и Авила ощущал на себе восхищенный взгляд барменши. Приятно было вновь стать замечаемым. «Я вернулся из бездны».

Ужасающее событие, пятью годами ранее буквально разрушившее жизнь Авилы, беспрерывно металось в закоулках его сознания — всего одно оглушительное мгновение, когда земля разверзлась и поглотила его целиком.

Кафедральный собор в Севилье.

Пасхальное утро.

Андалузское солнце струилось сквозь витраж, разбрызгивая калейдоскопы цвета сияющими всплесками на каменный интерьер собора. Радостно и торжественно прогремели органные трубы, когда тысячи верующих праздновали чудо воскрешения.

Авила встал на колени рядом с перилами Причастия, его сердце наполнилось благодарностью. После долгой службы в море он был благословлен величайшим божьим даром — семьей. Широко улыбаясь, Авила обернулся через плечо на свою молодую жену Марию, которая все еще сидела

на скамье. На позднем сроке беременности она не могла много ходить. Сидящий рядом с ней их трехлетний сын Пепе взволнованно помахал отцу. Авила подмигнул мальчику, и Мария тепло улыбнулась мужу.

— Слава тебе, Господи, — подумал Авила, оборачиваясь к перилам, чтобы приложиться к чаше.

Мгновение спустя старинный собор пронзил оглушительный взрыв.

В мгновение ока его мир был сожжен дотла.

Взрывная волна отбросила Авилу на алтарную ограду, его тело раздавило волной обломков и останков людских тел. Когда он пришел в сознание, то не мог дышать из-за густого дыма, и на какой-то момент не мог понять, где находится и что случилось.

Потом, сквозь звон в ушах, он услышал страдальческие стоны. Авила вскарабкался на ноги, постепенно с ужасом понимая где находится. Он уверял себя, что это все кошмарный сон. Пошатываясь, он прошел сквозь задымленный собор, пробрался мимо стонущих и изувеченных жертв, и спотыкаясь в отчаянии побрел туда, где всего пару минут назад ему улыбались жена и сын.

Там не осталось ничего.

Ни скамеек. Ни людей.

Только кровавые останки на обугленном каменном полу.

К счастью ужасное воспоминание прервал резкий стук дребезжащей двери бара. Авила схватил свой тоник и быстро глотнул, отмахиваясь от темноты, как уже был вынужден делать много раз.

Дверь открылась так широко, что Авила смог увидеть двух плотных мужчин, ввалившихся внутрь. Они фальшиво напевали ирландскую песню, на них были надеты зеленые футбольные майки, с трудом натянутые на их животы. Вероятно, игра закончилась в пользу ирландских гостей.

«Приму это как сигнал,» — подумал Авила, поднимаясь. Он попросил счет, но барменша подмигнула ему и отмахнулась. Авила поблагодарил ее и повернулся с намерением уйти.

— Черт побери! — воскликнул один из вошедших, уставившись на впечатляющий мундир. — Это же король Испании!

Двое мужчин разразились хохотом и двинулись к нему.

Авила попытался обогнуть их и выйти, но тот, что был покрупнее, схватил его за руку и потянул обратно к барному стулу.

— Погодите, Ваше величество! Мы проделали

долгий путь до Испании и намерены выпить кружечку с ее королем!

Авила покосился на грязную руку, обхватившую его свежевыглаженный рукав.

— Отпустите, — сказал он тихо. — Мне нужно идти.

— Нет… вам нужно остаться и выпить пива, дружище. — Мужчина усугубил хватку, а его друг принялся тыкать грязным пальцем в медали на груди Авилы. — Похоже, вы просто герой, папаша. — Человек потянул к себе одну из самых важных наград Авилы. — Средневековая булава? Так вы рыцарь сияющих доспехов?! — Он загоготал.

«Терпимость» — напомнил себе Авила. Ему встречалось множество подобных мужчин — туповатых, несчастливых душ, которые никогда ни за что не боролись, мужчин, которые слепо злоупотребляли своей свободой и правами, за которые так рьяно сражались их предки.

— Вообще-то, — спокойно ответил Авила, — булава — это символ испанского морского отдела спецопераций.

— Спецопераций? — переспросил мужчина с поддельным содроганием. — Впечатляет. А что насчет этого символа? — он указал на правую

руку Авилы.

Авила посмотрел на свою ладонь. В середине мягкой плоти была черная татуировка — символ, датировавшийся 14-тым столетием.

«Эта метка служит мне защитой,» — подумал Авила, глядя на эмблему. Хотя мне она не понадобится.

— Не важно, — сказал хулиган, наконец отпуская руку Авилы и обращая свое внимание на барменшу. — А ты симпатичная, — сказал он. — Ты испанка на 100 %?

— Да, — сказала она снисходительно.

— В тебе нет ничего ирландского?

— Нет.

— А хотела бы? — он забился в истерике.

— Оставь ее в покое, — скомандовал Авила.

Мужчина повернулся, сверкая глазами.

Второй головорез сильно толкнул Авилу в грудь.

— Пытаешься указывать нам, что делать?

Авила глубоко вздохнул, чувствуя себя усталым после долгого путешествия, он махнул рукой в сторону бара.

— Джентльмены, прошу, садитесь. Я куплю вам пиво.

«Я рада, что он остается», — подумала бармен-

ша. Хотя она была в состоянии позаботиться о себе сама, но то, как спокойно он разговаривал с этими двумя животными, заставило ее почувствовать себя слабовольной, она надеялась, что он останется до закрытия.

Офицер заказал два пива, и еще один тоник для себя, возвращаясь на свое место у бара. Двое футбольных хулиганов сели по разные стороны от него.

— Тоник? — усмехнулся один. — Я думал, мы пьем вместе.

Офицер одарил барменшу усталой улыбкой и выпил тоник.

— Боюсь, у меня назначена встреча, — сказал офицер, поднимаясь на ноги. — Наслаждайтесь выпивкой.

Когда он встал, те двое, будто сговорившись, крепко ухватили его ручищами за плечи и водворили обратно на стул. В глазах офицера сверкнула и затем померкла вспышка гнева.

— Дедуля, не думаю, что ты хочешь оставить свою девушку наедине с нами, — головорез посмотрел на нее и сделал отвратительное движение языком.

На одно долгое мгновение офицер тихо сел, а потом засунул руку в карман.

Оба мужчины схватили его.

— Эй, что ты творишь?

Очень медленно офицер достал из кармана телефон и что-то сказал по- испански мужчине. Они смотрели на него непонимающе, и он перешел обратно на английский.

— Простите. Мне нужно позвонить своей жене и сказать, что я задержусь. Кажется, мне придется пробыть здесь немного дольше.

— Вот это разговор, приятель, — сказал тот что покрупнее, осушил свой пивной стакан и громко поставил его на стол. — Еще один!

Когда барменша наполняла их стаканы еще раз, она увидела в зеркале, что офицер нажал несколько кнопок на своем телефоне и прижал его к уху. На том конце ему ответили, и он начал говорить на беглом испанском.

— Le llamo desde el bar Molly Malone*, — говорил офицер, читая название и адрес бара на лежащем перед ним подносе. — Calle Particular de Estraunza, ocho**. Он мгновение подождал и затем продолжил. — Necesitamos ayuda inmediatamente. Hay dos hombres heridos***. — Тут он повесил трубку.

* Я звоню из бара "Молли Мэлоун" (исп.)

** Улица Эстраунсы, восемь. (исп.)

*** Нам срочно нужна помощь. Есть двое ра-

неных. (исп.)

^Dos hombres heridos?* У барменши подскочил пульс. Двое раненых?

* Двое раненых? (исп.)

Не успела она осознать им сказанное, как произошло непонятное — офицер развернулся вправо, направив сокрушительный удар локтем снизу в нос бандита покрупнее, с отвратительным хрустом. Лицо этого человека залило кровью, и он упал навзничь. Не успел второй отреагировать, как офицер вновь развернулся, на сей раз — влево, врезав локтем ему по горлу так, что тот рухнул спиной со стула.

Потрясенная барменша уставилась на лежавших на полу двух мужчин, один из которых визжал в агонии, а другой задыхался и теребил горло.

Офицер медленно встал. С жутким спокойствием он убрал свой кошелек и положил банкноту в сто евро на стойку.

— Мои извинения, — сказал он ей на испанском. — Полиция скоро приедет вам на помощь. — После этого он повернулся и ушел.

Выйдя из бара, адмирал Авила вдохнул ночного воздуха и пошел по аллее Масарредо в направлении реки. Звук полицейских сирен становился

все ближе, и он скользнул в тень, чтобы пропустить представителей власти. Предстояла серьезная работа, и в тот вечер Авила не мог себе позволить дальнейших затруднений.

Регент дал четкие указания по поводу сегодняшней миссии.

Для Авилы исполнение приказов Регента не вызывало беспокойства. Никакого принятия решений. Никакого чувства вины. Простое действие. После карьеры, которая только и подразумевала отдачу приказов, было облегчением отказаться от штурвала и дать другим управлять кораблем.

В этой войне я пехотинец.

Несколько дней назад, когда Регент поделился с ним волнующим секретом, Авила не видел другого выхода кроме как посвятить всего себя этому делу. Жестокость задания прошлой ночи преследовали его, но все же он знал, его действия будут прощены.

Праведность существует во многих формах.

И еще наступит смерть до того как день закончится.

Когда Авила вышел на открытую площадь у набережной реки, он поднял взгляд на огромное сооружение. То было волнообразное нагромож-

дение извращенных форм, покрытое металлическими пластинами — будто два тысячелетия развития архитектуры вышвырнули в окно ради всеобщего хаоса.

Некоторые называют это музеем. Я называю это чудовищем.

Сосредоточившись на своих мыслях, Авила пересек площадь, проделывая извилистый путь между рядами экзотичных скульптур перед музеем Гуггенхайма в Бильбао. Когда он приблизился к его зданию, увидел десятки посетителей, расхаживавших в изысканных черно-белых одеждах.

Безбожники собрались.

Но вечер пойдет не так как все думают.

Он поправил фуражку адмирала и разгладил китель, мысленно настроил себя на задание, которое было впереди. Сегодняшний день был частью гораздо большей миссии — крестовый поход праведности.

Когда Авила пересекал площадь перед входом в музей, он осторожно коснулся четок в своем кармане.

ГЛАВА 3

Атриум музея смотрелся как футуристический собор.

Зайдя внутрь, взгляд Лэнгдона тут же устремился к небесам, восходя по группе колоссальных белых колонн вдоль возвышающегося стеклянного занавеса и поднимающихся на двести футов к сводчатому потолку, усеянному точечными галогенными светильниками, излучающими яркий, чисто-белый свет. В воздухе, пересекая небеса, была развешена сеть узких мостиков и балконов, пестревшая одетыми в черное и белое посетителями, которые заходили в верхние галереи и останавливались у высоких окон полюбоваться раскинувшейся внизу лагуной. Неподалеку вниз по стене бесшумно скользил стеклянный лифт, возвращаясь на землю и забирая новых посетителей.

Лэнгдон никогда не видел подобного музея. Даже акустика казалась чужеродной. Вместо традиционного благоговейного шепота, создаваемого звукозаглушающей отделкой, это место было живым. Здесь везде доносилось эхо шепота,

создаваемого голосами, просачивающимися через камень и стекло. Для Лэнгдона единственным знакомым чувством было ощущение стерильного привкуса на основании языка; воздух музея везде одинаков — дотошно отфильтрован от взвешенных частиц и окислителей, а затем увлажнен ионизированной водой 45 %-ой влажности.

Лэнгдон прошел через ряд удивительно строгих контрольных пунктов, отметив, что вооруженных охранников многовато, и наконец оказался у очередного стола регистрации. Молодая женщина раздавала наушники.

— ^Audiogrna?*

*Аудиогид? (исп.)

Лэнгдон улыбнулся.

— Нет, спасибо.

Как только он подошел к столу, женщина остановила его, заговорив на идеальном английском.

— Простите, сэр, но хозяин вечера, Эдмонд Кирш, попросил всех надеть наушники. Это часть сегодняшнего представления.

— Хорошо, я возьму одну пару.

Лэнгдон потянулся за наушниками, но она остановила его, проверяя имя в длинном списке гостей. Когда она нашла его, то выдала наушники с номером, указанным в списке напротив его

фамилии.

— Сегодняшние туры заказаны для каждого посетителя отдельно.

Серьезно? Лэнгдон посмотрел вокруг. Там были сотни гостей.

Лэнгдон разглядывал наушники, которые представляли собой

блестящую металлическую петлю с крохотными подушечками на концах. Видимо, заметив его озадаченный взгляд, та самая молодая женщина подошла к нему, чтобы помочь.

— Они нового типа, — поведала она, помогая надеть устройство. — Подушечки с датчиками не закладываются в уши, а крепятся на лице. Она разместила петлю сзади у него на голове и расположила подушечки так, чтобы они мягко прижимались к лицу, чуть выше челюстной кости и пониже виска.

— Но как…

— Технология передачи звука через кость. Преобразователи направляют звук прямо в кости вашей челюсти, позволяя звуку попасть прямо в ушную раковину. Я их уже примеряла, это действительно здорово — голос слышится будто он у вас в голове. Ну и вдобавок уши у вас свободны для обычных разговоров.

Очень умно.

Технологию изобретел мистер Кирш больше десятилетия назад. Теперь она доступна многим производителям потребительских наушников.

«Надеюсь, что Людвиг ван Бетховен получит свой откат,» — подумал Лэнгдон, вполне уверенный, что оригинальным изобретателем технологии передачи костями звука являлся композитор восемнадцатого века, который, став глухим, обнаружил, что мог прикрепить металлический стержень к своему фортепьяно и укусив его, пока играл, прекрасно слышал вибрации в своей челюстной кости.

— Мы надеемся, вам понравится экскурсия, — сказала женщина. — У вас есть примерно час, чтобы исследовать музей перед презентацией. Ваш аудиогид предупредит вас, когда настанет время подниматься наверх в зрительный зал.

— Спасибо. Нужно ли мне что-нибудь нажать, чтобы…

— Нет. Устройство активируется самостоятельно. Ваша экскурсия начнется, как только вы начнете двигаться.

— Ну да, конечно же, — с улыбкой ответил Лэнгдон. Он направился к выходу через атриум, продвигаясь к кучке посетителей, которые ждали

лифт и у которых тоже были похожие наушники, прижатые к костям челюсти.

Когда он проходил середину атриума, у него в голове послышался мужской голос.

— Добрый вечер, приветствую вас в музее Гуггенхайма в Бильбао.

Лэнгдон понимал: это голос в его наушниках, но все же замер и

оглянулся. Эффект был поразительным — в точности как его описала та молодая женщина — будто кто-то находится в твоей голове.

— От всей души приветствую вас, профессор Лэнгдон. — Голос был дружеским и приятным, с бойким британским акцентом. — Меня зовут Уинстон, мне предоставлена честь быть в этот вечер вашим гидом.

Кому они поручили это записать — Хью Гранту?

— В этот вечер, — продолжал бодрый голос, — вы можете свободно перемещаться как вам вздумается, куда захотите, а я постараюсь просветить вас на предмет того, что вы разглядываете.

По-видимому, в дополнение к энергичному рассказчику, индивидуальным записям и технологии передачи звука с использованием костной проводимости, каждая гарнитура была оснащена

системой навигации для точного определения местоположения посетителя в музее и, следовательно, для генерирования комментариев.

— Я прекрасно понимаю, сэр, — добавил этот голос, — что как профессор в области искусств, вы один из самых наших просвещенных гостей, и вероятно, вам не особенно понадобится моя помощь. Хуже того, возможно вы будете вовсе не согласны с моим анализом некоторых произведений! — Голос неловко поперхнулся.

В самом деле? Кто написал этот текст? Веселый тон и персональный подход надо было признать приятной мелочью, но Лэнгдон не мог себе представить, какое же количество усилий потребовалось для индивидуальной настройки работы сотен пар наушников.

К счастью, голос поутих, как будто исчерпав свой запрограммированный приветственный монолог.

Лэнгдон кинул взгляд через атриум на очередное красное знамя, подвешенное над толпой.

ЭДМОНД КИРШ

СЕГОДНЯ МЫ ДВИЖЕМСЯ ВПЕРЕД

Что Эдмонд собирается объявить миру?

Лэнгдон посмотрел в сторону лифтов, где в скоплении беседующих гостей находились двое

знаменитых основателей интернет-компаний, видный индийский актер и еще разные хорошо одетые важные персоны, которых Лэнгдон, как ему казалось, знал — но он ошибался. Ощутив одновременно отсутствие желания и свою неподготовленность к беседам на темы соцсетей и индийского кино, Лэнгдон двинулся в противоположном направлении, в сторону внушительного произведения современного искусства, стоявшего у дальней стены.

Эта инсталяция гнездилась в затемненном гроте и состояла из девяти конвейерных лент, тянувшихся из щелей в полу и уходивших вверх, исчезая в щелях потолка. Произведение выглядело как девять движущихся дорожек, проложенных по вертикальной плоскости. Каждый из конвейеров нес на себе подсвеченное послание, прокручиваемое в направлении небес.

Я молюсь вслух… Я чувствую твой запах на своей коже… Я произношу твое имя.

Однако, когда Лэнгдон подошел ближе, он обнаружил, что движущиеся ленты на самом деле неподвижны; иллюзия движения создавалась «покрытием» из крохотных светодиодных огоньков, расположенном на каждом из вертикальных лучей. Огоньки включались в быстрой последо-

вательности и образовывали слова, возникавшие из пола, двигавшиеся вверх по лучу и исчезавшие в потолке.

Я кричу… Там была кровь… Никто мне не сказал.

Лэнгдон передвигался между этими вертикальными лучами и вокруг них, вбирая в себя все смыслы.

— Это вызывающее произведение, — объявил аудиогид, внезапно вернувшись. — Оно называется «Инсталляция для Бильбао» и создано концептуальной художницей Дженни Холзер. Оно состоит из девяти светодиодных табло, каждое высотой в сорок футов, которые высвечивают цитаты на баскском, испанском и английском — все они связаны с ужасами СПИДа и болью за уже ушедших.

Лэнгдон не мог не признать, что эффект был гипнотическим и несколько удручающим.

— Возможно, вы уже видели работы Дженни Холзер?

Лэнгдон чувствовал себя загипнотизированным текстом, двигающимся ввысь.

Я зарываю свою голову… Я зарываю твою голову… Я хороню тебя.

— Мистер Лэнгдон? — вещал голос у него в

голове. — Вы меня слышите? Наушники у вас работают?

Лэнгдона мигом отвлекло от мыслей. — Что, простите? Алло?

— Алло, да, — ответил голос. — Я полагаю, мы уже поприветствовали друг друга? Просто хочу проверить, слышим ли мы друг друга.

— Я… я приношу извинения, — пробормотал Лэнгдон, отвернувшись от экспоната и направив взгляд через атриум. — Я думал, это вы в записи! Не осознал, что на линии реальный человек.

Лэнгдон представил себе поделенное на отсеки пространство, наводненное армией кураторов, оснащенных наушниками и музейными каталогами.

— Ничего страшного, сэр. Я буду вашим персональным гидом на этот вечер. В ваших наушниках есть и микрофон. Программой предусмотрен интерактивный опыт, так что мы с вами сможем побеседовать об искусстве.

Теперь Лэнгдон увидел, что и другие гости разговаривают через свои наушники. Даже пришедшие парами, казалось, были слегка разлучены и обменивались отрешенными взглядами, продолжая частные переговоры с персональными гидами.

— У каждого гостя свой личный гид?

— Да, сэр. Сегодня мы индивидуально ведем триста восемнадцать гостей.

— Невероятно!

— Ну, как вы знаете, Эдмонд Кирш активно интересуется искусством и новыми технологиями. Эту систему он разработал специально для музеев, в надежде заменить ей групповые экскурсии, которые он презирает. Таким способом каждый посетитель получает персональную экскурсию, передвигается в удобном ему темпе, может задавать вопросы, которые он постеснялся бы задать в группе. Это и впрямь более доверительное и глубокое общение.

— Не хочу показаться старомодным, но почему не провести каждого посетителя лично?

— Сложно организовать, — отвечал человек. — Привести на музейное мероприятие персональных гидов означало бы удвоение количества людей на имеющйся площади и неизбежно уменьшило бы вдвое возможное число посетителей. Более того, какафония одновременно вещающих гидов отвлекала бы людей. Идея была в том, чтобы дискуссия шла непрерывно. Одна из целей искусства, как неизменно говорит мистер Кирш — налаживать диалог.

— Полностью согласен, — отозвался Лэнгдон, — потому-то люди зачастую и приходят в музей с девушкой или с другом. Эти наушники можно воспринять как нечто антисоциальное.

— Что ж, — ответил англичанин, — если прийти с девушкой или с другом, то все наушники можно закрепить за одним помощником и получить удовольствие от совместной беседы. Управляющая программа весьма совершенна.

— Похоже, у вас на все есть ответ.

— В общем-то, это моя работа. — Гид смущенно рассмеялся и резко сменил тему. — Знаете, профессор, если вы пройдете через атриум к окнам, то увидите самую большую в музее картину.

Двигаясь через атриум, Лэнгдон прошел мимо очаровательной пары лет тридцати в одинаковых бейсболках. Вместо фирменного логотипа переднюю часть кепок украшал удивительный символ.

Это был символ, который хорошо знал Лэнгдон, и все же он никогда не видел его на кепке. В последние годы эта сильно стилизованная буква А стала универсальным символом для одной из самых быстрорастущих и все более востребованных демографических групп на планете — атеистов, которые с каждым днем начали выступать все

решительнее против того, что они считали опасностями религиозных убеждений.

У атеистов есть собственные бейсбольные кепки?

Разглядывая всех этих технически подкованных гениев, находящихся вокруг него, Лэнгдон напомнил себе, что многие из этих молодых аналитических умов, вероятно, очень антирелигиозны, как и Эдмонд. Сегодняшняя аудитория была не совсем «домашней толпой» для профессора религиозной символогии.

ГЛАВА 4

ConspiracyNet.com

СРОЧНЫЕ НОВОСТИ

Обновление: кликнув по этой ссылке, можно посмотреть «10 лучших сюжетов дня» от ConspiracyNet. И еще у нас прямо сейчас разворачивается совершенно новый сюжет!

ИНТРИГУЮЩЕЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ЭДМОНДА КИРША?

Сегодня вечером технологические титаны наводнили Бильбао (Испания), чтобы посетить VIP-мероприятие, организованное футуристом Эдмондом Киршем в музее Гуггенхайма. Меры безопасности чрезвычайно серьезные, и гостям не сообщили цель мероприятия, но ConspiracyNet получил подсказку от инсайдера. Предполагается выступление Эдмонда Кирша, который планирует удивить своих гостей важным научным заявлением. ConspiracyNet продолжает следить за этой историей и будет публиковать новости по мере их поступления.

ГЛАВА 5

Крупнейшая синагога в Европе расположена в Будапеште на улице Доханы. В построенном в мавританском стиле храме с массивными двойными шпилями есть места для более чем трех тысяч верующих — со скамейками внизу для мужчин и балконами для женщин.

Снаружи в саду, в общем могильнике, захоронены тела сотен венгерских евреев, погибших во время ужасов нацистской оккупации. На кладбище есть примечательное Древо жизни — металлическая скульптура, изображающая плачущую иву, на листьях которой начертаны имена жертв. Когда дует ветер, металлические листья соприкасаются друг с другом и звенят с жутким эхом над священной землей.

Уже более трех десятков лет главным духовником Большой синагоги является видный толкователь Талмуда и каббалист, раввин Иегуда Ковеш, который, несмотря на свой преклонный возраст и пошатнувшееся здоровье, остается активным членом иудаистского сообщества как в Венгрии, так и во всем мире.

Когда солнце по другую сторону Дуная зашло, раввин Ковеш вышел из синагоги. Он проделал путь мимо бутиков и таинственных «руинных баров» улицы Догани, направляясь к своему дому номер 15 на площади Марциуса, что в двух шагах от моста Эржебет, соединяющего старинные города Буда и Пешт, которые официально объединились в 1873 году.

Близились празднества Песаха — для Ковеша обычно это было лучшее время в году — и все же с момента своего возвращения на прошлой неделе из Парламента мировых религий он ощущал непостижимое беспокойство.

Лучше бы я туда не ездил.

Та необычная встреча с епископом Вальдеспино, Алламой Саидом аль- Фадлом и футуристом Эдмондом Киршем на целых три дня погрузила Ковеша в размышления.

Теперь, когда Ковеш приехал домой, он направился прямо во внутренний садик дома и отпер свой haziko* — домик, служивший ему местом уединения и занятий.

* Коттедж (венг.)

В домике была одна комната с высокими книжными стеллажами, прогибавшимися под тяжестью религиозных книг. Ковеш прошел к

письменному столу и сел, нахмурясь при виде беспорядка перед собой.

Если бы кто-нибудь увидел мой стол на этой неделе, подумали бы, что я потерял рассудок.

По всей рабочей поверхности стола были разбросаны с полдюжины невразумительных религиозных текстов с прикрепленными заметками на бумаге с липким слоем. Сзади стояли раскрытыми на деревянных подставках три тяжелых тома — Тора на древнееврейском, арамейском и английском языках — в каждом томе была открыта одна и та же книга.

Сотворение мира.

В начале было…

Разумеется, Ковеш мог бы продекламировать Сотворение мира наизусть, на всех трех языках; читать он стал бы, скорее, научный комментарий к Зохару или современную теорию каббалистической космологии. Для ученого уровня Ковеша изучать сотворение мира — это было бы как Эйнштейну вернуться к школьной арифметике. Тем не менее, именно этим раввин занимался всю неделю, а блокнот у него на столе был истерзан неистовыми потоками записей от руки, таких неряшливых, что Ковеш и сам едва был в состоянии их разобрать.

Похоже, я превратился в сумасшедшего.

Ковеш начал с Торы — с Сотворения мира, история которого одинаково трактуется иудеями и христианами. В начале Бог создал небо и землю. Затем он обратился к наставлениям Талмуда, перечитывая богословские толкования Маасе Берешита — Акта творения. После этого погрузился в Мидраш, размышляя над комментариями почитаемых толкователей, которые пытались объяснить общепризнанные противоречия в традиционной истории о Сотворении. И под конец Ковеш углубился в мистическое каббалистское учение Зохар, в котором непознаваемый Бог проявляется в десяти разных воплощениях, иначе, измерениях, расположенных вдоль каналов, именуемых Древом жизни, из которого расцвели четыре отдельных вселенных.

Скрытая сложность вероучений, образующих иудаизм, Ковешу всегда импонировала — напоминание Бога о том, что человечеству не дано понимание сути вещей. И даже теперь, после просмотра презентации Кирша и осмысления простоты и ясности его открытия, у Ковеша было ощущение, будто последние три дня он провел копаясь в собрании устаревших противоречий. В какой-то момент ему ничего не оставалось, как

отложить старинные тексты и пуститься в долгую прогулку по берегу Дуная, чтобы собраться с мыслями.

В конечном итоге Ковеш почти смирился с горькой правдой: работа Кирша может оказать опустошающее влияние на души истинно верующих во всем мире. Это откровение ученого дерзко противоречило всем устоявшимся религиозным доктринам, причем в мучительно простой и убедительной форме.

«Не могу забыть то последнее изображение,» — подумал Ковеш, вспоминая удручающий итог презентации Кирша, которую они смотрели на его огромном телефоне. Эта новость повлияет на любого человека, не только на религиозного.

Сейчас, несмотря на несколько дней размышлений, раввин Ковеш, по его ощущениям, все еще не приблизился к пониманию того, что делать с предоставленной Киршем информацией.

Он сомневался и в том, что Вальдеспино с аль-Фадлом пришли к какой- либо ясности. Два дня назад эти трое общались по телефону, но разговор не был продуктивным.

— Друзья мои, — начал Вальдеспино. — Очевидно, презентация мистера Кирша была возмутительна… во многих аспектах. Я убеждал его

позвонить и обсудить ее со мной подпробнее, но он замолчал. Теперь, я полагаю, нам нужно принять решение.

— Я свое решение принял, — сказал аль-Фадл. — Мы не можем сидеть сложа руки. Нужно взять ситуацию под контроль. У Кирша в привлекательную для публики форму облечено презрение к религии, и он обставит свое открытие так, чтобы нанести максимальный ущерб будущему всякой веры. Мы должны действовать активно. Нужно самим объявить об этом открытии. Незамедлительно. Нужно выставить его в должном свете, чтобы смягчить удар, и сделать его, насколько возможно, безопасным для верующих и духовенства.

— Как я понимаю, мы обсуждали вопрос публичности, — сказал Вальдеспино, — но к сожалению, я не могу себе представить, как можно донести эту информацию безопасным способом. — Он тяжело вздохнул. — Еще есть проблема нашего обязательства перед мистером Киршем в сохранении его секрета.

— Верно, — ответил аль-Фадл, — и мне тоже не хочется нарушать то обещание, но мне кажется, мы должны выбрать меньшее из зол и действовать во имя более важного блага. мы подверглись

нападкам — мусульмане, иудаисты, христиане, индуисты, приверженца всех подобных религий — и принимая во внимание, что наши верования сходятся в фундаментальных истинах, которые ставит под сомнение мистер Кирш, мы просто обязаны представить этот материал способом, который не нанесет вреда нашим сообществам.

— Боюсь, что от этого не будет никакого толку, — сказал Вальдеспино.

— Если тешить себя иллюзией, что можно предать гласности новость от Кирша, то единственный жизнеспособный подход — вызвать сомнение в его открытии — чтобы дискредитировать его до того, как он обнародует свое послание.

— Эдмонда Кирша? — возразил аль-Фадл. — Блистательного ученого, который никогда и ни в чем не ошибался? Разве не были мы все вместе на встрече с Киршем? Его презентация была убедительна.

— Не убедительнее презентаций Галилея, Бруно или Коперника в свое время, — пробормотал Вальдеспино. — Религии уже попадали в столь затруднительное положение. Просто наука опять постучалась к нам в дверь.

— Только на более глубоком уровне, чем от-

крытия физики и астрономии! — воскликнул аль-Фадл. — Кирш бросает вызов основам всего

— всем фундаментальным истинам, в которые мы верим! Как угодно можно трактовать историю, но не забывайте, что несмотря на всяческие попытки вашего Ватикана заставить молчать людей, подобных Галилею, его наука в конечном счете взяла верх. Это сделает и Кирш. И нет способа это предотвратить.

Наступила глубокая тишина.

— Моя позиция по вопросу проста, — сказал Вальдеспино. — Я сожалею, что Эдмонд Кирш сделал такое открытие. Боюсь, что мы не готовы совладать с его находками. И я бы с уверенностью предпочел, чтобы эта информация не вышла на свет Божий. — Он выдержал паузу. — В то же время, я верю, что мировые события происходят по провидению Божию. Может быть, в результате молитвы Бог обратится к мистеру Киршу и убедит его изменить решение о предании гласности этого открытия.

Аль-Фадл усмехнулся.

— Не думаю, что мистер Кирш — человек, способный услышать глас Божий.

— Пожалуй, — ответил Вальдеспино. — Но чудеса случаются каждый день.

Аль-Фадл горячо парировал:

— При всем уважении, если вы не молитесь о том, чтобы Бог покарал Кирша прежде, чем тот объявит…

— Господа! — вмешался Ковеш в попытке смягчить растущую напряженность. — Наше решение не требует спешки. Прямо сегодня нам не нужен консенсус. Мистер Кирш сказал, что до его заявления еще месяц. Могу я предложить, чтобы мы обдумали порознь этот вопрос и снова поговорили через несколько дней? Возможно, должное направление проявится само, через размышления.

— Мудрый совет, — ответил Вальдеспино.

— Нам не стоит это откладывать, — предупредил аль-Фадл. — Давайте снова поговорим по телефону ровно через два дня.

— Договорились, — сказал Вальдеспино. — Можем тогда же вынести наше окончательное решение.

Это было два дня назад, а теперь наступило время их следующего намеченного разговора.

Уединившийся в кабинете своего каттеджа раввин Ковеш все больше беспокоился. Намеченный на сегодня телефонный звонок задерживался уже почти на десять минут.

Наконец, зазвонил телефон, и Ковеш схватил трубку.

— Здравствуйте, раввин, — сказал епископ с видимым беспокойством. — Извините, что задержался. — Тут он сделал паузу. — Боюсь, что Аллама аль-Фадл не присоединится к нашему телефонному разговору.

— Вот как? — с удивлением воскликнул Ковеш. — Все ли в порядке?

— Не знаю. Я весь день пытаюсь с ним связаться, но Аллама будто… исчез. Никто из его коллег не знает, где он.

Ковеш похолодел.

— Это настораживает.

— Согласен. Надеюсь, с ним все в порядке. К сожалению, у меня есть еще одна новость. Епископ сделал паузу, тон его голоса сделался еще более мрачным. — Я только что узнал, что Эдмонд Кирш проводит мероприятие с целью поделиться своим открытием с миром… уже сегодня вечером.

— Сегодня?! — недоуменно вопросил Ковеш. — Он же говорил, через месяц!

— Да, — сказал Вальдеспино. — Он солгал.

ГЛАВА 6

В НАУШНИКАХ ЛЭНГДОНА эхом отдавался приятный голос Уинстона.

— Прямо перед глазами, профессор, вы увидите крупнейшее полотно нашей коллекции, хотя многие гости не сразу его заметят.

Лэнгдон пристально взглянул через атриум музея, но не увидел ничего кроме стеклянной стены которая открывала вид сверху на лагуну.

— Простите, видимо, я отношусь к здешнему большинству. Я не вижу картины.

— Ну так она выставлена весьма нетрадиционным способом, — смеясь, ответил Уинстон. — Холст расположен не на стене, а на полу.

Можно было и догадаться, подумал Лэнгдон, опуская взгляд и приблизившись настолько, чтобы увидеть прямоугольных очертаний холст, небрежно распростертый по каменному полу у его ног.

Огромное полотно содержало всего один цвет — монохромное темно¬голубое поле — и зрители стояли по его периметру, уставившись на него сверху вниз, будто всматриваясь в небольшой

пруд.

— Площадь этой картины — примерно шесть тысяч квадратных футов, — пояснил Уинстон.

Лэнгдон прикинул, что это в десять раз больше площади его квартиры в Кембридже.

— Картина работы Ива Кляйна, известная под неформальным названием «Бассейн».

Лэнгдон не мог не признать, что насыщенный оттенок этого голубого цвета давал ему ощущение, будто он готов нырнуть прямо в холст.

— Этот цвет изобрел Кляйн, — продолжал Уинстон. — Он называется международным синим цветом Кляйна, и он утверждал, что глубина этого цвета обусловила нематериальность и безграничность его личного утопического мировосприятия.

Лэнгдон почувствовал, что теперь Уинстон читал по сценарию.

— Кляйн известен прежде всего своими картинами в синих тонах, но известен еще и своей вызывающей трюковой фотографией, названной «Прыжок в пустоту», которая привела к панике при публикации в 1960 году.

Лэнгдон уже видел «Прыжок в пустоту» в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Фотография не просто приводила в легкое за-

мешательство — на ней был отображен хорошо одетый мужчина, совершающий свой последний прыжок с высотного здания, ныряя прямо на мостовую. На самом деле изображение было фототрюком — блестяще продуманным и дьявольски ретушированным при помощи бритвенного лезвия, задолго до появления «Фотошопа».

— Вдобавок, — сказал Уинстон, — Кляйн сочинил еще и музыкальную пьесу «Монотонная тишина», в которой симфоническим оркестром целых двадцать минут исполняется единственный ре-мажорный аккорд.

— И люди это слушают?

— Тысячами собираются. Первая часть состоит всего из одного аккорда. Во второй части оркестр сидит неподвижно и исполняет «полную тишину» в течение двадцати минут.

— Вы, наверное, шутите?

— Нет, я вполне серьезно. В защиту произведения можно сказать, что оно было, пожалуй, не настолько скучным, как это можно себе представить; на сцене были еще и три обнаженные женщины, густо намазанные голубой краской и катающиеся поблизости по гигантским холстам.

Хотя Лэнгдон посвятил лучшие годы своей карьеры изучению живописи, его беспокоило, что

он толком не научился оценивать произведения, предлагавшиеся мировым авангардом. Привлекательность современного искусства оставалась для него загадкой.

— Не хотелось бы проявить неуважение, Уинстон, но должен вам сказать, что мне зачастую трудно определить, где современная живопись, а где просто экзотика.

Ответил Уинстон невозмутимо.

— Что ж, такой вопрос часто возникает, не так ли? В вашем мире классического искусства произведения почитают за искусство их выполнения художником — а именно, насколько искусно он прикладывает кисть к холсту или долото к камню. В современном же искусстве шедевр зачастую заключен в идее, а не в исполнении. Например, кто угодно смог бы сочинить сорокаминутную симфонию состоящую всего из одного аккорда и тишины, но идея эта возникла именно у Ива Кляйна.

— Неплохое объяснение.

— Разумеется, скульптура FOG* — типичный пример концептуального искусства. У художницы возникла идея — пропустить под мостом перфорированные трубы и напустить на лагуну туман — однако создано произведение было

местными водопроводчиками. — Тут Уинстон сделал паузу. — Хотя я лично ставлю высшие баллы художнице — за использование носителя в качестве кода.

* Туман (англ.)

— Fog — это аббревиатура?

— Да. Зашифрованное посвящение архитектору здания музея.

— Фрэнку Гери?

— Фрэнку О. Гери*, — поправил его Уинстон.

* Frank O. Gehry

— Умно.

Когда Лэнгдон направился к окнам, Уинстон произнес:

— Отсюда у вас хороший вид на паучиху. Вы уже видели «Маман» по дороге сюда?

Лэнгдон посмотрел в окно через лагуну на огромную скульптуру паучихи на площади. — Да, такую пропустить трудно.

— Из вашего тона я заключаю, что вы — не ее поклонник.

— Пытаюсь стать таковым, — Лэнгдон призадумался. — Как любитель классики, я здесь немного не в своей тарелке.

— Интересно, — сказал Уинстон. — А я предполагал, что вы больше, чем кто-либо, оцените

«Маман». Она ведь прекрасный пример классического представления о сочетаемости предметов. По существу, вы могли бы при желании использовать ее в преподавательской аудитории при очередном изложении этой концепции.

Лэнгдон разглядывал паучиху, не находя ничего подобного. Когда доходило до преподавания сочетаемости, он предпочитал что-либо более традиционное.

— Думаю, я обошелся бы скульптурой Давида.

— Да, Микеланджело — это золотой стандарт, — причмокнув, отозвался Уинстон, — он блестяще расположил Давида в женоподобном контрапосте, расслабленным запястьем придерживающего незаряженную пращу, что придает ему женственную уязвимость. И все же глаза Давида излучают убийственную решимость, его сухожилия и вены вздуты от предвкушения убийства Голиафа. Работа одновременно нежная и убийственно сильная.

Лэнгдон был впечатлен описанием и пожелал, чтобы у его собственных учеников было четкое понимание шедевра Микеланджело.

— «Маман» не отличается от «Давида» — заметил Уинстон. — Столь же дерзкое сочетание противоположных архетипических принципов.

В природе «черная вдова» — существо пугливое, хищница, которая завлекает свои жертвы в паутину и убивает их. Хоть она и убийца, здесь она изображена с развившимся яичным мешком, приготовившейся дать новую жизнь, что делает ее хищницей и основательницей рода одновременно — мощный стан, возвышающийся на невероятно стройных лапах, что придает ей и силу и хрупкость. Маман можно было бы назвать Давидом наших дней, если позволите.

— Не позволю, — улыбнувшись, отозвался Лэнгдон, — но должен признать, ваш анализ дает мне пищу для размышлений.

— Хорошо, тогда давайте, я покажу вам всего один, заключительный экспонат. Вышло так, что это оригинал работы Эдмонда Кирша.

— Вот как? Я и не знал, что Эдмонд — художник.

Уинстон рассмеялся.

— Я предоставлю вам самому об этом судить.

Лэнгдон позволил Уинстону провести себя мимо окон к вместительной нише, где перед висевшим на стене большим комом высушенной грязи уже собралась группа гостей. Поначалу сей ком затвердевшей глины напомнил Лэнгдону ископаемый музейный экспонат. Но в этой грязи

не было окаменелостей. Вместо этого в ней были грубо выгравированные отметины, похожие на такие, что мог бы вывести ребенок палкой в незастывшем цементе.

Толпа не впечатлилась.

— Это сделал Эдмонд? — заропотала одетая в норку женщина с увеличенными ботоксом губами. — Не понимаю.

В Лэнгдоне проснулся преподаватель.

— Вообще-то, это весьма умно, — вмешался он. — Пока что это мой любимый экспонат во всем музее.

Женщина повернулась, взглянув на него чуть ли не с презрением.

— Да неужели? Так просветите же меня.

— С удовольствием. — Лэнгдон приблизился к группе отметин, грубо нацарапанных на поверхности глины.

— Ну, прежде всего, — сказал Лэнгдон, — Эдмонд гравировал этот кусок глины в знак почтения к самому раннему письменному языку человечества — клинописи.

Женщина моргнула, с неуверенностью разглядывая.

— Три глубоких отметины в середине, — продолжил Лэнгдон, отображают слово «рыба» на

ассирийском. Это называется пиктограммой. Если внимательно посмотреть, можно представить устремленный вправо открытый рыбий рот, а также треугольные чешуйки на ее теле.

Собравшаяся толпа подняла головы, изучая вновь эту работу.

— А если вы посмотрите сюда, — сказал Лэнгдон, указав на ряд углублений слева от рыбы, — то увидите, что Эдмонд сделал отпечатки в грязи, чтобы представить исторический эволюционный путь рыбы на землю.

Головы начали с благодарностью кивать.

— И наконец, — сказал Лэнгдон, — асимметричная звездочка справа — символ, который оказывается потребляет рыба — является одним из самых старых исторических символов для Бога.

Накачанная ботоксом женщина обернулась и хмуро посмотрела на него.

— Рыба ест Бога?

— Очевидно, так. Это — игривая версия Дарвинской рыбы — эволюционная религия потребления. — Лэнгдон непринужденно пожал плечами. — Как я сказал, довольно умно.

Уходя Лэнгдон слышал, как за спиной бормотала толпа, а Уинстон рассмеялся.

— Очень забавно, профессор! Эдмонд оценил бы вашу импровизированную лекцию. Не многие люди могут это расшифровать.

— Что ж, — сказал Лэнгдон, — вообще-то это моя работа.

— Да, и теперь я понимаю, почему мистер Кирш попросил меня считать вас экстра-специальным гостем. На самом деле он попросил меня показать вам то, что не придется испытать сегодня вечером ни одному из гостей.

— Боже, и что же это будет?

— Направо от главных окон вы видите коридор, который огорожен?

Лэнгдон пристально посмотрел направо.

— Вижу.

— Хорошо. Прошу следуйте за мной.

С сомнением Лэнгдон повиновался последовательным инструкциям Уинстона. Он пошел к входу в коридор, и убедившись дважды, что никто не наблюдает, осторожно протиснулся за стойки и проскользнул по коридору с глаз долой.

Теперь, оставив слева толпу атриума, Лэнгдон прошел тридцать футов к металлической двери с цифровой клавиатурой.

— Наберите эти шесть цифр, — сказал Уинстон, сообщив Лэнгдону код.

Лэнгдон ввел код, и дверь открылась.

— Отлично, профессор, прошу входите.

Лэнгдон постоял минуту, сомневаясь, что ожидать. Наконец, собравшись с духом, он открыл дверь. Пространство внутри было абсолютно темным.

— Я включу для вас свет, — сказал Уинстон. — Прошу входите и закройте дверь.

Лэнгдон медленно зашел, вглядываясь в темноту. Он закрыл за собой дверь, и замок щелкнул.

Постепенно по краям комнаты начал загораться мягкий свет, освещая необычайно похожее на пещеру пространство — одиночную зияющую камеру, вроде самолетного ангара для парка аэробусов.

— 34 тысячи квадратных метров, — сообщил Уинстон.

Комната полностью затмевала атриум.

Когда свет разгорелся ярче, Лэнгдон увидел группу массивных форм на полу — семь или восемь призрачных силуэтов — словно динозавров, пасущихся в ночи.

— Что, черт побери, я вижу перед собой? — потребовал объяснить Лэнгдон.

— Это называется «Материя времени». — Улыбающийся голос Уинстона прозвучал в наушниках

Лэнгдона. — Это самое тяжелое произведение искусства в музее. Более двух миллионов фунтов.

Лэнгдон по-прежнему проявлял нетерпение.

— Но почему я здесь один?

— Как я говорил, мистер Кирш попросил показать вам эти замечательные объекты.

Свет разгорелся до полной силы, наполняя обширное пространство мягким свечением, и Лэнгдон в недоумении уставился на развернувшуюся перед ним сцену.

Он вошел в параллельную вселенную.

ГЛАВА 7

АДМИРАЛ ЛУИС АВИЛА прибыл к пропускному пункту музея и взглянул на часы — убедиться, что явился в назначенное время.

Точно вовремя.

Он представил свой Documento Nacional de Identidad* сотрудникам, ведущим список гостей. На мгновение пульс у Авилы ускорился — когда его фамилия не нашлась в списке. Наконец, ее нашли в самом низу — как добавленную в последний момент — и Авиле позволили войти.

* Государственное удостоверение личности (исп.)

«Точно, как обещал мне Регент». Как он совершил этот подвиг, Авила понятия не имел. Список гостей сегодняшнего вечера был железным.

Он проследовал к металлодетектору, где достал телефон и положил его на поднос. Потом с величайшей осторожностью извлек из кармана кителя необычайно громоздкий комплект четочных бусин и выложил его поверх телефона.

«Спокойно, говорил он себе. Очень спокойно».

Охранник сделал ему знак пройти через ме-

таллодетектор и перенес поднос с личными предметами на другую сторону.

— Que rosario tan bonito,* — заметил охранник, любуясь металлическими четками, состоявшими из прочной цепочки с бусинами и толстого скругленного креста.

* Какие красивые четки (исп.)

— Gracias,* — ответил Авила. Я их сам собрал.

* Спасибо (исп.)

Авила прошел через детектор без инцидентов. С другой стороны он забрал свой телефон и четки, аккуратно сунул их в карман, а потом проследовал на второй контрольный пункт, где ему предоставили необычную звуковую гарнитуру.

«Аудиоэкскурсия мне не нужна, — подумал он. — Мне нужно сделать свое дело».

Пройдя через атриум, он осторожно выбросил гарнитуру в мусорную корзину.

Сердце его заколотилось, когда он окинул взглядом здание в поиске уединенного места для встречи с Регентом, чтобы дать ему знать о своем благополучном проходе внутрь.

«Во имя Бога, страны и короля, — подумал он. Но во имя Бога прежде всего».

В этот момент, в самой глубине лунной пустыни за пределами Дубая, достопочтенный

семидесятивосьмилетний Аллама, Саид аль-Фадл, напрягся в агонии, проползая по глубокому песку. Он не мог ползти дальше.

Кожа аль-Фадла была сожжена и вздулась, его горло настолько пересохло, что он едва мог перевести дыхание. Песчаные ветры ослепили его несколько часов назад, и все же он полз. В какой-то момент он подумал, что услышал отдаленный звук багги, но возможно это было просто завывание ветра. Вера аль-Фадла в то, что Бог спасет его, уже давно прошла. Грифы больше не кружили; они шли рядом с ним.

Убивший вчера аль-Фадла высокий испанец не произнес ни слова, когда пригнал машину Аллама в эту огромную пустыню. По прошествии часа езды испанец остановился и выкинул аль-Фадла из машины, оставив его в темноте без еды и воды.

Похититель аль-Фадла не оставил никаких указаний о своей личности или каких-либо объяснений своим действиям. Единственный возможный намек замеченный аль-Фадлом: странная метка на правой ладони человека — символ, который он не узнал.

Часами аль-Фадл пробирался сквозь песок и бесцельно кричал о помощи. Теперь, когда вко-

нец обезвоженный клерик рухнул в обжигающий песок и почувствовал, как его сердце останавливается, он задал себе тот же вопрос, который он задавал часами.

«Возможно, кто-то хочет моей смерти?»

Пугало то, что он смог придумать лишь один логичный ответ.

ГЛАВА 8

Взгляд Роберта Лэнгдона скользил от одной колоссальной формы к другой. Каждый объект представлял из себя устремленный вверх лист закаленной стали, элегантно закрученный и рискованно установленный на свой край, уравновешивающий сам себя и создающий свободно стоящую стену. Дугообразные стены почти в пятнадцать футов высотой были закручены в разные текучие формы — волнистую ленту, открытый круг, свободный локон.

— «Материя времени», — повторил Уинстон. И художник — Ричард Серра. Использование стен неподдерживаемого типа в такой тяжелой среде создает иллюзию нестабильности. Но на самом деле все они очень надежны. Представьте, что долларовая банкнота скручивается вокруг карандаша. Как только карандаш удалить, свернутая купюра совершенно спокойно останется стоять на собственном крае, удерживаемая своей геометрией.

Лэнгдон сделал паузу и пристально посмотрел вверх на огромный круг рядом с собой. Он был

изготовлен из окисленного металла жженого медного оттенка и сырого, органического качества. Этот кусок создавал одновременно иллюзию большой силы и тонкого чувства равновесия.

— Профессор, вы заметили, как эта первая форма не до конца смыкается?

Лэнгдон продолжил движение по кругу и увидел, что концы стены не совсем сходятся, как будто ребенок попытался нарисовать круг, но пропустил точку соединения.

— Перекошенное соединение создает проход, который привлекает посетителя внутрь, чтобы исследовать отрицательное пространство.

«Если только этот посетитель не страдает клаустрофобией» — подумал Лэнгдон, быстро продвигаясь.

— Так же, — произнес Уинстон, — вы видите перед собой три волнистые стальные ленты, образующие условно параллельную конструкцию и располагающиеся достаточно близко, чтобы сформировать два змеевидных туннеля длиной более ста футов. Их называют Змеей, и нашим юным посетителям нравится бегать через нее. Более того, двое посетителей, стоящие по разным концам, могут говорить шепотом и идеально слышать друг друга, будто стоят лицом к лицу.

— Поразительно, Уинстон, но вы можете объяснить, зачем Эдмонд попросил вас показать мне эту галерею. Он знает, что я не понимаю таких вещей.

Уинстон ответил:

— Он просил показать вам кое-что определенное под названием Закрученная спираль, которая располагается в дальнем правом углу. Вы видите ее?

Лэнгдон прищурился. Та самая, что виднеется в полумиле отсюда?

— Да, вижу.

— Прекрасно, давайте подойдем ближе.

Предварительно осмотрев огромное пространство вокруг, Лэнгдон направился к отдаленной спирали, пока Уинстон продолжал говорить.

— Слышал, профессор, что Эдмонд Кирш — ярый поклонник вашей деятельности, в частности ваших мыслей о взаимодействии всевозможных религиозных традиций на протяжении истории, их эволюции и того, как это отражалось в искусстве. Во многих аспектах область теории игр и прогнозирующих вычислений Эдмонда весьма схожа — анализируется рост различных систем и предсказывается их развитие с течением времени.

— Что ж, он явный эксперт в этом. В конце концов, его называют современным Нострадамусом.

— Да. Хотя сравнение немного оскорбительно, на мой взгляд.

— Почему вы так говорите? — возразил Лэнгдон. — Нострадамус — самый известный предсказатель всех времен.

— Не хочу спорить, профессор, но Нострадамус написал около тысячи расплывчато сформулированных катренов, которые больше четырех столетий использовались в изобретательных статьях суеверных людей, ищущих смысл там, где его нет… все, от Второй мировой войны до смерти принцессы Дианы и атаки на Всемирный торговый центр. Полный абсурд. Для сравнения, Эдмонд Кирш опубликовал ограниченное число очень конкретных прогнозов, которые сбылись за крайне малый промежуток времени — облачные вычисления, беспилотные автомобили, процессор, работающий лишь на пяти атомах. Мистер Кирш — не Нострадамус.

«Признаю, — подумал Лэнгдон. — Отмечалось, что Эдмонд Кирш вызывал сильную лояльность среди тех, с кем работал, и, видимо, Уинстон был одним из преданных последователей Кирша».

— Вам нравится моя экскурсия? — спросил

Уинстон, меняя тему.

— И очень даже. Браво Эдмонду за совершенствование технологии дистанционных экскурсий.

— Да, эта система была мечтой Эдмонда много лет, и он потратил бесчисленное количество времени и денег, разрабатывая ее в тайне.

— В самом деле? Технология не кажется такой уж сложной. Должен признать, сначала я был настроен скептически, но вы меня убедили — это была довольно интересная беседа.

— Великодушно с вашей стороны, однако, я надеюсь, что сейчас не испорчу все, раскрыв правду. Боюсь, я был не до конца честен с вами.

— Простите?

— Прежде всего, мое настоящее имя Арт, а не Уинстон.

Лэнгдон засмеялся.

— Экскурсовод музея по имени Арт?* Ну, я не осуждаю вас за использование псевдонима. Рад знакомству, Арт.

* Art — искусство (англ.)

— Более того, когда вы спросили, почему я просто не сопровождаю вас лично, я дал определенный ответ: мистер Кирш не хочет собирать большую толпу в музее. Но ответ был неполным.

Есть еще одна причина, по которой мы разговариваем через гарнитуру, а не лично. — Он сделал паузу. — По сути я неспособен к физическому передвижению.

— Ох… мне очень жаль. — Лэнгдон представил Арта, сидящего в инвалидном кресле в контакт-центре, и сожалел, что тот будет чувствовать неловкость, объясняя свое состояние.

— Не нужно жалеть меня. Уверяю вас, ноги будут выглядеть достаточно странно. Видите ли, я не такой, каким вы меня представляете.

Лэнгдон замедлил шаг.

— О чем это вы?

— «Арт» не совсем имя, это аббревиатура. Сокращение от «artificial»*, хотя мистер Кирш предпочитает слово «синтетический». — Голос замолчал на мгновение. — Правда в том, профессор, что сегодня вы взаимодействовали с синтетическим экскурсоводом. Своего рода компьютером.

* artificial — искусственный (англ.)

Лэнгдон в недоумении оглянулся по сторонам.

— Это какая-то шутка?

— Вовсе нет, профессор. Я вполне серьезно. Эдмонд Кирш провел десятилетие и потратил почти миллиард долларов в области синтетического разума, и сегодня вы один из первых воспользо-

вались плодами его труда. Всю вашу экскурсию провел искусственный гид. Я не человек.

Лэнгдон на мгновение не поверил в это. Стиль речи и грамматика были идеальными, и за исключением слегка неловкого смеха он казался прекрасным оратором, с которым когда-либо в своей жизни сталкивался Лэнгдон. Кроме того, сегодня их шутки охватывали широкий и специфический ряд тем.

«Я под наблюдением, — понял теперь Лэнгдон, осматривая стены в поисках скрытых видеокамер. Он подозревал, что оказался невольным участником странной части «эмпирического искусства» — искусно устроенного театра абсурда. — Словно крыса в лабиринте».

— Мне от этого не совсем комфортно, — объявил Лэнгдон, и его голос раздался эхом по пустынной галерее.

— Примите мои извинения, — сказал Уинстон. — Это понятно. Я ожидал, что эта новость вам покажется сложной для восприятия. Полагаю, именно поэтому Эдмонд попросил меня привести вас сюда в частное пространство, отдельно от остальных. Эта информация не раскрывается другим гостям.

Взгляд Лэнгдона блуждал в тусклом простран-

стве в поисках других людей.

— Как вы, без сомнения, знаете, — продолжал голос, неистово озадаченный дискомфортом Лэнгдона, — человеческий мозг — это двоичная система — связи между нейронами либо работают, либо нет — они включены или выключены, как компьютерный переключатель. У мозга более ста триллионов переключателей, а это значит, что создание мозга — это не столько вопрос технологии, сколько вопрос масштаба.

Лэнгдон едва слушал. Он снова пошел, сосредоточив внимание на знаке «Выход» со стрелкой, указывающей на дальний конец галереи.

— Профессор, я понимаю, при сходстве моего голоса с человеческим трудно воспринять его, как воспроизведенный машиной, но на самом деле речь — легкая часть. Даже устройство для чтения электронной книги за девяносто девять долларов выполняет вполне достойную работу по имитации человеческой речи. Эдмонд же инвестировал миллиарды.

Лэнгдон остановился.

— Если вы компьютер, скажите мне вот что. На какой отметке остановился промышленный индекс Доу-Джонса на момент закрытия двадцать четвертого августа 1974 года?

— Это была суббота, — незамедлительно ответил голос. — Так что торги не открывались.

Лэнгдон почувствовал легкий озноб. Он выбрал дату в шутку. Один из побочных эффектов его эйдетической памяти заключался в том, что даты навсегда укладывались в его голове. В ту субботу праздновали день рождения его лучшей подруги, и Лэнгдон отлично помнил праздник у бассейна. На Хелене Вули было синее бикини.

— Однако, — немедленно добавил голос, — в предыдущий день, пятницу, двадцать третьего августа, промышленный индекс Доу-Джонса остановился на момент закрытия на отметке 686.80, ниже на 17.83 пункта с потерей 2.53 процента.

Лэнгдон на мгновение потерял дар речи.

— Я с радостью подожду, — зазвенел голос, — если вы захотите проверить данные на своем смартфоне. Хотя мне ничего не остается, как отметить в этом иронию.

— Но… я не…

— Проблема с искусственным интеллектом, — продолжил голос с легким британским акцентом, который теперь казался более странным чем когда-либо, — это не быстрый доступ к данным, которые действительно довольно просты, а скорее способность различить, как данные связаны

и запутаны — я полагаю, этим вы выделяетесь, разве нет? Взаимосвязь идей? Это одна из причин, по которой мистер Кирш хотел проверить мои способности именно на вас.

— Проверить? — переспросил Лэнгдон. — Меня?

— Вовсе нет. — Опять этот неловкий смех. — Проверить меня. Проверить, смогу ли я убедить вас, что я человек.

— Тест Тьюринга.

— Точно.

Тест Тьюринга, припомнил Лэнгдон, это испытание, предложенное дешифровщиком Аланом Тьюрингом для оценки способности машины вести себя идентично человеку. По сути судья (человек) слушал разговор между машиной и человеком. И если судье не удавалось определить кто из участников человек, тогда полагали, что тест Тьюринга пройден. Знаменитое испытание Тьюринга прошло в 2014 году в Королевском обществе Лондона. С тех пор технология искусственного интеллекта прогрессировала с ослепительной скоростью.

— До сих пор сегодня, — продолжил голос, — ни один из наших гостей ничего не заподозрил. Они все наслаждались.

— Погодите, все здесь сегодня разговаривают с компьютером?!

— Технически, все говорят со мной. Я в состоянии легко решить несколько задач. Вы слышите мой голос по умолчанию — голос, который предпочитает Эдмонд — но другие слышат другие голоса или языки. На основе ваших данных как американского ученого, мужчины я по умолчанию выбрал для вас британский мужской акцент. Я предсказал, что это вызовет больше доверия, чем, например, молодая женщина с южным протяжным произношением.

Он только что назвал меня шовинистом?

Лэнгдон вспомнил о популярной записи, распространенной в интернете несколько лет назад: руководителю бюро журнала Time Magazine Майклу Шереру позвонил телемаркетинговый робот с пугающе человеческим голосом, и Шерер опубликовал запись онлайн-звонка, чтобы все могли послушать.

Это было много лет назад, осознал Лэнгдон.

Лэнгдон знал, что Кирш много лет занимался искусственным интеллектом, время от времени появляясь на обложках журналов, чтобы объявить о различных прорывах. Видимо, его детище «Уинстон» олицетворяло текущее положение

дел Кирша.

— Понимаю, все происходит быстро, — продолжил голос, — но мистер Кирш поручил показать вам спираль, рядом с которой вы сейчас стоите. Он просил вас войти внутрь и добраться до самого центра.

Лэнгдон всмотрелся в узкий извилистый проход и почувствовал, как мышцы сжимаются. Эдмонд задумал студенческий розыгрыш?

— Можете просто сказать, что там? Я не большой поклонник тесных пространств.

— Интересно, я не знал этого о вас.

— Я не упомянул о клаустрофобии в своей онлайн-биографии, — подловил себя Лэнгдон, все еще с трудом понимая, что говорит с машиной.

— Вам не стоит бояться. В центре спирали достаточно много пространства, и мистер Кирш хотел, чтобы вы увидели именно центр. Но прежде чем войти, Эдмонд попросил вас снять гарнитуру и оставить ее здесь на полу.

Лэнгдон посмотрел на ужасающую конструкцию и засомневался.

— Вы не идете со мной?

— Видимо, нет.

— Знаете, все это очень странно, и я не совсем…

— Профессор, учитывая, что Эдмонд привел вас на все это событие, есть небольшая просьба, чтобы вы немного приблизились к этому произведению искусства. Дети делают это каждый день и выживают.

Лэнгдона никогда не отчитывал компьютер, если это было на самом деле, но резкий комментарий возымел желаемый эффект. Он снял наушники и аккуратно положил их на пол, поворачиваясь к входу в спираль. Высокие стены образовывали узкий изгибающийся каньон, который скрывался из вида, исчезая во тьме.

— Ничего не случится, — сказал он ни к кому не обращаясь.

Лэнгдон глубоко вздохнул и вошел в каньон.

Дорожка извивалась дальше, чем он себе представлял, извиваясь без конца, и Лэнгдон вскоре уже не знал, сколько поворотов он сделал. При каждом повороте по часовой стрелке проход становился все теснее и широкие плечи Лэнгдона теперь почти касались стен. Дыши, Роберт. Казалось, как будто наклонные металлические листы могут рухнуть внутрь в любой момент и раздавить его под тоннами стали.

Зачем я это делаю?

Лэнгдон хотел было развернуться и пойти

обратно, но через мгновение проход резко закончился и вывел его на большое открытое пространство. Как и было обещано, комната оказалась больше, чем он ожидал. Лэнгдон быстро вышел из туннеля в открытое пространство и выдохнул, обнимая голый пол и высокие металлические стены, снова размышляя, была ли это какая-то сложная поверхностная мистификация.

Где-то снаружи щелкнула дверь, и быстрые шаги эхом отдавались за высокими стенами. Кто-то вошел в галерею и прошел через соседнюю дверь, которую видел Лэнгдон. Шаги подошли к спирали, а затем начали кружить вокруг Лэнгдона и становились все громче с каждым поворотом. Кто-то входил в спираль.

Лэнгдон отошел назад и стоял лицом к проходу, а шаги продолжали кружить и приближаться. Отрывистый звук усиливался, пока внезапно из туннеля не появился человек. Он был невысоким и стройным, с бледной кожей, пронзительным взглядом и непослушной копной черных волос.

Лэнгдон долго смотрел с каменным лицом на мужчину, а затем, наконец, широко улыбнулся во все лицо.

— Великий Эдмонд Кирш как всегда появился красиво.

— Только один шанс произвести первое впечатление, — приветливо ответил Кирш. — Я скучал по тебе, Роберт. Спасибо, что пришел.

Двое мужчин обменялись сердечными объятиями. Похлопывая своего старого друга по спине, Лэнгдон почувствовал, что Кирш похудел.

— Ты потерял вес, — произнес Лэнгдон.

— Я стал веганом, — ответил Кирш. — Легче, чем шарик.

Лэнгдон рассмеялся.

— Ну, приятно видеть тебя. И, как обычно, ты заставил меня почувствовать себя слишком разодетым.

— Кто, я? — Кирш взглянул на свои черные зауженные джинсы, отутюженную белую футболку с треугольным вырезом и кожаную куртку «пилот». — Это от кутюр.

— Белые шлепанцы от кутюр?

— Шлепанцы?! Они от итальянца Феррагамо.

— И полагаю, стоят дороже всего моего костюма.

Эдмонд подошел и осмотрел этикетку классического пиджака Лэнгдона.

— На самом деле, — сказал он, тепло улыбаясь, — это довольно приятные фраки. Это близко.

— Должен сказать тебе, Эдмонд, твой искус-

ственный друг Уинстон… очень выбивает из колеи.

Кирш засиял.

— Невероятно, правда? Ты не поверишь, что мне удалось совершить с искусственным интеллектом в этом году — беспрецедентный прорыв. Я разработал собственные технологии, позволяющие машинам решать проблемы и самостоятельно контролировать себя совершенно новыми способами.

Лэнгдон заметил, что за прошлый год вокруг мальчишеских глаз Эдмонда появились глубокие складки. Мужчина выглядел усталым.

— Эдмонд, ты не хочешь рассказать, почему привел меня сюда?

— В Бильбао или в спираль Ричарда Серра?

— Давай начнем со спирали, — ответил Лэнгдон. — Ты знаешь, что у меня клаустрофобия.

— Точно. Сегодня все выталкивало людей из их зоны комфорта, — сказал он с ухмылкой.

— Это всегда твоя особенность.

— Кроме того, — добавил Кирш, — мне нужно было поговорить с тобой, и я не хотел, чтобы меня заметили перед шоу.

— Потому что рок-звезды никогда не общаются с гостями до концерта?

— Правильно! — в шутку ответил Кирш. — Рок-звезды по волшебству появляются на сцене в клубах дыма.

Свет наверху внезапно погас и снова включился. Кирш приподнял рукав и посмотрел на часы. Потом он взглянул на Лэнгдона, выражение его лица внезапно стало серьезным.

— Роберт, у нас мало времени. Сегодня вечером потрясающий случай для меня. В сущности, это станет необыкновенной возможностью для всего человечества.

Лэнгдон почувствовал нетерпение.

— Недавно я сделал научное открытие, — сказал Эдмонд. — Это прорыв, который будет иметь далеко идущие последствия. Почти никто на земле не знает об этом, и сегодня вечером — очень скоро — я выступлю с обращением к миру и объявлю о том, что я открыл.

— Я не знаю, что сказать, — ответил Лэнгдон. — Это звучит восхитительно.

Эдмонд понизил голос, и его тон стал необычайно напряженным.

— Прежде чем обнародовать эту информацию, Роберт, мне нужен твой совет. — Он сделал паузу. — Боюсь, от этого может зависеть моя жизнь.

ГЛАВА 9

Молчание установилось между двумя мужчинами внутри спирали.

— Мне нужен твой совет… Боюсь, моя жизнь зависит от этого.

Слова Эдмонда тяжело повисли в воздухе и Лэнгдон увидел беспокойство в глазах друга.

— Эдмонд? Что происходит? Что с тобой?

Свет над головой погас и снова включился, но Эдмонд не обратил на это внимания.

— Для меня это был значимый год, — начал он, переходя на шепот. — Я работал в одиночку над крупным проектом, который привел к инновационному открытию.

— Звучит замечательно.

Кирш кивнул.

— Это действительно так, и словами трудно описать, до чего я счастлив поделиться сегодня этим открытием с миром. Оно приведет к серьезной смене парадигм. Я не преувеличиваю, когда говорю, что последствия моего открытия будут соразмерны революции Коперника.

На мгновение Лэнгдон подумал, что его друг

шутит, но выражение лица Эдмонда оставалось предельно серьезным.

«Коперника? Смирение никогда не являлось одной из сильных сторон Эдмонда, но это утверждение прозвучало почти нелепо». Николай Коперник был отцом гелиоцентрической модели (верил в то, что планеты вращаются вокруг Солнца), которая разожгла научную революцию в 1500-х годах и полностью уничтожила давнее учение церкви о том, что человечество занимало центр Вселенной Бога. Его открытие церковь осуждала в течение трех столетий, но ущерб был нанесен, и мир навсегда переменился.

— Я вижу, ты скептически настроен, — сказал Эдмонд. — Лучше, если бы я сказал Дарвина?

Лэнгдон улыбнулся.

— То же самое.

— Ладно, тогда позволь спросить вот что: каковы два фундаментальных вопроса, которые возникали перед человечеством за всю историю?

Лэнгдон задумался.

— Ну, вопросы наверно такие: «Как все это начиналось?» и «Откуда мы появились?»

— Точно. И второй вопрос — просто вспомогательный для этого. Не «откуда мы родом», а…

— Куда мы движемся?

— Да! Эти две тайны лежат в основе человеческого опыта. Откуда мы появились? Куда мы движемся? Создание и предназначение человека. Это общечеловеческие тайны. Взгляд Эдмонда заострился, и он выжидающе посмотрел на Лэнгдона.

— Роберт, открытие, которое я сделал… оно очень четко отвечает на оба этих вопроса.

Лэнгдон зацепился за слова Эдмонда и за их безрассудные последствия.

— Я… не знаю, что сказать.

— Нет необходимости что-то говорить. Я надеюсь, что вы и я сможем найти время, чтобы поглубже подискутировать на презентации сегодня вечером, но на данный момент мне необходимо поговорить с вами о темной стороне всего этого — потенциальных последствий открытия.

— Ты думаешь о возможных последствиях?

— Без сомнения. Отвечая на эти вопросы, я поставил себя в прямой конфликт с веками установленными духовными учениями. Вопросы человеческого мироздания и человеческого предназначения традиционно являются областью религии. Я незваный гость, и религиям мира не понравится то, что я собираюсь объявить.

— Интересно, — ответил Лэнгдон. — Так поэтому ты провел со мной два часа, толкуя о религии за обедом в Бостоне в прошлом году?

— Именно так. Ты можешь припомнить мое личное поручительство, данное тебе — о том, что в нашей жизни религиозные мифы будут практически сметены научными прорывами.

Лэнгдон кивнул. Забыть трудно. Смелость декларации Кирша запечатлелась один-в-один в живой памяти Лэнгдона.

— Я помню. И я возразил, что религия переживала достижения науки на протяжении тысячелетий и что она служила важной цели в обществе, и хотя религия может эволюционировать, она никогда не отомрет.

— Точно. Я уже сказал тебе, что нашел цель своей жизни — использовать научную истину для искоренения мифа о религии.

— Да, сильно сказано.

— И ты бросил мне вызов, Роберт. Ты утверждал, что всякий раз, когда я сталкивался с «научной истиной», которая противоречила или умаляла принципы религии, я должен был обсудить ее с религиозным ученым в надежде, что я пойму, что наука и религия часто пытаются пересказать одну и ту же историю двумя разными языками.

— Я помню. Ученые и духовники часто пользуются разными словарями, чтобы описать одни и те же тайны Вселенной. Конфликты часто связаны с семантикой, а не с субстанцией.

— Что ж, я последовал твоему совету, — сказал Кирш. — Ия советовался с духовными лидерами по поводу моего последнего открытия.

— Правда?

— Ты знаком с Парламентом мировых религий?

— Конечно.

Лэнгдон был большим энтузиастом группы по продвижению межконфессионального обсуждения.

— По чистой случайности, — сказал Кирш, — парламент провел в этом году свою встречу за пределами Барселоны, примерно в часе езды от моего дома, в аббатстве Монсеррат.

Потрясающее место, подумал Лэнгдон, побывавший на вершине горы святилища много лет назад.

— Когда я услышал, что это происходило в течение той же недели, я планировал сделать это крупное научное заявление, я не знаю, я…

— Ты подумал, не знамение ли это Божие?

Кирш засмеялся.

— Что-то вроде этого. Поэтому я позвонил им.

На Лэнгдона это произвело впечатление.

— Ты обратился ко всему парламенту?

— Нет! Слишком опасно. Я не хотел, чтобы эта информация просочилась прежде чем я смог сам о ней объявить, поэтому я запланировал встречу только с тремя из них — по одному представителю от христианства, ислама и иудаизма. Наша четверка встретилась для частной беседы в библиотеке.

— Поразительно, что они пустили тебя в библиотеку, — с удивлением сказал Лэнгдон. — Я слышал, что это святое место.

— Я сказал им, что мне нужно укромное место для встречи — никаких телефонов, никаких камер, никаких посторонних. Они провели меня в эту библиотеку. Прежде чем что-либо сказать им, я попросил их согласиться на обет молчания. Они подчинились. На сегодняшний день они — единственные люди на земле, которые что-то знают о моем открытии.

— Захватывающе. И как они реагировали, когда ты рассказывал им?

Кирш выглядел сконфуженным.

— Возможно, я провел встречу далеко не идеально. Ты знаешь меня, Роберт, когда вспыхивают

страсти, дипломатия не мое занятие.

— Да, я читал, что тебе не мешает заняться некоторыми тренировками деликатности, — сказал Лэнгдон со смехом. — Как Стиву Джобсу и многим другим гениальным провидцам.

— Итак, в соответствии с моей тягой к откровенности, я начал наш разговор сразу сказав им правду, — что я всегда считал религию формой массового заблуждения, и что, будучи ученым, мне было трудно принять тот факт, что миллиарды умных люди опираются на свою веру, чтобы получить утешение и руководство. Когда они спросили, почему я советовался с людьми, которых я, по-видимому, мало уважаю, я сказал им, что пытался оценить их реакцию на мое открытие, чтобы представить, как это будет воспринято религиозным миром, когда я сделаю это достоянием общественности.

— Дипломат, как всегда — сказал Лэнгдон, морщась. — Ты знаешь, что временами честность — это не самая лучшая политика?

Кирш взмахнул рукой.

— Мои мысли о религии широко известны. Я думал, что они оценят прозрачность. Тем не менее, после этого я представил им свою работу, подробно объяснил, что я обнаружил, и как

это все изменило. Я даже достал свой телефон и показал им видео, которое, я бы сказал, просто обескураживает. Они лишились дара речи.

— Они, должно быть, что-то сказали, — подсказал Лэнгдон, чувствуя еще большее желание узнать, что Кирш мог бы им открыть.

— Я надеялся на беседу, но христианский клирик заставил замолчать двух других, прежде чем они смогли вымолвить хотя бы слово. Он призвал меня пересмотреть вопрос об информировании общественности. Я сказал ему, что подумаю об этом в будущем месяце.

— Но ты собираешься это обнародовать сегодня вечером.

— Я знаю. Я сказал им, что мое заявление состоится через несколько недель, чтобы они не запаниковали или не попытались вмешаться.

— А когда они выяснили про сегодняшнюю презентацию? — спросил Лэнгдон.

— Их это не удивит. Одного из них, в частности. — Кирш встретился глазами с Лэнгдоном. — Священник, организовавший нашу встречу — епископ Антонио Вальдеспино. Ты знаешь его?

Лэнгдон напрягся.

— Из Мадрида?

Кирш кивнул.

— Он самый.

«Вероятно, это не идеальная аудитория для радикального атеизма Эдмонда,» — подумал Лэнгдон. Вальдеспино считался могущественной фигурой в Испанской католической церкви, известной своими глубоко консервативными взглядами и сильным влиянием на короля Испании.

— В этом году он принимал гостей от имени парламента, — сказал Кирш, — и, следовательно, как и говорил, был организатором встречи. Он предложил прийти лично, а я попросил его пригласить представителей ислама и иудаизма.

Свет над головой опять потух.

Кирш тяжело вздохнул, понизив голос.

— Роберт, я хотел поговорить с тобой до своего выступления, потому что мне нужен совет. Мне нужно знать, считаешь ли ты епископа Вальдеспино опасным.

— Опасным? — переспросил Лэнгдон. — В каком смысле?

— Я показал ему то, что представляет угрозу его миру, и хочу знать, считаешь ли ты, что мне угрожает физическая опасность с его стороны.

Лэнгдон тут же покачал головой.

— Нет, это невозможно. Я не знаю, что ты ему сказал, но Вальдеспино — это столп испанского католицизма, и его связи с королевской семьей в Испании делают его чрезвычайно влиятельным… но он священник, а не киллер. Он обладает политической властью. Он может прочесть вам проповедь, но мне было бы сложно поверить, что тебе грозит какая-либо физическая опасность с его стороны.

Кирш выглядел нерешительным.

— Надо было видеть, как он смотрел на меня, когда я покидал Монсеррат.

— Ты сидел в священной библиотеке монастыря и говорил епископу, что все его мировоззрение бред! — воскликнул Лэнгдон. — Ты ожидал, что он предложит тебе чай с пирожными?

— Нет, — признался Эдмонд, — но я также не ожидал, что он оставит мне голосовое сообщение с угрозой после нашей встречи.

— Епископ Вальдеспино звонил тебе?

Кирш просунул руку в свою кожаную куртку и достал необычайно большой смартфон. У него был яркий бирюзовый корпус, украшенный повторяющимся шестиугольным рисунком, в котором Лэнгдон узнал знаменитый плиточный узор, созданный каталонским архитектором- мо-

дернистом Антонио Гауди.

— Послушай, — сказал Кирш, нажимая несколько кнопок и поднимая трубку. Из динамика послышался трескучий четкий голос пожилого человека, его интонация была холодной и безжизненно-серьезной:

Мистер Кирш, это епископ Антонио Вальдеспино. Как вам известно, я принял нашу встречу сегодня утром с глубоким беспокойством, как и двое моих коллег. Я настоятельно призываю вас немедленно позвонить мне, чтобы мы могли обсудить дальнейшее, и я снова предупреждаю вас об опасности публикации этой информации. Если вы не позвоните, то имейте в виду, что мои коллеги и я рассмотрим превентивное заявление и поделимся вашими открытиями, перефразируя их, дискредитируя и попытаемся дать обратный ход тому несказанному ущербу, который вы собираетесь причинить миру… вред, который вы явно не можете предвидеть. Я жду вашего звонка, и настоятельно рекомендую вам не подвергать сомнению мое решение.

На этом сообщение заканчивалось.

Лэнгдон не мог не признать, что его озадачил агрессивный тон Вальдеспино, и все же это сообщение голосовой почты не столько испугало его,

сколько углубило его интерес к предстоящему заявлению Эдмонда.

— И как же ты ответил?

— Я не ответил, — сказал Эдмонд, засовывая телефон в карман. — Я видел в этом лишь простую угрозу. Я был уверен, что они захотят похоронить эту информацию, а не обнародовать ее сами. Более того, я знал, что неожиданное сообщение о программе сегодняшнего вечера, застанет их врасплох, поэтому меня не слишком обеспокоили их превентивные действия. Он сделал паузу, глядя на Лэнгдона. — Теперь… я не знаю, что-то в интонации его голоса… это просто пришло мне на ум…

— Беспокоишься, что тебе грозит опасность? Сегодня вечером?

— Нет, нет, список гостей жестко откорректирован, и в здании отличная охрана. Меня больше беспокоит то, что происходит при выходе на публику. Эдмонд вдруг пожалел, что упомянул об этом. — Это глупо. Мандраж перед выходом. Я просто хотел удостовериться в твоей интуиции.

Лэнгдон изучающе посмотрел на своего друга. Эдмонд выглядел необычайно бледным и обеспокоенным.

— Чутье подсказывает мне, что Вальдеспино

никогда не поставит тебя в опасносное положение, как бы ты ни сердился на него.

Опять приглушили свет, теперь сильнее.

— Ладно, спасибо. — Кирш посмотрел на часы. — Мне нужно идти, но мы сможем встретиться позже? У этого открытия есть аспекты, которые я хотел бы обсудить.

— Несомненно.

— Отлично. После презентации наступит некоторый хаос, и чтобы сбежать от этого безобразия и поговорить, нам понадобится уединенное место. — Эдмонд достал визитку и принялся что-то писать на обороте. — После презентации останови такси и дай эту карточку водителю. Любой здешний таксист поймет, куда тебя отвезти. — И он вручил визитку Лэнгдону.

Лэнгдон ожидал увидеть на обороте адрес местного отеля или ресторана. Вместо этого он увидел нечто больше похожее на шифр.

BIO-EC346

— Извини, вот это отдать таксисту?

— Да, он поймет, куда ехать. Я скажу тамошней охране, чтобы тебя ждали, а я подъеду как только смогу.

«Охране?» — Лэнгдон нахмурился, строя предположения — не является ли BIO-EC346 кодовым

наименованием тайного научного клуба.

— Удручающе простой код, друг мой. — Он подмигнул. — Ты как никто другой его раскусишь. И кстати, чтобы не оставаться без охраны, ты на моей сегодняшней презентации будешь играть кое-какую роль.

Лэнгдон удивился.

— Какую такую роль?

— Не беспокойся. Делать ничего не понадобится.

С этими словами Эдмонд Кирш направился через весь этаж к выходу по спиральной лестнице.

— Мне нужно пробраться через служебный ход — а тебя Уинстон проведет наверх. — Он сделал паузу и обернулся. — Увидимся после мероприятия. Будем надеяться, что ты прав насчет Вальдеспино.

— Расслабься, Эдмонд. Сосредоточься на своей презентации. Клерикалы тебе нисколько не опасны, — уверил его Лэнгдон.

Непохоже было, чтобы Кирша это убедило.

— Возможно, Роберт, ты изменишь свое мнение, когда услышишь, что я скоро скажу.

ГЛАВА 10

«Священный Престол» Римско-католической архиепархии Мадрида — Катедраль-де-ла-Альмудена — это основательный неоклассический собор, расположенный рядом с Королевским дворцом Мадрида. Построенный на месте древней мечети, собор Альмудена получил свое название от арабского аль-мудайна, что означает «цитадель».

Согласно легенде, когда Альфонсо VI отвоевал Мадрид у мусульман в 1083 году, он стал одержим идеей переноса потерянной ценной иконы Девы Марии, погребенной в стенах цитадели для сохранности. Не в силах найти спрятанную Богоматерь, Альфонсо истово молился, пока часть стены цитадели не развалилась от взрыва и не открыла икону, до сих пор освещенную горящими свечами, с которыми она была захоронена много веков назад.

Сегодня Дева Альмудена является святой покровительницей Мадрида, а паломники и туристы стекаются к мессе, считая привилегией молиться в соборе Альмудена перед ее образом. Драмати-

ческое местоположение церкви, разделяющее главную площадь Королевского дворца, обеспечивает дополнительную привлекательность для прихожан: возможность мельком взглянуть на входящих и выходящих из дворца.

Вечером, в глубине собора, молодой аколит в панике метался по коридору.

Где епископ Вальдеспино?!

Служба вот-вот начнется!

На протяжении десятилетий епископ Антонио Вальдеспино был главным священником и смотрителем этого собора. Давний друг и духовный советник короля, Вальдеспино был откровенным и набожным приверженцем традиций и почти не терпел обновлений. Невероятно, восьмидесятидвухлетний епископ по-прежнему надевал кандалы в течение Страстной недели и присоединялся к верующим, несущим иконы по улицам города.

Вальдеспино, в отличие от всех, никогда не опаздывает на мессу.

Аколит был с епископом двадцать минут назад в ризнице, как обычно помогая ему с мантией. Как только они закончили, епископ получил речь и без единого слова спешно вышел.

Куда он делся?

Проверив святилище, ризницу и даже частную уборную епископа, аколит теперь бросился по коридору в административную часть собора, чтобы проверить офис епископа.

Он услышал, как вдалеке загромыхала органная труба.

Начинается церемониальный гимн!

Аколит скользнул в прихожую личного кабинета епископа и под закрытой дверью сквозь щель с испугом увидел лучик света. Он что, здесь?!

Аколит тихо постучал.

— ^Excelencia Reverendisima?*

* Ваше высокопреосвященство? (исп.)

Ответа не последовало.

Постучав уже громче, он выкрикнул:

— j^Su Excelencia?!*

* Ваше превосходительство!? (исп.)

По-прежнему без ответа.

Опасаясь за здоровье старика, аколит повернул ручку и открыл дверь.

— jCielos!* — охнул аколит, заглянул в личные покои.

* О, боже! (исп.)

Епископ Вальдеспино сидел за своим столом из красного дерева, уставившись в светящийся экран ноутбука. Святая митра все еще была у него

на голове, внизу подстелена риза, а подбородок попросту упирался в стену. Аколит откашлялся.

— La santa misa esta…*

* Святая месса началась(исп.)

— Preparada*, — оборвал его епископ, неподвижно уставившись в экран. — Padre Derida me sustituye.*

* Все готово. Отец Дерида заменит меня(исп.)

Аколит уставился в недоумении. Отец Дерида заменит? Молодому священнику не подобает наблюдать за субботней вечерней мессой.

— ¡Vete ya!* — выпалил Вальдеспино, не поднимая глаз. — Y cierra la puerta*.

* Уходи! И закрой дверь.(исп.)

В страхе парень послушался и немедленно скрылся, закрыв за собой дверь.

Возвращаясь к звукам органа, аколит с удивлением размышлял, что на компьютере может настолько сильно отвлекать епископа от его обязанностей перед Богом.

В это самое время адмирал Авила протискивался сквозь нарастающую толпу в атриуме Музея Гуггенхайма, с удивлением лицезрея гостей, беседующих через поблескивающие наушники. Звуковая экскурсия по музею была явно в виде двустороннего общения.

Он рад был, что отказался от этого устройства. Сегодня никаких отвлекающих факторов.

Он проверил часы и посмотрел на лифты. Они уже были заполнены гостями и направлялись наверх, на главное событие, поэтому Авила выбрал лестницу. Поднимаясь, он почувствовал те же волны скептицизма, что испытал прошлой ночью. Неужели я действительно стал человеком, способным убивать? Безбожные души, уничтожившие жену и ребенка, изменили его. «Мои действия одобрены высшей властью, — напомнил он себе. — В том, что я делаю, есть справедливость».

Когда Авила поднялся до первой остановки, его взгляд привлекла женщина на ближайшем подвесном переходе. Новая испанская знаменитость, подумал он, разглядывая известную красавицу.

Она была в облегающем белом платье с черной диагональной полосой, элегантно пересекавшей тело. Ее стройная фигура, пышные темные волосы и изящная осанка были восхитительны, и Авила заметил, что не один он на нее смотрит.

В дополнение к одобрительным взглядам других гостей женщина в белом обратила на себя внимание двух холеных офицеров безопасности, которые внимательно следили за ней. Мужчины

двигались с осторожной уверенностью пантеры и были одеты в синие пиджаки с вышитыми гербами и большими буквами GR*.

* Guardia Real^OT.) — Королевская гвардия, независимое подразделение Вооруженных сил Испании, отвечающее за защиту короля Испании и членов его семьи.

Авила не удивился их присутствию, и все же от их вида его пульс ускорился. Как бывший член испанских вооруженных сил он прекрасно знал, что означает GR. Эти два охранника были вооружены и хорошо обучены, как и любые телохранители на земле.

Раз они здесь, надо мне соблюдать все предосторожности, сказал себе Авила.

— Эй! — рявкнул мужской голос прямо позади него.

Авила развернулся.

Застенчивый мужчина в смокинге и черной ковбойской шляпе широко улыбнулся ему.

— Великолепный костюм! — отметил мужчина, указывая на военную форму Авилы. — Где достать такой?

Авила пристально посмотрел, непроизвольно сжав кулаки. «Только прослужив всю жизнь и жертвуя собой,» — подумал он.

— No hablo ingles,* — подернув плечами ответил Авила и продолжил подниматься вверх по лестнице.

* Я не говорю по-английски(исп.)

На втором этаже Авила обнаружил длинный коридор и по указателям проследовал в туалет в дальнем конце. Он собирался войти, но свет в музее погас и снова включился — первый легкий толчок, побуждающий гостей начать движение наверх для презентации.

Авила вошел в пустой туалет, выбрал последнюю кабинку и заперся внутри. Наедине теперь он почувствовал, как знакомые демоны пытаются проникнуть внутрь него, угрожая затянуть его в пропасть.

Пять лет, а воспоминания по-прежнему преследуют меня.

Авила с негодованием отмахнулся от ужасов своего сознания и достал из кармана четки. Нежно повесил их на дверной крючок для плаща. Пока бусины и распятие мирно покоились перед ним, он любовался своей ручной работой. Благочестивый верующий мог бы ужаснуться тому, что кто-то посмел осквернить четки созданием подобного предмета. Пусть так, но регент заверил Авилу, что в неспокойные времена поз-

волительны некоторые послабления в правилах отпущения грехов.

Коли причина столь свята, Бог наверняка простит, обещал Регент.

Авиле обещано было не только спасение души, но и избавление тела от сил зла. Он взглянул на татуировку на своей ладони.

Подобно древней хризме Христа изображение было символом, полностью составленным из букв. Авила три дня назад набил его крепкой желчью и иглой, в точности как его проинструктировали, и красное пятно еще болело. Если его схватят, заверил его Регент, нужно лишь показать ладонь налетчикам и в течение часа его отпустят.

Регент сказал, что мы занимаем самые высокие уровни управления. Авила уже становился свидетелем их ошеломительного влияния, и у него возникало ощущение, будто вокруг него защитная аура. Авила надеялся в один прекрасный день вступить в ряды этой элиты, но в данный момент он принимал за честь хоть какое-то участие в этом.

В одиночестве в ванной Авила достал свой телефон и набрал данный ему секретный номер.

— ^Si?* — ответил голос на первой линии.

* Да?(исп.)

— Estoy en posicion,* ответил Авила в ожидании последних указаний.

* Я на месте (исп.)

— Bien,* — сказал Регент. — Tendras una sola oportunidad. Aprovecharla sera crucial.*

* Хорошо. У вас будет всего один шанс. Промедление будет провалом. (исп.)

ГЛАВА 11

В тридцати километрах по береговой линии от сверкающих небоскребов Дубая, искусственных островов и знаменитых вилл для вечеринок, находится город Шарджа — ультраконсервативная исламская культурная столица Объединенных Арабских Эмиратов.

Обладая более чем шестью сотнями мечетей и лучшими университетами в регионе, Шарджа позиционирует себя как венец духовности и обучения — позиция, подпитываемая огромными запасами нефти и правителем, который ставит образование своего народа превыше всего.

Этим вечером семья любимого Аллама из Шарджи, Саида аль-Фадла, собралась уединенным кругом, чтобы провести ночное бдение. Вместо того, чтобы предаться традиционному чтению корана, соответствующего ночной молитве, они молились о возвращении их нежно любимого отца, дяди и мужа, которые вчера бесследно и таинственно исчезли.

Местная пресса только что объявила, что один из коллег Саида утверждает, что нормальный

уравновешенный алламах казался «странно взволнованным» по возвращении из Парламента мировых религий два дня назад. Кроме того, коллега сказал, что он подслушал Сайэда, вступившим в жаркий спор по телефону вскоре после своего возвращения. Спор был на английском языке, и поэтому не очень хорошо понятым, но коллега клялся, что слышал, как Сайд неоднократно упоминал одно имя.

Эдмонд Кирш.

ГЛАВА 12

Мысли прокручивались в голове Лэнгдона, когда он вышел из спиральной структуры. Его разговор с Киршем был одновременно захватывающим и тревожным. Даже если претензии Кирша и преувеличены, компьютерный ученый явно обнаружил то, что по его мнению вызовет сдвиг парадигмы в мире.

Открытие столь же важное, как и результаты Коперника?

Когда Лэнгдон наконец вышел из закрученной скульптуры, у него слегка закружилась голова. Он поднял наушники, которые оставил на полу.

— Уинстон? — сказал он, включая устройство. — Алло?

Слабый щелчок, и компьютеризированный британский гид вернулся.

— Алло, профессор. Да, я здесь. Мистер Кирш попросил меня отвезти вас наверх на служебном лифте, потому что для возвращения в атриум слишком мало времени. Еще он подумал, что вы по достоинству оцените наш вместительный лифт.

— Любезно с его стороны. Он знает, что у меня клаустрофобия.

— Теперь я тоже знаю. И я запомню это.

Уинстон направил Лэнгдона через боковую дверь в бетонный коридор и к лифту. Как было обещано, кабина лифта оказалась огромной, определенно спроектированной для перевозки негабаритных произведений искусства.

— Верхняя кнопка, — сказал Уинстон, когда Лэнгдон вошел внутрь. — Третий этаж.

Когда они добрались до места, Лэнгдон вышел.

— Порядок, — радостный голос Уинстона ворвался в наушники Лэнгдона. — Мы пройдем через галерею слева от вас. Это самый прямой путь в зрительный зал.

Следуя указаниями Уинстона, Лэнгдон прошел через обширную галерею, демонстрирующую ряд необычных художественных инсталляций: стальную пушку, вероятно, стреляющую в глиняные глобусы из красного воска на белой стене; каноэ из проволочной сетки, которое явно не плавало; целый миниатюрный город, выполненный из полированных металлических блоков.

Когда они пересекли галерею в направлении к выходу, Лэнгдон в полном недоумении уставился на господствовавший в пространстве массивный

объект.

«Формально, — решил он, — я нашел самый странный объект в музее».

Охватывая ширину всего зала, множество волков в динамичных позах бежали длинной вереницей по галерее, где подпрыгивали высоко в воздух и сталкивались с прозрачной стеклянной стеной, в результате чего образовалась куча мертвых волков.

— Инсталляция называется «В лоб», — объяснил Уинстон непринужденно. — Девяносто девять волков врезаются вслепую в стену, символизируя менталитет стада, отсутствие смелости в отклонении от нормы.

Ирония символизма поразила Лэнгдона. «Подозреваю, что Эдмонд сегодня будет резко отклоняться от нормы».

— Теперь, если вы пройдете еще вперед, — сказал Уинстон, — то увидите выход слева от этой красочной ромбовидной фигуры. Это один из любимых художников Эдмонда.

Лэнгдон заметил яркую картину впереди и мгновенно узнал фирменные закорючки, основные цвета и игривый плавающий глаз.

«Жоан Миро,» — подумал Лэнгдон, которому всегда нравились игривые работы знаменитого

барселонца, похожие на гибрид детской книжки- раскраски и сюрреалистического витражного окна.

Лэнгдона привлекла деталь, он ненадолго остановился и увидел, что поверхность выглядела абсолютно гладкой, без видимых мазков.

— Это репродукция?

— Нет, это оригинал, — ответил Уинстон.

Лэнгдон присмотрелся. Работа была явно напечатана крупноформатным принтером.

— Уинстон, это печать. Даже не на холсте.

— Я не работаю на холсте, — ответил Уинстон. — Я создаю искусство практически, а затем Эдмонд распечатывает это мне.

— Погодите, — недоверчиво сказал Лэнгдон. — Это ваше?

— Да, я попытался подражать стилю Жоан Миро.

— Заметно, — сказал Лэнгдон. — Вы даже подписали — Миро.

— Нет, — сказал Уинстон. — Посмотрите внимательно. Я подписался Миро — без ударения. На испанском языке слово miro означает «я смотрю».

— Умно, — должен был признать Лэнгдон, увидев одинокий глаз в стиле Миро, глядящий на

зрителя из центра творения Уинстона.

— Эдмонд попросил меня создать автопортрет, и вот что, что я придумал.

Это ваш автопортрет? Лэнгдон снова взглянул на скопление неровных крючков. Вы, должно быть, очень странный компьютер.

Лэнгдон недавно прочитал о бурной реакции Эдмонда по поводу обучения компьютеров созданию алгоритмического искусства — то есть искусства, создаваемого сложными компьютерными программами. Это вызвало неудобный вопрос: если компьютер создает искусство, кто художник — компьютер или программист? В Массачусетском технологическом институте недавняя выставка высокоразвитого алгоритмического искусства поставила в неудобное положение гуманитарный курс Гарварда: делает ли искусство нас людьми?

— Я еще сочиняю музыку, — подхватил Уинстон. — Попросите Эдмона немного поиграть для вас, если любопытно. Сейчас, однако, нужно поспешить. Презентация начнется в ближайшее время.

Лэнгдон вышел из галереи и оказался на высоком подиуме с видом на главный атриум. На противоположной стороне обширного про-

странства ассистенты подталкивали несколько последних запаздывающих гостей из лифтов, направляя их в сторону Лэнгдона к дверному проему впереди.

— Сегодняшняя программа запланирована на несколько минут, — сказал Уинстон. — Вы видите вход в презентационное пространство?

— Вижу. Оно как раз впереди.

— Отлично. И последнее. Когда войдете, увидите емкости для сбора наушников. Эдмонд попросил вас не возвращать свои, а сохранить. Так после программы я смогу вывести вас из музея через черный ход, где вы избежите толпы и обязательно найдете такси.

Лэнгдон представил странную серию букв и цифр, которые Эдмонд нацарапал на визитной карточке и сказал отдать таксисту.

— Уинстон, Эдмонд написал лишь «BIO-EC346». Он назвал это крайне простым кодом.

— Он говорит правду, — быстро ответил Уинстон. — Теперь, профессор, программа вот-вот начнется. Надеюсь, вам понравится презентация мистера Кирша, и я с нетерпением жду вас после этого.

После внезапного щелчка Уинстон исчез.

Лэнгдон приблизился к входным дверям, снял

наушники и засунул крошечное устройство в карман фрака. Затем он поспешил на вход с последними гостями, и двери за ним закрылись.

Он снова оказался в неожиданном месте.

Мы простоим всю презентацию?

Лэнгдон представил, как толпа собралась в удобной аудитории с креслами послушать заявление Эдмонда, но вместо этого сотни гостей стояли в тесном, белоснежном пространстве галереи. В помещении не наблюдалось художественных работ и никаких кресел — лишь подиум у дальней стены, окруженный большим жидкокристаллическим экраном с надписью:

Программа начнется через 2 минуты 7 секунд.

Лэнгдон чувствовал предвкушение, и его глаза продолжили движение по экрану до второй строки текста, которую ему пришлось прочитать дважды:

Количество удаленных участников: 1 953 694

Два миллиона человек?

Кирш сказал Лэнгдону, что будет транслировать свое заявление в прямом эфире, но эти цифры казались непостижимыми, а число участников на бегущей строке росло все быстрее с каждым мгновением.

Улыбка расцвела на лице Лэнгдона. Его быв-

ший ученик, безусловно, постарался для себя. Стоял лишь вопрос: о чем, черт возьми, собирался сказать Эдмонд?

ГЛАВА 13

В пустыне Мунлит к востоку от Дубая, гоночная машина Sand Viper 1100 для езды по песку вильнула влево и остановилась, погнав вздымающуюся завесу песка прямо к мощным фарам.

Подросток за рулем сорвал свои очки и уставился на цель, которую он почти проехал. Полный дурных предчувствий, он вылез из машины и подошел к темной фигуре на песке.

Разумеется, это было именно то, что и казалось.

Там, в свете фар, лежало неподвижное человеческое тело, растянувшееся на песке лицом вниз.

— Мархаба? — окликнул его парень. — Привет?

Ответа не последовало.

Юноша мог сказать, что этот человек был одет в свою одежду — традиционную чечскую шляпу и свободного покроя тоб — и мужчина выглядел упитанным и приземистым. Его следы уже давно были засыпаны песком, так же как и следы шин или намеки на то, как он мог так далеко зайти в открытую пустыню.

— Мархаба? — повторил юноша.

Без ответа.

Не зная, что еще сделать, мальчик вытянул ногу и осторожно тронул лежащего человека. Хотя его тело и было полным, плоть казалась тугой и плотной, уже подсушенной ветром и солнцем.

Определенно мертв.

Юноша наклонился, потянул его за плечо и перевернул на спину. Безжизненные глаза мужчины смотрели в небеса. Лицо и борода были обсыпаны песком, но даже грязным он выглядел как-то дружелюбно, будто знакомым, вроде любимого дяди или дедушки.

Рядом раздался рокот полдюжины квадроциклов и багги. Катавшиеся по дюнам друзья мальчика вернулись проверить, все ли с ним в порядке. Машины взревели над хребтом и скользнули вниз к песчаным барханам.

Все припарковались, сняли свои очки и шлемы и собрались вокруг жуткой находки — иссохшего трупа. Один из мальчиков взволнованно заговорил, узнав в мертвом человеке знаменитого Аллама Саида аль-Фадла — ученого и религиозного лидера, который время от времени выступал в университете.

— Мата Алайна ан «нафаль»? — спросил он

громко. — Что мы должны делать?

Мальчики встали кругом и молча уставились на труп. Потом они отреагировали так же, как реагируют подростки по всему миру. Они вытащили свои телефоны и начали щелкать, чтобы послать фото друзьям.

ГЛАВА 14

Стоя плечом к плечу с гостями, столпившимися вокруг трибуны, Роберт Лэнгдон с изумлением наблюдал, как цифры на экране непрерывно росли.

Удаленных участников в данный момент: 2.527.664 человека.

Обсуждение на заднем фоне тесного помещения переросло в слабым шум: голоса сотен гостей жужжали в предвкушении, от восторга многие делали последние звонки или твиты о своем местонахождении.

На подиум поднялся техник и постучал по микрофону.

— Дамы и господа, мы уже просили вас отключить свои мобильные устройства. На сей раз мы заблокируем сотовую связь и Wi-Fi на время этого мероприятия.

Многие гости все еще были погружены в свои телефоны, и они вмиг оказались без связи. У многих был изумлённый вид, будто они только что стали свидетелями демонстрации какой-то загадочной технологии от Кирша, способной ма-

гическим образом обрубить все связи с внешним миром.

Лэнгдон знал, что устроить это можно за пятьсот долларов, потраченных в магазине электроники. Он был одним из нескольких профессоров в Гарварде, которые теперь при помощи портативных устройств технологии сотовой блокировки превращали свои аудитории в «мертвую зону», не давая своим студентам пользоваться телефонами во время занятий.

Сейчас занял свою позицию оператор с камерой на плече, которую он направил на подиум. Свет в помещении потускнел.

На ЖК-дисплее появилась надпись:

Через 38 секунд начнется прямая трансляция

Удаленных участников в данный момент: 2.857.914 человек

Лэнгдон с изумлением смотрел на счетчик посетителей. Казалось, что он растет быстрее, чем государственный долг США, и он счел почти невозможным пересчитать три миллиона людей, которые в этот самый момент сидят дома и наблюдают за прямой трансляцией того, что здесь должно произойти.

— Тридцать секунд, — сухо объявил техник через микрофон.

В стене за подиумом открылась узкая дверь, и в толпе тут же послышался шепот, все с нетерпением ждали появления великого Эдмонда Кирша.

Но Эдмонд так и не материализовался.

Дверь оставалась открытой почти десять секунд.

Затем появилась элегантная женщина, которая направилась к подиуму. Она была вызывающе красива: высокая и стройная, с длинными черными волосами, в облегающем белом платье с черной полосой по диагонали. Казалось, она без всяких усилий дрейфует через зал. Оказавшись в центральной части сцены, она подогнала по высоте микрофон, глубоко вздохнула и одарила присутствующих терпеливой улыбкой, ожидая, пока отсчитывается время.

Прямая трансляция начнется через 10 секунд

Женщина на мгновение закрыла глаза, будто собираясь с мыслями, затем снова их открыла, обретя уверенный вид.

Оператор держал поднятыми пять пальцев.

Четыре, три, два…

Когда женщина подняла глаза к камере, аудитория полностью утихла. На ЖК-дисплее всплыло изображение ее лица. Она приковала к себе внимание присутствующих одухотворенными

темными глазами, невзначай отведя приядь волос со своей оливкового оттенка щеки.

— Всем добрый вечер, — начала она хорошо поставленным, приятным голосом с легким испанским акцентом. — Меня зовут Амбра Видаль.

В комнате разразился необычайно громкий взрыв аплодисментов, показывающих, что многие люди знают, кто она.

— j F elicidades! * — крикнул кто-то. — Поздравляем!

* Поздравляем!(исп.)

Женщина покраснела, и Лэнгдон почувствовал, что есть такое, чего он не знает.

— Дамы и господа, — быстро и с напором сказала она, — в течение последних пяти лет я была директором этого музея Гуггенхайма в Бильбао, и сегодня я здесь, чтобы поприветствовать вас на этом невероятно особенном вечере, представленном поистине замечательным человеком.

Толпа увлеченно апплодировала, и Лэнгдон к ней присоединился.

— Эдмонд Кирш не только щедрый покровитель этого музея, но и настоящий друг. Для меня было особой привилегией и честью, столь тесно работать с ним в течение последних нескольких месяцев, чтобы спланировать события этого ве-

чера. Я только что проверила, что социальные сети гудят по всему миру! Поскольку многие из вас, без сомнения, слышали о том, что Эдмонд Кирш планирует сегодня сделать важное научное заявление — открытие, благодаря которому, по его мнению, навсегда запомнят как человека, внесшего самый большой вклад в мире.

Ропот восхищения пробежал по залу.

Темноволосая женщина игриво улыбнулась.

— Разумеется, я умоляла Эдмонда рассказать мне, что он такое открыл, но он отказался даже намекнуть.

За взрывом смеха последовали новые аплодисменты.

— Сегодняшнее особое мероприятие будет проходить на английском языке, — продолжила она. — Родной язык Кирша, хотя для тех из вас, кто физически присутствует здесь, мы предлагаем перевод в режиме реального времени на более чем двадцать языков.

Включился экран, и Амбра добавила:

— И если кто-нибудь когда-нибудь сомневался в самоуверенности Эдмонда, вот автоматизированный пресс-релиз, который вышел пятнадцать минут назад в социальные сети по всему миру.

Лэнгдон посмотрел на ЖК-дисплей.

Сегодня: Прямой эфир. 20:00 по среднеевропейскому времени.

Футурист Эдмонд Кирш объявит об открытии, которое навсегда изменит лицо науки.

«Так вот как получают три миллиона зрителей за считанные минуты,» — смекнул Лэнгдон.

Снова обратив внимание на подиум, Лэнгдон заметил двух человек, которых раньше не увидел — пара охранников с каменными физиономиями, которые с пристальным вниманием разглядывали боковую стенку, наблюдая за толпой. Лэнгдон с удивлением заметил монограмму с буквами на их синих пиджаках.

Guardia Real?! Зачем здесь сегодня королевская охрана?

Казалось маловероятным, что здесь мог присутствовать кто-либо из членов королевской семьи; будучи строгими католиками, царственные особы почти наверняка уклонились бы от публичного появления в одном месте с атеистом вроде Эдмонда Кирша.

Король Испании, как парламентский монарх, обладал очень ограниченной официальной властью, и все же он сохранял огромное влияние на сердца и умы своего народа. Для миллионов испанцев корона по-прежнему была символом

глубокой католической традиции католических королей и Золотого века Испании. Королевский дворец Мадрида все еще сиял как духовный компас и памятник долгой истории стойкого религиозного убеждения.

Лэнгдон слышал, как говорили в Испании: «Парламент правит, но господствует король». На протяжении веков цари, председательствовавшие на дипломатических мероприятиях Испании, были глубоко набожными, консервативными католиками. «И нынешний король не стал исключением,» — подумал Лэнгдон, прочитав о глубоких религиозных убеждениях человека и консервативных ценностях.

В последние месяцы стареющий монарх, как сообщается, был прикован к постели и умирал, а его страна теперь готовится к возможному переходу власти к его единственному сыну Хулиану. По словам прессы, принц Хулиан был чем-то вроде «вещи в себе» и в течение долгого времени спокойно существовал в тени своего отца. А теперь страна задавалась вопросом, каким правителем он может оказаться.

«Неужели принц Хулиан послал агентов Гвардии, чтобы разузнать о событии Эдмонда?» В памяти Лэнгдона снова промелькнул угрожаю-

щий тон голосовой почты Эдмонда от епископа Вальдеспино. Несмотря на опасения Лэнгдон чувствовал, что атмосфера в зале была дружелюбной, восторженной и безопасной. Он вспомнил, как Эдмонд сказал ему, что безопасность сегодняшнего дня невероятно основательная, поэтому, возможно, появление Королевской гвардии Испании стало дополнительной защитой для гарантии, что вечер пройдет гладко.

— Для тех из вас, кто знаком со страстью Эдмонда Кирша к драматизму, — продолжала Амбра Видаль, — вы знаете, что он никогда не планировал надолго оставлять нас в этой стерильной комнате.

Она направилась к закрытым двойным дверям в дальней стене помещения.

— За этими дверями Эдмонд Кирш организовал экспериментальное пространство, в котором сегодня представят его динамическую мультимедийную презентацию. Она полностью автоматизирована с использованием компьютеров и будет транслироваться на весь мир в реальном времени. — Она сделала паузу и сверилась со своими золотыми часами. — Сегодняшнее мероприятие тщательно регламентировано, и Эдмонд попросил меня провести вас внутрь, чтобы мы

смогли начать ровно в 08:15, то есть всего через несколько минут. — Она указала на двойные двери. — Так что пожалуйста, дамы и господа, проходите, и мы увидим, что нам приготовил удивительный Эдмонд Кирш.

По команде двойные двери распахнулись.

Лэнгдон взглянул в ту сторону, ожидая увидеть следущую галерею. Вместо этого он поразился увиденному. За дверьми оказался глубокий темный туннель.

Адмирал Авила отпрянул назад, когда толпы гостей начали проталкиваться в тускло освещенный проход. Когда он заглянул в туннель, то с радостью увидел, что внутри темно.

Темнота значительно облегчит его задачу.

Прикоснувшись к четкам в кармане, он собрался с мыслями, прокручивая детали, которые только что были получены относительно его миссии.

Сроки будут иметь решающее значение.

ГЛАВА 15

Модная черная ткань была натянута через поддерживающие арки, туннель около двадцати футов в ширину мягко поднимался вверх и отходил влево. Пол туннеля был покрыт плисовым черным ковром, и только две осветительных полосы вдоль основания стен обеспечивали подсветку.

— Обувь, пожалуйста, — прошептал ассистент новоприбывшим. — Пожалуйста, все снимите обувь и несите ее с собой.

Лэнгдон снял свои лакированные, классические туфли, и его ноги в носках глубоко погрузились в удивительно мягкий ковер. Он чувствовал, как его тело инстинктивно расслабляется. Вокруг слышались вздохи признательности.

Когда он неслышно шел дальше по коридору, Лэнгдон наконец увидел цель — черный занавес, где гостей приветствовали ассистенты и прежде чем провести их за занавес вручили каждому из них нечто похожее на плотное пляжное полотенце.

Внутри туннеля прежний гул ожидания теперь

сменился неопределенной тишиной. Когда Лэнгдон подошел к занавесу, ассистент вручил ему сложенный кусок ткани, который, как он понял, был не пляжным полотенцем, а довольно маленьким плисовым одеялом с подушкой, зашитой с одного конца. Лэнгдон поблагодарил преподавателя и прошел в помещение за занавес.

Уже во второй раз за этот вечер он был сбит с мыслей. Хотя Лэнгдон и не мог бы сказать, что он рассчитывал увидеть за занавесом, скорее всего, это было совсем не похоже на то, что предстало перед ним.

Мы… на открытом воздухе?

Лэнгдон стоял на краю широкого поля. Над ним простиралось ослепительное небо звезд, а в отдалении тонкий серп луны как раз вставал из- за одинокого клена. Стрекотали сверчки и теплый ветерок ласкал его лицо, доносящийся воздух, был насыщен земным ароматом свежесрезанной травы под его ногами.

— Сэр? — шепотом проговорил ассистент, взяв его за руку и проведя на поле. — Пожалуйста, найдите здесь место на траве. Разложите свое одеяло и наслаждайтесь.

Лэнгдон вышел на поле вместе с другими столь же ошеломленными гостями, большинство из

которых теперь выбирали участки на огромной лужайке, чтобы разложить свои одеяла. Ухоженное травянистое пространство было размером с хоккейную площадку и обсажено деревьями, овсяницей и болотным камышом, шуршавшим на ветру.

Лэнгдону потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что вся эта иллюзия — потрясающее произведение искусства.

«Я нахожусь внутри тщательно продуманного планетария», — подумал он, поражаясь безупречному вниманию к мелочам.

Наполненное звездами небо было проекцией с луной, бегущими облаками и пологими холмами. Шорох деревьев и травы звучал по-настоящему — либо превосходные подделки, либо небольшой лес живых растений в скрытых горшках. Этот неясный периметр из растительности умно замаскировал огромные размеры помещения, создавая впечатление естественной среды.

Лэнгдон присел на корточки и потрогал траву, которая была мягкой и похожей на настоящую, но совершенно сухой. Он читал о новых синтетических торфах, которые обманывали даже профессиональных спортсменов, и все же Кирш продвинулся дальше и создал слегка неровную

почву с небольшими низинами и холмами, как на настоящем лугу.

Лэнгдон вспомнил, как впервые его обманули чувства. Ребенком он дрейфовал в маленькой лодке через лунную гавань, где пиратский корабль с оглушительной пальбой из пушек ввязался в битву. Детским умом Лэнгдон не мог понять, что он вообще не был в гавани. На самом деле он был в пещерном подземном театре, затопленном водой для создания иллюзии классического диснеевского мира с пиратами Карибского моря.

Сегодня эффект был потрясающе реалистичным, и в окружении гостей Лэнгдон видел, что их удивление и восторг отразились на его собственном. Он должен был отдать должное Эдмонду — не столько за создание этой удивительной иллюзии, но и за то, что убедил сотни взрослых людей сбросить свою модную обувь, лечь на газон и взглянуть на небеса.

«Мы делали так, когда были детьми, но в какой-то момент перестали».

Лэнгдон прилег и положил голову на подушку, позволяя своему телу раствориться в мягкой траве.

Над головой мерцали звезды, и на мгновение Лэнгдон снова стал подростком, лежащим на

пышных фервеях гольф-поля «Болд Пик» в полночь со своим лучшим другом, размышляя о тайнах жизни. «Если повезет, — подумал Лэнгдон, — Эдмонд Кирш сможет разгадать сегодня вечером некоторые из этих тайн для нас».

В задней части театра адмирал Луис Авила заключительно осмотрел комнату и молча двинулся назад, проскользнув незамеченным через тот же занавес, через который он только что вошел. Один во входном туннеле, он провел рукой вдоль матерчатых стен, пока не нашел шов. Как можно тише, он открыл застежку на липучке, шагнул через стену, и закрыл ткань за собой.

Все иллюзии испарились.

Авила уже не стоял на лужайке.

Он оказался в огромном прямоугольном пространстве, в котором преобладал растянутый овальный пузырь. Комната, построенная в комнате. Конструкция перед ним — своего рода куполообразный театр — была окружен возвышающимся каркасом строительных лесов, который поддерживал клубок кабелей, фонарей и звуковых колонок. Мерцающая масса видеопроекторов, направленная внутрь, светила в унисон широкими лучами света вниз на полупрозрачную поверхность купола и создавала внутри

иллюзию звездного неба и пологих холмов.

Авила оценил театральность Кирша, хотя этот футурист и представить себе не мог, насколько драматичным вскоре окажется это вечер.

«Помни, что стоит на кону. Ты солдат справедливой войны. Часть великого целого».

Авила мысленно прорепетировал эту миссию множество раз. Сейчас он полез в карман и достал свои большие четки. В это мгновение из расположенного выше комплекта динамиков прогремел мужской голос, подобно гласу Божию.

— Добрый вечер, друзья. Меня зовут Эдмонд Кирш.

ГЛАВА 16

В Будапеште раввин Ковеш нервно расхаживал в полумраке своего кабинета. Схватив пульт от телевизора, он с тревогой переключал каналы в ожидании дальнейших новостей от епископа Вальдеспино.

Несколько новостных каналов телевидения прервали свои регулярные программы в течение последних десяти минут в ожидании прямого эфира из Гуггенхайма. Комментаторы обсуждали достижения Кирша и строили предположения о его таинственном грядущем сообщении. Ковеш съежился от этого интереса, нарастающего до лавинообразного уровня.

Я уже видел это сообщение.

Три дня назад, на горе Монсеррат Эдмонд Кирш предварительно просмотрел предполагаемую «грубую» версию для Ковеша, Аль-Фадла и Вальдеспино. Теперь, по предположению Ковеша, миру предстоит посмотреть ту же самую программу.

«Сегодня вечером все изменится,» — печально подумал он.

Зазвонил телефон и прервал раздумья Ковеша. Он схватил телефонную трубку.

Вальдеспино начал без предисловия.

— Иегуда, боюсь, что у меня плохие новости. Мрачным голосом он передал странное сообщение, которое только что получено из Объединенных Арабских Эмиратов.

Ковеш в ужасе закрыл рот.

— Аллама аль-Фадл… совершил суицид?

— Вот как это преподносят власти. Его обнаружили совсем недавно, в глубокой пустыне… как будто он просто отправился туда умирать. Вальдеспино сделал паузу. — Могу лишь предположить, что напряжение последних дней оказалось для него чересчур тяжким.

Ковеш рассмотрел такую возможность, столкнувшись с волной горя и сумятицей. Он тоже боролся с последствиями открытия Кирша, и все же мысль о том, что Аллама аль-Фадл убьет себя в отчаянии, показалась ему совершенно маловероятной.

— Что-то тут не так, — объявил Ковеш. — Я не верю, что он мог совершить такое.

Вальдеспино долго молчал.

— Я рад, что вы это сказали, — наконец согласился он. — Должен признаться, мне тоже трудно

поверить, что это было самоубийство.

— Тогда… кто ответит за это?

— Все, кто хотел, чтобы открытие Эдмонда Кирша оставалось тайной, — быстро ответил епископ. — Кто как и мы верил в то, что его заявление состоится еще через несколько недель.

— Но Кирш сказал, что никто не знает об этом открытии! — возразил Ковеш. — Только вы, Аллама аль-Фадл и я.

— Возможно, Кирш тоже солгал. Но даже если трое из нас единственные, которых он назвал, не забывайте, как отчаянно наш друг Саид аль-Фадл хотел это предать гласности. Возможно, что Аллама поделился информацией об открытии Кирша с коллегой в Эмиратах. И может как и я этот коллега посчитал, что открытие Кирша будет иметь опасные последствия.

— Что это значит? — сердито потребовал объяснения раввин. — Что помощник аль-Фадла убил его, чтобы не предавать это огласке? Это смешно!

— Раввин, — спокойно ответил епископ, — конечно, я не знаю, что случилось. Я просто пытаюсь найти ответы, как и вы.

Ковеш выдохнул.

— Извините. Я все еще пытаюсь переварить

новости о смерти Саида.

— Я тоже. И если Саида убили из-за этой информации, тогда нужно быть осторожными. Возможно, мы с вами тоже под прицелом.

Ковеш подумал об этом.

— Как только новости станут общедоступными, к нам потеряют интерес.

— Правда, но об этом еще не объявили.

— Ваше Преосвященство, заявление прозвучит через минуту. Все станции транслируют его.

— Да… — Вальдеспино устало вздохнул. — Кажется, придется признать, что мои молитвы остались без ответа.

Ковеш задавался вопросом, буквально ли епископ молился о том, чтобы Бог вмешался и изменил мнение Кирша.

— Даже когда это станет достоянием публики, — сказал Вальдеспино, — мы все равно в опасности. Я подозреваю, что Кирш с удовольствием расскажет миру, что он консультировался с религиозными лидерами три дня назад. Мне теперь интересно, был ли внешний вид этической прозрачности его истинным мотивом для созыва собрания. И если он упомянет наши имена, вы и я станем объектом пристального внимания и даже критики, возможно, со стороны нашей паствы,

которые посчитают, что мы должны были принять меры. Простите, я просто…

Епископ колебался, как будто хотел сказать нечто большее.

— В чем дело? — потребовал объяснения Ковеш.

— Мы можем обсудить это позже. Я позвоню вам снова, когда увидим, как Кирш справляется с презентацией. А пока не выходите. Заприте двери. Ни с кем не разговаривайте. И будьте осторожны.

— Вы обеспокоили меня, Антонио.

— Я не хотел, — ответил Вальдеспино. — Мы можем лишь ждать и наблюдать, как отреагирует мир. Все в руках Божьих.

ГЛАВА 17

На «Приветливом лужке» в музее Гуггенхайма стало тихо после того, как голос Эдмонда Кирша опустился с небес. Сотни гостей, раскинувшихся на одеялах, уставились в ослепительное звездное небо. Роберт Лэнгдон лежал у центра поля в состоянии растущего ожидания.

— Позвольте нам снова сегодня быть детьми, — продолжал голос Кирша. — Разрешите нам полежать под звездами, и широко распахнуть наши умы для всех возможностей.

Лэнгдон почувствовал, как волнение охватило толпу.

— Сегодня вечером, давайте будем похожими на древних исследователей, — заявил Кирш, — на тех, кто оставил все позади и отправился через огромные океаны… на тех, кто впервые мельком увидел землю, которую никогда ранее не видел… на тех, кто пал на колени в трепетном осознании, что мир оказался намного больше, чем осмелилась признавать их философия. Их давние представления о мире рассыпались перед лицом нового открытия. Таким сегодня будет

наше мышление.

«Впечатляюще, — размышлял Лэнгдон, — любопытно, был ли заранее записан дикторский текст Эдмонда, или это сам Кирш за кулисами читал сценарий».

— Друзья мои, — раздался голос Эдмонда над ними… — Мы собрались сегодня вечером, чтобы услышать новости о важном открытии. Я прошу снисходительно дать мне возможность выступить на сцене. Сегодня, как и во всех переменах в человеческой философии, крайне важно понять исторический контекст, в котором рождается подобный момент.

Прямо во время реплики, вдалеке прогремел гром, Лэнгдон почувствовал глубокий звук низких частот из громкоговорителей, бробурчавших в его кишке.

— Чтобы помочь нам лучше акклиматизироваться сегодня вечером, — продолжал Эдмонд, — на наше счастье, с нами сегодня известный ученый — легенда в мире символов, кодов, истории, религии и искусства, а также и мой дорогой друг. Дамы и господа, пожалуйста, поприветствуйте профессора Гарвардского университета Роберта Лэнгдона.

Лэнгдон привстал на локтях, когда толпа

восторженно захлопала, и звезды над головой растворились в широком формате большой аудитории, заполненной людьми. На сцене Лэнгдон ходил взад и вперед перед восхищенной аудиторией в своем фраке от Харриса Твида.

«Именно эту роль Эдмонд и упомянул,» — подумал он, беспокойно усевшись в траву.

«Первобытные люди, — объяснял Лэнгдон с экрана, — связывали удивление перед непонятным с мирозданием, особенно с теми явлениями, которые они не могли рационально понять. Чтобы решить эти тайны, они создали огромный пантеон богов и богинь, чтобы объяснить все, что было за пределами их понимания, — гром, приливы, землетрясения, вулканы, бесплодие, язвы и даже любовь».

«Это сюрреалистично,» — подумал Лэнгдон, лежа на спине и уставившись на самого себя.

«Для древних греков отлив и прилив океана объяснялись изменением настроения Посейдона». На потолке образ Лэнгдона размывался, но его голос продолжал рассказывать.

Изображения ошеломляющего океанского прибоя материализовались, сотрясая всю комнату. Лэнгдон с удивлением наблюдал, как грохочущие волны превратились в пустынную вьюжную

тундру с сугробами. Откуда-то над лугом пролетел холодный ветер.

«Сезонный приход зимы, — продолжал голос Лэнгдона, — был вызван печалью планеты из-за ежегодного похищения Персефоны в подземное царство».

Теперь воздух снова стал теплее, и из-за снежного пейзажа поднялась гора, поднимающаяся все выше и выше, ее вершина извергала искры, дым и лаву.

«Римляне, — вещал Лэнгдон, — считали, что вулканы являются домом Вулкана — кузнеца богов, — которые работали в гигантской кузнице под горой, из-за чего из дымохода извергалось пламя».

На Лэнгдона мимолетно пахнуло дуновением серы и он поразился, как Эдмонд превратил лекцию Лэнгдона в мультисенсорный опыт.

Грохот вулкана резко прервался. В тишине снова начали стрекотать сверчки, и теплый ветерок с запахом травы подул на луг.

«Древние придумали бесчисленных богов, — объяснял голос Лэнгдона, — чтобы трактовать не только тайны своей планеты, но и тайны их собственных тел».

А высоко вновь появились мерцающие созвез-

дия звезд с наложеннными на них рисунками различных богов, их представляющих.

«Бесплодие вызывалось падением покровительства богини Юноны. Любовь была результатом нападения Эроса. Эпидемии объясняли как наказание, посланное Аполлоном».

Новые созвездия теперь зажигаются вместе с изображениями новых богов.

«Если вы читали мои книги, — продолжал голос Лэнгдона, — вы поймете как я использую термин «Бог пробелов». То есть, когда древние испытывали недостатки в своем понимании окружающего их мира, они заполняли эти пробелы Богом».

Теперь небо заполнилось массивным коллажем из картин и статуй, изображающих дюжины древних божеств.

«Бесчисленные боги заполнили бесчисленные бреши, — сказал Лэнгдон. — И все же на протяжении веков возрастало научное знание. — Коллаж из математических и технических символов наводнил небо над головой. — Поскольку в нашем понимании бреши природного мира постепенно исчезали, наш пантеон богов начал сокращаться».

На потолке, образ Посейдона вышел на первый план.

«К примеру, когда мы узнали, что приливы были вызваны лунными циклами, в Посейдоне больше не было необходимости, и мы избавились от него, как от олицетворения глупого мифа непросвещенного времени».

Изображение Посейдона развеялось в клубе дыма.

«Как вы знаете, та же участь постигла всех богов, умирающих один за другим, поскольку они изжили свое значение для наших эволюционирующих умов».

Наверху образы богов начали исчезать один за другим — боги грома, землетрясения, язв и так далее.

Когда количество рисунков стало уменьшаться, Лэнгдон добавил:

«Но не заблуждайтесь по этому поводу. Эти боги не «уходили спокойно в ночи»; это неприятный процесс для культуры — отказываться от своих божеств. Духовные убеждения глубоко укоренились в нашей психике еще с юных лет теми, кого мы любим и, в большинстве своем, доверяем — нашим родителям, нашим учителям, нашим религиозным лидерам. Поэтому любые религиозные сдвиги проходят в течение поколений, и не без глубоких страхов, а часто и кровопролития».

Звук грохочущих мечей и криков теперь сопроводил постепенное исчезновение богов, чьи образы исчезали один за другим. Наконец, остался образ единственного бога — иконописное морщинистое лицо с белоснежной бородой.

«Зевс… — огласил Лэнгдон своим сильным голосом. — Бог всех богов. Самый грозный и почитаемый всеми языческими божествами. Зевс, больше чем любой другой бог, сопротивлялся своему собственному вымиранию, усиливая жестокую битву против смерти своего собственного образа точно так же, как до этого были заменены более ранние боги, чье место занял Зевс».

На потолке промелькнули изображения Стоунхенджа, шумерских клинописных табличек и Великих Пирамид Египта. Затем вернулся бюст Зевса.

«Последователи Зевса были настолько стойко отстаивали своего Бога, что у завоевавшей христианской веры не было другого выбора, кроме как принять лицо Зевса как лицо нового Бога».

На потолке бородатый бюст Зевса гармонично реформировался во фрески того же бородатого лица, что и у христианского Бога, как изображено в «Создании Адама» Микеланджело на потолке Сикстинской капеллы.

«Сегодня мы больше не верим в такие истории вроде Зевса — мальчике, воспитанным козлом и наделенным даром власти одноглазыми существами, называемыми Циклопами. Для нас, с учетом современного мышления, эти сказки были классифицированы как мифологические причудливые вымышленные истории, которые бегло знакомят нас с интересным взглядом на наше суеверное прошлое».

На потолке теперь красовалась фотография пыльной библиотечной полки, где в темноте, томились кожаные тома по древней мифологии рядом с книгами по космотеизму, Баал, Инана, Осирис и бесчисленными ранними книгами по теологии.

«Сейчас все по-другому! — сказал глубокий голос Лэнгдона. — Мы люди нового времени».

В небе появились новые изображения — блестящие и сверкающие фотографии космических исследований… компьютерные чипы… медицинская лаборатория… ускоритель частиц… устремленные ввысь струи.

— Мы интеллектуально развитые и технологически опытные люди. Мы не верим в гигантских кузнецов, работающих под вулканами или богов, которые контролируют приливы или времена

года. Мы не такие, как наши древние предки.

«Или такие?» — Лэнгдон прошептал это в душе, шевеля губами вместе с воспроизведением.

«Или такие? — пробормотал Лэнгдон с экрана над головой. — Мы считаем себя современными рациональными людьми, но самое широкое распространение нашего вида религии включает в себя целый ряд магических утверждений — людей, необъяснимо воскресших из мертвых, чудесных непорочных зачатий, мстительных богов, посылающих язвы и наводнения, мистических обещаний загробной жизни в облаках — на небесах или огненном аду».

Когда Лэнгдон говорил, на потолке мелькали известные христианские образы Воскресения, Девы Марии, Ноев ковчега, расступившегося Красного моря, небес и ада.

«Итак, на мгновение, — сказал Лэнгдон, — представим себе реакцию будущих историков и антропологов человечества. С точки зрения перспективы они будут оглядываться назад на наши религиозные убеждения и классифицировать их как мифологии невежественного времени? Будут ли они смотреть на наших богов так, как мы смотрим на Зевса? Будут ли они собирать наши священные писания и избавляться от них, засу-

нув на эту пыльную книжную полку истории?»

Вопрос надолго повис в темноте.

А затем, голос Эдмонда Кирша внезапно нарушил тишину.

— Да, профессор, — пророкотал с высоты голос футуриста. — Я верю, что все так и произойдет. Я верю, что будущие поколения спросят себя, как такой технологически развитый вид, как наш, мог поверить в то, чему учат нас современные религии.

Голос Кирша усилился, и новая серия изображений развернулась на потолке — Адам и Ева, женщина, закутанная в паранджу, индийское хождение по углям.

— Я считаю, что посмотрев на наши нынешние традиции, — заявил Кирш, — будущие поколения придут к выводу, что мы жили в непросвещенное время. В качестве доказательства они укажут на наше убеждение в том, что мы были созданы Богом в волшебном саду или что наш всемогущий Творец требует, чтобы женщины закрывали головы, или что мы рискуем, сжигая собственные тела в честь наших богов.

Появилось больше изображений — быстрый монтаж фотографий, изображающих религиозные обряды со всего мира — от экзорцизмов и

крещений до пирсинга и жертвоприношения животных. Слайд-шоу завершилось глубоким тревожным видео индийского клирика, висящего с крошечным младенцем над краем пятидесятифутовой башни. Внезапно клирик отпустил младенца, и ребенок упал с высоты пятьдесят футов прямо на растянутое одеяло, которое радостные жители деревни держали как пожарную сетку.

«Падение с Гришнешварского храма,» — подумал Лэнгдон, вспоминая, как некоторые считают, что это приносит божественную милость к ребенку.

К счастью, тревожащее видео подошло к концу.

Теперь, в полной темноте над головой резонировал голос Кирша.

— Как может быть, что современный человеческий ум способен точно анализировать логику и одновременно позволяет нам принимать религиозные принципы, которые должны рушиться даже при малейшем рациональном анализе?

Над головой вновь развернулось блестящее звездное небо.

— Как выясняется, — заключил Эдмонд, — ответ довольно прост.

Звезды в небе снова стали ярче и значительнее. Между звездами появились связующие нити, образующие с виду бесконечную сеть связанных между собой узлов.

«Нейроны,» — понял Лэнгдон, как только Эдмонд начал говорить.

— Человеческий мозг, — объявил Эдмонд. — Почему он верит в то, во что верит?

В воздухе вспыхнули несколько узлов, посылая импульсы электричества через волокна к другим нейронам.

— Подобно органическому компьютеру, — продолжал Эдмонд, — ваш мозг имеет операционную систему — набор правил, которые организуют и определяют всю хаотическую информацию на входе, которая передается в течение всего дня, — язык, запоминающаяся мелодия, сирена, вкус шоколада. Как вы можете себе представить, поток поступающей информации бешено и неумолимо расширяется, и ваш мозг должен осознать все это. На самом деле, именно программирование операционной системы вашего мозга определяет ваше восприятие реальности. К сожалению, это шутка, потому что тот, кто писал программу для человеческого мозга имел извращенное чувство юмора. Другими словами, не наша вина, что мы

верим в бредовые вещи, в которые верим.

Связи между нейронами над головой шипели, и в мозгу пузырились знакомые изображения: астрологические карты; Иисус, идущий по воде; основатель саентологии Л. Рон Хаббард; египетский бог Осирис; индуистский четырехрукий Бог-слон, Ганеша; и мраморная статуя Девы Марии буквально плачет слезами.

— И, как программист, я должен спросить себя: «Какая странная операционная система создаст такой нелогичный результат? Если бы мы могли заглянуть в человеческий разум и прочитать его операционную систему, мы бы нашли нечто подобное».

Четыре слова появились в гигантском тексте над головой:

ПРЕЗИРАЙ ХАОС.

СОЗДАВАЙ ПОРЯДОК.

— Это базовая программа нашего мозга, — сказал Эдмонд. — И поэтому, это именно то, к чему склонны люди. Против хаоса. И за порядок.

Внезапно комната задрожала от какофонии диссонирующих фортепианных звуков, словно ребенок застучал по клавиатуре. Лэнгдон и окружающие его невольно напряглись.

Эдмонд попытался перекричать какофонию.

— Этот звук, когда кто-то барабанит на пианино, совершенно невыносим! И все же, если мы возьмем те же ноты и организуем их в лучшем порядке…

Бессистемный грохот музыкальных звуков мгновенно прекратился, вытесненный успокаивающей мелодией «Лунного света» Дебюсси.

Лэнгдон почувствовал, что его мышцы расслабились, и напряжение в комнате, казалось, улетучилось.

— Наши мозги радуются, — сказал Эдмонд. — Те же ноты. Тот же инструмент. Но Дебюсси создает порядок. И это такая же радость — создавать порядок, который побуждает людей собирать головоломки или выравнивать картины, висящие на стене. Наша предрасположенность к организации записана в нашей ДНК, и поэтому вовсе не удивительно, что величайшее творение, созданное человеческим разумом — это компьютер, разработанный специально для того, чтобы помочь нам установить порядок из хаоса. Фактически, слово на испанском языке, означающее компьютер — ordenador, т. е. буквально, «создающий порядок».

Появилось изображение массивного суперкомпьютера с молодым человеком, сидящим в своем

одиночном терминале.

— Представьте, что у вас есть мощный компьютер с доступом ко всей информации в мире. Вам разрешено задавать этому компьютеру любые вопросы, которые вам нравятся. Вероятность предполагает, что вы, в конце концов, зададите один из двух фундаментальных вопросов, которые занимали людей с той поры, как мы впервые стали осознавать себя.

Мужчина сделал набор в терминале, и появился текст.

«Откуда мы появились?»

«Куда мы движемся?»

— Другими словами, — сказал Эдмонд, — вы спросите о нашем происхождении и нашей судьбе. И когда вы зададите эти вопросы, это будет ответом компьютера.

Терминал вспыхнул.

НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ ТОЧНОГО ОТВЕТА.

— Не очень любезно, — сказал Кирш, — но, по крайней мере, честно.

Возникло изображение человеческого мозга.

— Однако, если вы спросите этот маленький биологический компьютер — «откуда мы появились?» — произойдет кое-что еще.

Из мозга струился поток религиозных образов — вот Бог протягивает руку, чтобы вдохнуть в Адама жизнь, Прометей, изгоняющий первобытного человека из грязи, Брахма, создающий людей из разных частей его собственного тела, африканский бог, разделяющий облака и опускающий двоих людей на землю, норвежский бог, создающий из коряги мужчину и женщину.

— А теперь спросите, — сказал Эдмонд, — «куда мы движемся?»

Большинство изображений проистекает из мозга — девственно чистые небеса, огнедышащий ад, иероглифы египетской Книги Мертвых, каменная резьба астральных выступов, греческие изображения на Элизианских полях, каббалистические описания нешамот Гильгула, диаграммы реинкарнации из буддизма и индуизм, теософские круги Саммерлэнда.

«Для человеческого мозга, — пояснил Эдмонд, — любой ответ лучше, чем никакой. Мы испытываем колоссальный дискомфорт, когда сталкиваемся с «недостатком характеристик», и поэтому наши мозги придумывают данные, предлагая нам, по крайней мере, иллюзию создания порядка — создавая несметное число философий, мифологий и религий, чтобы убедить нас в том,

что в невидимом мире действительно есть порядок и организация».

Пока продолжали появляться религиозные образы, Эдмонд говорил со все нарастающей интенсивностью.

«Откуда мы появились? Куда мы движемся? Эти фундаментальные вопросы человеческого бытия всегда преследовали меня, и годами я мечтал найти ответы». Эдмонд сделал паузу, его тон стал печальным. «Трагически, из-за религиозной догмы, миллионы людей считают, что они уже знают ответы на эти главные вопросы. И поскольку не каждая религия предлагает одни и те же ответы, целые культуры в конечном итоге воюют за то чьи ответы являются правильными, а какие версии история Бога являются Единственно Истинной Историей».

Возвышавшийся экран наводнился изображениями стрельбы и разрывающихся минометных снарядов — жестокий монтаж из фотографий, отображавших религиозные войны, за этим последовали изображения рыдающих беженцев, семей переселенцев и убитых граждан.

«С начала религиозной истории человеческий род был вовлечен в бесконечный перекрестный огонь — с атеистами, христианами, мусульма-

нами, евреями, индусами, приверженцами всех религий, и единственное, что объединяет нас всех, — это наше глубокое стремление к миру».

Грохочущие образы войны исчезли и на смену им появилось молчаливое небо мерцающих звезд.

«Представьте себе, что произойдет, если мы чудесным образом узнаем ответы на главные вопросы жизни… если мы все внезапно взглянем на одно и то же безошибочное доказательство и поймем, что у нас нет выбора, кроме как распахнуть объятия и принять это… всем вместе, как человеческому роду».

На экране появился образ священника, он закрыл глаза в молитве.

— Духовные вопросы всегда было сферой религии, побуждающей нас слепо верить в ее учения, даже если в них мало логики.

Появился коллаж, изображающий горячо верующих, всех с закрытыми глазами, поющих, поклоняющихся, воспевающих, молящихся.

— Но вера, — заявил Эдмонд, — по своему определению, требует доверия к чему-то невидимому и неопределенному, принимая как факт нечто, чему нет эмпирических доказательств. И поэтому, понятно, все мы вкладываем нашу веру в

разные понятия, потому что нет универсальной истины. — Он сделал паузу. — Однако…

Изображения на потолке растворялись в одной фотографии, студентки, с широко открытыми глазами и сосредоточенным взглядом смотрящей в микроскоп.

«Наука — это антитеза веры», — продолжил Кирш. «Наука, по определению, является попыткой найти физическое доказательство того, что пока неизвестно или еще не определено, и отвергнуть суеверие и неправильное восприятие в пользу наблюдаемых фактов. Когда наука предлагает ответ, этот ответ универсален. Люди не идут на войну; они сплачиваются».

Теперь экран воспроизводил исторические кадры из лабораторий в НАСА, ЦЕРНе и в других местах — где ученые разных рас вскакивали в общей радости и обнимались, когда выявлялись новые фрагменты информации.

«Друзья мои, — прошептал Эдмонд, — я сделал много предсказаний в своей жизни. И сегодня вечером я собираюсь сделать еще одно. — Он медленно вздохнул. — Эра религии подходит к концу, — сказал он, — и наступает эра науки».

В комнате воцарилась тишина.

«И сегодня, человечество подошло к сверше-

нию квантового скачка в этом направлении».

Эти слова вызвал неожиданную дрожь у Лэнгдона. Каким бы ни было это таинственное открытие, Эдмонд явно создавал почву для серьезного столкновения между ним и религиями мира.

ГЛАВА 18

ConspiracyNet.com
НОВОСТИ ОТ ЭДМОНДА КИРША
БУДУЩЕЕ БЕЗ РЕЛИГИИ?

В прямом эфире, за которым в настоящий момент следят беспрецедентных три миллиона онлайн-зрителей, футурист Эдмонд Кирш намерен объявить о научном открытии, которое предполагает дать ответ на два самых давних вопроса человечества.

После заранее записанного увлекательного введения от лица Гарвардского профессора Роберта Лэнгдона Эдмонд Кирш подверг нелицеприятной критике религиозные убеждения и смело предположил, что «век религии подходит к концу».

Сегодня вечером известный атеист выглядит немного более сдержанным и почтительным, чем обычно. Для просмотра прошлых антирелигиозных тирад Кирша нажмите здесь.

ГЛАВА 19

Адмирал Авила занял положение за матерчатой стеной куполообразного театра, спрятавшись от взглядов за лабиринтом лесов. Оставшись внизу, чтобы не было видно тени, он теперь укрылся всего в нескольких дюймах от внешней оболочки стены возле передней части зрительного зала.

Он молча полез в карман и достал четки.

Все нужно сделать вовремя.

Перебирая руками нить с бусинами, он нащупал тяжелое металлическое распятие, довольный, что охранники с металлодетекторами внизу, едва бросив взгляд, позволили этому предмету проскользнуть мимо них.

Бритвенным лезвием, припрятанным в основании распятия, адмирал Авила прорезал в матерчатой стене вертикальную шестидюймовую щель, аккуратно раздвинул ткань и заглянул через нее в иной мир — покрытое паркетом поле, где сотни гостей возлежали на одеялах и пристально смотрели вверх, на звезды.

Они и представить не могут, что их ждет.

Авила был рад увидеть, что два агента Коро-

левской гвардии заняли позиции спереди, на противоположной стороне поля, возле правого угла аудитории. Они стояли пристально наблюдая, незаметно укрывшись в тени деревьев. В тусклом свете они не разглядят Авилу, пока не станет слишком поздно.

Кроме охранников рядом с ними находилась только директор музея Амбра Видаль, которая, кажется, испытывала неловкость, наблюдая за представлением Кирша.

Довольный своей позицией, Авила закрыл щель и переключил свое внимание на распятие. Как и у большинства крестов, у него было две коротких линии, которые составляли поперечный стержень. Однако на этом кресте поперечные линии прикреплялись магнитом к вертикальному стержню и могли быть удалены.

Авила схватил одну из перекладин крестовины и изогнул ее. Часть креста выскользнула из рук, и оттуда выпал маленький предмет. Авила сделал то же самое с другой стороны, оставив распятие безруким — теперь это был лишь прямоугольник металла на тяжелой цепи.

Он спрятал четки обратно в карман для сохранности. Вкоре они мне понадобятся. Теперь он сосредоточился на двух маленьких предметах,

спрятанных внутри перекладин креста.

Две пули ближнего действия.

Авила протянул руку за спину, пошарил за поясом и вытащил из-за спины предмет, который он пронес контрабандой под кителем.

Прошло несколько лет с тех пор, как американский ребенок по имени Коди Уилсон разработал «Освободитель» — первый трехмерный полимерный пистолет — существенно улучшенной технологии. Новое керамико¬полимерное огнестрельное оружие все еще не обладало большой мощностью, но чего ему не хватало, оно с лихвой восполняло незаметностью для металлоискателей.

Мне нужно лишь приблизиться.

Если все пойдет по плану, его нынешнее местоположение окажется идеальным.

Регент каким-то образом получил информацию о точном расположении и последовательности событий в этот вечер… и ясно дал понять, как должна выполняться миссия Авилы. Результаты окажутся жестокими, но теперь став свидетелем безбожного предисловия Эдмонда Кирша, Авила почувствовал уверенность в том, что его грехи сегодня будут прощены.

Регент сказал ему, что наши враги ведут войну.

Мы должны убивать или окажемся убитыми сами.

Стоя у дальней стены в правом переднем углу зрительного зала, Амбра Видаль надеялась, что она не выглядит так же неловко, как она себя чувствовала.

Эдмонд сказал мне, что это научная программа.

Американский футурист никогда не стеснялся своего отвращения к религии, но Амбра никогда не думала, что в сегодняшней презентации проявится такая враждебность.

Эдмонд отказался ознакомить меня с ней.

Разумеется, без последствий с членами музейного совета не обойдется, но проблемы Амбры сейчас были гораздо более личными.

Пару недель назад Амбра рассказала очень влиятельному человеку о ее причастности к сегодняшнему событию. Мужчина настоятельно призвал ее не участвовать. Он предупредил об опасностях размещения презентации без каких-либо знаний о ее содержании — особенно если она подготовлена известным иконоборцем Эдмондом Киршем.

«Он фактически приказал мне все отменить, — вспомнила она. — Но его самодовольный тон

слишком меня разозлил, и я не послушалась».

Теперь Амбра стояла одна под звездным небом и представляла, как этот человек где-то сидит и смотрит эту прямую трансляцию, обхватив голову руками.

«Конечно, он смотрит, — подумала она. Реальный вопрос: отругает ли он?»

Внутри собора Альмудена епископ Вальдеспино сидел за своим столом, пристально глядя в свой ноутбук. Он не сомневался, что все в соседнем Королевском дворце тоже смотрят эту программу, особенно принц Хулиан, следующий в очереди на трон Испании.

Принц был готов взорваться.

Сегодня вечером один из самых уважаемых музеев Испании в сотрудничестве с выдающимся американским атеистом транслировал то, что религиозные эксперты уже называют «кощунственным, антихристианским рекламным трюком». Еще больше раздувая пламя споров, принимающая сегодняшнее мероприятие директор музея была одной самых из самых известных знаменитостей в Испании — эффектная Амбра Видаль — женщина, которая последние два месяца лидировала в заголовках испанских новостей и наслаждалась обожанием всей страны. Неве-

роятно, что мисс Видал решила поставить все под угрозу, поддержав полномасштабную атаку на Бога.

Принцу Хулиану придется это прокомментировать.

Его предстоящая представительская роль как суверенного католического лидера Испании будет лишь малой частью проблемы, с которой ему придется столкнуться в борьбе с сегодняшним событием. Гораздо большая озабоченность заключалась в том, что в прошлом месяце принц Хулиан сделал радостное заявление, и Амбра Видаль сразу стала центром внимания всей страны.

Он объявил об их помолвке.

ГЛАВА 20

РОБЕРТ ЛЭНГДОН чувствовал себя неловко из-за того, как разворачивались события этого вечера.

Презентация Эдмонда чуть не стала опасным и публичным разоблачением веры в целом. Лэнгдон спрашивал себя, неужели Эдмонд почему-то забыл, что он обращается не только к группе ученых-агностиков в этой комнате, но и к миллионам людей во всем мире, которые смотрели презентацию онлайн.

Конечно, эта презентация проводилась, чтобы разжечь споры.

Лэнгдон беспокоился о своем участии в программе, и, хотя Эдмонд, конечно, имел в виду видео как часть презентации, Лэнгдон стал причиной непроизвольной вспышки для религиозных споров в прошлом… и он предпочел не повторять печальный опыт.

Однако, Кирш, предпринял преднамеренное аудиовизуальное нападение на религию, и Лэнгдон теперь начинал переосмысливать свое беспечное пренебрежение к голосовому сообщению Эдмонда, полученному от епископа

Вальдеспино.

Голос Эдмонда вновь заполнил пространство, визуальные образы вверху перетекли в коллаж из религиозных символов со всего мира.

— Должен признать, — продекламировал голос Эдмонда, — у меня были сомнения по поводу сегодняшнего заявления, в частности, из-за того, как оно может повлиять на веру людей. — Он сделал паузу. — Поэтому три дня назад я предпринял нечто для себя нетипичное. Пытаясь проявить уважение к религиозным точкам зрения и оценить, как мое открытие может быть воспринято людьми разных вероисповеданий, я тактично проконсультировался с тремя видными религиозными деятелями — толкователями ислама, христианства и иудаизма — и поделился с ними своим открытием.

По залу эхом разошелся приглушенный ропот.

— Как я и ожидал, все трое отреагировали с глубочайшим удивлением, и да, даже прогневались по поводу того, что я им раскрыл. И хотя реакция была отрицательной, я хочу их поблагодарить, что они любезно со мной встретились. В их интересах я не буду раскрывать их имена, но сегодня хочу обратиться к ним непосредственно и поблагодарить их за то, что они не пытались

вмешаться в ход этой презентации.

Он сделал паузу.

— Видит бог, у них была возможность это сделать.

Лэнгдон слушал и удивлялся, до чего искусно Эдмонд проходил по тонкой линии, оставаясь на своей территории. Решение Эдмонда встретиться с религиозными лидерами предполагало открытость, доверие и сопричастность, которыми этот футурист не славился. Встреча в Монсеррате, как теперь склонен был думать Лэнгдон, отчасти была исследовательской миссией, а отчасти — рекламным маневром.

Неплохая заявка на то, чтобы остаться неподсудным, подумал он.

— Исторически, — продолжал Эдмонд, — религиозный пыл всегда подавлял научный прогресс, поэтому сегодня я умоляю религиозных деятелей по всему миру отнестись ко всему сдержанно, с пониманием того, что я сейчас скажу. Пожалуйста, давайте не будем повторять кровавого насилия, происходившего в истории.

Изображения на потолке плавно перетекли в нарисованный старинный город, окруженный стенами — это был столичный город совершенно круглой формы, расположенный на берегах реки,

протекающей через пустыню.

Лэнгдон с ходу распознал древний Багдад, необычная круговая планировка которого подкреплялась тремя концентрическими стенами с зубцами и амбразурами наверху.

— В восьмом веке, — сказал Эдмонд, — город Багдад стал выделяться как крупнейший в мире центр знаний, принимавший к изучению в своих университетах и библиотеках все религии, философские течения и отрасли науки. На протяжении пяти столетий исходивший из города поток научных открытий был таким, какого мир прежде не видел, и его влияние до сих пор ощущается в современной культуре.

Наверху вновь появилось звездное небо, на сей раз рядом со многими звездами были приписаны их названия: Вега, Бетельгейзе, Ригель,

Альгдебаран, Денгеб, Акраб, Китальфа.

— Все эти названия происходят из арабского языка, — сказал Эдмонд. — На сегодняшний день более двух третей всех звезд на небе имеют взятые из него названия — потому что они были открыты астрономами из арабского мира.

Небо быстро заполнилось таким количеством звезд с арабскими названиями, что они практически заслонили небосвод. И вновь названия

погасли, оставив лишь небесный простор.

— И, конечно, если мы хотим посчитать звезды…

Рядом с самыми яркими звездами начали появляться одна за другой римские цифры.

I, II, III, IV, V…

Потом числа неожиданно исчезли.

— Мы не используем римские цифры, — сказал Эдмонд. — Мы используем арабские.

Нумерация опять появилась с использования арабской системы нумерации.

1, 2, 3, 4, 5…

— Вы также узнаете эти исламские изобретения, — сказал Эдмонд. — И все мы по-прежнему используем их арабские названия.

Слово АЛГЕБРА всплыло на небе, окруженное серией многопараметрических уравнений. Затем появилось слово АЛГОРИТМ с разнообразным набором формул. Затем АЗИМУТ с диаграммой, изображающей углы на горизонте Земли. Поток ускорился… ЗЕНИТ,

АЛХИМИЯ, ХИМИЯ, ШИФР, ЭЛИКСИР, АЛКОГОЛЬ, АЛКАЛИН, ЗЕРО…

Когда появлялись знакомые арабские слова, Лэнгдон подумал, насколько трагично, что так много американцев представляли Багдад просто

одним из тех многих пыльных, раздираемых войной городов Ближнего Востока в новостях, даже не догадываясь, что он когда-то был центром человеческого научного прогресса.

— К концу одиннадцатого столетия, — сказал Эдмонд, — в Багдаде и вокруг него имело место величайшее на Земле интеллектуальное исследование и открытие. Затем, почти за одну ночь, все изменилось. Блестящий ученый по имени Хамид аль-Газали, который теперь считается одним из самых влиятельных мусульман в истории, написал ряд убедительных текстов, ставящих под сомнение логику Платона и Аристотеля, и объявил математику «философией дьявола». Таково стечение событий, которые подрывают научное мышление. Изучение богословия стало обязательным, и в конечном итоге все исламское научное движение рухнуло.

Научные термины наверху испарились и их сменили изображения исламских религиозных текстов.

— Откровение заменило исследование. И по сей день исламский научный мир все еще пытается восстановиться. — Эдмонд сделал паузу. — Конечно, христианский научный мир не стал лучше.

На потолке появились портреты астрономов

Коперника, Галилея и Бруно.

— Систематические убийства церкви, тюремное заключение и осуждение некоторых из самых блестящих научных умов в истории задерживали прогресс человечества, по крайней мере, на столетие. К счастью, сегодня, с нашим лучшим пониманием преимуществ науки церковь смягчила свои атаки… Эдмонд вздохнул. — А смягчила ли?

Появился логотип в виде земного шара с распятием и со словами:

Мадридская декларация о науке и жизни

— Прямо здесь, в Испании, Всемирная федерация католических медицинских ассоциаций недавно объявила войну генной инженерии, заявив, что «наука не имеет души» и поэтому должна быть ограничена Церковью.

Логотип земного шара теперь трансформировался в другой круговой образ — в схему огромного ускорителя частиц.

И вот наконец сверхпроводящий суперколлайдер из Техаса, который стал самым крупным в мире коллайдером частиц, с возможностью изучения самого момента Творения. Эту машину, по иронии судьбы, разместили в самом сердце Библейского пояса Америки.

Изображение растворилось в массивном

кольцеобразном бетонном сооружении, раскинувшемся в техасской пустыне. Установку построили лишь наполовину, она покрылась пылью и грязью, и ее по-видимому, бросили.

Американский суперколлайдер мог дать человечеству огромное расширенное представление о вселенной, но проект отменили из-за перерасхода средств и политического давления от некоторых пугающих источников.

В сводке новостей появился молодой телеведущий, размахивающий бестселлером «Божественная часть» и сердито выкрикивающий: «Мы должны искать Бога в наших сердцах! Не внутри атомов! Миллиардные расходы на этот абсурдный эксперимент — это позор штата Техас и оскорбление Бога!

Голос Эдмонда вернулся.

— Описанные мною конфликты, в которых религиозное суеверие превзошло разум — это просто стычки в продолжающейся войне.

Потолок внезапно вспыхнул коллажем суровых фотографий из жизни современного общества — линии пикетчиков за стенами генетических исследовательских лабораторий, священник, поджигающий себя на конференции по трансгуманизму, евангелисты, трясущие кулаками и

удерживающие над головой книгу Бытия, рыба Иисуса, поедающая рыбу Дарвина, гневные религиозные рекламные щиты, осуждающие исследования стволовых клеток, права геев и аборты, и тут же гневные рекламные щиты в ответ.

Лежа в темноте, Лэнгдон чувствовал, как колотилось его сердце. На мгновение он подумал, что трава под ним дрожит, как будто приближается поезд метро. Затем, когда вибрация стала сильнее, он понял, что земля действительно дрожит. Глубинная грохочущая вибрация сотрясала траву под спиной, и весь купол трясся от рева.

Лэнгдон узнал этот рев. Это был звук грохочущих речных порогов, транслировавшихся через акустическую систему, проложенную под дерном. Он почувствовал холодный, влажный туман, обвивающий тело и опускающийся на лицо, словно он лежал посреди бушующей реки.

— Слышите этот звук? — Эдмонд перекрикивал грохочущие пороги.

— Это неотвратимая волна реки научного познания!

Водный поток зарокотал еще громче, и Лэнгдон ощутил щеками влагу от тумана.

— С тех пор, как человек впервые открыл

огонь, — крикнул Эдмонд, — эта река набирает силу. Каждое открытие становилось инструментом, с помощью которого мы делали новые открытия, каждый раз добавляя к этой реке капли. Сегодня мы движемся на гребне цунами, потопа, который бушует впереди с непреодолимой силой!

Зал еще больше затрепетал.

— Откуда мы произошли?! — возопил Эдмонд. — К чему мы идем?! Нашим уделом всегда было находить ответ! Наши методы исследований развиваются в прогрессии тысячелетиями!

Туман и ветер пронеслись по залу, и грохот реки достиг почти оглушительной высоты.

— Подумайте об этом! — объявил Эдмонд. — Древним людям потребовалось более миллиона лет, чтобы перейти от добывания огня к изобретению колеса. Затем понадобилось всего несколько тысяч лет, чтобы придумать печатный станок. Затем — всего пару сотен лет, чтобы построить телескоп. В последующие столетия за постоянно сокращающиеся промежутки времени мы проскочили от парового двигателя к газовым автомобилям, и даже к космическому «Шаттлу»! И потом потребовалось всего два десятилетия для начала модификаций нашей ДНК!

— Сейчас мы измеряем научный прогресс несколькими месяцами, продвигаясь непостижимыми темпами, — воскликнул Кирш. — Потребуется немного времени, и сегодняшний самый быстрый суперкомпьютер будет выглядеть как счеты; сегодняшние самые современные хирургические методы покажутся варварскими; а сегодняшние источники энергии покажутся такими же странными, как использование свечи для освещения комнаты!

Голос Эдмонда и рев падающей воды продолжались в грозовой темноте.

— Древним грекам пришлось оглядываться назад для изучения древней культуры, но нам нужно оглянуться назад лишь на одно поколение, чтобы обнаружить живших без технологий, которые мы считаем сегодня само собой разумеющимися. Сроки развития человека сжимаются; пространство, разделяющее «древнее» и «современное», ни к чему не сводится. И по этой причине я даю вам слово, что следующие несколько лет в развитии человека будут шокирующими, разрушительными и полностью невообразимыми!

Грохотавшая река стихла без предупреждения.

Вновь показалось звездное небо. Вернулись теплый ветерок и сверчки.

Казалось, гости в зале выдохнули в унисон.

В резкой тишине Эдмонд заговорил шепотом.

— Друзья мои, — тихо сказал он. — Я знаю, вы здесь потому, что я обещал вам открытие. Благодарю вас за то, что позволили мне небольшое вступление. Теперь давайте сбросим оковы нашего старого мышления. Пришло время поделиться с вами сенсационным открытием.

С этими словами, наползая со всех сторон спустился туман, а небо над головой засветилось как перед рассветом, слабо освещая публику внизу.

Внезапно засиял прожектор и резко развернулся в конец зала. В течение нескольких мгновений почти все гости сидели, отклоняясь назад сквозь туман в ожидании, что хозяин вечера появится во плоти. Однако через несколько секунд прожектор развернулся обратно в сторону передней части зала.

Присутствующие повернулись вслед за ним.

Впереди, улыбаясь в пылающем свете, стоял Эдмонд Кирш. Его руки уверенно опирались на трибуну, которой несколько секунд назад там не было.

— Добрый вечер, друзья, — любезно сказал великий шоумен, когда туман начал подниматься.

Через считанные секунды люди были на ногах

и устроили организатору вечера оглушительные овации. К ним присоединился и Лэнгдон, который не в силах был сдерживать улыбку.

В духе Эдмонда было явиться в клубах дыма.

Несмотря на антагонистический характер по отношению к религиозной вере, до сих пор сегодняшняя презентация была экскурсией, смелой и непоколебимой, как и сам человек. Лэнгдон теперь понял, почему растущее население мира вольнодумцев так боготворило Эдмонда.

По крайней мере, он высказывает свое мнение, как многие другие не посмеют. Когда лицо Эдмонда появилось на экране над головой, Лэнгдон заметил, что он выглядел гораздо менее бледным, чем прежде, явно загримированный профессионалом. Тем не менее, Лэнгдон чувствовал, что его друг измотан.

Аплодисменты звучали так громко, что Лэнгдон едва ощутил вибрацию в нагрудном кармане. Инстинктивно он потянулся за телефоном, но внезапно понял, что выключил его. Странно, что вибрировало другое устройство в кармане — из наушников очень громко раздавался голос Уинстона.

Неподходящее время.

Лэнгдон вытащил наушники из кармана фрака

и надел их на голову. В тот момент, когда устройство коснулось его лица, поставленный голос Уинстона материализовался в голове Лэнгдона.

— … фессор Лэнгдон? Вы здесь? Телефоны отключены. Вы моя единственная связь. Профессор Лэнгдон?!

— Да — Уинстон? Я здесь, — ответил Лэнгдон, перекрикивая шум аплодисментов.

— Слава богу, — произнес Уинстон. — Слушайте внимательно. Возможно, у нас серьезная проблема.

ГЛАВА 21

Как человек, переживший бесчисленные мгновения триумфа на мировой арене, Эдмонд Кирш был всегда нацелен на успех, но он редко испытывал полное удовлетворение. Однако в это мгновение, стоя на трибуне, срывая дикие овации в свой адрес, Эдмонд позволил себе волнующую радость от предвкушения, что он собирается изменить мир.

— Садитесь, друзья мои, — приказал он им. — Лучшее еще впереди.

Когда туман рассеялся, Эдмонд сопротивлялся желанию взглянуть вверх, где, как он знал, его лицо проецируется на потолке крупным планом, и которое также видно миллионам людей во всем мире.

«Это момент глобального масштаба, — подумал он с гордостью. — Он переходит границы, классы и вероучения».

Эдмонд взглянул налево, чтобы поблагодарить Амбру Видаль, которая следила за всем из-за угла и без устали работала с ним, чтобы подготовить это зрелище на высшем уровне. Однако, к его

удивлению, Амбра не смотрела на него. Вместо этого она уставилась в толпу, на ее лице застыла маска беспокойства.

«Что-то идет не так,» — подумала Амбра, наблюдая из-за кулис.

В центре комнаты высокий, элегантно одетый человек пробивался сквозь толпу, размахивая руками и направлялся в сторону Амбры.

«Это Роберт Лэнгдон,» — поняла она, признав американского профессора из видео Кирша.

Лэнгдон быстро приближался, и оба агента Амбры из Гвардии немедленно отошли от стены, собираясь в нужный момент перехватить его.

«Чего он хочет?!» Амбра почувствовала тревогу в выражении лица Лэнгдона.

Она развернулась к стоявшему на трибуне Эдмонду, пытаясь понять, заметил ли он это беспокойство, но Эдмонд Кирш не смотрел на публику. К ужасу, он смотрел прямо на нее.

«Эдмонд! Что-то не так!»

В это мгновение, оглушительный треск эхом отозвался внутри купола, и голова Эдмонда качнулась назад. Амбра с ужасом увидела, как на лбу Эдмонда расцвела красная воронка. Его глаза слегка закатились, но руки крепко держались за трибуну, в то время как тело словно застыло.

Какое-то мгновение он балансировал с маской недоумения на лице, а затем, словно падающее дерево, его тело отклонилось в сторону и упало на пол. Забрызганная кровью голова тяжело подпрыгнула на искусственном дерне, когда он ударился о землю.

Прежде чем Амбра смогла осознать увиденное, она почувствовала, как один из агентов Гвардии крепко схватил ее.

Время остановилось.

А затем… вавилонское столпотворение.

Освещенная сияющей проекцией окровавленного трупа Эдмонда нахлынувшая волна гостей устремилась в заднюю часть зала, пытаясь избежать повторной стрельбы.

Когда вокруг него вспыхнул хаос, парализованный от шока Роберт Лэнгдон почувствовал себя прикованным к месту. Неподалеку лежал его друг, скрючившийся на боку, все еще обращенный к аудитории, из пулевого отверстия на лбу лилась красная кровь. Жуткое, безжизненное лицо Эдмонда освещалось ярким светом прожектора телевизионной камеры, которая стояла без присмотра на штативе, и по-видимому, все еще транслировала в прямом эфире на куполообразный потолок, а также и миру.

Двигаясь словно во сне, Лэнгдон почувствовал, что бежит к телевизионной камере и отворачивает ее наверх, отводя объектив от Эдмонда. Затем он повернулся и посмотрел на толпу бегущих к трибуне гостей и на своего лежавшего друга, зная наверняка, что Эдмонда больше нет.

«Боже мой… Я пытался предупредить тебя, Эдмонд, но предупреждение Уинстона пришло слишком поздно».

Неподалеку от лежащего на земле тела Эдмонда, Лэнгдон увидел, что агент Гвардии защитил Амбру Видаль. Лэнгдон поспешил прямо к ней, но агент инстинктивно отреагировал; он поднялся, сделал три больших шага и двинулся всем своим телом на Лэнгдона.

Плечо охранника врезалось в грудину Лэнгдона, выбивая последние глотки воздуха из легких Лэнгдона и пропуская ударную волну боли через его тело, когда он пролетел по воздуху и тяжело приземлился на искусственный газон. Прежде чем он успел вздохнуть, мощные руки перевернули его на живот, скрутили левую руку за спиной и прижали железную ладонь к затылку, оставив Лэнгдона полностью обездвиженным и со вдавленной в газон левой щекой.

— Вы знали об этом до того, как это произо-

шло, — крикнул охранник. — Как вы с этим связаны!

В двадцати ярдах от него, агент Королевской гвардии Рафа Диас пробирался сквозь толпы бегущих гостей, пытаясь добраться до боковой стены, где он увидел вспышку выстрела.

«Амбра Видаль в безопасности», — сказал он себе, увидев, как его партнер пригнул ее к полу и прикрыл своим телом. Кроме того, Диас был уверен, что ничего для жертвы он уже сделать не мог. Эдмонд Кирш был мертв, прежде чем он ударился о землю.

«Жутковато,» — отметил Диас, похоже, один из гостей заранее предупреждал о нападении, бросившись к трибуне всего за минуту до выстрела.

Какая бы ни была причина, Диас знал, что это может подождать.

На данный момент у него была только одна задача.

Захватить стрелка.

Когда Диас прибыл на место вспышки, он обнаружил прорезь в матерчатой стене и просунул руку в отверстие, яростно разрывая дыру до самого пола и вылезая из купола в лабиринт подмостков.

Слева от него агент увидел фигуру — одетый в

белую военную форму высокий мужчина бежал к аварийному выходу у дальней стороны огромного пространства. Через мгновение бегущая фигура метнулась в дверь и исчезла.

Диас бросился в погоню, пробираясь через электронику за пределами купола, и наконец прорвался через дверь на бетонную лестницу. Он посмотрел вниз через перила и увидел беглеца двумя этажами ниже, стремительно сбегающего вниз с головокружительной быстротой. Диас помчался за ним, прыгая сразу через пять ступенек. Где-то внизу громко бухнула входная дверь, а затем снова захлопнулась.

Он вышел из здания!

Добравшись до первого этажа, Диас побежал к выходу — пара двойных дверей с горизонтальными планками для нажима — и всем весом навалился на них. Двери, вместо того, чтобы с легкостью распахнуться, как наверху, приоткрылись всего на дюйм, а затем остановились. Тело Диаса врезалось в стену из стали, и он приземлился в кучу, а в его плече вспыхнула жгучая боль.

Отряхнувшись, он поднялся и снова попытался разобраться с дверьми.

Они достаточно приоткрылись, позволяя ему увидеть проблему.

Как ни странно, наружные дверные ручки были закручены петлей из проволоки, а снаружи намотана вышитая бисером лента. Раздражение Диаса усилилось, когда он понял, что узор ленты был ему знаком, как и любому хорошему испанскому католику.

Это четки?

Собрав все свои силы, превозмогая боль, Диас снова направился к двери, но нить с бусинами никак не разрывалась. Он снова уставился в узкое отверстие, озадаченный наличием четок, а также неспособностью разорвать ее.

— ^Hola?* — крикнул он через дверь. — j^Hay alguien?!**

* Эй?(исп.)

** Есть там кто-нибудь?(исп.)

Тишина.

Через щель в двери Диас мог разглядеть высокую бетонную стену и заброшенную служебную дорожку. Шансы, что кто-то придет и снимет петлю, были невелики. Не видя другого выхода, он вытащил из кобуры пистолет, спрятанный под пиджаком. Он взвел курок и просунул ствол через щель в дверном проеме, потом надавил стволом в нить четок.

— Я стреляю пулей в святые четки? Que Dios

me perdone.*

* Бог меня простит (исп.)

Оставшиеся части распятия разлетелись вверх-вниз перед глазами Диаса.

Он нажал на курок.

На цементной площадке прогремел звук выстрела, и двери распахнулись. Нить с четками порвалась, и Диас шатаясь двинулся вперед по пустой дорожке, а аккуратные бусинки подпрыгивали вокруг него на тротуаре.

Убийца в белом исчез.

В сотне метров адмирал Луис Авила молча сидел на заднем сиденье черного «Рено», который только что отъехал от музея.

Прочные при растяжении волокна вектран, на которые Авила натянул четки, выполнили свою работу, задержав преследователей достаточно надолго.

И сейчас я исчезаю.

Когда автомобиль Авилы набирая скорость промчался на северо-запад вдоль извилистой реки Нервион и слился с колонной быстроходных автомобилей на Авенида Абандобарра, адмирал Авила наконец позволил себе выдохнуть.

Его сегодняшняя миссия не могла пройти более гладко.

В его голове звучали радостные мелодии гимна Ориаменди — его лирическая поэзия вековой давности, которую когда-то пели в кровопролитной битве прямо здесь, в Бильбао. ¡Por Dios, por la Patria y el Rey! * — Авила мысленно запел. — За Бога, за Родную Землю и Короля!

* За Бога, за родную землю и короля!

Боевой клич был давно забыт… но война только начиналась.

ГЛАВА 22

МАДРИДСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ — крупнейший королевский дворец Европы, а также один из самых впечатляющих архитектурных синтезов классического и барочного стилей. Воздвигнутый на месте мавританского замка девятого века, трехэтажный фасад дворца с колоннами занимает всю ширину в пять сотен футов шириной обширной Оружейной площади, на которой он стоит. Интерьер — ошеломляющий лабиринт из 3418 комнат, которые занимают почти полтора миллиона квадратных метров площади. Салоны, спальни и коридоры украшены коллекцией бесценного религиозного искусства, в том числе шедеврами Веласкеса, Гойи и Рубенса.

В течение многих поколений дворец был частной резиденцией испанских королей и королев. Однако теперь его использовали для государственных мероприятий, а королевская семья поселилась в более неформальном и уединенном дворце Зарзуэла за городом.

Тем не менее, в последние месяцы офици-

альный дворец в Мадриде стал постоянной резиденцией для наследного принца Хулиана — сорокадвухлетнего будущего короля Испании, который въехал во дворец по воле своих кураторов, хотевших чтобы Хулиан «стал более заметным для страны» в этот мрачный период до его возможной коронации.

Отец принца Хулиана, нынешний король, уже несколько месяцев был прикован к постели смертельной болезнью на последней стадии. Когда умственные способности умирающего короля сильно пошатнулись, во дворце началась медленная передача власти и подготовка к возведению принца на трон, как только его отец покинет мир иной. При неизбежном изменении в руководстве испанцы обратили свои взоры на наследного принца Хулиана с единственным вопросом на уме:

Каким же он окажется правителем?

Принц Хулиан всегда был осторожным и осмотрительным ребенком, несущим вес своей возможной верховной власти с детства. Мать Хулиана умерла от осложнений после преждевременных родов второго ребенка, и король, к удивлению многих, предпочел больше не вступать в повторный брак, оставив Хулиана единственным

наследником испанского престола.

«Наследник без запаса» — так британские таблоиды холодно называли принца.

Поскольку Хулиан повзрослел под крылом своего глубоко консервативного отца, большинство приверженных традициям испанцев считали, что он продолжит суровую традицию своих королей по сохранению достоинства испанской короны путем поддержания установленных конвенций, торжественно отмечая церемонии и, прежде всего, сохраняя при этом уважительное отношение к богатой католической истории Испании.

На протяжении веков наследие католических королей служило духовным центром Испании. В последние годы, однако, казалось, что корень веры в стране пошатнулся, и Испания оказалась в тисках жестокой борьбы между древним и совершенно новым.

Все большее число либералов теперь наводнило блоги и социальные сети слухами о том, что как только Хулиан, наконец, сможет выйти из тени своего отца, он раскроет свое истинное «я» — и появится смелый, прогрессивный, светский лидер, наконец, желающий следовать примеру многих европейских стран и полностью отме-

нить монархию.

Отец Хулиана был очень активен в роли короля, оставляя сыну небольшую нишу для участия в политике. Король открыто заявлял, что по его мнению Хулиан должен наслаждаться своей молодостью, и только после того, как принц женится и устроится, будет логично заняться государственными делами.

И поэтому первые 40 лет Хулиана, бесконечно отраженных в испанской прессе — это жизнь частных школ, верховая езда, перерезание ленты, сбор средств и мировые путешествия. Несмотря на то, что он не совершил ничего примечательного в своей жизни, принц Хулиан несомненно был самым завидным холостяком Испании.

На протяжении многих лет красивый сорокадвухлетний принц публично появлялся с бесчисленными кандидатками, и хотя у него была репутация безнадежного романтика, никто еще так и не украл его сердце. Однако, в последние месяцы Хулиан несколько раз был замечен с красивой женщиной, которая несмотря на внешность бывшей модели на самом деле была весьма уважаемым директором Музея Гуггенхайма в Бильбао.

СМИ немедленно окрестили Амбру Видаль

«идеальной парой для прогрессивного короля». Она была культурной, успешной и самое главное — не отпрыском одной из благородных семей Испании. Амбра Видал была из народа.

Принц, по-видимому, согласился с их оценкой, и после очень короткого ухаживания Хулиан сделал ей предложение — самым неожиданным и романтичным способом — и Амбра Видаль приняла предложение.

В последующие недели пресса ежедневно сообщала об Амбре Видаль, отмечая, что она представляла из себя гораздо больше, чем просто красивое лицо. Она быстро показала себя горячо независимой женщиной, которая несмотря на планы стать будущей королевой-супругой Испании категорически отказала Королевской гвардии вмешиваться в ее ежедневный график и не позволила своим агентам защищать ее нигде, кроме как на крупных публичных мероприятиях.

Когда командир Королевской гвардии осторожно предложил Амбре сменить одежду на более консервативную и менее облегающую, Амбра публично пошутила, сказав, что она получила выговор от командира «Guardarropia Real» — Королевского шифоньера.

Либеральные журналы тиражировали ее лицо на всех обложках. «Прекрасное будущее Испании!» Когда она отказывалась от интервью, они приветствовали ее «независимость»; когда соглашалась на интервью — приветствовали ее «общедоступность».

Консервативные журналы, наоборот, высмеивали новую нахальную королеву, которая испытывала жажду власти беспринципного человека и могла оказать опасное влияние на будущего короля. В качестве доказательства они приводили пример ее вопиющего пренебрежения к репутации принца.

Их первоначальная озабоченность сконцентрировалась на привычке Амбры называть принца Хулиана только первым именем, избегая традиционной привычки обращаться к нему как Don Julian* или su alteza*.

* дон Хулиан или Ваше высочество(исп.)

Однако их вторая проблема оказалась гораздо более серьезной. В течение последних нескольких недель график работы Амбры сделал ее почти полностью недоступной для принца, и все же ее неоднократно видели в Бильбао, обедавшей возле музея с откровенным атеистом — американским технологом Эдмондом Киршем.

Несмотря на настоятельное объяснение Амбры о том, что обед — это просто запланированная встреча с одним из основных спонсоров музея, источники во дворце предположили, что кровь Хулиана начинала закипать.

Не то, чтобы кто-то мог обвинить его.

Правда в том, что сногшибательная невеста Хулиана — всего лишь через несколько недель после их помолвки — предпочла проводить большую часть своего времени с другим мужчиной.

ГЛАВА 23

Лицо Лэнгдона оставалось оставалось припечатанным в дерн. Вес навалившегося на него агента оказался сокрушительным.

Странно, он ничего не чувствовал.

Эмоции Лэнгдона были разрозненными и застывшими — сплетение грусти, страха и возмущения. Одного из самых блестящих умов в мире и дорогого друга только что публично казнили самым жестоким образом. Его убили всего за несколько минут до того, как он объявил о величайшем открытии своей жизни.

Лэнгдон теперь понял, что трагическая потеря человеческой жизни сопровождалась второй потерей — научной.

Теперь мир может так никогда и не узнать об открытии Эдмонда.

Лэнгдон покраснел от внезапного гнева, за которым последовала стальная решимость.

Я сделаю все возможное, чтобы найти виновного. Я восславлю твое наследие, Эдмонд. Я найду способ поделиться твоим открытием с миром.

— Вы знали, — прошептал голос охранника воз-

ле его уха. — Вы направлялись к трибуне, будто ожидали, что что-то случится.

— Меня… предупредили, — Лэнгдон с трудом перевел дыхание.

— Кто предупредил?

Лэнгдон почувствовал, как датчик наушника на его щеке повис и перекосился. «Наушники на моем лице… это автоматизированный гид. Компьютер Эдмонда Кирша предупредил меня. Он нашел нарушение в списке гостей — отставной адмирал испанского флота».

Голова охранника оказалась достаточно близко к уху Лэнгдона, и он услышал, как в звуковом наушнике раздался треск. Голос в передатчике был задыхающимся и настойчивым, и хотя испанский Лэнгдона был посредственным, он услышал достаточно, чтобы расшифровать плохие новости.

.. el asesino ha huido…

Убийца сбежал…

… salida bloqueada.

Выход заблокирован.

… uniforme militar blanco. *

*…белая военная форма…(исп.)

Когда прозвучали слова «военная форма», охранник прижимавший Лэнгдона ослабил дав-

ление. — Морская форма? — спросил он своего напарника. — Белая… Как у адмирала?

Ответ был утвердительным.

«Морская форма,» — понял Лэнгдон. Уинстон был прав.

Охранник ослабил хватку и выпустил Лэнгдона.

— Перевернись.

Лэнгдон болезненно скривился от боли в спине и приподнялся на локтях. Его голова кружилась, грудь была в синяках.

— Не двигаться, — сказал гвардеец.

Лэнгдон и не собирался двигаться; стоявший над ним офицер состоял из двухсот фунтов твердых мышц, и он уже продемонстрировал, что к своей работе относится серьезно.

— Немедленно! — пролаял охранник в свое радио, продолжая требовать срочную поддержку со стороны местных властей и блокпостов вокруг музея.

Местная полиция… блокирование дорог…

Со своей позиции на полу Лэнгдон видел Амбру Видаль, все еще находившуюся на земле у боковой стены. Она попыталась встать, но споткнулась и рухнула на четвереньки.

Кто-то помогает ей!

Охранник теперь кричал через купол, казалось, конкретно не обращаясь ни к кому. «jLuces! jY cobertura de movil!» Мне нужны свет и телефонная связь!»

Лэнгдон потянулся и выровнял датчик своих наушников.

— Уинстон, вы здесь?

Охранник повернулся, странно взглянув на Лэнгдона.

— Я здесь. — Голос Уинстона казался безликим.

— Уинстон, Эдмонда убили. Нам нужно снова включить свет. Нужно восстановить сотовую связь. Можете ли вы это проконтролировать? Или связаться с кем-нибудь, кто может?

Спустя несколько секунд прожектора под куполом внезапно зажглись, растворяя магическую иллюзию лунной лужайки и освещая пустынное пространство искусственного дерна с разбросанными забытыми одеялами.

Охранник, казалось, поразился кажущейся мощности Лэнгдона. Через мгновение он потянулся и поставил Лэнгдона на ноги. Двое мужчин столкнулись друг с другом в сумерках.

Агент был высоким, одинакового роста с Лэнгдоном, с бритой головой и мускулистым телом, которое вырисовывалось под синим пиджаком.

На бедном лице с невыразительными чертами выделялись острые глаза, в настоящий момент как лазер сфокусированные на Лэнгдоне.

— Ты был сегодня на видео. Ты — Роберт Лэнгдон.

— Да. Эдмонд Кирш был моим студентом и другом.

— Я агент Фонсека из Королевской гвардии, — объявил он на идеальном английском языке. — Расскажи, как узнал про военно-морскую форму.

Лэнгдон повернулся к телу Эдмонда, неподвижно лежащему на траве рядом с трибуной. Амбра Видаль опустилась на колени рядом с телом вместе с двумя охранниками музея и фельдшером из персонала, который уже отказался от усилий по его оживлению. Амбра осторожно накрыла труп одеялом.

«Ясно, Эдмонда больше нет».

Лэнгдон почувствовал тошноту, не в силах отвести взгляд от своего убитого друга.

— Мы не можем ему помочь, — рявкнул охранник. — Расскажи мне, откуда ты узнал.

Лэнгдон посмотрел на охранника, чей тон не оставил места для сомнений. Это был приказ.

Лэнгдон быстро пересказал информацию от Уинстона — программа отследила, что один из

гостей отказался от наушников и экскурсовод нашел их в мусорной корзине. Затем проверили, какому гостю назначили эти наушники, и с тревогой обнаружили, что он оказался в списке гостей в последнюю минуту.

— Это невозможно. — Глаза гвардейца прищурились. — Список гостей был утвержден вчера. Все прошли проверку.

— Но не этот человек, — проговорил голос Уинстона в наушниках Лэнгдона. — Я побеспокоился и проверил имя гостя. Выяснилось, что он — бывший адмирал испанского флота, списанный за алкоголизм и посттравматический стресс, перенесенный в результате теракта в Севилье пять лет назад.

Лэнгдон передал эту информацию гвардейцу.

— Взрыв собора? — охранник смотрел недоверчиво.

— Более того, — сказал Уинстон Лэнгдону, — я обнаружил, что между офицером и мистером Киршем вообще нет никакой связи, это меня обеспокоило, поэтому я связался с охраной музея, чтобы объявить тревогу, но без более убедительной информации они отказались прерывать мероприятие Эдмонда — особенно когда оно транслировалось на весь мир. Зная как упорно

Эдмонд работал над сегодняшней программой, их логика показалась мне убедительной, поэтому я незамедлительно связался с вами, Роберт, в надежде, что вы сможете обнаружить этого мужчину, чтобы я смог тайно направить на него охрану. Я должен был предпринять более решительные меры. Я подвел Эдмонда.

Лэнгдона несколько нервировало, что компьютерный гид Эдмонда испытывал чувство вины. Он оглянулся на прикрытое тело Эдмонда и увидел, как приближается Амбра Видаль.

Фонсека проигнорировал ее и сконцентрировал внимание непосредственно на Лэнгдоне.

— Компьютер назвал имя того военно-морского офицера? — спросил он.

Лэнгдон кивнул.

— Его имя адмирал Луис Авила.

Когда он произнес это имя, Амбра остановилась и уставилась на Лэнгдона с ужасом на лице.

Фонсека заметил ее реакцию и тут же двинулся к ней.

— Мисс Видаль? Вам знакомо это имя?

Казалось, Амбра не могла ответить. Она опустила взгляд и уставилась в пол, будто только что увидела призрак.

— Мисс Видаль, — повторил Фонсека. — Адми-

рал Луис Авила, вам знакомо это имя?

Ошеломленное выражение лица Амбры оставляло мало сомнений в том, что она действительно знала убийцу. После короткого ступора она дважды моргнула, и ее темные глаза начали проясняться, как будто она выходила из транса. — Нет… мне незнакомо это имя, — прошептала она, взглянув на Лэнгдона, а затем снова на своего охранника. — Я просто… потрясена, что убийцей оказался офицер испанского флота.

«Она *лжет*, — Лэнгдон это почувствовал, не понимая для чего она пытается скрыть свою реакцию. — Я видел это. Она узнала это имя».

— Кто отвечал за список гостей?! — потребовал ответа Фонсека, делая еще один шаг к Амбре. — Кто добавил имя этого человека в списки?

Губы Амбры задрожали.

— Я… Я понятия не имею…

Вопросы охранника были прерваны неожиданной какофонией звуков наперебой звонящих сотовых телефонов. Уинстон, очевидно, нашел способ восстановить сотовую связь, и один из звонящих сейчас телефонов находился в кармане пиджака Фонсеки.

Агент Гвардии достал свой телефон и, увидев имя звонящего, глубоко вздохнул.

— Ambra Vidal esta a salvo,* — объявил он.

* Амбра Видаль в безопасности(исп.)

Амбра Видаль в безопасности. Лэнгдон взглянул на сильно расстроенную женщину. Она уже смотрела на него. Когда их глаза встретились, они долго смотрели друг на друга.

Затем Лэнгдон услышал голос Уинстона в своих наушниках.

— Профессор, — прошептал Уинстон. — Амбра Видаль прекрасно знает, как Луис Авила попал в список гостей. Она собственноручно добавила его имя.

Лэнгдону понадобилось мгновение, чтобы осмыслить эту информацию.

«Амбра Видаль собственноручно внесла имя убийцы в список гостей?»

«И сейчас она лжет относительно этого?»

Прежде чем Лэнгдон смог полностью уяснить эту информацию, Фонсека передал свой мобильный телефон Амбре.

И тут агент сказал:

— Дон Хулиан хочет поговорить с вами.

Казалось, что Амбра чуть ли не отпрянула от телефона.

— Скажите ему, что я порядке, — ответила она. — Я позвоню ему несколько позже.

На лице охранника отразилось крайнее недоверие. Он прикрыл телефон и прошептал Амбре:

— Su alteza Don Julian, el principe, ha pedido…*

* Его Королевское Высочество дон Хулиан, принц, просит (исп.)

— Меня не волнует, что он принц, — отозвалась она. — Если он хочет стать моим мужем, ему придется давать мне свободу, когда это нужно. Я только что стала свидетелем убийства, и мне нужна передышка! Скажите ему, что я скоро ему позвоню.

Фонсека уставился на женщину, его глаза вспыхивали от возмущения, граничащим с презрением. Затем он повернулся и ушел, чтобы продолжить свой телефонный разговор наедине.

Для Лэнгдона причудливый диалог разрешил одну маленькую тайну. «Амбра Видаль помолвлена с испанским принцем Хулианом?» Эта новость объясняла ее известность, а также наличие Королевской гвардии, хотя, конечно, не объясняла отказ ответить на вызов своего жениха. Принц, должно быть, волновался до смерти, если видел все это по телевидению.

Почти мгновенно Лэнгдона поразило второе, гораздо более темное откровение.

«Боже мой! Амбра Видаль связана с Мадрид-

ским Королевским дворцом».

Неожиданная догадка пронзила его, когда он вспомнил об угрожающей голосовой почте Эдмонду от епископа Вальдеспино.

ГЛАВА 24

В двухстах ярдах от Королевского дворца Мадрида, внутри Кафедрального собора Альмудена, у епископа Вальдеспино на мгновение перехватило дыхание. Он все еще не снял церемониальную мантию и сидел перед своим офисным ноутбуком, прикованный к трансляции из Бильбао.

Это будет масштабная новость.

Из всего он понял лишь, что мировые СМИ уже вышли из себя. Главные выпуски новостей по очереди показывали авторитетов в области науки и религии, рассуждающих о презентации Кирша. Остальные высказывали гипотезы о том, кто убил Эдмонда Кирша и почему. Судя по всему средства массовой информации сошлись во мнении о чьей-то серьезной заинтересованности в том, чтобы открытие Кирша никогда не увидело свет.

После долгого раздумья Вальдеспино достал свой мобильный телефон и позвонил.

Раввин Ковеш ответил на первый звонок.

— Ужасно! — Голос раввина был близок к крику. — Я видел по телевизору! Нам нужно сейчас

же обратиться к властям и рассказать им, что мы знаем!

— Раввин, — ответил Вальдеспино размеренным тоном. — Я согласен, что это ужасающий поворот событий. Но прежде чем мы начнем действовать, нужно подумать.

— Здесь не о чем думать! — выпалил Ковеш. — Ясно, кто-то не остановится ни перед чем, чтобы похоронить открытие Кирша, а они мясники! Я убежден, что именно они убили и Саида. Они наверняка знают кто мы и скоро придут к нам. У нас с вами есть моральное обязательство пойти к властям и рассказать, что сказал нам Кирш.

— Моральное обязательство? — с сомнением спросил Вальдеспино. — Похоже, вы хотите сделать информацию общедоступной, а посему ни у кого нет мотива, чтобы заставить нас с вами замолчать.

— Конечно, наша безопасность — это серьезный фактор, — согласился раввин, — но у нас также есть моральное обязательство перед миром. Я понимаю, это открытие поставит под сомнение некоторые фундаментальные религиозные убеждения, но есть одна вещь, которую я узнал за свою долгую жизнь: вера всегда выживает, даже перед лицом великих лишений. Я убежден, что

вера переживет и это, даже если мы раскроем выводы Кирша.

— Я слышу вас, друг мой, — наконец сказал епископ, сохраняя как можно более примирительный тон. — Я слышу решимость в вашем голосе и уважаю ваше мнение. Мне хочется, чтобы вы знали, что я открыт для обсуждения и даже для размышлений. И все же, умоляю вас, если мы хотим объявить об этом открытии миру, давайте сделаем это вместе. При свете дня. С честью. Не от безысходности по пятам этого ужасного убийства. Давайте спланируем его, отрепетируем и правильно отредактируем новости.

Ковеш ничего не сказал, но Вальдеспино слышал дыхание старика.

— Раввин, — продолжал епископ, — в настоящий момент единственной самой насущной проблемой является наша личная безопасность. Мы имеем дело с убийцами, и если вы делаете себя излишне заметным, например, отправляясь в органы власти или на телевизионную станцию — это может закончиться насилием. В особенности я боюсь за вас. У меня есть защита внутри дворцового комплекса, но у вас… вы ведь совсем одиноки в Будапеште! Совершенно ясно, что открытие Кирша — это вопрос жизни и смерти.

Пожалуйста, позвольте мне позаботиться о вашей защите, Иегуда.

Ковеш помолчал.

— Из Мадрида? Но как это возможно…

— В моем распоряжении имеются некоторые ресурсы по обеспечению безопасности королевской семьи. Оставайтесь дома и запирайте двери. Я попрошу, чтобы два агента Королевской гвардии помогли вам собраться и привезли в Мадрид, где мы будем уверены, что вы окажетесь в безопасности в дворцовом комплексе, и где мы с вами можем сесть лицом к лицу и обсудить, как двигаться вперед наилучшим образом.

— А если я приеду в Мадрид, — осторожно сказал раввин, — и мы с вами не сможем договориться о том, как действовать?

— Мы договоримся, — заверил его епископ. — Знаю, я старомоден, но я тоже реалист, как и вы. А вместе мы найдем наилучший план действий. Я верю в это.

— А если вашу веру признают ошибочной? — давил Ковеш.

Вальдеспино почувствовал спазм в желудке. На мгновение он

замешкался, выдохнул и ответил как можно спокойнее.

— Иегуда, если в конечном итоге мы с вами не сможем найти решения, то расстанемся друзьями, и каждый будет делать то, что считает нужным. Даю вам слово.

— Благодарю вас, — ответил Ковеш. — Я последую вашему совету и приеду в Мадрид.

— Хорошо. А пока заприте двери и ни с кем не разговаривайте. Упакуйте сумку, и по телефону мы договоримся о деталях, когда они у меня будут. — Вальдеспино сделал паузу. — И не теряйте веры. Скоро увидимся.

Вальдеспино повесил трубку, чувствуя страх в своем сердце; он подозревал, что дальнейший контроль над Ковешем потребует большего, чем просто призыва к рациональности и осмотрительности.

Ковеш запаниковал… в точности как это было у Саида.

Они оба не смогли увидеть картину шире.

Вальдеспино закрыл свой ноутбук, спрятал его под мышку и двинулся по темному святилищу. Все еще не сняв церемониальной мантии, он вышел из собора в вечернюю прохладу и направился через площадь к сверкающему белому фасаду Королевского дворца.

Над главным входом Вальдеспино увидел герб

Испании — гербовый щит в окружении Геркулесовых столбов* и древний девиз ПЛЮС УЛЬТРА, что означает «за пределы». Некоторые полагали, что фраза касалась многовековых поисков Испанией возможностей расширить империю во времена золотого века. Другие полагали, что это отражало давнюю веру страны в то, что за пределами земной существует и жизнь небесная.

* название, использовавшееся в Античности для обозначения высот, обрамляющих вход в Гибралтарский пролив.

В любом случае, Вальдеспино чувствовал, что девиз теряет свою актуальность с каждым днем. Когда он увидел развевающийся высоко над дворцом испанский флаг, он грустно вздохнул и его мысли вновь обратились к больному королю.

Я буду скучать по нему, когда его не станет.

Я так многим ему обязан.

В течение нескольких месяцев епископ ежедневно посещал любимого друга, прикованного к постели во Дворце Сарсуэла на окраине города. Несколько дней назад король призвал Вальдеспино к своему изголовью, и ему показалось, что король чем-то глубоко обеспокоен.

— Антонио, — прошептал король. — Я боюсь, что помолвка моего сына оказалась… слишком

поспешной.

«Безумной, более точное определение,» — подумал Вальдеспино.

Два месяца принц принц доверил Вальдеспино новость, что намеревается сделать предложение Амбре Видаль, хотя познакомился с ней не так давно. Ошеломленный епископ призывал Хулиана к осмотрительности. Принц убеждал, что влюблен, и его отец заслужил увидеть своего единственного сына женатым. Кроме того он сказал, если они с Амброй создадут семью, ее возраст не позволяет слишком долго ждать.

Вальдеспино мягко улыбнулся королю.

— Да, я согласен. Предложение дона Хулиана застало всех нас врасплох. Но он только хотел сделать вас счастливым.

— У него есть долг перед своей страной, — сказал король решительно, — а вовсе не перед отцом. И хотя мисс Видаль прекрасна, мы ее толком не знаем, для нас она посторонний человек. Я сомневаюсь в ее мотивах при принятии предложения дона Хулиана. Это было слишком поспешно, и честная женщина отвергла бы его.

— Вы правы, — ответил Вальдеспино, хотя для защиты Амбры дон Хулиан дал ей небольшой выбор.

Король осторожно потянулся и взял костлявую руку епископа в свою.

— Друг мой, я не знаю, как прошло время. Мы с вами уже старые люди и я хочу поблагодарить вас. Вы давали мне мудрые советы в течение многих лет, когда я потерял жену, в период изменений в нашей стране, и я многое получил благодаря силе вашей убежденности.

— Наша дружба — честь, которую я буду хранить вечно.

Король слабо улыбнулся.

— Антонио, я знаю, что вы приносили жертвы, чтобы остаться со мной. Например, Рим.

Вальдеспино пожал плечами.

— Если бы я стал кардиналом — это не приблизило бы меня к Богу. Мое место всегда было здесь, с вами.

— Ваша преданность была благословением.

— А я никогда не забуду то сочувствие, которое вы выказывали мне все эти годы.

Король прикрыл глаза и крепко сжал руку епископа.

— Антонио… Я беспокоюсь. Мой сын скоро окажется у руля мощного корабля, корабля, который он не подготовил к навигации. Пожалуйста, направляйте его. Будьте его путеводной звездой.

Держите вашу твердую руку поверх его руля, особенно в трудных морях. Прежде всего, если он отклонится с курса, я прошу вас помочь ему найти свой путь назад… назад ко всему непорочному.

— Аминь, — прошептал епископ. — Я даю вам слово.

И теперь, прохладным вечером проходя через площадь, Вальдеспино поднял глаза к небесам. «Ваше Величество, пожалуйста, знайте, что я сделаю все возможное, чтобы выполнить ваши последние пожелания».

Вальдеспино успокоился, зная, что король слишком слаб, чтобы смотреть телевизор. Если бы он увидел сегодняшнюю трансляцию из Бильбао, он бы умер на месте, увидев к чему пришла его любимая страна.

Вальдеспино был прав- за железными воротами, по всему Калле де Байлен каналы связи собирали и расширяли свои спутниковые башни.

«Стервятники», — подумал Вальдеспино; вечерний воздух проникал под его одеяния.

ГЛАВА 25

«Еще будет время оплакивать, — сказал себе Лэнгдон, отбиваясь от сильных эмоций. — Сейчас настало время действовать».

Лэнгдон уже попросил Уинстона поискать музейную охрану материалы для сбора информации, которая может оказаться полезной в поимке стрелка. Затем он тихо добавил, что Уинстон должен поискать какие-либо связи между епископом Вальдеспино и Авилой.

Агент Фонсека возвратился, все еще разговаривая по телефону.

— SL. si, — говорил он. Claro. Inmediatemente.* Он закончил разговор и обратил внимание на ошеломленную Амбру, стоявшую рядом.

* Да… да. Конечно. Немедленно.(исп.)

— Мисс Видаль, мы уходим, — объявил Фонсека резким тоном. — Дон Хулиан потребовал немедленно доставить вас в целости и сохранности в Королевский дворец.

Тело Амбры заметно напряглось.

— Я не брошу так Эдмонда! — Она указала на сваленный под одеялом

труп.

— Местные власти возьмут на себя этот вопрос, — ответил Фонсека. — И коронер уже в пути. К мистеру Киршу отнесутся с уважением и с большой осторожностью. А сейчас нам нужно уходить. Мы боимся, что вы в опасности.

— Безусловно, я не в опасности! — объявила Амбра, подходя к нему. — У убийцы была прекрасная возможность застрелить меня, но этого не произошло. Ясно, что ему был нужен Эдмонд!

— Мисс Видаль! — Вены на шее Фонсеки дернулись. — Вы нужны принцу в Мадриде. Он беспокоится о вашей безопасности.

— Нет, — выпалила она. — Он беспокоится о политических последствиях.

Фонсека медленно выдохнул и понизил голос.

— Мисс Видаль, сегодняшнее происшествие стало ужасным ударом для Испании. Это ужасный удар для принца. Ваше мероприятие было неудачным решением.

Внезапно в голове Лэнгдона заговорил голос Уинстона.

— Профессор? Группа безопасности музея проанализировала наружные камеры наблюдения. Кажется, они что-то нашли.

Лэнгдон прослушал, а затем махнул рукой Фон-

секе, прерывая нотацию агента Амбре.

— Сэр, компьютер сообщил, что на одной из камер на крыше музея есть частичная фотография верхней части отъезжающего автомобиля.

— О? — Фонсека выглядел удивленным.

Лэнгдон передал информацию, полученную им от Уинстона.

— Черный седан, выезжающий через служебный проезд… номерные знаки, которые невозможно разобрать под таким высоким углом… необычный стикер на лобовом стекле.

— А что за стикер? — задал вопрос Фонсека. — Мы можем предупредить местные власти, чтобы объявить розыск.

— Стикер, — ответил Уинстон в голове Лэнгдона, — я его не узнал, но сравнил форму со всеми известными символами в мире и получил единственное соответствие.

Лэнгдон поразился тому, как быстро Уинстон смог все это выяснить.

— Полученное совпадение, — сказал Уинстон, — древний алхимический символ амальгамации.*

* Амальгамация (Amalgamation) — процесс соединения или объединения нескольких объектов в одной форме. Составление амальгамы или

сплава металла с ртутью. Также означает любой союз металлов.

Что за ерунда? Лэнгдон ожидал логотип гаража или политической организации.

— На автомобильном стикере изображен символ… амальгамации?

Фонсека выглядел явно запутавшимся.

— Должно быть тут какая-то ошибка, Уинстон, — сказал Лэнгдон. — Зачем кому-то показывать символ алхимического процесса?

— Я не знаю, — ответил Уинстон. — Это единственное совпадение, которое я получил, а я показываю девяносто девять процентов соответствий.

В образной памяти Лэнгдона быстро всплыл алхимический символ амальгамации.

— Уинстон, опишите, что вы видите на стекле автомобиля.

Компьютер немедленно ответил.

— Символ состоит из одной вертикальной линии, пересеченной тремя поперечными. В верхней части вертикальной линии находится обращенная вверх арка.

Точно. Лэнгдон нахмурился.

— Арка наверху — есть ли на ней завершающие элементы?

— Да. Короткая горизонтальная линия завершает каждое ответвление арки.

Хорошо, тогда это амальгамация.

Лэнгдон на мгновение оторопел.

— Уинстон, вы можете отправить нам фотографию из базы безопасности?

— Безусловно.

— Пошлите ее на мой телефон, — потребовал Фонсека.

Лэнгдон передал Уинстону номер мобильного телефона агента, и через мгновение аппарат Фонсеки зажужжал. Все собрались вокруг агента и смотрели на зернистое черно-белое фото. Это был снимок вида сверху черного седана в пустынном служебном проезде.

И в самом деле, в левом нижнем углу лобового стекла Лэнгдон увидел стикер с определенным символом, который описал Уинстон.

Амальгамация. Что за чушь!

Озадаченный Лэнгдон потянулся к телефону и кончиками пальцев попытался увеличить фотографию на экране Фонсеки. Наклонившись, он более подробно изучал изображение.

И тут Лэнгдон решил задачу.

— Это не амальгамация, — объявил он.

Хотя изображение было очень близко к описан-

ному Уинстоном, оно было не таким же. Как и в символогии, разница между «близким» и «точным» может быть такой же, как разница между нацистской свастикой и буддийским символом процветания.

Вот почему человеческий разум иногда лучше, чем компьютер.

— Тут не один стикер, — заявил Лэнгдон. — Это два разных стикера, частично наслаивающихся один на другой. Нижний стикер — это особое распятие, называемое папским крестом. Как раз сейчас он очень популярен.

С избранием самого либерального понтифика в истории Ватикана тысячи людей во всем мире оказали поддержку новой политике папы, выставляя тройной крест даже в родном городе Лэнгдона Кембридже в штате Массачусетс.

— U-образный символ сверху, — сказал Лэнгдон, — полностью отдельный стикер.

— Теперь я вижу, что вы правы, — сказал Уинстон. — Я найду номер телефона этой компании.

И снова Лэнгдон поразился быстроте Уинстона. Он уже определил логотип компании?

— Отлично, — сказал Лэнгдон. — Если мы позвоним им, они смогут отследить машину.

Фонсека выглядел озадаченным.

— Отследить машину! Но как?

— Эту машину для побега арендовали, — сказал Лэнгтон, указывая на стилизованную букву U на лобовом стекле. — Это Uber.

ГЛАВА 26

Судя по недоверчивому взгляду широко раскрытых глаз на лице Фонсеки, Лэнгдон не мог сказать, что удивило агента больше: быстрая расшифровка стикера на лобовом стекле или странный выбор машины адмирала Авилы. «Он нанял Uber,» — подумал Лэнгдон, так и не определившись, был этот шаг блестящим или невероятно близоруким.

Вездесущая уберовская услуга «водитель по заказу» завоевала весь мир штурмом за последние несколько лет. Через смартфон любой желающий прокатиться мог мгновенно связаться с растущей армией водителей Uber, которые делают дополнительные деньги, предоставляя свои автомобили в качестве импровизированных такси. Только недавно легализованный в Испании Uber потребовал, чтобы его испанские водители поместили логотип Uber на своих лобовых стеклах. Видимо, водитель этого автомобиля Uber был также поклонником нового папы.

— Агент Фонсека, — сказал Лэнгдон. — Уинстон говорит, что он взял на себя смелость отправить

изображения машины для побега местным властям для распространения на блокпостах.

Рот Фонсеки приоткрылся, и Лэнгдон почувствовал, что этот высококвалифицированный агент не привык играть в кошки-мышки. Фонсека, как будто сомневался, поблагодарить ли Уинстона или сказать ему, чтобы не лез не в свое дело.

— И теперь он набирает номер экстренной службы Uber.

— Нет! — скомандовал Фонсека. — Дайте мне номер и я позвоню сам. Uber с большей вероятностью поможет старшему чину Королевской гвардии, чем компьютеру.

Лэнгдон вынужден был признать, что Фонсека, вероятно, прав. Кроме того, было бы гораздо лучше, чтобы Гвардия помогала в розыске, а не растрачивала свои навыки, отправляя Амбру в Мадрид.

Получив номер от Уинстона, Фонсека набрал его, и у Лэнгдона появилась уверенность в том, что они смогут поймать убийцу за считанные минуты. Определенные транспортные средства были в центре бизнеса Uber; любой клиент со смартфоном мог буквально за минуту получить доступ к точному местоположению каждого

водителя Uber на свете. Фонсеке нужно было лишь попросить компанию найти водителя, который только что взял пассажира за Музеем Гуггенхайма.

—

jHostia!* — выругался Фонсека. — Automatizada*. — Он набрал номер на клавиатуре и ждал, очевидно прослушивая список опций меню. — Профессор, как только я доберусь до Uber и договорюсь об отслеживании автомобиля, я передам это дело местным властям, чтобы мы с агентом Диасом могли доставить вас и мисс Видаль в Мадрид.

*Черт! Автомат.(исп.)

— Меня? — удивился Лэнгдон. — Нет, я не могу к вам присоединиться.

— Вы можете и вы это сделаете, — объявил Фонсека. — Как и ваша компьютерная игрушка, — добавил он, указав на наушники Лэнгдона.

— Простите, — ответил Лэнгдон и его тон стал жестким. — Я не могу сопровождать вас до Мадрида.

— Это странно, — ответил Фонсека. — Я думал, вы профессор Гарварда?

Лэнгдон бросил на него недоуменный взгляд.

— Так оно и есть.

— Хорошо, — огрызнулся Фонсека. — Тогда

полагаю, у вас хватит мозгов, чтобы понять — у вас нет выбора.

С этим агент отступил, вернувшись к своему телефонному звонку. Лэнгдон наблюдал за ним. «Какого черта?»

— Профессор? — Амбра подошла очень близко к Лэнгдону и зашептала сзади. — Мне необходимо, чтобы вы выслушали меня. Это очень важно.

Лэнгдон обернулся, и увидел, что лицо Амбры было пронизано глубоким страхом. Кажется ее тихий шок прошел, и голос казался отчаянным и ясным.

— Профессор, — сказала она. — Эдмонд проявил к вам огромное уважение, включив в свое выступление. По этой причине я могу вам доверять. Мне нужно кое-что вам рассказать.

Лэнгдон с сомнением глянул на нее.

— Убийство Эдмонда было моей ошибкой, — прошептала она, ее глубокие карие глаза наполнились слезами.

— Прошу прощения?

Амбра нервно посмотрела на Фонсеку, который сейчас был вне зоны слышимости.

— Список приглашенных, — сказала она, возвращаясь к Лэнгдону. — Дополнен в последнюю минуту. Имя, которое было добавлено?

— Да, Луис Авила.

— Я лично добавила это имя, — призналась она, и ее голос надломился.

— Это я!

«Уинстон был прав…» — ошеломленно подумал Лэнгдон.

— Из-за меня убили Эдмонда, — сказала она уже на грани слез. — Я позволила убийце проникнуть в это здание.

— Подождите, — сказал Лэнгдон, положив руку на ее дрожащее плечо.

— Просто поговорите со мной. Почему вы добавили его имя?

Амбра бросила еще один тревожный взгляд на Фонсеку, который все еще висел на телефоне на расстоянии двадцати ярдов.

— Профессор, я получила в последнюю минуту просьбу от одного человека, которому глубоко доверяю. Он попросил меня добавить имя адмирала Авилы в список гостей в порядке личной услуги. Просьба была получена всего лишь за несколько минут до открытия, я была занята и поэтому и добавила имя не задумываясь. Я имею в виду, что он был адмиралом на флоте! Откуда я могла знать? — Она снова посмотрела на труп Эдмонда и прикрыла рот тонкой рукой. — А теперь…

— Амбра, — прошептал Лэнгдон. — Кто тот человек, что попросил вас добавить имя в список?

Амбра с трудом сглотнула.

— Это был мой жених… наследный принц Испании. Дон Хулиан.

Лэнгдон недоверчиво уставился на нее, пытаясь переварить эти слова.

Директор Гуггенхайма только что заявила, что наследный принц Испании помог организовать убийство Эдмонда Кирша. Это невозможно.

— Я уверена, что во дворце никак не ожидали, что я узнаю личность убийцы, — сказала она. — Но теперь, когда я знаю… боюсь, я оказалась в опасности.

Лэнгдон положил руку ей на плечо.

— Здесь вы в полной безопасности.

— Нет, — решительно прошептала она. — В этом есть кое-что такое, чего вы не понимаете. Нам с вами нужно выйти. Немедленно!

— Мы не можем бежать, — возразил Лэнгдон. — Мы никогда не…

— Пожалуйста, послушайте меня, — настаивала она. — Я знаю как помочь Эдмонду.

— Прошу прощенияя? — Лэнгдон почувствовал, что она все еще в шоке. — Эдмонду невозможно помочь.

— Нет, можно, — настаивала она, ее тон был ясным. — Но сначала нам нужно попасть в его дом в Барселоне.

— О чем вы говорите?

— Пожалуйста, просто внимательно выслушайте меня. Я знаю, Эдмонд хотел, чтобы мы это сделали.

В течение следующих пятнадцати секунд Амбра Видаль тихим голосом разговаривала с Лэнгдоном. Когда она говорила, Лэнгдон чувствовал, как учащается его пульс.

«Боже мой, — думал он. — Она права. Это все меняет».

Закончив, Амбра вызывающе посмотрела на него.

— Теперь вы понимаете почему нам нужно уходить?

Лэнгдон без колебаний кивнул.

— Уинстон, — сказал он в микрофон. — Ты слышал, что сказала мне Амбра?

— Да, профессор.

— Ты уже знал об этом?

— Нет.

Лэнгдон очень внимательно проговорил свои последующие слова.

— Уинстон, не знаю, могут ли компьютеры

испытывать верность к своим создателям, но если сможешь, это твой момент истины. Нам по-настоящему понадобится твоя помощь.

ГЛАВА 27

Направляясь к трибуне, Лэнгдон одним глазом следил за Фонсекой, до сих пор погруженным в свой телефонный звонок в Uber. Он наблюдал, как Амбра небрежно двигалась к центру купола, на ходу разговаривая по телефону — или, по крайней мере, притворялась, что разговаривает — именно так предполагал Лэнгдон.

«Скажите Фонсеке, что вы решили позвонить принцу Хулиану».

Когда Лэнгдон вышел на трибуну, он нехотя перевел взгляд на съежившуюся фигуру на полу. Эдмонд. Лэнгдон осторожно откинул одеяло, которым Амбра прикрыла его. Когда-то яркие глаза Эдмонда казались теперь двумя безжизненными прорезями под багряной дырой на лбу. Лэнгдон вздрогнул от ужасного видения, его сердце заколотилось от потери и ярости.

На мгновение Лэнгдон вспомнил молодого черноволосого студента, который вошел в его класс, полный надежд и таланта, и который так много сделал за такое короткое время. Ужасно, что сегодня вечером кто-то убил этого удивительно

одаренного человека, почти наверняка в попытке похоронить его открытие навсегда.

«И если я не приму решительных действий, — понял Лэнгдон, — величайшее достижение моего ученика никогда не увидит свет».

Встав так, чтобы трибуна частично блокировала поле зрения Фонсеки, Лэнгдон опустился на колени рядом с телом Эдмонда, закрыл ему глаза, сложил его руки на груди и принял благоговейную молитвенную позу.

Ирония молитвы над атеистом вызывала у Лэнгдона едва ли не улыбку. «Знаю, Эдмонд, тебе меньше чем кому-либо нужно, чтобы за тебя кто-то молился. Не беспокойся, друг мой, вообще-то, я не ради молитвы пришел».

Склоняясь над Эдмондом и опускаясь на колени, Лэнгдон боролся с нарастающим страхом. «Я тебя уверял, что епископ не опасен. Если окажется, что Вальдеспино к этому причастен…» Лэнгдон гнал эту мысль из головы.

Убедившись, что Фонсека заметил как он молится, Лэнгдон очень осторожно наклонился вперед, потянулся к внутреннему карману кожаной куртки Эдмонда и вынул огромный бирюзовый телефон.

Он быстро оглянулся на Фонсеку. Он по-прежне-

му разговаривал по телефону и теперь как будто меньше интересовался Лэнгдоном, чем Амброй, с виду поглощенной собственным телефонным звонком и все дальше и дальше отходившей от Фонсеки.

Лэнгдон вернулся к телефону Эдмонда и попытался успокоить дыхание.

Еще одна вещь, которую нужно сделать.

Он осторожно потянулся и поднял правую руку Эдмонда. Она уже окоченела. Подведя телефон к кончикам пальцев Эдмонда, Лэнгдон осторожно нажал указательным пальцем друга на диск распознавания отпечатков пальцев.

Телефон щелкнул и разблокировался.

Лэнгдон быстро прокрутил меню настроек и отключил функцию защиты паролем. Постоянная разблокировка. Затем он сунул телефон в карман своего фрака и снова накрыл тело Эдмонда одеялом.

Вдалеке завывали сирены, а Амбра стояла одна в центре опустевшей аудитории и прижимала сотовый телефон к уху. Она притворялась, что поглощена разговором, хотя прекрасно понимала, что на нее не отрывая взгляда смотрит Фонсека.

Поспеши, Роберт.

Минуту назад американский профессор бросил-

ся в бой после того, как Амбра поделилась с ним недавним разговором, который у нее произошел с Эдмондом Киршем. Амбра сказала Лэнгдону, что две ночи назад, в этом самом зале, они с Эдмондом допоздна работали над заключительной частью презентации, когда Эдмонд сделал перерыв среди ночи, чтобы выпить свой третий коктейль из шпината. Амбра заметила, как он устал.

— Должна сказать, Эдмонд, — произнесла она, — я не уверена, что эта веганская диета работает на вас. Вы выглядите бледным и слишком худым.

— Слишком худым? — засмеялся он. — Кто бы говорил!

— Я не настолько худа!

— На грани. — Он игриво подмигнул ее возмущенной реакции. — А относительно моей бледности — дайте мне отдохнуть. Я компьютерный зануда, который сидит весь день у светящего ЖК-экрана.

— Ну хорошо, через два дня вы обратитесь ко всему миру, и небольшой загар вам не повредит. Либо выходите завтра на улицу, либо изобретайте экран компьютера, который придаст вам загар.

— Неплохая идея, — сказал он под впечатлением. — Вы должны это запатентовать. — Он

засмеялся, а затем снова вернулся к этому вопросу. — Значит, вы четко знаете порядок событий на субботний вечер?

Амбра кивнула, взглянув на сценарий.

— Я приветствую людей в вестибюле, а затем мы все проходим в эту аудиторию для вашего вступительного видео, после чего вы волшебным образом появляетесь на трибуне. Она указала на переднюю часть зала. — А потом с трибуны вы выступите с заявлением.

— Отлично, — сказал Эдмонд, — только с одним маленьким дополнением. Он усмехнулся. — Когда я выступлю с трибуны, то сделаем еще антракт — у меня будет возможность лично поприветствовать своих гостей, позволить каждому размять ноги и немного подготовить их к дальнейшему. А уже потом я начну вторую половину вечера — мультимедийную презентацию, объясняющую мое открытие.

— Так само заявление предварительно записано? Как вступление?

— Да, я закончил его несколько дней назад. У нас визуальная культура — мультимедиа-презентации всегда более захватывающие, чем научные лекции с трибуны.

— Вы точно не просто ученый, — сказала Амб-

ра, — но я согласна. С нетерпением жду этого.

Амбра знала, что в интересах безопасности презентация Эдмонда хранилась на его собственных, проверенных серверах, расположенных дистанционно. Предполагалось транслировать все на проекционную систему потоковым методом из удаленного места.

— Когда перейдем ко второй части, — спросила она, — кто запустит презентацию, вы или я?

— Я все буду делать сам, — ответил он, доставая телефон. — При помощи вот этого. — Он продемонстрировал увеличенный смартфон с бирюзовым футляром в стиле Гауди. — Все это по сценарию. Я просто связываюсь со своим удаленным сервером через шифрованное соединение…

Эдмонд нажал несколько кнопок, и громкоговоритель на телефоне однократно прозвенел и соединился.

Ответил компьютеризированный женский голос.

— Добрый вечер, Эдмонд. Я жду вашего пароля.

Эдмонд улыбнулся.

— А затем, когда весь мир замрет в ожидании, я введу на телефоне свой пароль, и мое открытие будет вживую транслироваться здесь в зале и одновременно по всему миру.

— Звучит впечатляюще, — произнесла Амбра. — Если, конечно, вы не забудете свой пароль.

— Это было бы некстати, да.

— Надеюсь, вы записали его? — с иронией произнесла она.

— Богохульство, — сказал Эдмонд смеясь. — Программисты никогда не записывают пароли. И все же не волнуйтесь. Мой — всего лишь сорок семь знаков. Я уверен, что не забуду его.

Глаза Амбры расширились от удивления.

— Сорок семь?! Вы не помните даже PIN из четырех цифр для музейной карты безопасности! Как вы собираетесь вспомнить сорок семь случайных знаков?

Он снова посмеялся над ее тревогой.

— Я не собираюсь; они не случайные. — Он понизил свой голос. — Мой пароль на самом деле — отрывок из любимого стихотворения.

Амбра почувствовала смущение.

— Вы использовали стихотворный отрывок в качестве пароля?

— А почему нет? В моем любимом стихотворном отрывке ровно сорок семь букв.

— Ну, это не совсем безопасно.

— Да? Вы думаете, что сможете угадать мои любимые поэтические строчки?

— Я вообще не знала, что вам нравится поэзия.

— Вот именно. Даже если бы кто-то узнал, что мой пароль — отрывок из стихотворения, и даже угадал точный отрывок из миллионов возможностей, им все равно пришлось бы угадывать очень длинный номер телефона моего безопасного сервера.

— Используя скоростной набор на своем телефоне?

— Да, телефон, имеющий свой PIN-код доступа и никогда не покидающий моего нагрудного кармана.

Амбра вскинула руки, весело улыбаясь.

— Ладно, вы босс, — сказала она. — Кстати, кто ваш любимый поэт?

— Хороший вопрос, — сказал он, покачивая пальцем. — Вам придется подождать до субботы. Стихотворный отрывок, который я выбрал, совершенен. — Он усмехнулся. — Речь идет о будущем, о пророчестве, и к моей радости это уже происходит.

Теперь, когда ее мысли вернулись к настоящему, Амбра оглянулась на тело Эдмонда и с волнением почувствовала, что не видит Лэнгдона.

Где он?!

Встревожившись, она теперь заметила второго офицера Гвардии, агента Диаса, и вернулась под купол через разрез в матерчатой стене. Диас осмотрел купол, а затем начал двигаться прямо к Амбре.

Он никогда не выпустит меня отсюда!

Внезапно Лэнгдон оказался рядом с ней. Он осторожно положил ладонь ей на спину и направляя ее, они вдвоем быстро стали продвигаться к дальнему концу купола — через проход, в который все вошли.

— Мисс Видаль! — закричал Диас. — Куда вы вдвоем идете?!

— Мы скоро вернемся, — отозвался Лэнгдон, ускоряясь через пустынное пространство, двигаясь по прямой линии к задней части зала и к выходному туннелю.

— Мистер Лэнгдон! — Это был голос агента Фонсеки, кричащий им в спину. — Вам запрещено покидать этот зал!

Амбра почувствовала, как Лэнгдон уверенно прижал руку к ее спине.

— Уинстон, — прошептал Лэнгдон в наушники. — Давай!

Через мгновение купол погрузился в темноту.

ГЛАВА 28

АГЕНТ ФОНСЕКА и его партнер Диас помчались через затемненный купол, освещая путь фонариками сотового телефона и погружаясь в тоннель, через который только что исчезли Лэнгдон и Амбра.

На полпути через тоннель Фонсека нашел телефон Амбры, лежащий на покрытом коврами полу. Это потрясло его.

Амбра выбросила свой телефон?

Королевская гвардия использовала с разрешения Амбры очень простое приложение для постоянного отслеживания ее местоположения. Могло быть только одно объяснение тому, что она бросила свой телефон: она хотела избежать их защиты.

Понимание заставило Фонсеку сильно понервничать, хотя и не так, как перспектива сообщить своему боссу о том, что будущая супруга короля Испании пропала. Командующий Гвардии был навязчивым и беспощадным, когда дело доходило до защиты интересов принца. Сегодня вечером командир лично дал Фонсеке простейшую из ди-

ректив: «Обеспечьте Амбре Видаль безопасность и освободите от проблем на все время».

«Я не могу обеспечить ей безопасность, если не знаю где она!»

Два агента поспешили к концу тоннеля и оказались в темном вестибюле, который сейчас выглядел как сборище привидений — масса бледных, потрясенных лиц, подсвеченных экранами сотовых телефонов, разговаривающих с внешним миром и рассказывающих о том, что они только что увидели.

— Включите свет! — закричали несколько человек.

Телефон Фонсеки зазвонил и он ответил.

— Агент Фонсека, говорит музейная охрана, — отрывисто произнес молодой голос на испанском. — Нам известно, что вы остались без света. Очевидно, это компьютерный сбой. Мы включим питание через минуту.

— Внутреннее аварийное питание работает? — требовательно спросил Фонсека, зная что все камеры оборудованы ночным видением.

— Да, работает.

Фонсека осмотрел затемненное пространство.

— Амбра Видаль только что вошла в холл возле главного кинозала. Вам видно, куда она пошла?

— Одну минуту, пожалуйста.

Фонсека ждал, сердце колотилось от разочарования. Он только что получил сообщение, что Uber испытывает трудности с отслеживанием машины с убийцей.

Неужели что-нибудь еще сегодня пойдет не так?

Как назло сегодня он впервые сопровождал Амбру Видаль. Обычно, как старшего офицера, Фонсеку назначали только самому принцу Хулиану, а утром босс отвел его в сторону и сообщил: «Сегодня вечером мисс Видаль проводит мероприятие против воли принца Хулиана. Вам предстоит сопровождать ее и удостовериться, что она в безопасности».

Фонсека никогда не предполагал, что мероприятие, которое организовала Амбра, обернется всесторонними нападками на религию, а кульминацией станет убийство на глазах общественности. Он все еще пытался переварить сердитый отказ Амбры принять звонок обеспокоенного принца Хулиана.

Все это казалось немыслимым, и все же ее странное поведение только усугублялось. Судя по всему, Амбра Видаль пыталась избавиться от службы сопровождения, так ей удалось сбежать с

американским профессором.

Если принц Хулиан узнает об этом…

— Агент Фонсека? — Голос женщины из службы безопасности вернулся. — Нам видно, что мисс Видаль с компаньоном вышли из холла. Они спустились вниз на подвесной мостик и только что вошли в галерею, где размещена выставка «Клетки» Луиз Буржуа. Выйдя из двери, поверните направо, вторая галерея справа от вас.

— Спасибо! Продолжайте следить за ними.

Фонсека и Диас пробежали вестибюль и вышли на узкий мостик. Далеко внизу они видели толпы гостей, быстро двигающихся через фойе к выходам.

Справа, точно как обещала служба безопасности, Фонсека увидел вход в большую галерею. На выставочном указателе он прочитал: КЛЕТКИ.

Галерея была просторной и располагала коллекцией странных, похожих на клетку загонов, в каждом из которых располагалось по аморфной белой скульптуре.

— Мисс Видаль! Мистер Лэнгдон! — выкрикнул Фонсека.

Не получив ответа, двое агентов начали поиски.

Отставая на несколько залов от агентов Гвар-

дии, Лэнгдон и Амбра осторожно пробирались вблизи зрительного зала с куполом сквозь лабиринт лесов и молча проделывая путь к слабо светившейся вдалеке надписи «Выход».

Их действия за последнюю минуту были путанными — потому что Лэнгдон с Уинстоном совместно придумывали обманные ходы.

По указанию Лэнгдона Уинстон вырубил свет и погрузил купол в темноту. Лэнгдон сделал мысленный снимок расстояния между их положением и выходом из туннеля, его оценка почти идеальна. В устье тоннеля Амбра швырнула свой телефон в затемненный проход. Затем, вместо того чтобы войти в проход, они развернулись, оставаясь внутри купола, и вернулись назад вдоль внутренней стены, прощупывая рукамии ткань, пока не нашли разорванное отверстие, через которое вышел агент Гвардии, преследуя убийцу Эдмонда. Пройдя через отверстие в матерчатой стене, они пробрались к внешней стене зала и двинулись к освещенному знаку, обозначавшему лестницу аварийного выхода.

Лэнгдон с удивлением вспомнил, как быстро Уинстон решился помочь им.

— Если заявление Эдмонда можно извлечь паролем, — сказал Уинстон, — тогда мы должны

найти его и немедленно использовать. Моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы помочь сегодня Эдмонду всеми способами выступить успешно. Очевидно, я его подвел, и все, что я могу сделать для исправления этой ошибки, я сделаю.

Лэнгдон собирался поблагодарить его, но Уинстон отключился, не вздохнув. Слова лились из Уинстона не по-человечески быстрыми темпами, как аудиокнига, включенная на быстрой скорости.

— Если бы я сам смог получить доступ к презентации Эдмонда, — сказал Уинстон, — я бы сделал это немедленно, но как вы слышали, она хранится дистанционно на безопасном сервере. Похоже, для передачи его заявления миру нужен лишь его личный телефон и пароль. Я уже искал все опубликованные стихотворные отрывки в сорок семь букв, и к сожалению число возможностей исчисляется сотнями тысяч, если не больше, зависит от того, как разрываются строфы.

Более того, в связи с тем, что интерфейсы программы Эдмонда обычно блокируют вход пользователя после неудачной попытки введения пароля, грубый перебор возможных паролей невозможен. Поэтому остаётся единственный

вариант: мы должны отыскать его пароль иным способом. Я согласен с госпожой Видаль, что вам нужно немедленно попасть домой к Эдмонду в Барселоне. Представляется логичным, что если у него была любимая стихотворная строка, то у него могла быть и книга с тем самым стихотворением, и возможно, он каким-то образом обозначил в ней свой любимый отрывок.

Поэтому я могу просчитать с большой вероятностью, что Эдмонд захотел бы, чтобы вы отправились в Барселону, отыскали его пароль и с его помощью опубликовали бы его обращение, как это было запланировано. Кроме того, я теперь определил, что поступивший в последнюю минуту телефонный звонок с запросом включить адмирала Авилу в список гостей и в самом деле исходил из королевского дворца в Мадриде, как и утверждала госпожа Видаль. По этой причине я решил, что нам нельзя доверять агентам Королевской гвардии, и я найду способ направить их в другую сторону и тем облегчить вам бегство.

Невероятно, но выходит, что Уинстон нашел способ это сделать.

Лэнгдон с Амброй теперь уже добрались до запасного выхода, где Лэнгдон тихонько открыл дверь, прошел через нее вслед за Амброй и за-

крыл дверь с другой стороны.

— Хорошо, — сказал голос Уинстона, снова материализуясь в голове Лэнгдона. — Вы на лестничной клетке.

— А агенты Гвардии? — спросил Лэнгдон.

— Далеко, — ответил Уинстон. — В настоящее время я разговариваю с ними, представляясь сотрудником службы музейной охраны и неправильно направляю их в галерею в дальнем конце здания.

«Невероятно,» — подумал Лэнгдон, — успокаивающе кивая Амбре.

— Все хорошо.

— Спуститесь по лестнице на первый этаж, — сказал Уинстон, — и выйдите из музея. Пожалуйста, помните, как только выйдете из здания, музейные наушники перестанут работать и связь со мной прервется.

«Черт». Лэнгдон не подумал об этом.

— Уинстон, — поспешно сказал он, — вы знаете, что Эдмонд поделился своим открытием с рядом религиозных лидеров на прошлой неделе?

— Это кажется маловероятным, — ответил Уинстон, — хотя его вступление сегодня явно показало, что работа имеет глубокие религиозные последствия, поэтому, возможно, он хотел обсу-

дить свои выводы с лидерами в этой области?

— Я думаю, что да. Один из них, однако, епископ Вальдеспино из Мадрида.

— Интересно. Я вижу многочисленные ссылки в Интернете, утверждающие что он очень близкий советник короля Испании.

— Да, и вот еще что, — сказал Лэнгдон. — Вы знали, что Эдмонд получил голосовую почту с угрозами от Вальдеспино после их встречи?

— Я не знал. Должно быть, она поступила по выделенной линии.

— Эдмонд включал почту мне. Вальдеспино призвал его отменить свою презентацию, а также предупредил, что священнослужители, с которыми консультировался Эдмонд, рассматривали превентивное заявление, чтобы как-то ему помешать, пока он не выступил на публике. — Лэнгдон замедлил ход по лестнице, позволив Амбре продвигаться вперед. Он понизил голос. — Вы нашли какую-нибудь связь между Вальдеспино и адмиралом Авилой?

Уинстон помолчал несколько секунд.

— Я не нашел прямой связи, но это не значит, что ее не существует. Это просто означает, что она не задокументирована.

Они подошли к нижнему этажу.

— Профессор, если позволите… — сказал Уинстон. — Принимая во внимание события этого вечера, логика предполагает, что мощные силы намерены похоронить открытие Эдмонда.

Принимая во внимание, что его презентация назвала вас человеком, чьи идеи вдохновили его на открытие, враги Эдмонда могут посчитать вас опасной проблемой.

Лэнгдон никогда не думал о такой возможности и внезапно почувствовал опасность, когда он достиг первого этажа. Амбра уже была там и распахнула металлическую дверь.

— Когда вы выйдете, — сказал Уинстон, — то окажетесь в переулке. Двигайтесь налево вокруг здания и идите к реке. Оттуда я помогу вам добраться до места, которое мы обсуждали.

«BIO-EC346,» — подумал Лэнгдон, убеждая Уинстона доставить их туда. То самое место, где мы с Эдмондом собирались встретиться после этого события. Лэнгдон окончательно расшифровал код, понимая, что BIO-EC346 не какой-то секретный научный клуб. Оказалось, это нечто гораздо более мирское. Тем не менее, он надеялся, что код станет ключом к их побегу из Бильбао.

«Если бы удалось добраться незаметно… — подумал он, зная что скоро повсюду будут дорожные

пробки. — Нам нужно двигаться быстро».

Когда Лэнгдон и Амбра переступили порог и вдохнули прохладный ночной воздух, Лэнгдон поразился, увидев, на что похожи бусинки четок, разбросанные по земле. У него не было времени раздумывать, почему. Уинстон все еще говорил.

— Как только доберетесь до реки, — сказал его голос, — идите к аллее под мостом Ла Сальве и ждите, пока…

В наушниках Лэнгдона внезапно раздался оглушительный шум.

— Уинстон? — закричал Лэнгдон. — Ждать, пока что?!

Но Уинстон отключился, и металлическая дверь захлопнулась за ними.

ГЛАВА 29

Далеко на юг, на окраине Бильбао, седан Uber мчался вдоль шоссе AP- 68 по пути к Мадриду. На заднем сиденье адмирал Авила снял свой белый китель и военно-морскую фуражку, наслаждаясь чувством свободы, расслабившись и размышляя над своим простым спасением.

Точно как обещал Регент.

Почти немедленно после посадки в машину Uber, Авила достал пистолет и прижал его к затылку дрожащего водителя. По команде Авилы водитель выбросил свой смартфон из окна, разорвав единственную связь с главным офисом компании.

Затем Авила прошерстил кошелек водителя, запомнив его домашний адрес и имена жены и двух детей. «Делай, как я говорю, — сказал ему Авила, или твоя семья умрет. Руки мужчины на руле побледнели, и Авила знал, что у него есть преданный водитель на ночь.

«Теперь меня не отследить,» — подумал Авила, так как полицейские машины с воющими сиренами мчались в противоположном направлении.

Когда машина с двинулась на юг, Авила настроился на долгую поездку, наслаждаясь полученным адреналином. «Я отлично послужил делу,» — подумал он. Он взглянул на татуировку на ладони, понимая, что ее защита, оказалась ненужной предосторожностью. По крайней мере на данный момент.

Будучи уверенным, что испуганный водитель Uber повиновался приказам, Авила опустил пистолет. Когда автомобиль помчался к Мадриду, он еще раз пристально посмотрел на два стикера на лобовом стекле автомобиля.

«Каковы шансы?» — подумал он.

Первый стикер ожидаемый — логотип Uber. Однако, второй стикер стал знаком свыше.

Папский крест. Символ был повсюду сегодня — католики по всей Европе показывали солидарность с новым папой, одобряя широкую либерализацию и модернизацию церкви.

Авиле доставило удовольствие направить пистолет на человека, оказавшегося по иронии судьбы приверженцем либерального папы. Он был потрясен тем, как ленивые массы обожали этого нового понтифика, который позволял последователям Христа привередливо выбирать со «шведского стола» законы божьи, определяя,

какие правила приемлемы для них, а какие нет. Почти всю ночь в Ватикане обсуждались вопросы контроля над рождаемостью, гомосексуальные браки, женщины-священники и другие либеральные темы. Кажется, что две тысячи лет традиций испарились в мгновение ока.

«К счастью, есть еще те, кто борется за старые убеждения».

Авила слышал аккорды гимна Ориаменди, звучащие в его голове.

«И я имею честь служить им».

ГЛАВА 30

Испанские старейшие и самые элитные силы безопасности — Королевская гвардия — имеют крепкие традиции, которые восходят к средневековым временам. Агенты Гвардии считают своим священным долгом перед Богом гарантировать безопасность королевской семьи, защищать королевскую собственность и королевскую честь.

Командующий Диего Гарса — надзиратель почти двухтысячных войск Гвардии — шестидесяти лет, низкорослый и худой, со смуглым цветом лица, крошечными глазками и жидкими черными волосами, гладко зачесанными на рябой затылок. Черты лица, напоминающие грызуна, и крошечный рост делали Гарсу почти незаметным в толпе, что помогало скрывать его огромное влияние в стенах дворца.

Гарса давно понял, что истинная власть проистекает не из физических сил, а от политического влияния. Командование Королевской гвардией, конечно, давало ему власть, но именно благодаря дальновидной политической сообразительности Гарсу признавали вхожим во дворец человеком

по широкому спектру вопросов, как личных, так и профессиональных.

Будучи надежным хранителем секретов, Гарса никогда не допускал утечек. Его репутация человека неизменно осмотрительного, как и непревзойденная способность решать деликатные проблемы, сделали его незаменимым для короля. Однако теперь Гарса и прочие придворные стояли перед неясной перспективой, ибо стареющий испанский монарх доживал во дворце Сарсуэла свои последние дни.

На протяжении более четырех десятилетий король управлял неспокойной страной и установил парламентскую монархию после тридцати шести лет кровавой диктатуры правления ультраконсервативного генерала Франсиско Франко. После смерти Франко в 1975 году король попытался работать рука об руку с правительством для укрепления демократических процессов в Испании, медленно двигая страну обратно влево.

Молодежь считала, что изменения проходили слишком медленно.

Стареющим традиционалистам изменения казались кощунственными.

Многие представители испанского истеблишмента все еще отчаянно защищали консерватив-

ную доктрину Франко, особенно его взгляд на католицизм как на «государственную религию» и моральную основу нации. Однако быстро растущее число молодежи в Испании решительно сопротивлялось этой точке зрения — беспардонно осуждая лицемерие организованной религии и лоббируя большее разделение церкви и государства.

Теперь, достигнув зрелости, принц был готов взойти на трон. Но никто не знал, к какому направлению будет склоняться новый король. На протяжении десятилетий принц Хулиан выполнял достойную восхищения работу по выполнению своих безликих церемониальных обязанностей, подчиняясь отцовскому мнению в вопросах политики и ни разу не касаясь информации о своих личных убеждениях. Хотя большинство аналитиков подозревали, что он будет гораздо либеральнее, чем его отец, на самом деле не было никакого способа узнать это наверняка.

Однако, сегодня вечером эта завеса приподнимется.

В свете шокирующих событий в Бильбао и неспособности короля выступить публично по состоянию здоровья, принцу не оставалось ниче-

го другого, как дать оценку печальным событиям вечера.

Несколько высокопоставленных правительственных чиновников, в том числе и президент страны, уже осудили убийство, проницательно воздерживаясь от дальнейших комментариев, пока Королевский дворец не сделал заявление, тем самым возложив весь беспорядок на принца Хулиана. Это не стало сюрпризом для Гарсы; причастность к событиям будущей королевы Амбры Видаль обернулась политической гранатой, к которой никто не хотел притрагиваться.

«Сегодняшний вечер — испытание для принца Хулиана, — думал Гарса, спешно поднимаясь по парадной лестнице к королевским аппартаментам. — Его понадобится направлять, а в условиях недееспособности его отца руководство должно исходить от меня».

Гарса прошагал весь коридор и наконец подошел к двери резиденции принца. Сделал глубокий вдох и постучал.

«Странно, — подумал он, не получив ответа. — Я ведь знаю, он там. По данным агента Фонсеки в Бильбао, принц Хулиан только что звонил из резиденции и пытался связаться с Амброй Видаль — убедиться, что она в безопасности, а это

— хвала небесам — так и было».

Гарса снова постучал, чувствуя беспокойство, когда ему снова не ответили.

Он поспешно отпер дверь.

— Дон Хулиан? — позвал он, входя в комнату.

В апартаментах было темно, за исключением мерцающего света телевизора в гостиной.

— Здравствуйте!

Гарса поспешил войти и увидел стоящего в темноте принца Хулиана — неподвижный силуэт, повернувшийся лицом к эркерному окну. Он был безупречно одет в сшитый на заказ костюм, который надевал на сегодняшние вечерние встречи, и еще не снял галстука.

Молчаливо наблюдая, Гарса обеспокоился похожим на транс состоянием принца. Кажется, эта критическая ситуация потрясла его.

Гарса откашлялся, давая знать о своем присутствии.

Когда принц наконец заговорил, он сделал это, не отрываясь от окна.

— Когда я позвонил Амбре, — сказал он, — она отказалась со мной разговаривать, — тон Джулиана казался скорее озадаченным, а не обиженным.

Гарса не знал как ответить. Учитывая события

ночи, казалось непостижимым, что Хулиана беспокоили его отношения с Амброй — помолвка, которая была неудачно задумана прямо с самого начала.

— Я полагаю, что мисс Видаль все еще в шоке, — тихо предположил Гарса. — Агент Фонсека доставит ее вам сегодня вечером. Тогда вы сможете поговорить. И позвольте просто добавить, какое облегчение знать, что она в безопасности.

Принц Хулиан рассеянно кивнул.

— За убийцей следят, — сказал Гарса, пытаясь сменить тему. — Фонсека уверяет меня, что террориста скоро посадят в тюрьму. Он использовал слово «террорист» намеренно в надежде вырвать принца из оцепенения.

Принц лишь еще раз кивнул.

— Президент опроверг факт убийства, — продолжал Гарса, — но правительство рассчитывает на ваш дальнейший комментарий… с учетом причастности Амбры к этому происшествию. — Гарса помедлил. — Я понимаю, что ситуация неловкая, учитывая вашу помолвку, но я бы посоветовал вам просто сказать, что больше всего вы цените в своей невесте независимость, и хотя вы знаете, что она не разделяет политических убеждений Эдмонда Кирша, вы восхищаетесь тем, как она

выполняет свои обязанности директора музея. Я бы с удовольствием написал для вас что- нибудь, вы не против? Нам нужно вовремя сделать заявление, чтобы успеть к утренним новостям.

Хулиан неотрывно смотрел в окно.

— Я хотел, чтобы епископ Вальдеспино участвовал в любом заявлении, которое мы делаем.

Гарса сжал зубы и подавил в себе недовольство. Пост-франкистская Испания была государством светским (estado aconfesional), это означало, что больше не было государственной религии, а церковь не должна вмешиваться в политику. Однако благодаря близкой дружбе Вальдеспино с королем епископ имел необыкновенно большое влияние на повседневную жизнь дворца. К сожалению, твердая линия поведения и религиозное рвение Вальдеспино оставляли мало места для дипломатии и такта, которые требовались для преодоления возникшего в тот вечер критического положения.

Нам нужны тонкость и такт, а не догматизм с фейерверками!

Гарса давно усвоил, что за набожным обликом Вальдеспино кроется простая истина: епископ Вальдеспино служил прежде всего собственным нуждам, а потом уже Богу. До недавнего времени

Гарса мог закрывать на это глаза, но сейчас, с изменением баланса сил во дворце, видение того, как епископ заискивает перед Хулианом, стала причиной для серьезной озабоченности.

Вальдеспино слишком близок к принцу.

Гарса знал, что Хулиан всегда считал епископа «семьей» — скорее верным дядей, чем религиозным авторитетом. Как ближайшему доверенному лицу короля, Вальдеспино было поручено наблюдать за нравственным развитием молодого Хулиана, и он делал это с самоотверженностью и рвением, проверяя всех наставников Хулиана, представляя ему доктрины веры и даже консультируя его по сердечным вопросам. Теперь, спустя годы, даже когда Хулиан и Вальдеспино не виделись с глазу на глаз, их связь оставалась глубоко кровной.

— Дон Хулиан, — спокойно сказал Гарса, — я чувствую, что с сегодняшней ситуацией мы с вами должны справиться сами.

— Разве? — провозгласил позади него мужской голос из темноты.

Гарса развернулся и остолбенел, увидев в тени одетый в мантию призрак.

Вальдеспино.

— Должен сказать, командующий, — прошипел

Вальдеспино, — я думал, что вы все поймете, насколько сегодня вам нужен я.

— Это политическая ситуация, — заявил Гарса твердо, — не религиозная.

Вальдеспино ерничал.

— Факт подобного заявления говорит мне, что я сильно переоценил вашу политическую хватку. Если хотите знать мое мнение, есть только один подходящий ответ в такой критический момент. Мы должны немедленно заверить нацию, что принц Хулиан является глубоко религиозным человеком, и что будущий король Испании — набожный католик.

— Я согласен… и мы включим упоминание о вере дона Хулиана в любое заявление, которое он делает.

— И когда принц Хулиан предстанет перед прессой, понадоблюсь я, стоящий рядом с ним, положив руку на его плечо — мощный символ прочности его уз с Церковью. Этот единственный образ сделает больше для успокоения нации, чем любые слова, которые вы напишете.

Гарса ощетинился.

— Мир только что стал в прямом эфире свидетелем жестокого убийства на испанской земле, — заявил Вальдеспино. — Во времена на-

силия ничто так не успокаивает, как рука Бога.

ГЛАВА 31

Мост Сечени или Цепной мост — один из восьми мостов Будапешта, протянувшийся на более тысячу футов через Дунай. Как символ связи между Востоком и Западом, мост считается одним из самых красивых в мире.

«Что я делаю? — раздумывал раввин Ковеш, глядя через перила в водоворот черной воды внизу. — Епископ советовал мне оставаться дома».

Ковеш знал, что не должен был выходить, и все же, когда он чувствовал себя неуютно, что-то такое в самом мосте всегда притягивало к нему. В течение многих лет он по ночам приходил сюда поразмыслить и любовался бессмертным видом. На Востоке, в Пеште, гордо возвышался освещенный фасад Дворца Грешам, стоявшего напротив колоколен базилики св. Иштвана. На Западе, в Буде, на вершине Замкового холма, тянулись крепостные стены Будайской крепости. И к северу, на берегу Дуная, раскинулись элегантные шпили здания парламента, самого большого во всей Венгрии.

Однако Ковеш подозревал, что не только из-за

красивого вида его постоянно тянуло на Цепной мост. Было еще кое-что другое.

Навесные замки.

Вдоль перил моста и сплетения проводов висели сотни замков — на каждом пара инициалов, и все они навечно прикованы к мосту.

Традиция заключалась в том, что на этом мосту встречались двое влюбленных, писали свои инициалы на замке, прикрепляли замок к мосту, а затем бросали ключ в глубокую воду, где он будет покоиться вечно, как символ их вечной связи.

«Простейшее из обещаний,» — подумал Ковеш, касаясь одного из болтающихся замков. Моя душа прикована к твоей душе навсегда.

Всякий раз, когда Ковешу нужно было напомнить себе, что в мире существует безграничная любовь, он приходил к этим замкам. И сегодня была одна из таких ночей. Когда он смотрел вниз в бурлящую воду, ему казалось, что мир для него стал двигаться слишком быстро. «Возможно, здесь мне больше не место».

Что когда-то считалось тихими моментами одиночества в жизни — несколько минут езды в пустом автобусе, или прогулка до работы, или ожидание встречи — теперь стало невозможным, и люди непроизвольно потянулись за своими

телефонами, наушниками и играми, неспособные бороться с захватывающим притяжением технологий. Чудеса прошлого уходили прочь, побежденные постоянным голодом ко всем новшествам.

Теперь, когда Иегуда Ковеш смотрел вниз в воду, он чувствовал себя все более утомленным. Его видение как будто размылось, и перед ним появились жуткие, аморфные фигуры, движущиеся под водой. Река внезапно оказалась похожей на клубящийся туман из существ, оживающих в глубине.

— A viz el, — прознес голос за его спиной. — Живая вода.

Раввин обернулся и увидел мальчика с вьющимися волосами и глазами, полными надежд. Мальчик напомнил Иегуде себя в молодые годы.

— Прошу прощения? — сказал раввин.

Мальчик открыл рот, чтобы заговорить, но вместо языка из его горла вырвалось электронное жужжание и ослепительный белый свет вспыхнул в его глазах.

Раввин Ковеш проснулся от удушья, сидя выпрямившись в своем кресле.

— Oy gevalt!*

* О, боже!(идиш)

Телефон на его столе разрывался, и старый раввин развернулся, в панике разглядывая свой кабинет. К счастью, он был совершенно один. Он чувствовал, как бешено колотилось его сердце.

— Какой странный сон, — подумал он, пытаясь восстановить дыхание.

Телефон настойчиво звонил, и Ковеш знал, что в такой час это наверняка

епископ Вальдеспино с вопросом насчет своей транспортировки в Мадрид.

— Епископ Вальдеспино, — ответил раввин, все еще чувствуя себя сбитым с толку. — Какие новости?

— Раввин Иегуда Ковеш? — спросил незнакомый голос. — Вы меня не знаете, и мне не хочется вас пугать, но вы должны внимательно выслушать меня.

Неожиданно Ковеш насторожился.

Голос был женский, но каким-то образом видоизмененный, и звучал искаженно. Звонивший говорил по-английски с небольшим испанским акцентом.

— Я меняю свой голос ради сохранения тайны. Я прошу прощения за это, но через мгновение вы поймете, почему.

— Кто это? — спросил Ковеш.

— Я ревностный хранитель — кто не приемлет пытающихся скрыть правду от общественности.

— Я… не понимаю.

— Раввин Ковеш, я знаю, что вы присутствовали на частной встрече с Эдмондом Киршем, епископом Вальдеспино и Алламой Саидом аль-Фадлом три дня назад в монастыре Монсеррат.

«Откуда она это знает?»

— Кроме того, я знаю, что Эдмонд Кирш предоставил вам троим обширную информацию о своем недавнем научном открытии… а вы теперь вступили в заговор, чтобы скрыть это.

— Что?

— Если не отнесетесь серьезно к моим словам, я предвижу, что вы окажетесь мертвым уже к утру, устраненный длинной рукой епископа Вальдеспино. — Звонящая остановилась. — Как Эдмонд Кирш и ваш друг Саид аль-Фадл.

ГЛАВА 32

Мост Ла Сальве в Бильбао через реку Нервион проходит в такой билизости к музею Гуггенхейма, что эти два сооружения порой выглядят слившимися в одно. Сразу узнаваемый по своей уникальной центральной опоре — возвышающейся ярко-красной стойке в форме гигантской буквы «Н»

— мост взял свое название Ла Сальве (спасение) из народных сказаний о моряках, возвращавшихся с моря по этой реке и произносивших благодарственные молитвы за благополучное возвращение домой.

Выйдя с задней стороны здания, Лэнгдон и Амбра быстро преодолели короткое расстояние от музея до речной набережной и теперь ждали, как и требовал Уинстон, на тротуаре, в тени, прямо под мостом.

«Чего ждали?» Недоумевавший Лэнгдон задавался таким вопросом.

Когда они пробыли в этом сумраке какое-то время, Лэнгдон заметил дрожь в стройной фигуре Амбры под облегающим вечерним платьем. Он

снял свой фрак и накинул ей на плечи, расправив ткань ей по рукам.

Ничего не сказав, она вдруг повернулась лицом к нему.

На мгновение Лэнгдон опасался, что он переступил границу, но на лице Амбры не было неудовольствия, а скорее благодарность.

— Спасибо, — прошептала она, пристально глядя на него. — Спасибо, что помогли мне.

Неотрывно глядя ему в глаза, Амбра Видаль приблизилась, взяла Лэнгдона за руки и сжала их так, будто пыталась впитать тепло и спокойствие, которые он мог ей дать.

Затем столь же быстро она отпустила его руки.

— Извините, — прошептала она. — Conducta impropia*, как сказала бы моя мама.

* неправильно повела себя (исп.)

Лэнгдон одобрительно усмехнулся.

— Смягчающие обстоятельства, как сказала бы моя мама.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла недолгой.

— Я чувствую себя совершенно разбитой, — сказала она, отведя взгляд.

— То, что сегодня произошло с Эдмондом…

— Это ужасно… чудовищно, — сказал Лэнгдон,

понимая, что все еще слишком потрясен, чтобы полностью выразить свои эмоции.

Амбра задумчиво смотрела на воду. — А мысль, что к этому причастен мой жених, дон Хулиан…

Лэнгдон услышал ощущение предательства в ее голосе и не знал, что ответить.

— Понимаю, как это выглядит, — сказал он, мягко касаясь этой деликатной темы, — но мы точно этого не знаем. Возможно, принца Хулиана и не уведомляли заранее о сегодняшнем убийстве. Убийца мог действовать в одиночку или работать не на принца, а на кого-то другого. Неубедительным выглядит, что будущий король Испании стал дирижировать публичным убийством гражданина своей страны — особенно если это можно отследить и выйти прямо на него.

— Отследить его можно было только потому, что Уинстон догадался о включении Авилы в список гостей в последний момент. Возможно, Хулиан считал, что никто не вычислит нажавшего на курок.

Лэнгдону пришлось признать, что у нее были основания так думать.

— Мне ни в коем случае нельзя было обсуждать с Хулианом презентацию Эдмонда, — сказала Амбра, вновь повернувшись к нему. — Он отго-

варивал меня участвовать в ней, и я попыталась его уверить, что моя роль будет минимальной, что все там — не более чем видеопроекция. Кажется, я даже сказала Хулиану, что Эдмонд будет управлять презентацией своего открытия со смартфона. — Она сделала паузу. — А значит, если они выяснят, что мы забрали телефон Эдмонда, то поймут, что его открытие все еще может быть обнародовано. И я просто не знаю, как далеко Хулиан зайдет, чтобы этому помешать.

Лэнгдон задержал взгляд на этой красивой женщине.

— Вы что, совсем не доверяете своему жениху?

Амбра глубоко вздохнула.

— Правда в том, что я знаю его не настолько хорошо, как вы могли бы подумать.

— Тогда почему вы согласились выйти за него?

— Очень просто, Хулиан поставил меня в положение, в котором у меня не было выбора.

Не успел Лэнгдон ответить, как цемент у них под ногами завибрировал от низкого гула, отдаваясь в углублении ниши под мостом. Этот звук все нарастал. Похоже, источник его был с правой от них стороны, вверх по течению реки.

Лэнгдон обернулся и увидел, как к ним быстро приближается темный силуэт — моторная лодка

двигалась с выключенными огнями. Когда она оказалась вблизи высокой цементированной пристани, то замедлила ход и стала причаливать прямо рядом с ними.

Лэнгдон посмотрел вниз на судно и покачал головой. До этого момента он сомневался, насколько можно было доверять компьютеризированному гиду Эдмонда, но сейчас, увидев, что к берегу приближается желтое водное такси, осознал, что Уинстон — лучшее, что у них сейчас могло быть.

Взъерошенный капитан жестами приглашал их на борт.

— Ваш англичанин, он мне звонил, — сказал этот мужчина. — Сказал, что важный клиент заплатит втридорога за… как это у вас называется… Velocidad y discrecion?* Я это делать — видите? Нет огней!

* Скорость и осторожность (исп.)

— Да, спасибо, — ответил Лэнгдон. Разумно, Уинстон. Скорость и осторожность.

Вышел капитан и помог Амбре взобраться на борт, а когда она скрылась в небольшой каюте, чтобы согреться, он широко улыбнулся Лэнгдону.

— Это и есть та важная особа? Сеньорита Амбра

Видаль?

— Velocidad y discretion,* — напомнил ему Лэнгдон.

* Скорость и осторожность (исп.)

— jSi, si! Okay!* — капитан метнулся к штурвалу и запустил двигатели. Через несколько секунд лодка уже скользила сквозь тьму по реке Нервион в западном направлении.

* Да, да! Все верно!

С борта лодки, обращенного в сторону порта, Лэнгдону видна была «черная вдова» у музея Гуггенхейма, жутковато подсвечиваемая мигалками полицейских машин. Над головой со стрекотом пронесся по небу вертолет для съемки новостей.

«Это первый из множества,» — заподозрил Лэнгдон.

Лэнгдон достал из кармана брюк шифр-карту Эдмонда. BIO-EC346. Эдмонд говорил передать ее таксисту, хотя Эдмонд, вероятно, не мог предположить, что средством передвижения окажется водное такси.

— Наш британский друг… — крикнул Лэнгдон капитану сквозь звук ревущих двигателей. — Я полагаю, он сказал вам, куда мы собираемся?

— Да, да! Я предупредил его, что на лодке смогу доставить вас почти туда, но он сказал, что для

вас не проблема пройти триста метров, да?

— Хорошо. И как далеко отсюда?

Мужчина указал на шоссе, которое бежало вдоль реки справа.

— Дорожный знак показывает семь километров, но на лодке чуть больше.

Лэнгдон взглянул на освещенный знак на шоссе.

АЭРОПОРТ БИЛЬБАО (BIO) 7 КМ

Он с сожалением улыбнулся голосу Эдмонда в своей голове. Это очень простой код, Роберт. Эдмонд был прав, и когда Лэнгдон наконец разгадал его сегодня вечером, он смутился, что это заняло у него столько времени.

BIO действительно был кодом, хотя расшифровать его было не сложнее, чем аналогичные коды со всего мира: BOS, LAX, JFK.

BIO — код местного аэропорта.

Остальная часть кода Эдмонда мгновенно встала на свои места.

EC346.

Лэнгдон никогда не видел частный самолет Эдмонда, но он знал, что самолет существует, и он ничуть не сомневался, что код страны на борту испанского самолета начинается с буквы E — Espana.

EC346 — частный самолет.

Ясно, что если таксист отвезет его в аэропорт Бильбао, Лэнгдон сможет предъявить карту Эдмонда службе безопасности и его отправят прямо в частный самолет Эдмонда.

«Надеюсь, Уинстон связался с пилотами и предупредил их, что мы приедем,» — подумал Лэнгдон, оглядываясь назад в сторону музея, который становился все меньше и меньше.

Лэнгдон подумал зайти в салон и присоединиться к Амбре, но на свежем воздухе хорошо дышалось, и он решил оставить ей пару минут на сборы наедине.

«Я тоже могу воспользоваться моментом,» — подумал он, двигаясь к носу.

На носу лодки, когда ветер трепал его волосы, Лэнгдон развязал галстук- бабочку и положил его в карман. Затем он расстегнул верхнюю пуговицу воротника и вздохнул настолько глубоко, насколько мог, позволяя ночному воздуху заполнить легкие.

«Эдмонд, — подумал он. — Что ты наделал?»

ГЛАВА 33

Командующий Диего Гарса негодовал, расхаживая в темноте по апартаментам принца Хулиана и терпел самодовольную лекцию епископа.

«Вы вторглись в чужие владения, — хотелось выкрикнуть Гарсе Вальдеспино. — Это не ваша сфера!»

И снова епископ Вальдеспино вмешался в дворцовую политику. Материализовавшись как призрак в темноте апартаментов Хулиана, Вальдеспино в полном церковном одеянии читал страстную проповедь Хулиану о значении испанских традиций, преданной религиозности прошлых царей и королев и утешительном влиянии Церкви во времена кризиса.

«Сейчас не время,» — кипел Гарса.

Сегодня вечером принцу Хулиану нужно будет выполнить деликатную работу по связям с общественностью, и главное для Гарсы было отвлечь его от попыток Вальдеспино навязать религиозную повестку дня.

Жужжание телефона Гарсы весьма кстати прервало монолог епископа.

— Si, dime*, — громко ответил Гарса, встав между принцем и епископом. — ^Que tal va?**

* Да, говорите (исп.)

** Кто это? (исп.)

— Сэр, это агент Фонсека из Бильбао, — выпалил звонивший на испанском языке. — Боюсь, нам не удастся захватить стрелка. Автомобильная компания, которая по нашему мнению отслеживает его, потеряла контакт. Стрелок, кажется, предвидел наши действия.

Гарса унял свой гнев и спокойно выдохнул, стараясь не выдать голосом свое истинное настроение.

— Я понимаю, — ответил он ровным голосом. — В данный момент вас должна беспокоить лишь мисс Видаль. Принц ожидает увидеть ее, и я уверил его, что вскоре вы ее доставите.

Долгое молчание установилось на линии. Слишком долгое.

— Командующий? — спросил Фонсека с осторожностью. — Я сожалею, сэр, но у меня плохие новости на этом фронте. Кажется, что мисс Видаль с американским профессором покинули здание — он сделал паузу — без нас.

Гарса чуть не выронил телефон.

— Простите, можете… повторить?

— Да, сэр. Мисс Видаль с Робертом Лэнгдоном ускользнули и здания. Мисс Видаль намеренно бросила свой телефон, поэтому мы не смогли отследить ее. Мы понятия не имеем, куда они направились.

Гарса почувствовал, как у него отвисла челюсть, и принц теперь уставился на него, явно озадаченный. Вальдеспино тоже наклонился, чтобы послушать, а его брови приподнялись, обнаруживая неподдельный интерес.

— А, так это прекрасная новость! — неожиданно выпалил Гарса, кивая с убедительным видом. — Хорошая работа. Вечером мы всех вас увидим.

Давайте только уточним инструкции по доставке и меры безопасности. Одну минуту, пожалуйста.

Гарса прикрыл телефон и улыбнулся принцу.

— Все хорошо. Я только отойду в другую комнату разобраться с подробностями, чтобы вы могли спокойно поговорить.

Гарса вынужден был оставить принца наедине с Вальдеспино, но этот звонок был не из тех, на которые можно было ответить при ком-либо из этих двоих, и он пошел в одну из гостевых комнат, зашел в нее и закрыл дверь.

— ^Que diablos ha pasado? — возбужденно заговорил он в телефон. — Что произошло, черт возьми?

Фонсека изложил историю, похожую на полнейшую выдумку.

— Свет вырубился? — допытывался Гарса. — Компьютер прикинулся охранником и дал вам ложную информацию? Как я должен на это реагировать?

— Понимаю, что это трудно себе представить, сэр, но именно так и произошло. Чего мы не можем понять, так это почему компьютер вдруг переменился.

— Переменился?! Это же компьютер, черт возьми!

— Я имею в виду, что до этого компьютер очень помог — опознать стрелявшего по имени, в попытке предотвратить убийство, и помог выяснить, что машина, на которой тот бежал — такси «Убер». Потом же ни с того, ни с сего, он, казалось, стал работать против нас. Мы можем только утверждать, что этот Роберт Лэнгдон наверняка что-то ему сказал, раз уж после разговора компьютера с ним все переменилось.

И я теперь состязаюсь с компьютером? Гарса подумал, что становится староват для современ-

ного мира.

— Думаю, мне не нужно вам объяснять, агент Фонтека, как разочаровался бы принц, и лично, и в политическом смысле, если бы выяснилось, что его невеста сбежала с американцем, и что Королевская гвардия была обманута компьютером.

— Мы остро осознаем это.

— Есть у вас какие-нибудь догадки, что побудило их обоих бежать? Это выглядит абсолютно безосновательно и безрассудно.

— Профессор Лэнгдон был довольно настойчив, когда я сказал ему, что он должен вечером поехать с нами в Мадрид. Он ясно дал понять, что не хочет ехать.

И так он ускользнул с места убийства? Гарса чувствовал, что-то еще происходит, но не мог представить что.

— Внимательно выслушайте меня. Абсолютно важно найти Амбру Видаль и вернуть ее во дворец, пока какая-либо информация не просочилась.

— Я понимаю, сэр, но мы с Диасом здесь всего два агента. Мы не можем обыскать весь Бильбао одни. Нам нужна поддержка местных властей, нужно получить доступ к камерам движения, авиационная поддержка, все возможности…

— Вовсе нет! — ответил Гарса. — Нам ни к чему неловкая ситуация. Выполняйте свою работу. Сами найдите их и верните мисс Видаль под нашу опеку как можно скорее.

— Есть, сэр.

Гарса повесил трубку, разуверившись во всем.

Когда он вышел из комнаты, по коридору к нему спешно направилась бледная молодая женщина. Она была в обычных своих очках в стиле бутылки из-под кока-колы, в бежевых брюках-юбке и с беспокойством теребила компьютерный планшет.

«Боже упаси, — подумал Гарса. — Не сейчас».

Моника Мартин была во дворце новым и самым молодым «координатором по общественным связям» — в должностные обязанности на этом посту входило взаимодействие с прессой, стратегическое планирование связей с общественностью и работа директора по связям — все это Мартин осуществляла, пребывая в состоянии постоянной настороженности.

В свои двадцать шесть лет Мартин имела диплом в области массовых коммуникаций от Мадридского университета Комплутенсе, по окончании прошла двухлетнюю стажировку в одном из лучших компьютерных вузов мира — в

пекинском университете Цинхуа, и затем устроилась на престижную работу по общественным связям в Grupo Planeta, после чего занимала ведущий пост по «связям» на испанском телеканале Antena 3.

В прошлом году в отчаянной попытке установить цифровой контакт с молодым поколением испанцев и поспевать за ширящимся влиянием «твиттера», «фейсбука», блогов и сетевой прессы, из дворца уволили опытного профессионала по общественным связям, имевшего десятки лет опыта работы с печатью и иными средствами информации, и заменили его этой технически подкованной выскочкой.

Гарса знал, что Мартин всем обязана была принцу.

Включение этой молодой особы в штат персонала дворца было одним из немногих вкладов принца Хулиана в его дела — редкий случай, когда они с отцом проявили власть. Мартин считалась одной из лучших в этом деле, но Гарса считал, что ее паранойя и нервная энергичность крайне утомительны.

— Теории заговора, — объявила ему Мартин, приближаясь и помахивая планшетом, — сплошь и рядом проявляют себя взрывным образом.

Гарса недоверчиво посмотрел на своего координатора по общественным связям. «У меня озабоченный вид?» Для беспокойства у него сегодня были дела поважнее, чем слухи о заговоре.

— Вы не могли бы мне поведать, с чего это вы расхаживаете по королевской резиденции?

— В аппаратной только что запинговали ваш GPS. — Она указала на телефон, закрепленный на ремне Гарсы.

Гарса закрыл глаза и выдохнул, подавляя в себе раздражение. В добавление к координатору общественных связей, во дворце недавно внедрили новый «отдел электронной безопасности», который обеспечивал группу Гарсы службой GPS, цифровыми средствами наблюдения, профайлинга и предварительного анализа данных. С каждым днем персонал Гарсы становился разнообразнее и моложе.

Аппаратная у нас выглядит как компьютерный центр при колледже.

Очевидно, что новоиспеченная технология, которая использовалась для слежки за агентами Гвардии, отслеживала и самого Гарсу. Его обескураживала мысль, что кучка юнцов в подвале знает о его местонахождении в любой момент времени.

— Я пришла лично к вам, — сказала Мартин, держа наготове планшет, — потому что знала: вы захотите это увидеть.

Гарса выхватил у нее планшет и уставился на экран, изучая подборку фото и биографические данные седобородого испанца, в котором распознали стрелка из Бильбао — флотского адмирала Луиса Авилу.

— Идет множество кривотолков, — сказала Мартин, — и много чего выводят из того, что Авила в прошлом работал на королевскую семью.

— Авила работал на Военно-морские силы! — сбивчиво ответил Гарса.

— Да, но формально, король командует вооруженными силами…

— А вот здесь — остановитесь, — потребовал Гарса, всучив ей обратно планшет. — Предположение, что король каким-то образом связан с террористическим актом — абсурдная натяжка, придуманная помешанными на теории заговора, и оно никакого отношения не имееет к нашей сегодняшней ситуации. Давайте же будем считать, что нам повезло, и вернемся к работе. В конце концов, этот псих мог убить и супруга королевы, но вместо этого предпочёл убить американского атеиста. В общем-то, не так уж и плохо вышло!

Молодая женщина не отступала.

— Есть кое-что еще, сэр, имеющее отношение к королевской семье. Я не хотела сразу вас огорошить.

Пока Мартин говорила, пальцы ее перемещались по планшету, выводя на другой сайт.

— Вот фото, несколько дней лежащее в сети, но его никто не заметил. Теперь, когда всё связанное с Эдмондом Киршем, мгновенно подхватывается, это фото стало появляться в новостях.

Она вручила планшет Гарсе.

Гарса просмотрел заголовок: «Это последнее фото футуриста Эдмонда Кирша?»

На расплывчатой фотографии Кирш был одет в темный костюм и стоял на каменистом обрыве опасного вида утеса.

— Это фото сделано три дня назад, — сказала Мартин, — когда Кирш посещал аббатство Монсеррат. Местный рабочий узнал Кирша и сделал снимок. После сегодняшнего убийства Кирша этот рабочий заново выложил это фото как самую последнюю фотографию этого человека.

— И какое это имеет к нам отношение? — с расстановкой спросил Гарса.

— Прокрутите к следующей фотографии.

Гарса прокрутил. Увидев следующее фото, он

невольно отошел и застыл у стены.

— Этого… этого не может быть.

На версии этой же фотографии с расширенным углом зрения видно было, что Эдмонд Кирш стоит рядом с высоким человеком в традиционной пурпурной католической сутане. Этим человеком был епископ Вальдеспино.

— Это правда, сэр, — подтвердил Мартин. — Вальдеспино встречался с Киршем несколько дней назад.

— Но… — Гарсия заколебался, на мгновение потеряв дар речи. — Но почему епископ не захотел об этом упомянуть? Тем более при том, что сегодня произошло!

Мартин заговорщически кивнула.

— Вот поэтому я и предпочла сначала поговорить свами.

Вальдеспино встречался с Киршем! У Гарсы это в голове не укладывалось. И епископ уклонился от упоминания об этом? Новость была тревожная, и Гарсе захотелось предупредить принца.

— К сожалению, — сказала молодая женщина, — есть много чего еще. Она снова занялась своим планшетом.

— Командующий? — Из гостиной внезапно послышался голос Вальдеспино. — Есть новости

о доставке госпожи Видаль?

Голова Моники Мартин дернулась вверх, глаза ее расширились.

— Это епископ? — зашептала она. — Вальдеспино здесь, в резиденции?

— Да. Даёт советы принцу.

— Командующий! — снова позвал Вальдеспино. — Вы здесь?

— Поверьте, — взволнованно прошептала Мартин, — есть еще информация, которая вам нужна прямо сейчас — до того, как вы пообщаетесь с епископом или принцем. Вам нужно мне довериться, если я говорю, что сегодняшний кризис скажется на нас серьёзнее, чем вы можете себе представить.

Гарса на мгновение присмотрелся к своей координаторше по связям с общественностью и принял решение.

— Внизу, в библиотеке. Приду к вам туда через минуту.

Мартин кивнула и тихо скрылась.

Оставшись один, Гарса глубоко вздохнул и расслабил мышцы лица, в надежде стереть следы растущего гнева и недоумения. Успокоившись, бодро зашел обратно в гостиную.

— С госпожой Видаль все в порядке, — входя,

объявил Гарса с улыбкой. — Она будет здесь позже. Я спущусь в отдел безопасности лично уточнить подробности её доставки.

Гарса подчёркнуто кивнул Хулиану и повернулся к епископу Вальдеспино. — Я скоро вернусь. Не уходите.

С этим он развернулся и удалился.

Когда Гарса вышел из апартаментов, епископ уставился ему вслед нахмурившись.

— Что-нибудь случилось? — спросил принц, глядя в глаза епископу.

— Да, — ответил Вальдеспино. — Я выслушиваю исповеди уже пятьдесят лет. Я могу отличить ложь на слух.

ГЛАВА 34

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВО ВЗОРВАЛОСЬ ОТ ВОПРОСОВ

После убийства Эдмонда Кирша он-лайн сообщество последователей футуриста разразилось шквалом гипотез по двум насущным вопросам.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛОСЬ ОТКРЫТИЕ КИРША?

КТО УБИЛ ЕГО И ПОЧЕМУ?

Что касается открытия Кирша, гипотезы уже наводнили Интернет и охватывают широкий круг тем — от Дарвина до инопланетян, креационизма и других.

Мотивы этого убийства еще неизвестны, но в числе гипотез религиозный фанатизм, корпоративный шпионаж и ревность.

ConspiracyNet была обещана эксклюзивная информация об убийце, и мы поделимся ею с вами, как только она поступит.

ГЛАВА 35

Амбра Видаль стояла одна в кабине водного такси, закутавшись во фрак Роберта Лэнгдона. Минуту назад, когда Лэнгдон спросил, почему она согласилась выйти замуж за человека, которого она едва знала, Амбра честно ответила.

У меня не было выбора.

При всем произошедшем, ей в тот вечер невыносимо было мысленно возвращаться к своей неудачной помолвке с Хулианом.

«Я оказалась в ловушке».

«Я до сих пор еще в ловушке».

Теперь, глядя на свое отражение в грязном окне, Амбра почувствовала, как ее охватывает гнетущее ощущение одиночества. Амбра Видаль была не из тех, что опускаются до жалости к себе, но в тот момент сердце ее ощутило беспомощность движения по течению. «Я помолвлена с человеком, каким-то образом замешанным в жестоком убийстве».

Принц определил судьбу Эдмонда одним телефонным звонком всего за час до самого события. Амбра отчаянно готовилась к приезду гостей, ко-

гда ворвался молодой сотрудник, взволнованно размахивая бумагой.

— jSenora Vidal! jMensaje para usted!*

* Сеньора Видаль! Сообщение для вас! (исп.)

Девушка была взволнована и объяснила, задыхаясь, по-испански, что на стойку регистрации музея должен поступить важный звонок.

— Наш определитель номера, — нараспев сказала она, — показал что это Королевский дворец в Мадриде, и, конечно, я ответила! И этот звонок был из офиса принца Хулиана!

— Они позвонили в регистратуру? — спросила Амбра. — У них же есть номер моего сотового.

— Ассистент принца сказал, что он попытался позвонить на мобильный, — объяснил сотрудница, — но они не смогли дозвониться.

Амбра проверила свой телефон. Странно. Пропущенного звонка нет. Потом она поняла, что техники только что проверяли систему помех сотовой связи в музее, и помощник Хулиана, должно быть, позвонил, когда ее телефон был отключен.

— Кажется, принцу сегодня был звонок от очень важного друга в Бильбао, который хочет присутствовать на сегодняшнем мероприятии. — Девушка протянула Амбре бумажку. — Надеюсь,

вы сможете добавить еще одно имя в список гостей сегодняшнего вечера?

Амбра посмотрела на сообщение.

«Адмирал Луис Авила (в отставке)».

Испанская армада.

«Отставной офицер испанского флота?»

— Они оставили номер и сказали, что вы можете непосредственно перезвонить, если захотите это обсудить, но Хулиан отправился на встречу, поэтому, возможно, вы не сможете поговорить лично с ним. Но звонивший настаивал, что принц надеется, это лишь просьба, а не поручение.

«Поручение? — мысленно возмутилась Амбра. — Учитывая, что вы уже поставили меня перед фактом?»

— Я позабочусь об этом, — сказала Амбра. — Спасибо.

Молодая сотрудница танцующей походкой пошла прочь, как будто она просто передала слово Самого Бога. Амбра с недовольством восприняла просьбу принца, раздраженная тем, что он счел нужным оказывать на нее свое влияние подобным образом, особенно после столь жесткого лоббирования против ее участия в сегодняшнем мероприятии.

«Опять же, ты не оставляешь мне выбора,»

— подумала она.

Если она проигнорирует эту просьбу, результатом будет неприятная стычка с видным морским офицером у входной двери. Событие сегодняшнего дня было тщательно отрежиссировано и вызвало беспрецедентное освещение в средствах массовой информации. Мне совсем ни к чему досадный конфликт с одним из могущественных друзей Хулиана.

Адмирала Авилу не проверяли и не заносили в «согласованный» список, но Амбра подозревала, что требование проверки безопасности было и ненужным, и потенциально оскорбительным с ее стороны. В конце концов, человек был выдающимся военно-морским офицером с достаточным влиянием, и вполне мог взять телефон и позвонить в Королевский дворец, попросив будущего короля об услуге.

И поэтому, столкнувшись с напряженным графиком, Амбра приняла единственное возможное решение. Она вписала имя адмирала Авилы в гостевой список у входной двери, а также добавила его в документированную базу данных, чтобы можно было настроить наушники для этого нового гостя.

Затем она вернулась к работе.

«А сейчас Эдмонд мертв,» — подумала Амбра, возвращаясь к действительности в темноте водного такси. Когда она попыталась освободиться от болезненных воспоминаний, ей пришла в голову странная мысль.

«Я никогда не разговаривала с Хулианом напрямую… Все сообщения передавались через третьих лиц».

Эта идея принесла с собой маленький лучик надежды.

«Возможно, Роберт был прав? И может быть, Хулиан невиновен?»

Она задумалась на какое-то время, а затем поспешила наружу.

Она обнаружила американского профессора стоящим в одиночестве на носу лодки, положившего руки на перила и вглядывающегося в ночь. Амбра присоединилась к нему, и поразилась, увидев, что катер покинул основное русло реки Нервион и теперь скользил на север вдоль небольшого притока, который еще меньше казался рекой, чем опасный канал с высокими грязными берегами. Мелководье и ограниченное пространство заставили Амбру занервничать, но капитан лодки казался невозмутимым, мчась по узкой речной долине с максимальной скоростью

и включенными носовыми огнями, освещающими путь.

Она быстро рассказала Лэнгдону о звонке из офиса принца Хулиана.

— Мне известно лишь, что на стойку регистрации музея позвонили из Королевского дворца в Мадриде. Технически, этот звонок мог быть от любого, кто назвался помощником Хулиана.

Лэнгдон кивнул.

— Возможно, поэтому человек решил передать вам просьбу, а не поговорить с вами напрямую. Есть идея, кто это мог быть? — Учитывая историю Эдмонда с Вальдеспино, Лэнгдон склонялся заподозрить самого епископа.

— Это мог быть любой, — сказала Амбра. — Сейчас во дворце сложные времена. Когда Хулиан займет центральное место, многие старые советники попытаются извлечь для себя пользу и завоевать его расположение. Страна меняется, и я думаю, что многие из старой гвардии отчаянно хотят сохранить власть.

— Кто бы ни был замешан, — сказал Лэнгдон, — будем надеяться, они не догадаются, что мы пытаемся найти пароль Эдмонда и опубликовать его открытие.

Произнеся эти слова, Лэнгдон почувствовал

суровую простоту их задачи.

Он также ощутил откровенную опасность.

Эдмонда убили, чтобы не дать ему обнародовать эту информацию.

На мгновение Лэнгдон подумал, что безопасней всего просто полететь прямо домой из аэропорта и пусть кто-нибудь другой всем этим занимается.

«Безопасней всего — да, — подумал он, — но это не вариант…»

Лэнгдон почувствовал глубокое чувство долга перед своим старым учеником и одновременно моральное возмущение, что научный прорыв могут подвергнуть жестокой цензуре. Он также чувствовал глубокий интеллектуальный интерес к тому, что же именно обнаружил Эдмонд.

И наконец, Лэнгдон узнал о существовании Амбры Видаль.

Женщина явно пребывала в кризисе, и когда она посмотрела ему в глаза, умоляя о помощи, Лэнгдон ощутил в ней бездонный колодец личной убежденности и уверенности в себе… но он также видел тяжелый покров страха и сожаления. Он чувствовал, что там есть секреты, темные и глубоко спрятанные. Она обращается за помощью.

Амбра внезапно подняла глаза, словно ощутив мысли Лэнгдона.

— Вы похоже замерзли, — сказала она. — Нужно вернуть вам фрак.

Он мягко улыбнулся.

— Я в порядке.

— Думаете покинуть Испанию как только доберемся до аэропорта?

Лэнгдон засмеялся.

— Собственно говоря, это пришло мне в голову.

— Пожалуйста, не надо. — Она потянулась к перилам и коснулась своей мягкой ладонью его руки. — Я не уверена, что мы наблюдали сегодня вечером. Вы были близки с Эдмондом, и он неоднократно рассказывал мне, насколько ценит вашу дружбу и доверяет вашему мнению. Я боюсь, Роберт, и я действительно думаю, что не смогу справиться с этим в одиночку.

Мелькнувшая беспечная откровенность Амбры, поразила Лэнгдона, но также и очаровала.

— Хорошо, — кивнув сказал он. — По правде говоря, мы с вами обязаны Эдмонду и научному сообществу найти этот пароль и опубликовать его работу.

Амбра мягко улыбнулась.

— Спасибо.

Лэнгдон взглянул назад.

— Я думаю, ваши агенты-гвардейцы уже поняли, что мы покинули музей.

— Не сомневаюсь. А Уинстон был довольно впечатляющим, правда?

— Сногсшибательным, — ответил Лэнгдон, только сейчас начиная улавливать тот прорыв, который совершил Эдмонд в разработке искусственного интеллекта. Что бы из себя ни представляли «собственные передовые технологии» Эдмонда, ясно, что он готовился возвестить о совсем новом мире взаимодействия человека с компьютером.

Сегодня вечером Уинстон оказался верным слугой своего создателя, а также бесценным союзником Лэнгдона и Амбры. В течение нескольких минут Уинстон обнаружил угрозу в списке гостей, попытался сорвать убийство Эдмонда, определил автомобиль с убийцей и облегчил побег Лэнгдона и Амбры из музея.

— Будем надеяться, Уинстон позвонил заранее, чтобы предупредить пилотов Эдмонда, — сказал Лэнгдон.

— Я уверена, что так оно и было, — сказала Амбра. — Но вы правы. Я должна позвонить Уинстону, чтобы еще раз проверить.

— Постойте, — удивился Лэнгдон. — Вы можете позвонить Уинстону? Когда мы покинули музей и вышли за пределы связи, я подумал…

Амбра засмеялась и покачала головой.

— Роберт, Уинстон физически не базировался внутри Гуггенхайма; он находился в секретном компьютерном устройстве где-то в отдалении. Вы правда думаете, что Эдмонд мог создать такой ресурс как Уинстон, но не мог общаться с ним в любое время и в любой точке мира? Эдмонд все время разговаривал с Уинстоном — дома, во время путешествия, отправляясь на прогулку. Они могли в любой момент наладить контакт простым телефонным звонком. Я видела как Эдмонд часами болтал с Уинстоном. Эдмонд пользовался им как личным помощником — чтобы заказать столик на обед, координировать свои действия с пилотами, делать все что угодно, правда. На самом деле, когда мы монтировали выставку в музее, я довольно часто разговаривала с Уинстоном по телефону.

Амбра полезла в карман фрака Лэнгдона, вытащила покрытый бирюзой телефон Эдмонда и включила его. Лэнгдон отключил его в музее, чтобы сохранить заряд батареи.

— Вам тоже нужно включить свой телефон, —

сказала она, — так мы оба будем иметь доступ к Уинстону.

— Вы не боитесь, что нас можно будет отследить, если мы их включим?

Амбра покачала головой.

— У властей не было времени, чтобы издать необходимый судебный указ. Поэтому думаю, стоит рискнуть, особенно если Уинстон сможет сообщить нам последние данные о продвижении Гвардии и о ситуации в аэропорту.

Лэнгдон с трудом включил телефон и наблюдал как он оживает. Когда экран вернулся к жизни, он прищурился от яркого света и почувствовал приступ уязвимости, как будто мгновенно обнаружил местонахождение всех спутников в пространстве.

«Ты слишком насмотрелся шпионских фильмов,» — сказал он себе.

Внезапно телефон Лэнгдона начал позванивать и вибрировать. Полился поток сообщений, поступивших сегодня вечером. К своему изумлению Лэнгдон получил более двухсот сообщений и электронных писем с тех пор, как отключил телефон.

Когда он просмотрел ящик, то увидел, что все сообщения получены от друзей и коллег.

Предыдущие электронные письма имели поздравительные заголовки — отличная лекция! Не могу поверить, что вы там! Но потом, внезапно, тон заголовков стал тревожным и глубоко обеспокоенным, в том числе сообщение от его книжного редактора Джонаса Фаукмана: «О,ГОСПОДИ — РОБЕРТ, ВЫ В ПОРЯДКЕ?!» Лэнгдон никогда не видел, чтобы его научный редактор использовал все заглавные буквы или двойную пунктуацию.

До сих пор Лэнгдон чувствовал себя фантастически невидимым в темноте водных артерий Бильбао, как будто музей был угасающим сном.

«Это по всему миру,» — понял он. Новости о загадочном открытии Кирша и жестокое убийство… вместе с моим именем и лицом.

— Уинстон пытался связаться с нами, — сказала Амбра, глядя на мигание сотового телефона Кирша. — Эдмонд получил пятьдесят три пропущенных звонка за последние полчаса, все от одного и того же абонента с интервалом в тридцать секунд каждый. — Она усмехнулась. — Стабильное упорство — это одно из многих достоинств Уинстона.

И как раз в этот момент зазвонил телефон Эдмонда.

Лэнгдон улыбнулся, глядя на Амбру.

— Интересно, кто это.

Она протянула ему телефон.

— Ответьте.

Лэнгдон взял телефон и нажал на кнопку динамика.

— Алло?

— Профессор Лэнгдон, — раздался голос Уинстона со знакомым британским акцентом. — Я рад, что мы снова общаемся. Я пытался связаться с вами.

— Да, это видно, — ответил Лэнгдон, впечатленный тем, что компьютер звучал так спокойно и невозмутимо после пятидесяти трех неудачных вызовов подряд.

— Существуют некоторые обстоятельства, — сказал Уинстон. — Есть вероятность, что властям аэропорта еще до вашего приезда сообщат ваши имена. Еще раз предлагаю вам внимательно следить за моими указаниями.

— Мы в твоих руках, Уинстон, — сказал Лэнгдон. — Скажи нам, что делать.

— Прежде всего, профессор, — сказал Уинстон, — если вы еще не выбросили свой мобильный телефон, нужно немедленно это сделать.

— Правда? — Лэнгдон крепче сжал телефон. — Разве властям не требуется судебного приказа

прежде чем…

— Возможно, так делается на американском полицейском шоу, но вы имеете дело с испанской Королевской гвардией и Королевским дворцом. Они сделают то, что необходимо.

Лэнгдон посмотрел на свой телефон, чувствуя странное нежелание расставаться с ним. Там вся моя жизнь.

— А что насчет телефона Эдмонда? — спросила Амбра с тревогой в голосе.

— Его не отследить, — ответил Уинстон. — Эдмонда всегда беспокоила возможность взлома при промышленном шпионаже. Он сам написал программу маскировки IMEI/IMSI, которая изменяет значения C2 на его телефоне для обмана любых средств GPS-перехвата.

«Кто бы сомневался, — подумал Лэнгдон. — Для гения, создавшего Уинстона, обмануть местную телефонную компанию — сущий пустяк».

Лэнгдон нахмурился, глядя на свой явно не столь совершенный телефон. И тут Амбра наклонилась и отобрала у него телефон. Не сказав ни слова, она протянула руку за перила и отпустила его. Лэнгдон смотрел, как телефон стремительно полетел вниз и со всплеском погрузился в темные воды реки Нервион. Когда он исчез под

водой, Лэнгдон почувствовал острую боль утраты и долго оглядывался на него с продолжавшей движение лодки.

— Роберт, — прошептала Амбра, — просто вспомните мудрые слова диснеевской принцессы Эльзы.

Лэнгдон обернулся.

— Что, простите?

Амбра мягко улыбнулась.

— «Отпусти и забудь».

ГЛАВА 36

— SU MISION TODAVfA no ha terminado, — вещал голос в телефоне Авилы. — Ваша миссия еще не закончена.

Авила сидел выпрямившись на заднем сидении такси «Убер» и слушал новости от своего нанимателя.

— У нас возникло неожиданное затруднение, — сказал его собеседник на беглом испанском. — Нам нужно перенаправить вас в Барселону. Прямо сейчас.

«В Барселону?» Авиле было сказано, что для дальнейших услуг он будет ездить в Мадрид.

— У нас есть основания полагать, — продолжал этот голос, — что двое коллег мистера Кирша сегодня вечером выезжают в Барселону, рассчитывая найти способ удаленно запустить презентацию Кирша.

Авила напрягся.

— Это возможно?

— Мы пока не знаем, но если им это удастся, то очевидно, это обесценит ваш тяжкий труд. Мне срочно нужен человек, который находился бы в

Барселоне. Добирайтесь туда как можно скорее, и позвоните мне.

На этих словах связь отключилась.

Эту плохую новость Авила странным образом хорошо воспринял. «Я по- прежнему нужен». До Барселоны было дальше, чем до Мадрида, но все равно лишь несколько часов по ночной магистрали на полной скорости. Не теряя ни минуты, Авила поднял пистолет и приставил его к голове шофера из «Убера». Руки мужчины явно сжали руль крепче.

— Llevame a Barcelona,* — скомандовал Авила.

* Вези меня в Барселону(исп.)

Водитель отправился к следующему выезду на Витория-Гастейс, постепенно ускоряясь на шоссе А-1 и направляясь на восток. В этот час по дороге мчались лишь грохочущие тракторные прицепы, чтобы завершить свои рейсы в Памплону, в Уэску, в Льейду и, наконец, в один из крупнейших портовых городов на Средиземном море — в Барселону.

Авиле с трудом верилось в эту странную череду событий, которые вывели его к этому моменту. «Из глубин величайшего отчаяния я вознесся к моменту своего блистательного служения».

На одно темное мгновение Авила вернулся в

эту бездонную преисподнюю. Ползая по заполненному дымом алтарю в Севильском соборе в поисках окровавленных тел своей жены и ребенка, он понял тогда, что они ушли навсегда.

Несколько недель после того теракта Авила не покидал своего дома. Лежал, дрожа на своем диване, просыпался истязаемый бесконечным кошмаром из огненных демонов, которые волокли его в мрачную бездну, охватывая тоской, гневом и удушающим чувством вины.

— Эта бездна — чистилище, — шептала приставленная к нему монахиня, одна из тех сотен подготовленных психологов, которые помогали выжившим пережить горе. — Ваша душа застряла в мрачном чистилище. Нужно найти способ простить тех, кто это сделал, иначе гнев поглотит вас. — Она перекрестила его. — Ваше спасение — только в прощении.

Прощение? Авила попытался заговорить, но демоны сдавили ему горло. В то мгновение месть показалась единственным спасением. Но кому месть? Никто так и не заявил о своей ответственности за тот взрыв.

— Я понимаю, что акты религиозного терроризма кажутся непростительными, — продолжала монахиня. — И все же, может быть полезно

вспомнить, что наша собственная вера развернула многовековую инквизицию во имя нашего Бога. Мы убили невинных женщин и детей во имя наших убеждений. Для этого нам пришлось просить прощения у мира и у самих себя. И со временем мы исцелились.

Потом она прочитала ему из Библии: «Никогда не сопротивляйся злодею. Если кто-то ударит тебя по правой щеке, обрати к нему и другую. Возлюби врагов своих, твори добро тем, кто тебя ненавидит, благословляй проклинающих тебя, молись за предающих тебя».

Этой ночью в одиночестве и боли Авила уставился в зеркало. Оттуда на него смотрел незнакомец. Слова монахини никак не помогли облегчить боль.

Прощение? Повернуться и другой щекой?

Я стал свидетелем зла, за которое нет прощения!

В порыве ярости Авила врезал кулаком по зеркалу, вдребезги разбив стекло, и рыдая от отчаяния рухнул на пол ванной комнаты.

Будучи кадровым морским офицером, Авила всегда владел собой — образец дисциплины, чести и субординации — но того человека уже не было. За несколько недель Авила погрузился в

туман, заглушая боль мощной смесью выпивки и назначенных лекарств. Вскоре его потребность в успокоительном действии препаратов распространилась и на короткие часы бодрствования, опустив его до враждебного всем затворника.

В течение нескольких месяцев испанский флот тихо заставил его уйти в отставку. Когда-то мощный линкор теперь застрял в сухом доке. Авила знал, что больше никогда не выйдет в море. Флот, которому он отдал свою жизнь, оставил ему лишь скромную пенсию, на которую он едва мог жить.

«Мне пятьдесят восемь лет, — понял он. — И у меня ничего нет».

Он проводил дни, сидя в одиночестве в гостиной, смотрел телевизор, пил водку и ждал появления хоть какого-нибудь луча света. «La hora mas oscura es justo antes del amanecer,»* — говорил он себе снова и снова. Но старая флотская поговорка снова и снова доказывала обратное. «Самый темный час не только до рассвета, — чувствовал он. — Рассвет никогда не наступит».

* Самый темный час до рассвета(исп.)

Дождливым утром в четверг в свой пятьдесят девятый день рождения, глядя на пустую бутылку водки и предупреждение о выселении, Авила собрался с духом, открыл шкаф, взял свой воен-

но-морской пистолет, зарядил его и приставил ствол к виску.

— Perdoname,* — прошептал он и закрыл глаза. Затем он нажал курок. Взрыв был намного тише, чем он себе представлял. Скорее щелчок, чем выстрел.

* Прости меня(исп.)

Жестоко, пистолет не выстрелил. Годы в пыльном шкафу, без чистки, по-видимому, сделали свое дело с дешевым церемониальным пистолетом адмирала. Казалось, даже этот простой акт трусости был выше возможностей Авилы.

В гневе он швырнул пистолет об стену. На этот раз в комнате раздался выстрел. Авила почувствовала жгучее тепло, разорвавшее его голень, и хмельной туман через мгновение отозвался ослепительной болью. Он с криком упал на пол, сжимая кровоточащую ногу.

Соседи в панике стучали в дверь, вопили сирены, и Авила вскоре оказался в больнице Сан-Лазаро провинции Севильи и пытался объяснить, как собирался убить себя, стреляя в ногу.

На следующее утро, когда адмирал Луис Авила лежал в восстановительной палате разбитый и униженный, к нему пришел посетитель.

— Вы паршивый стрелок, — сказал молодой

человек на испанском. — Не удивительно, что вас отправили на пенсию.

Прежде чем Авила ответил, мужчина распахнул оконные шторы и впустил солнечный свет. Авила закрыл глаза и теперь увидел, что парень был мускулистым и коротко стриженым. На нем была футболка с изображением лица Иисуса.

— Меня зовут Марко, — представился он с андалузским акцентом. — Я ваш тренер по реабилитации. Меня назначили к вам, потому что у нас есть кое- что общее.

— Военный? — спросил Авила, отметив его дерзкое поведение.

— Нет. Парень закрыл глаза с Авилой. — Я был там в то воскресное утро. В соборе. Террористическая атака.

Авила смотрел с недоверием.

— Ты был там?

Парень потянулся и с усилием поднял ногу, обнажив протезную конечность.

— Я понял, что вы прошли через ад, но я играл в полупрофессиональный футбол, поэтому не ожидайте от меня слишком большого сочувствия. Я скорее из парней вроде «бог помогает тем, кто помогает себе сам».

Прежде чем Авила понял что случилось, Марко

втянул его в кресло- коляску, повез через холл в маленький тренажерный зал и подкатил между парой параллельных брусьев.

— Это будет больно, — сказал парень, но попробуйте добраться до другого конца. Просто сделайте это один раз. Потом можете позавтракать.

Боль была мучительной, но Авила не собирался жаловаться кому-то с одной ногой. Поэтому, используя руки, чтобы перенести большую часть своего веса, он проделал весь путь до конца брусьев.

— Прекрасно, — похвалил Марко. — Теперь сделайте еще раз.

— Но ты сказал…

— Да, я солгал. Сделайте еще раз.

Авила ошеломленно посмотрел на парня. Адмирал не получал приказов в течение многих лет, и, как ни странно, он нашел в этом что-то новое. Это заставило его почувствовать себя молодым — как он чувствовал себя новобранцем много лет назад. Авила развернулся и начал перебираться назад.

— Скажите мне, — произнес Марко. — Вы по-прежнему ходите на мессу в Севильский собор?

— Никогда.

— Из-за страха?

Авила отрицательно покачал головой.

— Из-за гнева.

Марко рассмеялся.

— Да, давайте угадаю. Монахиня сказала вам простить террористов?

Авила ненадолго остановился на брусьях.

— Точно!

— Мне тоже. Я пытался. Невозможно. Монахиня дала нам плохой совет. — Он рассмеялся.

Авила посмотрел на рубашку Иисуса молодого человека.

— Но похоже, что ты все еще…

— О да, я точно все еще христианин. Более набожный, чем когда-либо. Мне посчастливилось найти свою миссию — помогать жертвам врагов Бога.

— Благородное дело, — завистливо сказал Авила, чувствуя, что его собственная жизнь без семьи и военно-морского флота стала бесцельной.

— Прекрасный человек помог мне вернуться к Богу, — продолжил Марко. — Этот человек, между прочим, был папой. Я встречал его лично много раз.

— Прости… папой?

— Да.

— Что… главой католической церкви?

— Да. Если хотите, я мог бы организовать встречу для вас.

Авила уставился на парня как на сумасшедшего.

— Ты можешь устроить мне аудиенцию с папой?

Марко выглядел обиженным.

— Я понимаю, что вы крупный морской офицер, и не представляете, что искалеченный тренер по физподготовке из Севильи имеет доступ к наместнику Христа, но я говорю вам правду. Если хотите, я могу устроить встречу с ним. Вероятно, он поможет и вам найти свой путь назад, как он помог мне.

Авила облокотился на параллельные брусья, не зная, как ответить. Он боготворил тогдашнего папу — убежденного консервативного лидера, который проповедовал строгий традиционализм и идеологический догматизм. К сожалению, на него со всех сторон обрушивался огонь критики меняющегося земного шара, и ходили слухи, что он скоро предпочтет уйти в отставку перед лицом растущего либерального давления.

— Для меня было бы честью встретиться с ним, конечно, но…

— Хорошо, — вмешался Марко. — Я постараюсь

договориться на завтра.

Авила никогда не представлял себе, что уже на следующий день он будет сидеть в безопасном святилище лицом к лицу с могущественным лидером, который преподаст ему самый вдохновляющий религиозный урок в его жизни.

Дорог к спасению много.

Прощение — не единственный путь.

ГЛАВА 37

Расположенная на первом этаже Мадридского дворца королевская библиотека представляет собой впечатляющие богато украшенные ряды секций, содержащих тысячи бесценных томов, в том числе иллюминированный часослов королевы Изабеллы, личные Библии нескольких королей и железный кодекс эпохи Альфонсо XI.

Гарса поспешно вошел, не желая надолго оставлять наверху принца в лапах Вальдеспино. Он все еще пытался переварить новость о том, что Вальдеспино встречался с Киршем лишь несколько дней назад и решил сохранить эту встречу в тайне. Даже в свете презентации Кирша и сегодняшнего убийства?

Гарса пробрался через плотную темноту библиотеки к координатору по связям с общественностью Монике Мартин, которая ждала его в полутьме и держала мерцающий планшет.

— Я понимаю, что вы заняты, сэр, — сказала Мартин, — но у нас очень напряженная по времени ситуация. Я поднялась наверх и разыскала вас, потому что наш центр безопасности

получил тревожную электронную почту от ConspiracyNet.com.

— От кого?

— ConspiracyNet популярный сайт теории заговора. Журналистика дрянная, и все написано на уровне ребенка, но у них есть миллионы последователей. На мой взгляд, они подбрасывают фейковые новости, но сайт вполне уважаемый в среде теоретиков заговора.

По мнению Гарсы, термины «вполне уважаемый» и «теория заговора» казались взаимоисключающими.

— Они всю ночь копались в ситуации с Киршем, — продолжала Мартин. — Я не знаю, где они получают информацию, но сайт стал центром для новостных блоггеров и теоретиков заговора. Даже сети обращаются к ним за последними новостями.

— Переходите к делу, — поторопил Гарса.

— У ConspiracyNet есть новая информация, касающаяся дворца, — сказала Мартин, поправляя очки на лице. — Они хотят через десять минут это обсудить и дадут нам возможность заранее прокомментировать.

Г арса недоверчиво уставился на молодую женщину.

— Королевский дворец не комментирует сенсационные сплетни!

— По крайней мере посмотрите на это, сэр. — Мартин протянула свой планшет.

Гарса схватил планшет и обнаружил, что смотрит на вторую фотографию адмирала флота Луиса Авилы. Фотография была неформальной, будто сделанной случайно, и запечатлела Авилу при полном параде, вышагивающего в белой форме перед картиной. Казалось, его выхватил объектив посетителя музея, который пытался сфотографировать произведение искусства и непроизвольно захватил Авилу, случайно оказавшегося в кадре.

— Я знаю, как выглядит Авила, — отрезал Гарса, стремясь поскорее вернуться к принцу и Вальдеспино. — Зачем вы мне его показываете?

— Перейдите к следующей фотографии.

Гарса смотрел дальше. На следующем экране была показана увеличенная фотография — увеличение было сфокусировано на правой руке адмирала, развернутой перед ним. Гарса сразу увидел на ладони Авилы метку. Оказалось, это была татуировка.

Гарса долго смотрел на изображение. Этот символ он хорошо знал, как и многие испанцы, особенно старшего поколения.

Это был знак Франко.

Выгравированный во многих местах Испании в середине двадцатого века символ стал синонимом ультраконсервативной диктатуры генерала Франсиско Франко, чей жестокий режим выступал за национализм, авторитаризм, милитаризм, антилиберализм и национальный католицизм.

Гарса знал, что этот древний символ состоял из шести букв. Если сложить их вместе, они означали одно слово на латыни — слово, прекрасно определяющее самооценку Франко.

Триумфатор.

Безжалостный, жестокий и бескомпромиссный Франсиско Франко пришел к власти при военной поддержке нацистской Германии и Италии Муссолини. Он уничтожил тысячи своих противников, а потом захватил полный контроль над страной в 1939 году и провозгласил себя Эль-Каудильо — испанским эквивалентом фюрера. Во время Гражданской войны и в первые годы диктатуры те, кто осмеливался противостоять ему, исчезли в концентрационных лагерях, где он истребил около трехсот тысяч человек.

Изображая себя защитником «католической Испании» и врагом безбожного коммунизма, Франко придерживался ярко выраженного муж-

ского подхода, официально исключая женщин из многих разрядов власти в обществе, с трудом разрешая им право на профессуру, судейство, банковские счета, и даже право на уход от жестокого мужа. Он аннулировал все браки, которые не были оформлены согласно католической доктрине, и помимо других ограничений, он объявил вне закона развод, контрацепцию, аборты и гомосексуализм.

К счастью, сейчас все изменилось.

Несмотря на это, Гарса был ошеломлен тем, как быстро нация забыла один из самых темных периодов в своей истории.

Испанский pacto de olvido (общенациональный политический договор, провозгласивший «забыть все» произошедшее при жестоком правлении Франко) означал, что школьники в Испании мало что знали о правлении диктатора. Опрос в Испании показал, что подростки гораздо больше знают об актере Джеймсе Франко, чем о диктаторе Франсиско Франко.

Однако старшие поколения никогда не забудут. Этот знак VICTOR, похожий на нацистскую свастику, все еще вызывает страх в сердцах тех пожилых людей, кто помнит эти жестокие годы. По сей день озабоченные люди предупреждали,

что в высших кругах испанского правительства и католической церкви по-прежнему существует тайная фракция сторонников франкистов — тайное братство традиционалистов поклялось вернуть Испанию к крайне правым убеждениям прошлого века.

Гарса должен был признать, что многие видевшие хаос и духовную апатию современной Испании старики считали, что страну можно спасти только более сильной государственной верой, более авторитарным правительством и навязыванием более четких моральных принципов.

— Посмотрите на нашу молодежь! — кричали они. — Они все плывут по течению!

В последние месяцы, когда испанский трон вскоре должен был перейти к более молодому принцу Хулиану, среди традиционалистов возник страх, что и сам Королевский дворец вскоре станет еще одним голосом прогрессивных перемен в стране. Их беспокойство подогревалось недавней помолвкой принца с Амброй Видаль, которая была не только басконкой, но и откровенным агностиком, и которая став королевой Испании, несомненно повлияет на взгляды принца в вопросах церкви и государства.

Гарса знал, что это опасные дни. Спорная точка

между прошлым и будущим.

Наряду с углублением религиозного разногласия, Испания также оказалась на политическом распутье. Сохранит ли страна своего монарха? Или королевскую корону навсегда отменят, как это случилось в Австрии, Венгрии и многих других европейских странах? Только время покажет. На улицах умудренные опытом традиционалисты махали испанскими флагами, а молодые члены прогрессивной партии с гордостью надевали антимонархические цвета — фиолетовый, желтый и красный — цвета старого республиканского флага.

Хулиан унаследует пороховую бочку.

— Когда я впервые увидела татуировку Франко, — сказала Мартин, привлекая внимание Гарсы к планшету, — я подумала, что это цифровая обработка фотографии, знаете, хитрый ход, чтобы подлить масла в огонь. Все сайты теории заговоров конкурируют за потоки информации, и каналы связи франкистов получат массовую реакцию, особенно сегодня вечером, учитывая антихристианский характер презентации Кирша.

Гарса знал, что она была права. Теоретики заговора сходят с ума по этому поводу.

Мартин указала на планшет.

— Прочтите комментарии, которые они намерены запустить.

С чувством страха Гарса взглянул на длинный текст, сопровождающий фотографию.

ConspiracyNet.com

ЭДМОНД КИРШ. ОБНОВЛЕНИЕ.

Несмотря на первоначальные подозрения, что убийство Эдмонда Кирша было действием религиозных фанатиков, открытие этого ультраконсервативного франкистского символа свидетельствует о том, что убийство также может иметь политические мотивы. Есть подозрения, что консервативные игроки в высших эшелонах испанского правительства, возможно, даже в самом Королевском дворце теперь борются за контроль в вакууме власти, вызванном отсутствием короля и его неминуемой смертью…

— Отвратительно, — прочитав, гневно рявкнул Гарса. — И все эти предположения из-за татуировки? Это ровным счетом ничего не значит. За исключением присутствия Амбры Видаль на съемках, эта ситуация не имеет ничего общего с политикой Королевского дворца. Без комментариев.

— Сэр, — настаивала Мартин. — Если вы будете добры и прочтете остальную часть комментария,

вы увидите, что они пытаются напрямую связать епископа Вальдеспино с адмиралом Авилой. Они предполагают, что епископ может быть тайным франкистом, который годами наушничал королю, не давая ему провести радикальные изменения в стране. — Она сделала паузу. — Это утверждение набирает силу в Интернете.

И опять у Гарсы не было слов. Он больше не признавал мир, в котором жил.

Липовые новости теперь имеют такой же вес, как и настоящие.

Гарса посмотрел на Мартин, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

— Моника, это все выдумки блогеров-фантастов для собственного развлечения. Могу вас заверить, что Вальдеспино не франкист. Он служил правителю на протяжении десятилетий, и он никак не связан с убийцей Франко. Во дворце подобное не комментируется. Я ясно выразился? — Гарса направился к двери, желая вернуться к принцу и Вальдеспино.

— Сэр, подождите! — Мартин потянулась и схватила его за руку.

Гарса остановился, с возмущением глядя на руку молодой сотрудницы.

Мартин тут же отступила.

— Извините, сэр, но ConspiracyNet также прислал нам запись телефонного разговора, только что состоявшегося в Будапеште. — Она нервно заморгала за своими толстыми очками. — Вам это тоже не понравится.

ГЛАВА 38

Моего начальника злодейски убили.

Капитан Джош Сигел почувствовал, как его руки дрожали на джойстике, когда он направил «Гольфстрим^550» Эдмонда Кирша в сторону главной взлетно-посадочной полосы в аэропорту Бильбао.

«Я не в состоянии лететь,» — подумал он, зная, что его второй пилот был в таком же потрясении, как и он.

Сигел пилотировал частные самолеты для Эдмонда Кирша в течение многих лет, и сегодняшнее шокирующее убийство Эдмонда стало моральным потрясением. Час назад Сигел и его помощник сидели в зале ожидания аэропорта, наблюдая за живым показом из Музея Гуггенхайма.

— Типичный сценарий Эдмонда, — пошутил Сигел под впечатлением от способности босса притягивать огромную толпу. Когда он смотрел программу Кирша, то обнаружил, что как и другие зрители в зале с любопытством наклонился вперед, пока в одно мгновение вечер не обернулся ужасной трагедией.

После произошедшего Сигел и его помощник сидели в оцепенении, наблюдая за телевизионным репортажем и раздумывая, что им делать дальше.

Десять минут спустя зазвонил телефон Сигела; звонил личный помощник Эдмонда, Уинстон. Сигел никогда не встречал его, и хотя британец казался немного «белой вороной», Сигел привык координировать полеты с ним.

— Если вы еще не видели телевизионную трансляцию, — сказал Уинстон, — включите телевизор.

— Мы ее видели, — сказал Сигел. — Мы оба подавлены.

— Нам нужно, чтобы вы вернули самолет в Барселону, — сказал Уинстон, с холодной расчетливостью в тоне оценивая только что произошедшее. — Подготовьтесь ко взлету, и я вскоре с вами свяжусь. Пожалуйста, не взлетайте, пока мы не поговорим.

Сигел понятия не имел, совпали бы указания Уинстона с пожеланиями Эдмонда или нет, но в тот момент он был благодарен за любые попытки руководства.

По указаниям Уинстона Сигел и второй пилот заполнили летное задание на полет в Барселону

без пассажиров — «порожний рейс», как его называют в бизнесе — а затем выкатились из ангара и начали свои предполетные проверки по списку.

Прошли полчаса, прежде чем Уинстон перезвонил.

— Вы подготовились ко взлету?

— Да.

— Хорошо. Я полагаю, вы как обычно, будете взлетать с полосы западного направления?

— Да, верно.

Сигел временами обнаруживал, что Уинстон до раздражения дотошен и обескураживающе хорошо информирован.

— Свяжитесь, пожалуйста, с контрольной вышкой и запросите разрешение на взлет. Подкатывайтесь к дальнему краю аэродрома, но не выезжайте на взлетную полосу.

— Мне остановиться на подъездном пути?

— Да, всего на одну миинуту. Пожалуйста, дайте мне знать, когда будете там.

Сигел и второй пилот удивленно переглянулись. Просьба Уинстона была совершенно непонятной.

Возможно, с контрольльной вышки что-то прояснят на этот счет.

Тем не менее, Сигел направлял самолет мимо

разных трапов и дорог к взлетно-посадочной полосе на западном краю аэропорта. Он теперь рулил последнюю сотню метров по подъездной дороге, где тротуар поворачивал на девяносто градусов вправо и сливался с восточной взлетно-посадочной полосой.

— Уинстон, — произнес Сигел, глядя на высокое ограждение безопасности из сетки рабицы, окружавшее периметр аэропорта. — Мы у конца подъездной рампы.

— Пожалуйста, оставайтесь там, — сказал Уинстон. — Я с вами свяжусь.

«Я не могу здесь ждать!» — подумал Сигел, пытаясь понять, что к чертям задумал Уинстон. К счастью, камера заднего обзора «Г ольфстрима» не показала никаких самолетов сзади, по крайней мере Сигел не блокировал движение. Единственными огнями были огни контрольной вышки — слабое свечение на другом конце взлетно-посадочной полосы, почти в двух милях от него.

Прошла минута.

— Говорит диспетчерская служба, — затрещал голос в наушниках. — EC346, вам дано разрешение на взлет с полосы номер один. Повторяю, взлет разрешен.

Сигел хотел лишь одного — взлететь, но он

по-прежнему ждал указаний от помощника Эдмонда.

— Спасибо, диспечерская, — сказал он. — Нам нужно здесь задержаться еще на минуту. Надо проверить еще один предупредительный сигнал.

— Вас понял. Сообщите, пожалуйста, о готовности.

ГЛАВА 39

— Здесь? — Капитан водного такси удивился. — Вы хотите остановиться здесь? Аэропорт гораздо дальше. Я довезу вас туда.

— Спасибо, мы выйдем здесь, — ответил Лэнгдон, следуя совету Уинстона.

Капитан пожал плечами и остановил лодку рядом с небольшим мостом, обозначенным PUERTO BIDEA. Здесь берег реки зарос высокой травой и выглядел более или менее доступным. Амбра уже выходила из лодки и поднималась по склону.

— Сколько мы вам должны? — спросил Лэнгдон капитана.

— Ничего, — ответил он. — Ваш британец уже заплатил мне. Кредитной картой. Тройную сумму.

«Уинстон уже заплатил». Лэнгдону было все еще непривычно иметь дело с компьютерным помощником. Это как пользоваться навороченным сири.

Лэнгдон понял, что способности Уинстона не должны удивлять, учитывая ежедневные отчеты об искусственном интеллекте, выполняющем

всевозможные сложные задачи, включая написание романов — одна такая книга чуть не выиграла японскую литературную премию.

Лэнгдон поблагодарил капитана и выпрыгнул из лодки на набережную. Прежде чем подняться по холму он вернулся к недоумевающему капитану, поднял указательный палец к губам и сказал:

— Discretion, por favor*.

* Осторожно, пожалуйста(исп.)

— Si, si,* — уверил капитан его, закрыв глаза. — jNo he visto nada!*

* Да, да. Я ничего не видел!(исп.)

С этим Лэнгдон поспешил вверх по склону, пересек подъездные пути и присоединился к Амбре на краю сонной деревенской дороги, окруженной причудливыми магазинами.

— Согласно карте, — звенел голос Уинстона по громкой связи, — вы должны быть на перекрестке Пуэрто-Бидеа и водного пути Рио Асуа. Вы видите небольшую кольцевую развязку в центре города?

— Я вижу, — ответила Амбра.

— Хорошо. Съехав с кольцевой развязки, вы найдете небольшую дорогу под названием Beike Bidea. Следуйте по ней от центра деревни.

Через две минуты Лэнгдон и Амбра покину-

ли деревню и быстро поехали по пустынной проселочной дороге, где каменные фермерские дома стояли на просторах травянистых пастбищ. Когда они углубились в сельскую местность, Лэнгдон почувствовал, что что-то не так. Справа, на расстоянии, над гребнем небольшого холма, небо светилось туманным куполом со световым загрязнением.

— Если это огни терминала, — сказал Лэнгдон, — мы очень далеко.

— Терминал в трех километрах от вашего текущего положения, — ответил Уинстон.

Амбра и Лэнгдон обменялись испуганными взглядами. Уинстон сказал им, что прогулка займет всего восемь минут.

— Согласно спутниковым снимкам Google, — продолжал Уинстон, — справа от вас должно быть большое поле. Через него можно пройти?

Лэнгдон оглянулся на сенокос справа, который слегка поднимался вверх в направлении огней терминала.

— Конечно, мы можем туда забраться, — сказал Лэнгдон, — но три километра потребуют…

— Просто поднимитесь на холм, профессор, и точно следуйте моим указаниям. — Тон Уинстона был вежливым и безэмоциональным, и все же

Лэнгдон понял, что его только что пожурили.

— Хорошая работа, — прошептала Амбра с удивлением, когда поднялась на холм. — Из всего, что я слышала от Уинстона, это было очень похоже на раздражение.

— EC346, говорит диспетчерская служба, — произнес голос в наушниках Сигела. — Вы должны либо очистить подъездной путь, либо взлететь, либо вернуться в ангар для ремонта. Какой у вас статус?

— Пока еще работаем над этим, — солгал Сигел, взглянув на свою камеру заднего вида. Самолетов нет — лишь слабые огни контрольной вышки в отдалении. — Мне просто нужна еще одна минута.

— Вас понял. Держите нас в курсе.

Второй пилот похлопал Сигела по плечу и указал на лобовое стекло.

Сигел последовал за взглядом своего партнера, но увидел лишь высокий забор перед самолетом. Внезапно, по другую сторону барьерной сетки, перед ним возникло призрачное видение. Что за черт?

На темном поле за забором из черноты материализовались два призрачных силуэта, выступив над гребнем холма, и двинулись прямо к самоле-

ту. Когда фигуры подошли ближе, Сигел увидел характерный диагональный черный шарф на белом платье, которое он видел раньше по телевизору.

Это Амбра Видаль?

Иногда Амбра прилетала с Киршем, и ^гел всегда чувствовал в сердце трепет, когда на борту находилась поразительная испанская красавица. Он не мог понять, что она, бога ради, делала за пределами аэропорта Бильбао.

Сопровождавший Амбру высокий мужчина был одет в официальную черно-белую одежду, и Сигел вспомнил, что он тоже был участником вечерней программы.

Американский профессор Роберт Лэнгдон.

Голос Уинстона внезапно вернулся.

— Мистер Сигел, сейчас вы увидите двух человек по другую сторону забора, и несомненно вы узнаете их обоих. Сигелу показалось, что манера британца сверхъестественно спокойная. — Пожалуйста, знайте, есть обстоятельства, которые я не могу полностью объяснить, но попрошу вас выполнить мои пожелания от имени мистера Кирша. — Уинстон на краткое мгновение взял паузу. — Вам сейчас необходимоо знать следующее: люди, убившие Эдмонда Кирша, теперь пытаются

убить Амбру Видаль и Роберта Лэнгдона. Чтобы они оказались в безопасности, потребуется ваша помощь.

— Но… конечно, — пробормотал Сигел, пытаясь обработать информацию.

— Мисс Видаль и профессор Лэнгдон должны подняться на борт самолета прямо сейчас.

— Прямо отсюда?! — спросил Сигел.

— Я осведомлен о технической значимости пересмотренного пассажирского манифеста, но…

— Вы в курсе такой технической детали, как ограждение безопасности в десять футов в окружении аэропорта?!

— Конечно, — сказал Уинстон очень спокойно. — Мистер Сигел, я понимаю, что мы с вами проработали всего несколько месяцев, но нужно чтобы вы мне доверяли. Я собираюсь предложить вам именно то, что хотел бы Эдмонд от вас в этой ситуации.

Сигел слушал с недоверием, пока Уинстон излагал свой план.

— То, что вы предлагаете, невозможно! — утверждал Сигел.

— Напротив, — сказал Уинстон, — это вполне возможно. Осевая нагрузка каждого двигателя составляет более пятнадцати тысяч фунтов, а ваш

носовой конус рассчитан на то, чтобы выдержать семьсот миль…

— Меня не волнует физика, — огрызнулся Сигел. — Меня беспокоит законность — и то, что мой пилот может лишиться лицензии!

— Я благодарен вам, мистер Сигел, — абсолютно спокойно ответил Уинстон. — Но будущая супруга короля Испании сейчас находится в серьезной опасности. Ваши действия помогут спасти ей жизнь. Поверьте мне, когда правда станет известна, вы получите не выговор, а медаль от короля.

Стоя в глубокой траве, Лэнгдон и Амбра пристально посмотрели на высокий защитный забор, освещенный головными огнями самолета.

По просьбе Уинстона они отступили от забора, так как реактивные двигатели завращались, и самолет покатился вперед. Вместо того, чтобы следовать по траектории подъездной рампы, самолет продолжал двигаться прямо к ним, пересек маркированные линии безопасности и выкатился на асфальтовую кромку. Он замедлился и еле полз, приближаясь все ближе и ближе к забору.

Лэнгдон теперь увидел, что носовой конус самолета полностью поравнялся с одним из тяжелых стальных опорных столбов забора. Массивный носовой конус соединился с вертикальным стол-

бом, реактивные двигатели все это время слегка вращались.

Лэнгдон ожидал большего от удара, но, видимо, два двигателя Роллс- Ройс и сорокатонный реактивный самолет были помощней, чем мог выдержать этот заборный столб. С металлическим стоном столб наклонился к ним, потянув за собой огромный кусок асфальта, прикрепленный к его основанию, как сплетенные в клубок корни вывернутого дерева.

Лэнгдон подбежал и схватил упавший забор, потянув его вниз, чтобы они с Амброй перебрались через него. Пока они нерешительно ступили на асфальт, был развернут трап самолета и пилот в форме махнул, приглашая их на борт.

Амбра внимательно посмотрела на Лэнгдона.

— Все еще сомневаетесь в Уинстоне?

У Лэнгдона не было слов.

Они поспешили вверх по лестнице и вошли в роскошную кабину. Лэнгдон услышал, как второй пилот в кабине разговаривал с контрольной вышкой.

— Да, диспетчерская, слышу вас, — говорил пилот, — но ваш наземный радиолокатор должно быть деформирован. Мы не покидали подъездной рампы. Повторяю, мы все еще находимся прямо

на подъездной рампе. Наш предупреждающий сигнал выключен, и мы готовы к взлету.

Второй пилот захлопнул дверь, пилот включил обратную тягу, медленно двигая самолет назад от провисающего забора. Затем самолет начал широкий разворот обратно на взлетно-посадочную полосу.

Сидя напротив Амбры, Роберт Лэнгдон на мгновение закрыл глаза и выдохнул. Двигатели взревели, и он почувствовал давление ускорения, когда самолет понесся по взлетно-посадочной полосе.

Спустя несколько секунд самолет взмыл в небо и упорно направился на юго-восток, пробираясь ночью в сторону Барселоны.

ГЛАВА 40

Раввин Иегуда Ковеш бросился из своего кабинета, пересек сад и выскользнув через входную дверь своего дома, спустился по ступенькам к тротуару.

«Дома уже стало небезопасно, — подумал раввин. Его сердце бешено колотилось. — Нужно добраться до синагоги».

Синагога на улице Дохань была не только святилищем для Ковеша, но и настоящей крепостью. Заграждения, колючие изгороди и круглосуточная охрана служили острым напоминанием о долгой истории антисемитизма в Будапеште. Сегодня Ковеш порадовался, что держит у себя ключи от этой цитадели.

Синагога находилась в пятнадцати минутах ходьбы от его дома — мирная прогулка, которую Ковеш совершал каждый день, — но отправившись сегодня по улице Кошут Лайош, он чувствовал лишь страх. Опустив голову, Ковеш осторожно разглядывал тени перед собой.

Почти сразу он увидел такое, что заставило его занервничать — темную сгорбленную фигуру на

скамейке на другой стороне улицы.

Человек могучего телосложения, в голубых джинсах и бейсбольной кепке небрежно тыкал в свой смартфон и его бородатое лицо освещалось сверкающим экраном.

«Он явно не из этого района,» — понял Ковеш, ускоряя шаг.

Мужчина в бейсбольной кепке на мгновение взглянул на Ковеша и вернулся к своему телефону. Ковеш заторопился. Пройдя квартал, рабби нервно оглянулся. К своему ужасу он увидел, что человека в бейсболке уже не было на скамейке. Тот пересек улицу и шел по тротуару за Ковешем.

«Он преследует меня!» Ноги старого раввина задвигались быстрее, а дыхание участилось. Он понял, что выход из дома был ужасной ошибкой.

«Вальдеспино призывал меня оставаться дома! Кому я решил довериться?»

Ковеш планировал подождать, пока приедут люди Вальдеспино и отправят его в Мадрид, но телефонный звонок изменил все. В его душе быстро проросли темные семена сомнений.

Женщина по телефону предостерегла его: епископ посылает людей не привезти вас, а скорее убрать — так как он убрал Саида аль-Фадла. За-

тем она представила настолько убедительные доказательства, что Ковеш запаниковал и решил спасаться бегством.

Торопливо шагая по тротуару, Ковеш опасался, что вообще не доберется до синагоги. Человек в бейсболке по-прежнему следовал за ним, держась от раввина примерно в пятидесяти метрах.

Оглушительный визг прорезал ночной воздух, и Ковеш от неожиданности подпрыгнул. С облегчением он понял, что звук исходил от городского автобуса, затормозившего на остановке в его квартале. Ковешу показалось, что его послал сам Бог, он бросился к автобусу и залез внутрь.

Автобус заполнили шумные студенты колледжа, и двое из них вежливо уступили переднее место Ковешу.

— Koszonom, — прохрипел раввин, затаив дыхание. — Спасибо.

* Спасибо (венг.)

Однако, не успел автобус тронуться, как мужчина в джинсах и бейсбольной кепке подбежал сзади к автобусу и проталкиваясь едва успел подняться в салон.

Ковеш оцепенел, но мужчина даже не взглянув прошел мимо и сел позади него. В отражении на лобовом стекле раввин увидел, что он снова

обратился к своему смартфону, по-видимому, поглощенный какой-то видеоигрой.

«Не будь параноиком, Иегуда, — упрекнул он себя. — Ты ему не интересен».

Когда автобус прибыл на остановку на улице Дохань, Ковеш с тоской посмотрел на шпили синагоги всего в нескольких кварталах от него, и все же не смог заставить себя покинуть казавшийся безопасным переполненный автобус.

«Если я выйду, и мужчина последует за мной…»

Ковеш остался на месте, вероятно решив, что ему будет безопасней в толпе. «Я могу просто покататься на автобусе и перевести дыхание,» — подумал он, хотя теперь сожалел, что не воспользовался туалетом перед тем, как спешно покинул дом.

Только через несколько минут, когда автобус отъехал от улицы Дохань, раввин Ковеш осознал страшный промах в своем плане.

Это субботняя ночь, и все пассажиры — дети.

Ковеш теперь понял, что все пассажиры этого автобуса почти наверняка выйдут в одном и том же месте — на одной остановке, в самом центре еврейского квартала Будапешта.

После Второй мировой войны этот район был

превращен в руины, но разрушенные сооружения стали центром одного из самых ярких барных районов Европы — знаменитых «руинных баров» — ночных клубов, расположенных в полуразрушенных зданиях. По выходным толпы студентов и туристов собирались здесь и устраивали вечеринку в разбомбленных остовах покрытых граффити складов и старых особняков, которые теперь оборудованы новейшими звуковыми системами, красочным освещением и эклектичным искусством.

Когда автобус визжа тормозами доехал до следующей остановки, все студенты естественно высадились. Человек в кепке остался сидеть сзади, по- прежнему погруженный в свой телефон. Инстинкт подсказал Ковешу выйти как можно быстрее, поэтому он вскочил, поспешил вдоль прохода и смешался с толпой студентов на улице.

Автобус урча отъехал, но потом вдруг остановился, его дверь с шипением открылась и выпустила последнего пассажира — мужчину в бейсбольной кепке. Ковеш вновь почувствовал как резко участился его пульс, а мужчина так ни разу и не взглянул на раввина. Вместо этого он повернулся спиной к толпе и быстро пошел

в другую сторону, на ходу разговаривая с кем- то по телефону.

«Перестань выдумывать,» — сказал себе Ковеш, пытаясь спокойно дышать.

Автобус отправился дальше, и ученики сразу же начали растекаться по улице к барам. Для безопасности раввин Ковеш оставался с ними как можно дольше, но в конце концов, резко оторвавшись, отправился в сторону синагоги.

Он сказал себе, что это всего лишь несколько кварталов, не обращая внимания на тяжесть в ногах и усиливающееся давление в мочевом пузыре.

«Руинные бары» были заполнены, их шумные клиенты выплескивались на улицы. Звуки электронной музыки пульсировали вокруг Ковеша, и острый запах пива наполнял воздух, смешиваясь со сладковатым дымом сигарет «Сопиана» и венгерской выпечки кюртешкалач.

Приблизившись к углу, Ковеша не отпускало жуткое чувство, что за ним следили. Он замедлил шаг и украдкой бросил еще один взгляд назад. К счастью, мужчину в джинсах и бейсболке нигде не было видно.

Затаившаяся фигура в затемненном подъезде оставалась неподвижной в течение долгих де-

сяти секунд, а потом осторожно выглянула из тени за угол.

«Удачная попытка, старик,» — подумал он, зная, что исчез из поля зрения как раз вовремя.

Мужчина дважды проверил шприц в кармане. Затем вышел из тени, поправил бейсболку и поспешил вслед за своим объектом.

ГЛАВА 41

Командующий Гвардии Диего Гарса бросился в жилые апартаменты, схватив компьютерный планшет Моники Мартин.

На планшете была запись телефонного звонка — беседа между венгерским раввином по имени Иегуда Ковеш и каким-то человеком, предупреждающим об опасности — и шокирующее содержание записи подтолкнуло командующего Гарсу к нескольким важным решениям.

Не имело значения, стоял Вальдеспино за плановым убийством, заявленным этим осведомителем, или нет. Гарса знал, что если запись станет публичной, репутация Вальдеспино будет навсегда уничтожена.

Я должен предупредить принца и уберечь его от последствий.

Нужно удалить Вальдеспино из дворца, прежде чем всплывет эта история.

В политике репутация была всем. Справедливо или нет, но информационные посредники собирались сделать Вальдеспино «козлом отпущения». Совершенно очевидно, что наследный

принц не должен появляться рядом с епископом.

Координатор по связям с общественностью Моника Мартин настоятельно советовала Гарсе, чтобы принц немедленно выступил с заявлением, иначе рискует выглядеть соучастником.

Гарса знал, что она права. Мы должны представить Хулиана на телевидении. Немедленно.

Гарса поднялся на верхнюю ступеньку лестницы и, затаив дыхание, прошел по коридору к апартаментам Хулиана, поглядывая на планшет в руке.

В дополнение к изображению франкистской татуировки и записи телефонного звонка раввина надвигающаяся утечка данных через ConspiracyNet включала третье и последнее разоблачение — то, о котором предупреждала Мартин, окажется самым провокационным из всех.

Созвездие данных — она назвала их так, — описав то, что составило подборку, казалось бы случайных и разрозненных точечных данных или дутых фактов, которые предлагалось проанализировать теоретикам заговора и связать эффективными путями для создания возможных «комбинаций».

«Это не лучше, чем дурацкие гороскопы! — злился он. — Составлять фигурки животных из

случайного расположения звезд!»

К сожалению, точечные данные ConspiracyNet, которые были отображены на планшете в руке Гарсы, казалось, были специально сформулированы для объединения в одно созвездие, и с точки зрения дворца оно было не очень красивым.

ConspiracyNet.com

Предательское убийство Кирша.

ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО О НЕМ

• Эдмонд Кирш поделился своим научным открытием с тремя религиозными лидерами — епископом Антонио Вальдеспино, Алламой Саидом аль-Фадлом и раввином Иегудой Ковешем.

• Кирш и аль-Фадл оба мертвы, а раввин Иегуда Ковеш больше не отвечает по своему домашний телефону и, похоже, пропал без вести.

• Епископ Вальдеспино жив и здоров, и в последний раз его видели, когда он пересекал площадь к Королевскому дворцу.

• Убийца Кирша, как установлено адмирал флота Луис Авила, имеет татуировку на теле, которая связывает его с фракцией ультраконсервативных франкистов. (Является ли епископ Вальдеспино, известный консерватор, франкистом?)

• И, наконец, согласно источникам в Гуггенхайме, список гостей мероприятия был уже закрыт, и

все же имя убийцы Луиса Авилы было добавлено в последнюю минуту по просьбе некой персоны из Королевского дворца. (Человек, подавший эту просьбу — будущая супруга короля Амбра Видаль.)

ConspiracyNet хотел бы признать существенный и постоянный вклад гражданского независимого наблюдателя monte@iglesia.org в эту историю.

^Monte@iglesia.org?

Гарса уже понял, что адрес электронной почты наверняка поддельный. Iglesia.org был известным евангельским католическим сайтом в Испании, онлайн-сообществом священников, мирян и учеников, которые исповедывали учение Иисуса. Информатор, похоже, подделал домен, чтобы заявления поступали от iglesia.org.

«Умно,» — подумал Гарса, зная, что епископ Вальдеспино глубоко восхищался благочестивыми католиками, стоящими за сайтом. Гарса пытался понять, был ли этот онлайн-помощник тем же информатором, который звонил раввину.

Добравшись до двери апартаментов, Гарса обдумывал как преподнести дурные новости принцу. День начался вполне нормально, и вдруг оказалось, что дворец втянули в войну с призраками. Безликий информатор по имени Монте? Набор

символических знаков? И что еще хуже, Гарса до сих пор не имел никаких новостей о положении дел Амбры Видаль и Роберта Лэнгдона.

«Только Бог нам поможет, если пресса узнает о вызывающих действия Амбры сегодня вечером».

Командующий вошел без стука.

— Принц Хулиан? — окликнул он, торопясь в гостиную. — Мне нужна минутка, чтобы поговорить с вами наедине.

Гарса дошел до гостиной и остановился.

Комната оказалась пустой.

— Дон Хулиан? — окликнул он, возвращаясь к кухне. — Епископ Вальдеспино?

Гарса обыскал все апартаменты, но принц и Вальдеспино исчезли.

Он тут же позвонил на сотовый телефон принца и поразился, услышав телефонный звонок. Звук был слабым, но телефон находился где-то в апартаментах. Гарса снова позвонил и услышал приглушенный звонок. На этот раз он уловил звук, исходящий от маленькой картины на стене, за которой, как ему известно, скрывался встроенный сейф.

«Хулиан запер свой телефон в сейфе?»

Гарса не поверил, что принц оставил свой телефон в ту ночь, когда связь была настолько

необходимой.

«И куда они могли пойти?»

Гарса тут же попробовал позвонить на сотовый номер Вальдеспино в надежде, что епископ ответит. К его полнейшему удивлению, второй приглушенный звук донесся из сейфа.

«Вальдеспино тоже оставил свой телефон?»

В нарастающей панике, с безумным взором Гарса выскочил из апартаментов. В течение нескольких минут он с криками носился по коридорам и искал вверху и внизу.

Они не могли улетучиться в воздухе!

Когда Гарса наконец остановился, то обнаружил, что затаив дыхание стоит у основания элегантной величественной лестницы Сабатини. Он опустил голову, признав свое поражение. Планшет в его руках уже отключился, а на почерневшем экране виднелось лишь отражение потолочной фрески прямо над головой.

Жестокая ирония. Фреска оказалась шедевром Джаквинто — святыней под защитой Испании.

ГЛАВА 42

Когда самолет «Гольфстрим^550» поднялся на крейсерскую высоту, Роберт Лэнгдон безучастно смотрел в иллюминатор и пытался собраться с мыслями. Последние два часа стали вихрем эмоций — начиная с острых ощущений от презентации Эдмонда и заканчивая непередаваемым ужасом от произошедшего на глазах страшного убийства. И чем больше Лэнгдон пытался постичь тайну презентации Эдмонда, тем больше она ускользала.

Какую тайну открыл Эдмонд?

«Откуда мы появились?» «Куда мы движемся?»

Слова Эдмонда в спиральной скульптуре всплыли в памяти Лэнгдона: «Роберт, мое открытие… оно очень четко отвечает на оба этих вопроса».

Эдмонд утверждал, что раскрыл две величайшие тайны жизни, и, тем не менее, Лэнгдон задавался вопросом, неужели новости Эдмонда были настолько опасно разрушительными, что кто-то убил его, чтобы он замолчал?

Лэнгдон в точности знал, что Эдмонд имел в виду происхождение человека и человеческую

судьбу.

Что за шокирующее происхождение раскрыл Эдмонд?

Что за загадочную судьбу?

Эдмонд как известно оптимистично и жизнерадостно смотрел на будущее, поэтому казалось маловероятным что его предсказание было чем-то апокалиптичным. Тогда что мог предсказать Эдмонд такого, что так глубоко обеспокоило духовенство?

— Роберт? — Амбра появилась рядом с ним с горячей чашкой кофе. — Вы сказали, черный?

— Отлично, да, спасибо. — Лэнгдон с благодарностью принял кружку, надеясь, что немного кофеина поможет разобраться в его запутанных мыслях.

Амбра уселась напротив него и налила себе стакан красного вина из элегантной рифленой бутылки.

— Эдмонд держит на борту заначку «Шато Монтроз». Думается, жаль его транжирить.

Лэнгдон пробовал «Монтроз» один-единственный раз, в старинном тайном погребке под Тринити-колледжем в Дублине, во время изучения иллюминированной рукописи, известной как «Келлская книга».

Амбра держала свой бокал двумя руками, и, поднеся его к губам, она посмотрела на Лэнгдона через край бокала. И снова он оказался странно обезоружен естественной элегантностью женщины.

— Я думала, — сказала она. — Вы упомянули ранее, что Эдмонд был в Бостоне и расспрашивал вас о различных историях сотворения мира?

— Да, около года назад. Его интересовало как основные религии отвечали на вопрос «Откуда мы появились?»

— Так может с этого и начнем? — спросила она. — Может, нам удастся разгадать над чем он работал?

— Я не против начать с азов, — ответил Лэнгдон, — но я не понимаю, что нужно разгадывать. Есть только две теории о нашем происхождении — религиозное понятие о том, что Бог создал человека, и дарвиновская модель, где утверждается, что мы выползли из первобытной грязи и в конечном итоге превратились в человека.

— А что, если Эдмонд обнаружил третью возможность? — спросила Амбра и ее карие глаза вспыхнули. — А что, если это часть его открытия? А если он доказал, что человеческий род не произошел ни от Адама с Евой, ни путем дарви-

новской эволюции?

Лэнгдон должен был признать, что такое открытие — альтернативный рассказ о человеческом происхождении — будет разрушительным, но он просто не мог себе представить, что такое возможно. — Теория эволюции Дарвина чрезвычайно хорошо выстроена, — сказал он, — потому что она основана на научно-установленном факте и наглядно иллюстрирует, как развиваются и адаптируются организмы к своей среде с течением времени. Теория эволюции общепризнана самыми острыми умами в науке.

— Так ли это? — сомневалась Амбра. — Мне встречались книги, утверждающие что Дарвин полностью ошибался.

— Она права, — вмешался Уинстон с телефона, который заряжался на столе между ними. — За последние два десятилетия опубликовано более пятидесяти книг.

Лэнгдон забыл, что Уинстон с ними.

— Некоторые из этих книг стали бестселлерами, — добавил Уинстон. — «Что перепутал Дарвин»… «Поражение дарвинизма»… «Черный ящик Дарвина»… «Дарвин на суде»… «Темная сторона Чарльза Дар…»

— Да, — прервал Лэнгдон, полностью осознавая

значительную коллекцию книг, претендующих на опровержение Дарвина. — Я действительно не так давно прочитал две из них.

— И? — нажимала Амбра.

Лэнгдон вежливо улыбнулся.

— Что ж, не могу говорить про все книги, но эти прочитанные мною две исходили из фундаментальной христианской точки зрения. В одной даже выдвинуто предположение, что древние ископаемые поместил в землю Бог, чтобы проверить нашу веру.

Амбра нахмурилась.

— Понятно, значит они не повлияли на ваши мысли.

— Нет, но они меня заинтересовали, и поэтому я поинтересовался мнением профессора биологии Гарварда о книгах. — Лэнгдон улыбнулся. — Профессор, кстати — покойный Стивен Дж. Гулд.

— Откуда мне знакомо это имя? — спросила Амбра.

— Стивен Дж. Гулд, — сразу отозвался Уинстон. — Известный эволюционный биолог и палеонтолог. Его теория «акцентированного равновесия» объяснила некоторые пробелы в палеонтологической летописи и помогла поддержать модель эволюции Дарвина.

— Гулд просто усмехнулся, — сказал Лэнгдон, — и сказал, что большинство антидарвиновских книг опубликовал Институт исследований о сотворении мира — организация, которая судя по их информационным материалам, рассматривает Библию как непогрешимый буквальный отчет об историческом и научном факте.

— Значит, — сказал Уинстон, — они считают, что «Неопалимая купина» может разговаривать, что Ной разместил все живые существа в одной лодке, и что люди превратились в соляные столбы. Не самая убедительная основа для научно-исследовательской организации.

— Правда, — сказал Лэнгдон, — кроме того есть некоторые нерелигиозные книги, которые пытаются дискредитировать Дарвина с исторической точки зрения, обвиняя его в краже теории у французского натуралиста Жан-Батиста Ламарка, кто первым предположил, что организмы трансформировались для выживания в окружающей среде.

— Это утверждение не относится к делу, профессор, — сказал Уинстон. — Виновность или невиновность Дарвина в плагиате не имеет никакого отношения к правильности его эволюционной теории.

— Я не могу с этим поспорить, — сказала Амбра. — Итак, Роберт, полагаю, если бы вы спросили профессора Гулда «Откуда мы произошли?», он без сомнения ответил бы, что мы эволюционировали от обезьян.

Лэнгдон кивнул.

— Я кое-что здесь перефразировал, но Гулд по существу заверил меня, что в среде настоящих ученых нет никаких сомнений в том, что произошла эволюция. Эмпирически мы можем наблюдать этот процесс. Он считает, что лучше спросить по-другому: почему происходит эволюция? И как все это началось?

— Он предлагал какие-либо ответы? — спросила Амбра.

— Ничего, что я мог бы понять, но он проиллюстрировал свою точку зрения мысленным экспериментом. Это называется «бесконечный коридор». — Лэнгдон сделал паузу, отпив еще глоток кофе.

— Да, полезная иллюстрация, — вмешался Уинстон, прежде чем Лэнгдон смог что-то сказать. — Это происходит так: представьте, что вы идете по длинному коридору — коридор такой длинный, что невозможно понять, откуда вы пришли или куда идете.

Лэнгдон кивнул, впечатленный широтой познаний Уинстона.

— Затем за спиной, вдалеке, — продолжал Уинстон, — вы слышите звук прыгающего мяча. Разумеется, развернувшись, вы увидите как подпрыгивающий мяч приближается к вам. Вот он все ближе и ближе, пока наконец не проскакивает мимо вас, продолжая прыгать в таком же темпе, и скрывается из виду.

— Верно, — сказал Лэнгдон. — Вопрос не в том: подпрыгивает ли мяч? Потому что ясно, что мяч подпрыгивает. Мы можем это наблюдать. Вопрос в том, почему он подпрыгивает? Как он начал прыгать? Кто-то ударил его? Или это особый мяч, которому просто нравится прыгать? Работают ли в этом коридоре такие законы физики, что у мяча нет другого выбора, кроме как вечно прыгать?

— Мысль Гулда заключается в том, что как и в случае с эволюцией мы не можем заглянуть далеко в прошлое, чтобы понять как начался процесс, — закончил Уинстон.

— Именно, — сказал Лэнгдон. — Мы можем лишь наблюдать за тем, как это происходит.

— Конечно, это похоже на теорию понимания Большого Взрыва. — сказал Уинстон. — Космологи разработали изящные формулы для описания

расширяющейся Вселенной в любой момент времени «Т» как в прошлом, так и в будущем. Однако, когда они пытаются заглянуть назад в то время, когда произошел Большой взрыв, где Т равно нулю, математики сходят с ума, описывая то, что кажется мистической частичкой бесконечного тепла и бесконечной плотности.

Лэнгдон и Амбра потрясенно посмотрели друг на друга.

— И снова верно, — подтвердил Лэнгдон. — А поскольку человеческий разум не способен справиться с «бесконечностью», большинство ученых теперь обсуждают Вселенную только с точки зрения моментов после Большого взрыва, где Т больше нуля, это гарантирует, что математика не станет мистической.

Один из коллег Лэнгдона по Гарварду — серьезный профессор физики — настолько устал от философии, которую обсуждали на семинаре «Происхождение Вселенной», что он, наконец, повесил знак на двери своей аудитории.

«В моем классе, $T > 0$.

Для всех запросов, где $T = 0$, пожалуйста, обращайтесь в Религиозный Департамент.»

— Как насчет панспермии? — спросил Уинстон. — Представление о том, что жизнь на земле

была засеяна с другой планеты метеорной или космической пылью? Панспермия считается научно обоснованной возможностью объяснить существование жизни на земле.

— Даже если это правда, — предположил Лэнгдон, — теория не отвечает, как началась жизнь во Вселенной. Мы просто пинаем банку по дороге, игнорируем происхождение прыгающего мяча и откладываем главный вопрос: «Откуда взялась жизнь?»

Уинстон замолчал.

Амбра потягивала вино, удивляясь их взаимодействию.

Когда «Гольфстрим^550» достиг высоты и выровнялся, Лэнгдон понял, что будет означать для всего мира, если Эдмонд действительно найдет ответ на вековой вопрос: откуда мы появились?

И все же, по словам Эдмонда, этот ответ был лишь частью тайны.

В чем бы не заключалась истина, Эдмонд защитил детали своего открытия внушительным паролем — единственный отрывок стихотворения длиной в сорок семь строк. Если все пойдет по плану, Лэнгдон с Амброй скоро раскроют его в доме Эдмонда в Барселоне.

ГЛАВА 43

Спустя почти десятилетие после создания «темная паутина» остается загадкой для подавляющего большинства пользователей интернета. Недоступная через традиционные поисковые системы, эта зловещая тень во Всемирной паутине обеспечивает анонимный доступ к потрясающему меню незаконных товаров и услуг.

С момента скромного начала размещения информации на сервере «Шелковый путь» (первый черный рынок онлайн продажи наркотиков) темная паутина превратилась в массивную сеть преступных сайтов, занимающихся продажей оружия, детской порнографией, раскрытием политических секретов и даже профессиональным наймом, включая проституток, хакеров, шпионов, террористов и убийц.

Каждую неделю темная паутина размещала буквально миллионы сделок, и сегодня вечером, за пределами руинных баров Будапешта одна из таких сделок должна была завершиться.

Человек в бейсболке и синих джинсах незаметно двинулся вдоль улицы Казинцы, оставаясь в

тени и отслеживая свою жертву. За последние несколько лет такие операции стали его хлебом с маслом и всегда обсуждались в нескольких популярных сетях — Unfriendly Solution, Hitman Network и BesaMafia.

Наемные убийства стали миллиардной индустрией и росли с каждым днем, в первую очередь благодаря гарантии теневой паутиной анонимных переговоров и неуловимой оплате через биткоин. Самыми популярными стали страховое мошенничество, неудачное бизнес-партнерство или брачные разборки, но рациональное обоснование никогда не беспокоило человека, выполняющего эту работу.

«Никаких вопросов, — оборвал свои размышления убийца. — Это негласное правило, по которому работает мой бизнес».

Сегодняшнюю работу он принял несколько дней назад. Его анонимный работодатель предложил ему 150 000 евро за то, чтобы он вел наблюдение за домом старого раввина и оставался «на линии» в случае, если возникнет необходимость действовать. В данном случае действовать означало проникнуть в дом человека и сделать инъекцию хлорида калия, что привело бы к немедленной смерти от очевидного сердечного

приступа.

Сегодня вечером неожиданно раввин покинул свой дом посреди ночи и уехал на городском автобусе в злачный район. Убийца проследил за ним, а затем использовал зашифрованную программу наложения на своем смартфоне, чтобы сообщить своему работодателю о разработке.

«Мишень вышла из дома. Отправилась в район баров. Возможно, чтобы с кем-то встретиться?»

Ответ его работодателя последовал почти незамедлительно.

«Привести в исполнение.»

Что начиналось как наружное наблюдение, среди руинных баров и темных переулков стало смертельной игрой в кошки-мышки.

Раввин Иегуда Ковеш, вспотев и запыхавшись, пробирался по улице Казинцы. Его легкие горели и казалось, что его стареющий мочевой пузырь вот-вот лопнет.

«Мне бы в туалет и хоть немного отдохнуть,» — подумал он, останавливаясь среди толпы, собирающейся возле бара «Симпла» — одного из самых больших и самых известных руин-баров Будапешта. Среди здешних постоянных клиентов присутствовала такая пестрая мешанина возрастов и профессий, что никто не обратил внимания

на старого раввина.

«Я задержусь здесь на минутку,» — решил он, направляясь к бару.

Некогда впечатляющий каменный особняк с элегантными балконами и высокими окнами, бар «Симпла» теперь превратился в полуразрушенный остов, покрытый граффити. Когда Ковеш миновал широкий портик этой роскошной городской резиденции, он прошел через дверной проем с надписью: EGG-ESH-AY-GED-REH!

Через мгновение он понял, что это не что иное, как фонетическое написание венгерского слова egeszsegedre, означающее «за ваше здоровье!».

Войдя, Ковеш недоверчиво оглядел пещероподобный интерьер бара. Заброшенный особняк был построен вокруг просторного двора, усеянного самыми странными предметами, которые когда-либо видел раввин: диван, сооруженный из ванны; катающиеся на велосипедах манекены, подвешенные в воздухе; и седло восточно-германского «Трабанта», которое теперь служило импровизированным сиденьем для завсегдатаев.

Двор окружали высокие стены. Их пестрой мозаикой покрывали аэрозольные рисунки-граффити, плакаты советской эпохи, классические скульптуры и свисающие с балконов ползучие

растения, а внутри под громкую музыку покачивались завсегдатаи. В воздухе пахло сигаретами и пивом. Молодежь без стеснения целовалась у всех на виду, а остальные сдержанно курили трубочки и рюмками пили палинку, популярный фруктовый бренди из Венгрии.

Ковеш всегда считал иронией, что несмотря на то что люди были самым высшим Божьим творением, они в сущности оставались животными. Их поведение в значительной степени зависит от земных благ. Мы ублажаем наши физические тела в надежде, что это коснется и души. Ковеш тратил большую часть своего времени, консультируя тех, кто злоупотреблял животным искушением тела (прежде всего пища и секс), и с ростом интернет- зависимости и дешевых синтетических наркотиков его работа становилась все сложнее с каждым днем.

Единственным земным благом, необходимым Ковешу в данный момент, была туалетная комната, и поэтому он встревожился, увидев в глубине очередь из десяти человек. Не в силах ждать, он осторожно поднялся по лестнице, где как ему сказали, он найдет множество других туалетов. На втором этаже особняка раввин пробрался через лабиринт примыкающих гостиных и спален,

всех с собственным небольшим баром или зоной отдыха. Он спросил одного из барменов о ванной, и мужчина указал на дальний коридор, добраться куда по-видимому можно было вдоль балконной дорожки, выходящей во внутренний двор.

Ковеш быстро направился к балкону, положил для равновесия руку на перила и двигался вдоль них. На ходу он рассеянно посматривал на шумный двор внизу, где целое море молодежи двигалось в такт ритмичной музыке.

Затем Ковеш увидел его.

Похолодев, он остановился.

Там, в середине толпы, мужчина в бейсболке и джинсах смотрел прямо на него. На какое-то короткое мгновение оба человека закрыли глаза. Затем со скоростью пантеры человек в кепке приступил к действиям, и расталкивая завсегдатаев, помчался вверх по лестнице.

Убийца поднялся по лестнице, тщательно изучая каждое лицо, мимо которого проходил. Бар «Симпла» был ему достаточно знаком, и он быстро направился к балкону, где стояла его жертва.

Раввин исчез.

«Ты не попался мне на пути, — подумал убийца, — а это значит, что ты пробрался куда-то внутрь здания».

Переведя взгляд на затемненный коридор впереди, убийца улыбнулся. Теперь он точно знает, где попытается спрятаться его жертва.

В коридоре было тесно и пахло мочой. В дальнем конце была перекошенная деревянная дверь.

Убийца громко протопал по коридору и стукнул в дверь.

Тишина.

Он постучал снова.

Низкий голос внутри проворчал, что комната занята.

— Bocsasson meg! *

* Прошу прощения! (венг.)

Убийца извинился оживленным голосом и сделал вид, что пошел прочь. Затем он тихонько развернулся и вернулся к двери, прижимая ухо к дереву. Он услышал как внутри раввин в отчаянии шепчет по-венгерски.

— Кто-то пытается убить меня! Он был около моего дома! Сейчас он поймал меня в ловушку в баре «Симпла» в Будапеште! Пожалуйста! Пришлите помощь!

По-видимому, его мишень набрала 112 — будапештский эквивалент 911. Время ответа было заведомо долгим, но тем не менее убийца услы-

шал достаточно.

Оглянувшись назад и убедившись, что вокруг никого нет, он придвинул свое мускулистое плечо к двери, откинулся назад и надавил на дверь под громовые раскаты музыки.

Старая защелка развалилась с первой же попытки. Дверь распахнулась. Убийца вошел внутрь, закрыл за собой дверь и оказался лицом к лицу со своей жертвой.

Сжавшийся в углу человек выглядел одновременно смущенным и напуганным.

Убийца взял телефон раввина, отключил звонок и бросил телефон в туалет.

— К-кто послал вас? — заикаясь спросил раввин.

— Прелесть моей ситуации заключается в том, что я не знаю, — ответил мужчина, — да и нет способа узнать.

Старик хрипел, сильно потея. Выпучив глаза, он вдруг начал задыхаться, вытянул руки и схватился за свою грудь обеими руками.

«Неужели? — подумал убийца с улыбкой. — У него сердечный приступ?»

Старик корчился и задыхался на полу ванной, его глаза умоляли о сострадании, лицо покраснело, и он схватился за грудь. Наконец,

он упал лицом вниз на грязную плитку и лежал в судорогах. Содержимое его мочевого пузыря опорожнилось в штаны, и теперь струйка мочи побежала по полу.

Наконец раввин успокоился.

Убийца присел на корточки и прислушался к дыханию. Звука не было.

Затем он встал, ухмыляясь. «Ты значительно упростил мне работу».

С этой мыслью убийца шагнул к двери.

Легкие раввина Ковеша жаждали воздуха.

Он только что сыграл представление всей своей жизни.

Пребывая почти в бессознательном состоянии, он неподвижно лежал и слушал, как шаги нападавшего пересекли пол в ванной. Дверь со скрипом открылась, а затем щелкнув закрылась.

Тишина.

Ковеш заставил себя подождать еще пару секунд и убедился, что нападавший удалился по коридору. Затем, не в силах ждать еще одно мгновение Ковеш выдохнул и глубоко задышал. Даже спертый воздух ванной комнаты казался спасением.

Медленно он открыл глаза, его видение было туманным от недостатка кислорода. Когда Ко-

веш поднял пульсирующую голову, его зрение прояснилось. К его недоумению он увидел внутри темную фигуру, стоящую прямо у закрытой двери.

Человек в бейсболке улыбался, глядя на него.

Ковеш замер. Он не покидал комнату.

Убийца сделал два длинных шага к раввину, железными тисками охватил старика за шею и впечатал лицом в плитку пола.

— Ты можешь задержать дыхание, — прорычал убийца, — но ты не можешь остановить свое сердце. Он рассмеялся. — Не волнуйся, я помогу тебе в этом.

Спустя мгновение в шею Ковеша вонзилась жгучая точка тепла. Казалось, что расплавленный огонь течет вниз по его горлу и наверх по черепу. На этот раз, когда схватило сердце, он знал — это по-настоящему.

Посвятив большую часть своей жизни изучению тайны Шамаима — месту обитания Бога и умерших праведников — раввин Иегуда Ковеш понял, что от всех ответов его отделяет лишь последний удар сердца.

ГЛАВА 44

Одна в просторной туалетной комнате самолета G550, Амбра Видаль стояла у раковины, и теплая вода мягко текла у нее по рукам. Она пристально смотрела в зеркало, едва узнавая себя в отражении.

«Что я наделала?»

Она сделала еще один глоток вина, с грустью вспоминая свою прежнюю жизнь всего несколько месяцев назад — непубличную, одинокую, сосредоточенную на музейной работе, но все это уже в прошлом. Она тотчас исчезла с предложением Хулиана.

«Нет, — упрекнула она себя. — Эта жизнь испарилась в тот момент, когда ты согласилась».

Ужас сегодняшнего убийства вызывал чувство тошноты, и теперь ее логический ум со страхом оценивал последствия.

Я пригласила убийцу Эдмонда в музей.

Меня кто-то обманул во дворце.

И теперь я слишком много знаю.

Не было никаких доказательств, что принц Хулиан стоял за кровавым убийством, и о том,

что он даже знал о плане убийства. Тем не менее, Амбра достаточно знала о внутренней кухне дворца и подозревала, что ничего подобного не произошло бы без ведома принца, без его благословения.

Я слишком много сказала Хулиану.

В последние недели Амбра пчувствовала растущую потребность оправдываться за каждую секунду, проведенную вдали от своего ревнивого жениха, и поэтому она лично делилась с Хулианом тем, что знала о предстоящей презентации Эдмонда. Теперь Амбра опасалась, что ее открытость стала безрассудством.

Амбра выключила воду и вытерла руки, потянулась за своим бокалом и осушила последние несколько капель. В зеркале перед ней она увидела незнакомку — когда-то уверенного профессионала, а теперь переполненной сожалением и стыдом.

Ошибки, которые я совершила за несколько коротких месяцев…

Она мыслями вернулась в то время и подумала, что могла бы сделать иначе. Четыре месяца назад дождливым вечером в Мадриде Амбра присутствовала на мероприятии по сбору денег в Музее современного искусства Рейны-Софии…

Большинство гостей переместились в зал 206.06, чтобы увидеть самую известную музейную работу — «Г ернику», огромное полотно Пикассо длиной в двадцать пять футов, посвященное ужасной бомбардировке небольшого баскского города во время испанской гражданской войны.

Вместо этого она приняла решение ускользнуть в тихую галерею и насладиться работой одной из своих любимых испанских художниц, Марухи Мальо, женщины-сюрреалиста из Галисии, успех которой в 1930-х помог покончить с дискриминацией женщин-художниц в Испании.

Амбра стояла в одиночестве, любуясь Ла Вербеной, политической сатирой, наполненной сложными символами. И вдруг за спиной раздался глубокий голос.

— Es casi tan guapa como th, — произнес мужчина. — Она почти так же прекрасна, как и вы.

Серьезно? Амбра смотрела прямо вперед и сопротивлялась желанию закатить глаза. На подобных мероприятиях музей иногда больше похож на нелепый пикап-бар для соблазнителей, чем на культурный центр.

— ^Que crees que significa? — голос за ее спиной был настойчив. — Как вы думаете, что это значит?

— Понятия не имею, — солгала она в надежде, что разговор на английском может заставить человека двигаться дальше. — Мне просто нравится.

— Мне тоже нравится, — ответил мужчина на английском почти без акцента. — Мальо опередила свое время. К сожалению, для нетренированного глаза, поверхностная красота этой живописи может скрыть более глубокие субстанции. — Он сделал паузу. — Я предполагаю, что такая женщина как вы должна сталкиваться с этой проблемой все время.

Амбра застонала. Неужели такие фразы действительно действуют на женщин? Натянуто улыбнувшись, она обернулась, чтобы избавиться от мужчины.

— Сэр, это мило с вашей стороны, но…

Амбра Видаль замерла на полуслове.

Смотревший ей в лицо человек, был кем-то, кого она видела по телевидению и в журналах всю жизнь.

— О, — запнулась Амбра. — Вы…

— Чудовищный? — отважился красавец. — Неуклюже смелый? Извините, я живу закрытой жизнью, и не очень хорошо разбираюсь в этом. — Он улыбнулся и вежливо протянул руку. — Меня

зовут Хулиан.

— Кажется, я знаю ваше имя, — сказала Амбра, краснея, когда пожимала руку принцу Хулиану, будущему королю Испании. Он был намного выше, чем она себе представляла, с мягкими глазами и уверенной улыбкой. — Я не знала, что вы будете здесь сегодня вечером, — продолжила она, быстро восстановив свое самообладание. — Я скорее бы представила вас в Прадо, знаете, Гойя, Веласкес… классика.

— В смысле консервативным и старомодным? — Он добродушно рассмеялся. — Думаю, вы путаете меня с отцом. Мне всегда нравились Мало и Миро.

Амбра и принц проговорили несколько минут, и она впечатлилась его познаниями в искусстве. С другой стороны человек рос в Королевском дворце Мадрида, который обладал одной из самых прекрасных коллекций Испании; вероятно, у него в детской висели оригинальные картины Эль Греко.

— Я понимаю, что это будет выглядеть так, — сказал принц, протягивая ей визитную карточку с золотым тиснением, — но я хотел бы, чтобы вы присоединились ко мне на ужине завтра вечером. Мой прямой номер есть на карточке. Просто

дайте мне знать.

— На ужине? — улыбнулась Амбра. — Но вы даже не знаете моего имени.

— Амбра Видаль, — ответил он с легкостью. — Вам тридцать девять лет. Вы имеете степень в области истории искусств университета Саламанка. Вы директор нашего музея Гуггенхайма в Бильбао. Вы недавно высказались по поводу спора вокруг Луиса Квилеса, чьи работы, я согласен, наглядно отражают ужасы современной жизни и может и не подходят для маленьких детей, но я не уверен, что согласен с вами в том, что его работы похожи на работы Бэнкси. Вы никогда не были замужем. У вас нет детей. И вы фантастически выглядите в черном.

У Амбры отвисла челюсть.

— Господи. Такой подход правда работает?

— Понятия не имею, — сказал он с улыбкой. — Полагаю, мы выясним.

Как будто по команде из ниоткуда возникли два агента Королевской гвардии и увели принца общаться с некоторыми VIP-персонами.

Амбра зажала визитку в руке и почувствовал то, чего не чувствовала годами. Бабочки. Принц пригласил меня на свидание?

Амбра была неуклюжим подростком, и маль-

чики, которые приглашали ее погулять, всегда чувствовали себя с ней на равных. Уже позже, когда ее красота расцвела, Амбра внезапно почувствовала, что мужчины робеют в ее присутствии, стесняются и слишком почтительны. Однако сегодня вечером влиятельный человек смело шагнул к ней и полностью взял инициативу на себя. Она почувствовала себя женщиной. И молодой.

На следующий вечер водитель забрал Амбру в отеле и отвез ее в Королевский дворец, где она оказалась рядом с принцем в компании двух десятков других гостей, многих из которых она знала из социальных сетей или из политики. Принц представил ее как своего «прекрасного нового друга» и ловко начал разговор об искусстве, в котором Амбра могла участвовать полностью. У нее было ощущение, что ее слушают, но странно, она действительно не возражала. Она чувствовала себя польщенной.

В конце вечера Хулиан отвел ее в сторону и прошептал:

— Надеюсь, тебе понравилось. С удовольствием увидел бы тебя снова. — Он улыбнулся. — Как насчет вечера четверга?

— Спасибо, — ответила Амбра, — но боюсь, что

утром я улетаю в Бильбао.

— Тогда я тоже полечу, — сказал он. — Ты была в ресторане «Экстанобе»?

Амбре пришлось рассмеяться. «Экстанобе» был одним из самых востребованных ресторанов Бильбао. Любимый поклонниками искусства со всего мира, ресторан мог похвастаться авангардным декором и красочной кухней, которая заставляла обедающих почувствовать, как будто их окружал пейзаж, написанный Марком Шагалом.

— Это было бы прекрасно, — услышала она себя.

В «Экстанобе» над стильно представленными тарелками обжаренного в сумахе тунца и трюфельной спаржи, Хулиан раскрыл политические проблемы, с которыми он столкнулся, пытаясь выйти из тени своего больного отца, а также о личном давлении, которое он испытывал по вопросу продолжения королевского рода. Амбра признала в нем невинность маленького маленького мальчика, но также увидела стремления лидера с пылкой страстью к своей стране. Она нашла это сочетание заманчивым.

В ту ночь, когда охранники Хулиана отвезли его обратно в частный самолет, Амбра знала, что

ее поразили.

«Ты почти не знаешь его, — напомнила она себе. — Не торопись».

Следующие несколько месяцев, казалось, прошли как мгновение, когда Амбра и Хулиан видели друг друга постоянно — обеды во дворце, пикники на территории его усадьбы, даже утренние сеансы в кино. Их связь была непринужденной, и Амбра никогда не была так счастлива. Хулиан был восхитительно старомодным, часто держал ее за руку или украдкой нежно целовал, но никогда не пересекал обычные границы, и Амбра оценила его прекрасные манеры.

Однажды солнечным утром три недели назад Амбра оказалась в Мадриде, где должна была появиться в части утреннего телешоу о предстоящих выставках музея Гуггенхайма. Прямую трансляцию выпуска новостей RTVE смотрели миллионы по всей стране, и Амбра немного опасалась прямого эфира, но знала, что это обеспечит превосходный национальный охват для музея.

Ночью перед шоу они с Хулианом встретились на чрезвычайно обычном ужине в траттории Malatesta и затем ускользнули спокойно через парк Буэн- Ретиро. Наблюдая за прогуливающимися семьями и множеством детей, смеющихся

и бегающих вокруг, Амбра почувствовала себя полностью в мире, потерянном во времени.

— Ты любишь детей? — спросил Хулиан.

— Я обожаю их, — честно ответила она. — На самом деле, иногда я чувствую, что дети — единственное, чего не хватает в моей жизни.

Хулиан широко улыбнулся.

— У меня такое же чувство.

В тот момент, когда он посмотрел на нее как-то иначе, Амбра вдруг поняла, почему Хулиан задал вопрос. Волна страха охватила ее, и голос в голове закричал: «Скажи ему! СКАЖИ СЕЙЧАС!»

Она попыталась заговорить, но не вымолвила ни звука.

— Что с тобой? — глядя с беспокойством спросил он.

Амбра улыбнулась.

— Это из-за шоу Telediario. Я немного нервничаю.

— Выдохни. Все будет отлично.

Хулиан широко улыбнулся, затем наклонился вперед и быстро поцеловал ее в губы.

На следующее утро, в семь тридцать Амбра оказалась в телевизионном павильоне и участвовала в удивительно приятной беседе в эфире с тремя очаровательными гостями Telediario. Она

была настолько увлечена своим энтузиазмом в отношении Гуггенхайма, что едва замечала телевизионные камеры и зрителей в студии, и не вспоминала, что пять миллионов человек смотрят передачу дома.

— Gracias, Ambra, y muy interesante,* — сказала женщина ведущая, когда фрагмент передачи завершился. — Un gran placer conocerte.*

* Спасибо, Амбра, очень интересно. Рада познакомиться с вами.

Амбра кивнула в знак благодарности и ждала окончания интервью.

Странно, женщина скромно ей улыбнулась и развернувшись обратилась к аудитории непосредственно в студии.

— Сегодня утром, — начала она на испанском языке, — совершенно особый гость нанес неожиданный визит в студию Telediario, и мы хотели бы пригласить его.

Все три гостьи встали и захлопали. Высокий, элегантный мужчина появился на съемочной площадке. Когда зрители увидели его, они вскочили на ноги с бурными приветствиями.

Шокированная Амбра тоже встала.

— Хулиан?

Принц Хулиан помахал толпе и вежливо пожал

руки трем хозяевам. Затем он подошел и встал рядом с Амрой, обняв ее.

— Мой отец всегда был романтиком, — сказал он по-испански, глядя прямо в камеру и обращаясьпрямо к зрителям. — Когда моя мать умерла, он никогда не переставал любить ее. Я унаследовал его романтизм, и я верю, что когда человек находит любовь, становится ясно в одно мгновение. Он посмотрел на Амбру и тепло улыбнулся. — И вот… — Джулиан отошел и посмотрел ей в глаза.

Когда Амбра поняла, что чуть не произошло, она не поверила и ее словно парализовало. Хулиан! Что ты делаешь?

Без предупреждения, наследный принц Испании внезапно опустился на колени перед ней.

— Амбра Видаль, я прошу тебя не как принц, а просто как влюбленный мужчина. — Он посмотрел на нее туманными глазами, и камеры повернулись, чтобы показать крупным планом его лицо. — Я люблю тебя. Ты выйдешь за меня?

Аудитория и хозяева шоу все вздохнули от радости, и Амбра почувствовала, что миллионы глаз по всей стране сосредоточены на ней. Кровь бросилась к ее лицу, и кожа внезапно загорелась огнем. Когда она посмотрела на Хулиана, ее

сердце начало дико колотиться, тысяча мыслей промчались у нее в голове.

«Как ты мог поставить меня в такое положение?! Мы только недавно познакомились! Есть вещи, о которых я не рассказала о себе… вещи, которые могут изменить все!»

Амбра понятия не имела, как долго простояла в тихой панике, но наконец один из хозяев неловко рассмеялся и сказал:

— Кажется, что мисс Видаль в трансе! Мисс Видаль? Красивый принц стоит перед вами и превозносит свою любовь перед всем миром!

Амбра искала в уме какой-нибудь изящный выход. Она слышала лишь молчание и знала, что ее поймали в ловушку. Был только один путь, которым мог закончиться этот момент на публике.

— Я колеблюсь, потому что не могу представить счастливый конец у этой сказки. — Она расслабила плечи и тепло улыбнулась Хулиану. — Конечно, я выйду за вас, принц Хулиан.

Студия разразилась бурными аплодисментами.

Хулиан встал и взял Амбру на руки. Они обнялись и Амбра поняла, что до этого они никогда не делились долгими объятиями.

Две минуты спустя они вдвоем сидели на зад-

нем сиденье его лимузина.

— Мне кажется, я напугал тебя, — сказал Хулиан. — Прости. Я пытался быть романтичным. У меня к тебе сильные чувства, и…

— Хулиан, — энергично вмешалась Амбра, — у меня к тебе тоже сильные чувства, но ты поставил меня в ужасное положение! Я никогда не думала, что ты так быстро сделаешь предложение! Мы едва друг друга знаем. Мне нужно многое рассказать тебе — важные вещи о моем прошлом.

— Ничто в прошлом не имеет значения.

— Это может иметь значение. Большое.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Я люблю тебя. Это не имеет значения. Доверься мне.

Амбра изучающе посмотрела на мужчину перед собой. Ладно тогда. Она абсолютно не хотела, чтобы так повернулся разговор, но он не оставил ей выбора.

— Ну, вот, Хулиан. Когда я была маленькой девочкой, у меня была ужасная инфекция, которая чуть не унесла мою жизнь.

— Понятно.

Пока Амбра говорила, она почувствовала поднимающуюся глубоко в ней пустоту.

— И в результате мечта всей моей жизни иметь

детей… останется лишь мечтой.

— Я не понимаю.

— Хулиан, — сказала она ровно. — Я не могу иметь детей. Проблемы со здоровьем в детстве оставили меня бесплодной. Я всегда хотела детей, но я не могу иметь собственного ребенка. Прости. Я знаю, насколько это важно для тебя, но ты только что сделал предложение женщине, которая не может дать тебе наследника.

Хулиан побелел.

Амбра закрыла глаза и хотела, чтобы он говорил. Хулиан, это мгновение, когда ты держишь меня, скажи мне, что все хорошо. В это самое мгновение скажи мне, что не имеет значения, и что несмотря ни на что любишь меня.

А потом это случилось.

Хулиан слегка отстранился от нее.

В это мгновение Амбра поняла, что все кончено.

ГЛАВА 45

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ Гвардии по электронной безопасности располагалось в лабиринте комнат без окон на подземном уровне Королевского дворца. Намеренно изолированный от дворцовых обширных казарм и склада оружия Гвардии, главный офис подразделения состоял из дюжины компьютерных кабинетов, одного телефонного узла и стены мониторов безопасности. Штат из восьми человек — все моложе тридцати пяти — отвечал за обеспечение безопасности коммуникационных сетей для штата Королевского дворца и Королевской Гвардии, а также за управление и поддержку электронного наблюдения для самого дворца.

Сегодня вечером, как всегда, в подвальных комнатах было душно, сильно пахло приготовленной в микроволновке лапшой и попкорном. Громко жужжали люминесцентные лампы.

«Вот где я просила организовать мне офис,» — подумала Мартин.

Хотя «координатор по связям с общественностью» фактически не являлся сотрудником

Гвардии, работа Мартин требовала доступа к мощным компьютерам и технически подкованному штату; поэтому подразделение электронной безопасности казалось более подходящим домом для нее, чем слабо оборудованный офис наверху.

«Сегодня, — подумала Мартин, — мне понадобятся все имеющиеся технологии».

В течение прошедших нескольких месяцев ее основной задачей было помогать дворцу сосредоточиться во время постепенной передачи власти принцу Хулиану. Это было нелегко. Смена лидеров открыла возможность для протестующих высказываться против монархии.

Согласно конституции Испании, монархия стала «символом непреклонного единства и постоянства Испании». Но Мартин знала, что в Испании какое-то время не было единства. В 1931 году Вторая республика ознаменовала конец монархии, а затем путч генерала Франко в 1936 году вверг страну в гражданскую войну.

Хотя сегодня восстановленная монархия считалась либеральной демократией, многие либералы продолжали считать короля устаревшим пережитком репрессивного религиозно-военного прошлого, а также ежедневным напоминанием о том, что у Испании все еще есть возможность пол-

ностью присоединиться к современному миру.

В этом месяце информационные сообщения Моники Мартин включали обычный образ короля как любимого символа, который не обладал реальной властью. Конечно, это был грубый обман, когда суверен был главнокомандующим вооруженными силами, а также главой государства.

«Главой государства, — подумала Мартин, — в стране, где разделение между церковью и государством всегда было спорным». Тесные отношения больного короля с епископом Вальдеспино были занозой в боку секуляристов и либералов на протяжении многих лет.

«А потом есть принц Хулиан,» — подумала она.

Мартин знала, что обязана своей работой принцу, но он недавно усложнил эту работу. Несколько недель назад принц совершил наихудший просчет в пиаре, с которым когда-либо приходилось сталкиваться Мартин.

На национальном телевидении принц Хулиан встал на колени и сделал нелепое предложение Амбре Видаль. Этот мучительный момент мог превратиться в ужасно неловкую ситуацию, если бы Амбра отказалась выйти за него замуж, но к счастью у нее хватило благоразумия этого не делать.

К сожалению, после этого Амбра Видаль показала себя более беспомощной, чем ожидал Хулиан, и последствия ее неприличного поведения в этом месяце стали одной из главных проблем Мартин в пиаре.

Однако, сегодня небрежность Амбры казалась почти забытой. Мощная волна активности СМИ, вызванная событиями в Бильбао, разрасталась до беспрецедентной величины. В прошлый час вирусное распространение теорий заговора захватило мир штурмом, включая несколько новых гипотез с участием епископа Вальдеспино.

Самым значительным событием стало убийство в музее Гуггенхайма, когда убийце предоставили доступ на событие Кирша «по приказу кого-то из Королевского дворца». Эта угасающая новость вызвала лавину теорий заговора, обвинив прикованного к постели короля и епископа Вальдеспино в заговоре с убийством Эдмонда Кирша — виртуального полубога в цифровом мире и любимого американского героя, который решил жить в Испании.

«Это уничтожит Вальдеспино,» — подумала Мартин.

— Всем внимание! — крикнул Гарса, входя в диспетчерскую. — Принц Хулиан и епископ

Вальдеспино вместе где-то здесь на территории! Проверьте все каналы безопасности и найдите их. Немедленно!

Командующий бросился в кабинет Мартин и спокойно ознакомил ее насчет ситуации с принцем и епископом.

— Ушли? — сказала она, недоверчиво. — И оставили свои телефоны в сейфе принца?

Гарса пожал плечами.

— Очевидно, мы не можем их отследить.

— Ну так лучше бы нам их найти, — заявила Мартин. — Принцу Хулиану нужно срочно сделать заявление, ему нужно дистанцироваться от Вальдеспино, насколько это возможно. — Она выложила последние новости.

Тепрь наступил черед Гарсы проявить недоверчивость.

— Все это слухи. Чтобы за этим убийством стоял Вальдеспино — такого и быть не могло.

— Может, и так, но похоже, убийство связано с католической церковью. Толькло что кое-кто нашёл прямую связь между стрелявшим и одним высокопоставленным духовным лицом. Взгляните. — Мартин подняла последние обновления с сайта ConspiracyNet, которые опять были со ссылкой на скандалистов под наименовани-

ем monte@iglesia.org. — Это появилось в сети несколько минут назад.

Гарса присел и начал читать обновление.

— Папа! — возмутился он. — Авила имеет личную связь с…

— Читайте дальше.

Когда Гарса закончил, он отступил от экрана и несколько раз моргнул глазами, словно пытаясь проснуться от плохого сна.

В этот момент из диспетчерской позвонил мужской голос. — Командующий Гарса? Я их нашел!

Гарса и Мартин поспешили к кабинету агента Суреша Бхаллы, специалиста по наблюдению индийского происхождения, который указал на канал безопасности на мониторе, на котором виднелись две фигуры — один в развевающейся мантии епископа, а другой в строгом костюме. Похоже, они гуляли по лесистой тропе.

— Восточный сад, — сказал Суреш. — Две минуты назад.

— Они вышли из здания?! — потребовал ответа Гарса.

— Погодите, сэр. — Суреш переслал отснятый материал, в котором удалось проследить за епископом и принцем с нескольких камер, расположенных в интервалом по всему комплексу

дворца, когда эти двое вышли из сада и шли через крытый внутренний дворик.

— Куда они направляются?!

Мартин прекрасно понимала, куда они направлялись, и заметила, что Вальдеспино избрал обходной маршрут, кругами, при котором они оставались вне досягаемости грузовиков прессы, находившихся на главной полощади.

Как она и предполагала, Вальдеспино с Хулианом пришли к южному служебному входу собора Альмудена, где епископ отпер дверь и завел туда принца. Дверь захлопнулась, и эти двое скрылись.

Гарса безмолвно смотрел на экран, явно пытаясь осознать, что же он только что увидел.

— Держите меня в курсе, — наконец, сказал он и знаком отвел Мартин в сторону.

Как только они оказались вне зоны слышимости, Гарса прошептал:

— Не представляю, как епископ Вальдеспино убедил принца Хулиана выйти вслед за собой из дворца, как и оставить свой телефон, но принц явно ничего не знал об этих обвинениях в адрес Вальдеспино, иначе он бы от этого дистанцировался.

— Согласна, — сказала Мартин, — и мне очень

не хотелось бы спекулировать на тему, куда в конечном счете ведет игра епископа, но… — Тут она остановилась.

— Но что? — нетерпеливо задал вопрос Гарса.

Мартин вздохнула.

— Кажется, Вальдеспино только что захватил чрезвычайно ценного заложника.

Примерно в 250 милях к северу, внутри атриума Музея Гуггенхайма начал жужжать телефон агента Фонсеки. Это был шестой раз за двадцать минут. Когда он взглянул на идентификатор звонящего, он почувствовал, как его тело напряглось.

— ^Si?* — ответил он, и его сердце забилось.

* Да?(исп.)

Голос на линии говорил по-испански, медленно и осторожно.

— Агент Фонсека, как вам хорошо известно, будущая супруга короля Испании совершила некоторые ужасные ошибки, связавшись с неверными людьми и вызвав значительное замешательство в Королевском дворце. Чтобы избежать дальнейших неприятностей, крайне важно вернуть ее во дворец как можно скорее.

— Боюсь, что местонахождение мисс Видаль в настоящее время неизвестно.

— Сорок минут назад самолет Эдмонда Кирша вылетел из аэропорта Бильбао, направлявшегося в Барселону, — сказал голос. — Я считаю, что мисс Видаль была на этом самолете.

— Как вы это узнали? — выпалил Фонсека и тут же пожалел о своем дерзком тоне.

— Если бы вы выполняли свою работу, — резко ответил голос, — то тоже бы это знали. Я хочу, чтобы вы с напарником немедленно отправились за ней. Прямо сейчас в аэропорту Бильбао подается военный борт.

— Если мисс Видаль находится на этом самолете, — сказал Фонсека, — вероятно, она путешествует с американским профессором Робертом Лэнгдоном.

— Да, — сердито сказал звонящий. — Я понятия не имею, как этот человек убедил мисс Видаль отказаться от безопасности и убежать с ним, но мистер Лэнгдон явно несет ответственность. Ваша миссия — найти мисс Видали и вернуть ее, при необходимости силой.

— А если вмешается Лэнгдон?

Наступило тяжелое молчание.

— Приложите все усилия, чтобы ограничить побочный ущерб, — ответил звонящий, — но критическая ситуация достаточно серьезная, так что

профессор Лэнгдон будет приемлемой жертвой.

ГЛАВА 46

ConspiracyNet.com
ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ
ОТКРЫТИЕ
КИРША СТАНОВИТСЯ ПОПУЛЯРНЫМ!

Научное заявление Эдмонда Кирша начиналось сегодня как онлайн- презентация, которая привлекла ошеломительное число из трех миллионов онлайн-зрителей. Однако после его убийства, история Кирша теперь напрямую охватывает основные сети всего мира с текущим просмотром, который оценивается более чем в 80 млн. зрителей.

ГЛАВА 47

Когда «Гольфстрим^550» Кирша пошел на снижение в Барселоне, Роберт Лэнгдон выпил вторую кружку кофе и посмотрел на остатки импровизированного ночного перекуса, который они с Амброй только что позаимствовали из кухни Эдмонда — орешки, рисовые лепешки и ассорти «вегетарианских баров», которые все для него казались одинаковыми на вкус.

По другую сторону стола Амбра только что допила второй стакан красного вина и выглядела гораздо более расслабленной.

— Спасибо за то, что выслушали меня, — несколько застенчиво сказала она. — Естественно, я ни с кем не могу поговорить о Хулиане.

Лэнгдон понимающе кивнул, услышав рассказ о неловком предложении Хулиана ей по телевидению. У нее не было выбора, согласился Лэнгдон, прекрасно зная, что Амбра не могла рисковать и посрамить будущего короля Испании на национальном телевидении.

— Очевидно, если бы я знала, что он так скоро сделает предложение, я бы сказала ему, что у

меня не может быть детей. Но все это произошло без предупреждения. — Она покачала головой и печально посмотрела в окно. — Я думала, что он мне нравится. Я не знаю, может быть, это было так волнующе…

— Высокий, смуглый, красивый принц? — Лэнгдон отважился на кривую усмешку.

Амбра тихо рассмеялась и повернулась к нему.

— У него действительно все это есть. Я не знаю, но он мне показался хорошим человеком. Возможно, скрытный, но романтик — это не тот человек, который мог бы иметь отношение к убийству Эдмонда.

Лэнгдон подозревал, что она права. Принц мало что выиграл от смерти Эдмонда, и не было никаких веских доказательств для предположения, что принц как-то причастен — единственный телефонный звонок неизвестно от кого из дворца с просьбой в последний момент занести имя адмирала Авилы в список гостей. На данный момент епископ Вальдеспино казался самым очевидным подозреваемым. Он был посвящен в суть открытия Эдмонда раньше и готовил план это предотвратить, как никто другой понимая насколько разрушительным это открытие может оказаться для авторитета мировых религий.

— Совершенно понятно, что я не могу выйти замуж за Хулиана, — тихо сказала Амбра. — Я продолжаю думать, что теперь он разорвет помолвку, узнав, что я не могу иметь детей. Его род владеет короной уже почти четыре последних столетия. Что-то подсказывает мне, что директор музея из Бильбао не причина прерывать родословную.

В динамике над головой раздался треск, и пилоты объявили, что пора готовиться к посадке в Барселоне.

Взволнованная своими размышлениями о принце, Амбра встала и начала прибирать кабину, ополаскивая стаканы на кухне и удаляя несъеденную еду.

— Профессор, — заговорил Уинстон из телефона Эдмонда на столе, — я считаю необходимым сообщить вам, что появилась новая информация, которая теперь распространяется в сети — доказательство, свидетельствующее о тайной связи между епископом Вальдеспино и убийцей адмиралом Авилой.

Лэнгдона встревожила эта новость.

— К сожалению, есть еще, — добавил Уинстон. — Как вы знаете, на тайной встрече Кирша с епископом Вальдеспино присутствовали двое

других религиозных лидеров — известный раввин и популярный имам. Вчера вечером имама нашли мертвым в пустыне неподалеку от Дубая. И в последние несколько минут из Будапешта пришли тревожные новости: похоже, раввина нашли мертвым от явного сердечного приступа.

Лэнгдон был потрясен.

— Блоггеры, — сказал Уинстон, — уже подвергают сомнению случайные совпадения сроков их смерти.

Лэнгдон кивнул в безмолвном недоверии. Так или иначе, епископ Антонио Вальдеспино был теперь единственным живым человеком на земле, который знал суть открытия Кирша.

Когда «Гольфстрим^550» коснулся уединенной взлетно-посадочной полосы в аэропорту Сабадель в предгорьях Барселоны, Амбра с облегчением не увидела признаков ожидающих папарацци или прессы.

По словам Эдмонда, чтобы избежать столкновения с фанатами звезд в аэропорту Эль-Прат в Барселоне, он решил держать свой самолет в этом маленьком аэропорту для реактивных самолетов.

Амбра знала, что это не настоящая причина.

В действительности Эдмонд любил внимание

и признавался, что держит свой самолет на Сабаделе только для того, чтобы оправдать поездку домой по извилистым дорогам в своем любимом спортивном автомобиле — модели «Тесла X P90D», которую якобы подарил ему Элон Муск. Рассказывают, что Эдмонд однажды предложил своим пилотам-реактивщикам устроить гонки на взлетно-посадочной полосе — «Гольфстрим» против «Теслы», но его пилоты сделали математическую выкладку и отказались.

«Я буду скучать по Эдмонду, — подумала Амбра. — Да, он был самоуверенным и дерзким, но его блестящее воображение заслужило гораздо больше от жизни, чем то, что случилось с ним сегодня вечером. Я просто надеюсь, что мы сможем воздать ему должное, опубликовав его открытие».

Когда самолет прибыл в личный ангар Эдмонда и заглушил мотор, Амбра увидела, что все здесь спокойно. Видимо, она и профессор Лэнгдон все еще летели анонимно.

Пройдя по трапу самолета, Амбра глубоко вздохнула, пытаясь привести в порядок свои мысли. Второй бокал вина ударил в голову, и она пожалела что выпила его. Спустившись на цементный пол ангара, она слегка покачнулась и почувствовала на своем плече поддерживающую

ее сильную руку Лэнгдона.

— Спасибо, — прошептала она, улыбнувшись профессору, который выглядел благодаря двум чашкам кофе бодрым и энергичным.

— Нам нужно как можно скорее скрыться из поля зрения — сказал Лэнгдон, глядя на гладкий черный внедорожник, припаркованный в углу. — Я полагаю, это тот автомобиль, о котором вы мне рассказывали?

Она кивнула.

— Тайная любовь Эдмонда.

— Странный номерной знак.

Амбра посмотрела на престижный номерной знак и хмыкнула.

E-WAVE

— Ну да, — пояснила она, — Эдмонд сказал мне, что Google и NASA недавно приобрели потрясающий суперкомпьютер под названием D-Wave — один из первых в мире «квантовых» компьютеров. Он пытался объяснить мне, но это было довольно сложно — что-то о суперпозициях и квантовой механике и создании совершенно нового класса машин. Во всяком случае, Эдмонд сказал, что хочет построить нечто такое, что затмит D-Wave. Он планировал назвать свой новый компьютер E-Wave.

«E значит Эдмонд,» — подумал Лэнгдон.

«И E — это один шаг за пределы D,» — подумала Амбра, вспоминая историю Эдмонда о знаменитом компьютере в 2001 году: космическая одиссея, которая, согласно городской легенде, получила название HAL, потому что каждое письмо шло в алфавитном порядке, на одно письмо опережая IBM.

— А ключ от машины? — спросил Лэнгдон. — Вы сказали, что знаете, где он его прячет.

— Он не пользуется ключом. Амбра взяла телефон Эдмонда. — Он показал мне это, когда мы приезжали сюда в прошлом месяце. Она коснулась экрана телефона, запустила приложение Tesla и выбрала команду вызова.

В углу ангара мгновенно вспыхнули фары джипа, и «Тесла» без малейшего звука плавно проскользнула рядом с ними и остановилась.

Лэнгдон поднял голову и выглядел испуганным от перспективы ехать в самоуправляемой машине.

— Не волнуйтесь, — заверила его Амбра. — Я позволю вам порулить до квартиры Эдмонда.

Лэнгдон кивнул в знак согласия и пошел в сторону водительского сиденья. Обходя машину спереди, он остановился и уставился на номер-

ной знак, а затем громко рассмеялся.

Амбра точно знала, что его так позабавило — рамка с лицензионным номером Эдмонда: И ГИК УНАСЛЕДУЕТ ЗЕМЛЮ.

— На такое способен только Эдмонд, — сказал Лэнгдон, залезая за руль. — Утонченность никогда не была его сильной стороной.

— Он любил эту машину, — сказала Амбра, садясь рядом с Лэнгдоном. — Полностью электрифицированная и быстрее «Феррари».

Лэнгдон пожал плечами, глядя на высокотехнологичную приборную панель. — Я не любитель автомобилей.

Амбра улыбнулась.

— Станете.

ГЛАВА 48

Пока такси «Убер» с Авилой мчалось во тьме на восток, адмирал спрашивал себя, сколько раз в течение всей морской службы он останавливался в Барселоне.

Его предыдущая жизнь представлялась теперь далеким миром, закончившимся взрывом в Севилье. Судьба была жестокой и непредсказуемой любовницей, и в то же время казалось, что сейчас она достигла жутковатого равновесия. Та же судьба, разорвавшая его душу в Севильском кафедральном соборе, теперь предоставила ему вторую жизнь — перезагрузка, рожденная в святых стенах совсем другого собора.

По иронии судьбы, человек, который подобрал его там, был простым физиотерапевтом по имени Марко.

— Встреча с папой? — спросил Авила своего наставника несколько месяцев назад, когда Марко впервые предложил эту идею. — Завтра? В Риме?

— Завтра в Испании, — ответил Марко. — Папа здесь.

Авила смотрел на него так, словно тот был су-

масшедшим.

— Но в СМИ ничего не говорится о том, что Его Святейшество находится в Испании.

— Немного доверия, адмирал, — смеясь ответил Марко. — Разве у вас есть какие-то дела на завтра?

Авила глянул вниз на свою раненую ногу.

— Мы выйдем в девять, — напомнил Марко. — Обещаю, что наша небольшая поездка будет гораздо менее болезненной, чем восстановление.

Следующим утром Авила, одетый в военно-морскую форму, которую Марко доставил из дома моряка, схватил пару костылей и прихрамывая добрался до машины Марко — старый «Фиат». Марко выехал из больницы и направился в южном направлении по Авенида-де-ла-Раса. В конечном итоге он покинул город и, проехав по скоростной трассе N-IV, устремился на юг.

— Куда мы едем? — неожиданно встревожившись спросил Авила.

— Расслабьтесь, — улыбаясь сказал Марко. — Просто доверьтесь мне. Это займет всего лишь полчаса.

Авила знал, что на трассе N-IV не было ничего, кроме выжженных пастбищ, по меньшей мере еще на 150 километров. Он начинал думать, что

совершил ужасную ошибку. Через полчаса езды они подъехали к жуткому городу-призраку Эль-Торбикасс — некогда процветающей фермерской деревне, население которой недавно сократилось до нуля. На какую планету он меня везет?! Марко проехал еще несколько минут, затем съехал с этой дороги и повернул на север.

— Видите это? — спросил Марко, указывая на поле под паром вдалеке.

Авила ничего не увидел. Либо молодой наставник страдал галлюцинациями, либо старели глаза Авилы.

— Разве это не удивительно? — объявил Марко.

Авила прищурился на солнце и наконец увидел темный силуэт, возвышающийся на фоне пейзажа. Когда они подъехали ближе, его глаза недоверчиво расширились.

— Это… собор?

Масштабы здания выглядели так, как он мог ожидать от Мадрида или Парижа. Авила прожил всю свою жизнь в Севилье, но никогда не знал о соборе здесь, в чистом поле. Чем ближе они подъезжали, тем более впечатляющим казалось здание, его огромные цементные стены обеспечивали такой уровень безопасности, которую

Авила видел только в Ватикане.

Марко выехал с главного шоссе и поехал по короткой подъездной дороге к собору, приближаясь к возвышающимся железным воротам, которые блокировали их путь. Когда они остановились, Марко достал ламинированную карточку из бардачка и положил ее на приборную панель.

Охранник подошел, посмотрел на карточку, а затем заглянул в автомобиль и широко заулыбался, когда увидел Марко.

— Bienvenidos,* — сказал охранник. — ^Que tal, Marco?*

* Добро пожаловать. Как ты, Марко?

Двое мужчин обменялись рукопожатием, и Марко представил адмирала Авилу.

— Na venido a conocer al papa, — сказал Марко охраннику. — Он пришел на встречу с папой.

Охранник кивнул, любуясь медалями на униформе Авилы и махнул им. Когда огромные ворота распахнулись, Авила почувствовал, что входит в средневековый замок.

У стремящегося ввысь собора, который появился перед ними, было восемь шпилевых башен, каждая с трехъярусной колокольней. В основе структуры храма было трио огромных куполов, снаружи облицованных темно¬коричневым и

белым камнем, что создавало необычное ощущение современности.

Авила опустил взгляд на подъездную дорогу, которая разветвлялась на три проезда, из которых каждый подчеркивался аллеей из высоких пальм. К его удивлению, все пространство загромождено было припаркованным транспортом — сотнями единиц — шикарными седанами, обветшалыми автобусами, заляпанными грязью мопедами… всем, что можно себе представить.

Марко миновал их все и подъехал к переднему дворику храма, где их машину заметил охранник, который посмотрел на часы и указал им рукой на пустое парковочное место, явно для них зарезервированное.

— Мы немного опаздываем, — сказал Марко. — Нам нужно поторопиться внутрь.

Авила собирался ответить, но слова застряли у него в горле.

Он только что увидел знак перед собором:

ПАЛЬМАРИАНСКИЙ КАТОЛИЧЕСКИЙ СОБОР

Боже мой! Авила почувствовал, что отступает. Я слышал об этом соборе!

Он повернулся к Марко, пытаясь контролировать стук своего сердца.

— Это твой собор, Марко? — Авила старалася

говорить спокойнее. — Ты… пальмарианец?

Марко улыбнулся.

— Вы произносите это слово, как будто это какая-то болезнь. Я просто набожный католик, который считает, что Рим заблудился.

Авила снова посмотрел вверх на собор. Странное заявление Марко о знакомстве с папой вдруг стало понятным. Папа находится здесь, в Испании.

Несколько лет назад телевизионная сеть Canal Sur выпустила документальный фильм под названием «Темная церковь», целью которого было раскрыть некоторые из секретов Пальмарианской церкви. Авила был ошеломлен, узнав о существовании странной церкви, не говоря уже о ее растущей пастве и влиянии.

Как известно, Пальмарианская церковь была основана после того, как некоторые местные жители утверждали, что стали свидетелями серии мистических видений в близлежащем поле. Предположительно, Дева Мария явилась им и предупредила, что католическая церковь изобилует «ересью модернизма» и что настоящую веру нужно защищать.

Дева Мария призвала палмарианцев создать альтернативную церковь и осудить нынеш-

него папу Римского как ложного папу. Эта убежденность в том, что папа Ватикана был не действительным понтификом, известна как седевакантизм — вера в то, что «место» Святого Петра буквально «пусто».

Более того, пальмарианцы утверждали, что есть свидетельства что «истинный» папа был на самом деле их собственным основателем — человеком по имени Клементе Домингес и Гомес, который взял имя Папа Григорий XVII. При папе Григории — «антипапе», по мнению господствующих католиков, — Пальмарианская церковь неуклонно росла. В 2005 году, когда папа Григорий умер во время проведения пасхальной массы, его сторонники провозгласили сроки его смерти чудодейственным знаком сверху, подтверждающим что этот человек фактически был связан непосредственно с Богом.

Теперь, когда Авила пристально посмотрел на огромный собор, он не мог не заметить, что здание выглядит зловещим.

Кто бы ни был нынешний противник папы римского, я не заинтересован во встрече с ним.

В дополнение к критике своих смелых заявлений о папстве, Пальмарианская церковь подверглась обвинениям в «промывании мозгов»,

культовом запугивании и даже ответственности за несколько таинственных смертей, в том числе прихожанки церкви Бриджит Кросси, которая, по словам адвокатов ее семьи, «не смогла спастись одной из Пальмарианских церквей в Ирландии».

Авила не хотел обижать своего нового друга, но это было совсем не то, чего он ожидал от сегодняшней поездки. — Марко, — сказал он с извиняющимся вздохом, — извини, но я не думаю, что смогу это сделать».

— У меня было чувство, что вы собираетесь это сказать, — ответил как будто невозмутимо Марко. — И я признаю, что у меня была такая же реакция, когда я впервые приехал сюда. Я тоже слышал все сплетни и темные слухи, но могу заверить вас, это не более чем клеветническая кампания, возглавляемая Ватиканом.

«Можно ли ли обвинять их? — раздумывал Авила. — Ваша церковь объявила их незаконными!»

— Риму нужна была причина, чтобы отлучить нас, поэтому они сфабриковали ложь. В течение многих лет Ватикан распространял дезинформацию о пальмарианцах

Авила оценил великолепный собор в богом забытом месте. В этом было что-то странное.

— Я в замешательстве, — сказал он. — Если у

вас нет связей с Ватиканом, откуда к вам поступают деньги?

Марко улыбнулся.

— Вы поразитесь количеству тайных последователей пальмарианцев среди католического духовенства. В Испании существует множество консервативных католических приходов, которые не одобряют либеральных изменений, исходящих из Рима, и они спокойно направляют деньги в такие церкви, как наша, где соблюдаются традиционные ценности.

Ответ был неожиданным, но это было верно для Авилы. Он также ощутил нарастающий раскол в Католической Церкви — раскол между теми, кто считал, что Церкви нужно модернизироваться или умереть, и теми, кто верил, что истинная цель Церкви заключалась в том, чтобы оставаться непоколебимой перед лицом развивающегося мира.

— Нынешний папа — замечательный человек, — сказал Марко. — Я рассказал ему вашу историю, и он сказал, что для него большая честь приветствовать награжденного военного офицера в нашем соборе и встретиться с вами лично сегодня после службы. Как и у его предшественника, у него был военный опыт, прежде чем

прийти к Богу, и он понимает, что вы переживаете. Я действительно думаю, что его точка зрения может помочь вам обрести мир.

Марко открыл дверь, чтобы выйти из машины, но Авила не мог двигаться. Он просто сидел на месте, уставившись на огромное здание, чувствуя вину за укрывательство слепого предрассудка в отношении этих людей. Справедливости ради, кроме слухов он ничего не знал о Пальмарианской церкви, а Ватикан тоже не обходился без скандалов. Более того, собственная церковь Авилы вообще не помогла ему после нападения. «Простите врагов, — сказала ему монахиня. — Подставьте другую щеку».

— Луис, послушайте меня, — прошептал Марко. — Я понимаю, что я немного обманул вас, но это было с добрыми намерениями… Я хотел, чтобы вы познакомились с этим человеком. Его идеи сильно изменили мою жизнь. После потери ноги я был там же, где вы сейчас. Я хотел умереть. Я погружался во тьму, и слова этого человека дали мне цель. Просто приходите и послушайте, как он проповедует.

Авила колебался.

— Я рад за тебя, Марко. Но думаю, я справлюсь сам.

— Справитесь? — Молодой человек рассмеялся. — Неделю назад вы приставили пистолет к виску и нажали на курок! Вы не в порядке, друг мой.

«Он прав, — Авила знал, — и через неделю, когда терапия завершится, я вернусь домой одиноким и потерянным».

— Чего вы боитесь? — настаивал Марко. — Вы морской офицер. Взрослый человек, командовавший кораблем! Вы боитесь, что через десять минут папа будет промывать вам мозги и захватит в заложники?

«Я не знаю, чего я боюсь,» — подумал Авила, глядя на раненую ногу, чувствуя себя удивительно маленьким и бессильным. Почти всю свою жизнь он был ответственным и отдавал приказы. Он сомневался в перспективе слушать чьи-то приказы.

— Не обращайте внимания, — наконец сказал Марко, закрепляя ремень безопасности. — Простите. Я вижу, что вам неудобно. Я не хотел давить на вас. — Он потянулся, чтобы завести машину.

Авила чувствовал себя дураком. Марко был практически ребенком, в три раза младше Авилы, без ноги, пытался помочь другому инвалиду, а Авила ответил неблагодарностью, скептическим

настроем и снисходительностью.

— Нет, — сказал Авила. — Прости меня, Марко. Для меня было бы честью послушать проповедника.

ГЛАВА 49

Лобовое стекло Эдмондовой «Теслы» модели X было расширенным, плавно переходя в крышу автомобиля где-то за головой Лэнгдона, и это создавало у него ложное впечатление, будто он движется сидя внутри стеклянного пузыря.

Направляя автомобиль вдоль лесистой автомагистрали к северу от Барселоны, Лэнгдон удивился, увидев, насколько он легко управляем при скорости свыше 120 км/ч. Благодаря бесшумному электромотору автомобиля и линейному ускорению, любая скорость ощущалась почти одинаково.

На сиденье рядом с ним Амбра просматривала Интернет на большом дисплее компьютера на приборной панели автомобиля, передавая Лэнгдону новость, которая обрушилась на весь мир. Сеть интриг постоянно расширялась, в том числе слухи о том, что епископ Вальдеспино собирал средства для «антипапы» из Пальмарианской церкви, который якобы имел военные связи с консервативными карлистами и, по-видимому, отвечал не только за смерть Эдмонда, но и

за смерти Саида аль-Фадла и раввина Иегуды Ковеша.

По мере того как Амбра читала вслух, становилось ясно, что все информационные источники задаются тем же вопросом: что мог открыть Эдмонд Кирш столь угрожающего, что видный епископ и некая секта твердых католиков убили его в попытке не дать ему обнародовать свое заявление?

— Количество просмотров невероятно велико, — сказала Амбра, оторвавшись от дисплея. — Всеобщий интерес к этой теме беспрецедентен… похоже, весь мир на ней зациклен.

Тут Лэнгдон понял, что в ужасающем убийстве Эдмонда был, пожалуй, неким зловещим образом и утешительный момент. Аудитория Кирша по всему миру выросла далеко за пределы той, которую он мог себе представить. Даже сейчас, после смерти, Эдмонд приковывал к себе внимание всего мира.

Осознание этого придало Лэнгдону еще большую решимость осуществить свою цель — отыскать сорокасемибуквенный пароль Эдмонда и запустить по всему миру его презентацию.

— От Хулиана еще нет заявления, — удивилась Амбра. — Ни одного слова из Королевского двор-

ца. Это довольно странно. У меня был личный опыт работы с координатором по связям с общественностью Моникой Мартин, и она всегда выступала за прозрачность и обмен информацией, прежде чем пресса сможет ее извратить. Я уверена, что Мартин призывает Хулиана сделать заявление.

Лэнгдон подозревал, что она права. Учитывая, что СМИ обвиняли главного религиозного советника дворца в заговоре, возможно, даже в убийстве, казалось логичным, что Хулиан должен сделать какое-то заявление, хотя бы сказать, что дворец расследует обвинения.

— Особенно, — добавил Лэнгдон, — если вы считаете, что будущая супруга короля всей страны стояла рядом с Эдмондом, когда его застрелили.

Возможно, это были вы, Амбра. Принц должен хотя бы сказать, что ему легче, что вы в безопасности.

— Вряд ли ему легче, — констатировала она, отключив браузер и откинувшись на кресло.

Лэнгдон окинул ее взглядом.

— Ну, как бы то ни было, а я-то уж рад, что вы целы-невредимы. Не уверен, что в одиночку выбрался бы из передряг этого вечера.

— В одиночку? — раздался голос с акцентом

через динамики автомобиля. — Как быстро вы забыли!

Лэнгдон рассмеялся от возмутительной вспышки Уинстона.

— Уинстон, действительно ли Эдмонд запрограммировал вас как безопасным, так и небезопасным?

— Нет, — сказал Уинстон. — Он запрограммировал, чтобы я наблюдал, учился и подражал человеческому поведению. Мой тон был скорее попыткой юмора, который Эдмонд побудил меня развивать. Юмор нельзя запрограммировать… его нужно изучать.

— Что ж, вы хорошо учитесь.

— Я? — умолял Уинстон. — Может, вы еще раз повторите это?

Лэнгдон громко рассмеялся.

— Как я уже сказал, вы хорошо учитесь.

Теперь Амбра вернула дисплей панели приборов на свою страницу по умолчанию — навигационную программу, состоящую из спутниковой фотографии, на которой был виден крошечный «аватар» их автомобиля. Лэнгдон увидел, что они углубились через горы Коллсерола и теперь нырнули на шоссе B-20 в сторону Барселоны. К югу от их местоположения, на спутниковой фотографии

Лэнгдон заметил как что-то необычное привлекло его внимание — большая зеленая зона в центре городского пейзажа. Зеленое пространство было удлиненным и аморфным, как гигантская амеба.

— Это парк Гуэль? — спросил он.

Амбра быстро взглянула на экран и кивнула.

— Верно подмечено.

— Эдмонд здесь часто останавливался, — добавил Уинстон, — по дороге из аэропорта домой.

Лэнгдон не удивился. Парк Гуэль был одним из самых известных шедевров Антонио Гауди — того же архитектора и художника, чью работу Эдмонд показал на своем телефоне. «Гауди очень похож на Эдмонда, — подумал Лэнгдон. — С новаторским видением, для которого обычные правила не подходили».

Преданный ученик природы, Гауди черпал вдохновение для своих архитектурных творений в естественных формах, обращаясь к «сотворенному Господом миру» за помощью в конструировании текучих биоморфных структур, которые, как зачастую казалось, будто сами произрастали из почвы. У природы нет прямых линий — такое высказывание когда-то приписали Гауди — и действительно, в его работах тоже было очень мало прямых линий.

Гауди часто называли основоположником «живой архитектуры» и «биологического дизайна». Он изобрел невидимые техники плотницких работ, работ по металлу, стеклу и керамике, чтобы «обшивать» свои здания поразительными, красочными оболочками.

Даже теперь, почти через столетие после смерти Гауди, в Барселону со всего мира едут туристы, чтобы получить представление о его неподражаемом модернистском стиле. В числе его работ парки, общественные здания, частные особняки и конечно же, его величайшее творение — собор Sagrada Familia — огромный католический храм, устремленные в небо шпили которого в стиле «морских губок» стали доминантой очертаний Барселоны на фоне неба, и который критики провозгласили как «не похожий ни на что в истории мирового искусства».

Лэнгдон всегда восхищался дерзновенным взглядом Гауди на собор Sagrada Famflia («Святое семейство») — сооружение столь огромное, что оно не достроено и по сей день, почти через 140 лет после закладки.

В тот вечер Лэнгдон, глядя из машины на родственные образы из созданного Гауди знаменитого парка Гуэль, вспоминал, как посетил этот парк

еще студентом университета — ту пешую прогулку в выдуманную страну переплетающихся древообразных колонн, поддерживающих высотные переходы, облакоподобные бесформенные скамейки, гроты с фонтанами, напоминающими драконов и рыб и волнообразную белую стену, кажущуюся столь текучей, будто это хлещет хвост некоего гигантского одноклеточного существа.

— Эдмонду у Гауди все нравилось, — продолжал Уинстон, — в частности, его концепция природы как изначального искусства.

Лэнгдон снова мысленно соприкоснулся с открытием Эдмонда. Природа. Естество. Сотворение мира. На ум пришла знаменитая «барселонская плитка» Гауди — шестиугольные тротуарные плитки, предназначенные для мощения пешеходной зоны улиц города. Каждая плитка имела один и тот же вихреобразный узор из внешне бессмысленных завитков, и все же, когда их уложили и повернули как было задумано, появлялся поразительный узор — подводный морской пейзаж, оставлявший впечатление присутствия планктона, микроорганизмов и флоры морского дна — La Sopa Primordial (первичный бульон), как часто называют этот узор местные жители.

«Первичный бульон Гауди», — подумал Лэнг-

дон, вновь озадаченный тем, насколько верно увязывалась Барселона с интересом Эдмонда к происхождению жизни. Основная научная теория состояла в том, что жизнь на Земле началась в первичном бульоне — в ранних океанах, которые богато насыщали химическими элементами вулканы, которые бурлили один вблизи другого, постоянно атакуемые разрядами молний от нескончаемых гроз… до тех пор, пока вдруг, подобно какому-то микроскопическому голему, не пришло к жизни первое одноклеточное создание.

— Амбра, — сказал Лэнгдон, — вы музейный куратор — должно быть, вы часто говорили с Эдмондом об искусстве. Он когда-нибудь говорил вам конкретно, что именно его привлекало в творчестве Гауди?

— Только то, что упомянул Уинстон, — ответила она. — Его архитектура создает ощущение, будто она создавалась самой природой. Гроты у Гауди кажутся высеченными ветром и дождем, его опорные колонны будто произрастают из земли, а его черепичная кладка напоминает деятельность примитивных морских организмов. — Она пожала плечами. — Какой бы ни была причина, Эдмонд восхищался Гауди в достаточной мере,

чтобы переехать в Испанию.

Лэнгдон удивленно окинул ее взглядом. Он знал, что Эдмонд владел недвижимостью в нескольких странах мира, но в последние годы предпочел поселиться в Испании.

— Хотите сказать, что Эдмонд сюда переехал под влиянием искусства Гауди?

— Я полагаю, да, — ответила Амбра. — Как-то раз я его спросила: «А почему Испания?» — и он поведал мне, что у него была редкая возможность арендовать здесь уникальное жилье, не похожее ни на какое другое в мире. Думаю, он имел в виду свою квартиру.

— Где же его квартира?

— Роберт, Эдмонд жил в Каса Мила.

Лэнгдон не поверил услышанному.

— В Каса Мила?

— В ней, единственной и неповторимой, — ответила она, кивнув. — В прошлом году он арендовал в качестве своей квартиры пентхаус последнего этажа.

Лэнгдону понадобилось время, чтобы переварить новости. Каса Мила было одним из самых известных зданий Гауди — ослепительно оригинальный дом, чьи многоуровневые фасадные и волнообразные каменные балконы напоминали

раскопанную гору, и здание получило популярное название «Ла Педрера» — «каменоломня».

— Разве последний этаж — это не музей Гауди? — спросил Лэнгдон, припоминая один из своих прошлых приездов.

— Да, — подтвердил Уинстон. — Но Эдмонд пожертвовал деньги ЮНЕСКО, которая защищает дом как объект Всемирного наследия, и они согласились временно закрыть его и позволили жить там два года. В конце концов, в Барселоне нет недостатка в искусстве Гауди.

Эдмонд жил в экспозиции музея Гауди в Каса Мила? Лэнгдон был озадачен. И он переехал только на два года?

Уинстон включился в разговор.

— Эдмонд даже помог Каса Мила создать новое образовательное видео о своей архитектуре. Это стоит посмотреть.

— Видео и в самом деле весьма эффектно, — согласилась Амбра, наклонившись и коснувшись экрана браузера. Появилась клавиатура, и она набрала: Lapedrera.com. Вам надо это посмотреть.

— Я вроде как за рулем, — ответил Лэнгдон.

Амбра потянулась к рулевой колонке и слегка потянула за маленький рычаг. Лэнгдон почувствовал, как рулевое колесо внезапно застыло в

его руках и сразу же заметил, что машина, как будто направляет себя сама, оставаясь идеально в центре своей полосы.

— Автопилот, — сказала она.

Эффект был довольно пугающим, и Лэнгдон не мог не оставить руки, парящие над рулем, и ногу над тормозом.

— Расслабьтесь. — Амбра подошла и для успокоения положила руку ему на плечо. — Это гораздо безопаснее, чем человек-водитель.

Неохотно Лэнгдон опустил руки на колени.

— Вот так. — Она улыбнулась. — Теперь вы можете посмотреть видео Каса Мила.

Видео началось с драматической съемки на малой высоте рокочущего прибоя, словно снятого с вертолета, летящего всего в нескольких футах над открытым океаном. На расстоянии показался остров — каменная гора с отвесными скалами, которая поднималась на сотни футов над грохочущими волнами.

Текст проявился на фоне гор.

Ла Педреру создал не Гауди.

В течение следующих тридцати секунд Лэнгдон наблюдал, как прибой начал вырезать гору и рождался своеобразный органичный облик Каса Мила. Затем океан ворвался внутрь, создавая

пустоты и пещероподобные комнаты, в которых водопады вырезали лестницы, виноград рос, закручиваясь в железные перила, а мхи росли ниже, укрывая ковром полы.

Наконец, камера вернулась обратно в море и показала знаменитый образ Каса Мила, «каменоломню», вырезанную в массивной горе.

Ла Педрера — шедевр природы

Лэнгдон должен был признать, что у Эдмонда было особое драматическое чутье. Просматривая это видео, созданное с помощью компьютера, ему снова захотелось вернуться в известное здание.

Обратив взгляд вновь на дорогу, Лэнгдон потянулся вниз и отключил автопилот, вернув управление себе.

— Будем надеяться, в квартире Эдмонда есть то, что мы ищем. Нам нужно найти пароль.

ГЛАВА 50

КОМАНДУЮЩИЙ ДИЕГО ГАРСА повел своих четырех вооруженных агентов Гвардии прямо через центр Пласа-де-ла-Армериа, не отрываясь глядя вперед и не обращая внимания на шумные СМИ за забором, нацеливших на него через решетку телевизионные камеры и требуя комментариев.

Во всяком случае, они увидят, что кто-то принимает меры.

Когда он и его команда прибыли в собор, главный вход был заперт — неудивительно в этот час — и Гарса начал стучать в дверь ручкой своего пистолета.

Ответа не последовало.

Он продолжал стучать.

Наконец, замки повернулись, и дверь распахнулась. Гарса оказался лицом к лицу с уборщицей, которая выглядела по-видимому встревоженной маленькой армией за дверью.

— Где епископ Вальдеспино? — потребовал Гарса.

— Я… я не знаю, — ответила женщина.

— Я знаю, что епископ здесь, — заявил Гарса. —

И он с принцем Хулианом. Вы их не видели?

Она покачала головой.

— Я только приехала. Я убираюсь вечером по субботам после…

Гарса протолкнулся мимо нее, направляя своих людей разойтись по

темному собору.

— Закройте дверь, — сказал Гарса уборщице. — И не мешайте.

С этими словами он поднял оружие и направился прямо в кабинет Вальдеспино.

Через площадь, в диспетчерской подвального здания дворца, Моника Мартин стояла у кулера с водой и потягивала длинную сигарету. Благодаря либеральному «политически правильному» движению, охватывающему Испанию, курение в дворцовых офисах было запрещено, но с лавиной предполагаемых преступлений, обрушившихся на дворец сегодня вечером, Мартин решила, что немного пассивного курения вполне допустимо.

Все пять новостных станций на приглушенных телевизорах расположились в один ряд перед тем, как она продолжила свое живое освещение убийства Эдмонда Кирша, грубо проигрывая отснятый материал его жестокого убийства снова и снова. Конечно, каждой ретрансляции предше-

ствовало обычное предупреждение.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Следующая запись содержит графические изображения, которые не предназначены для просмотра всеми зрителями.

«Бессовестно,» — подумала она, зная, что эти предупреждения не восприимчивы к сетевым мерам предосторожности, а скорее умная реклама, чтобы никто не менял канал.

Мартин еще раз затянулась сигаретй, просматривая различные сети, большинство из которых выдавали информацию о растущих теориях заговора с заголовками «Последние новости» и бегущей строкой.

Футурист убит церковью?

Научное открытие потеряно навсегда?

Убийство заказано королевской семьей?

— Вы должны сообщать новости, — проворчала она. А не распространять порочные слухи в форме вопросов.

Мартин всегда верила в важность ответственной журналистики как краеугольного камня свободы и демократии, и поэтому ее регулярно разочаровывали журналисты, которые подстрекали к спорам, передавая явно абсурдные идеи — все это время избегая юридических последствий, просто превращая каждое смехотворное

заявление в главный вопрос.

Даже уважаемые научные каналы так поступали, спрашивая своих зрителей: «Возможно ли, что этот храм в Перу был построен древними пришельцами?»

Нет! Мартин хотелось кричать на телевизор. Это чертовски невозможно! Перестаньте задавать идиотские вопросы!

На одном из телевизионных экранов она увидела, что CNN пытается по возможности сохранять уважение.

Помним Эдмонда Кирша.

Пророк. Провидец. Творец.

Мартин взяла пульт и увеличила громкость.

«…человек, который любил искусство, технологии и инновации, — грустно заявили в новостях. — Человек, чья почти мистическая способность предсказывать будущее сделала его известным. По словам коллег, все предсказания, сделанные Эдмондом Киршем в области информатики, стали реальностью».

«Правильно, Дэвид, — вмешалась соведущая. — Я просто хочу, чтобы мы могли сказать то же самое про его личные предсказания».

Теперь они запустили архивные кадры крепкого, загорелого Эдмонда Кирша, дающего пресс-

конференцию на тротуаре у Рокфеллер-центра в Нью- Йорке. «Сегодня мне тридцать лет, — сказал Эдмонд, — и моя ожидаемая продолжительность жизни всего шестьдесят восемь лет. Однако, с будущими достижениями в области медицины, технологий долголетия и регенерации теломера, я предсказываю, что доживу до своего сто десятого дня рождения. На самом деле, я настолько уверен в этом факте, что просто забронировал «Радужную комнату» для вечеринки в честь 110-летия». Кирш улыбнулся и посмотрел на верхнюю часть здания. «Я только что оплатил весь счет на восемьдесят лет вперед, включая поправку на инфляцию».

Соведущая вернулась, мрачно вздохнув. «Как говорится в старой поговорке: «Мужчины планируют, а Бог смеется».

«Верно, — подхватил ведущий. — И на вершине интриги, связанной с гибелью Кирша — лавина спекуляций о природе его открытия. Он пристально посмотрел на камеру. — «Откуда мы появились? Куда мы движемся? Два увлекательных вопроса».

«И чтобы ответить на эти вопросы, — взволнованно добавила ведущая,

— к нам присоединились две очень опытные

женщины — епископальный министр из Вермонта и эволюционный биолог из Лос-Анджелеса. Мы вернемся после перерыва и узнаем их мнение».

Мартин уже знала их мнение — полярные противоположности, или их бы не пригласили на ваше шоу. Несомненно, министр скажет что-то вроде: «Мы пришли от Бога, и мы уйдем к Богу», а биолог ответит: «Мы эволюционировали от обезьян, и мы вымрем».

Они ничего не докажут. За исключением того, что мы, зрители, будем смотреть лишь то, что достаточно раздули.

— Моника! — крикнул Суреш поблизости.

Мартин повернулась и увидела, как директор электронной безопасности огибает угол и практически бежит.

— В чем дело? — спросила она.

— Епископ Вальдеспино только что позвонил мне, — сказал он, затаив дыхание.

Она приглушила телевизор.

— Епископ позвонил… вам? Он рассказал, черт побери что он делает?!

Суреш покачал головой.

— Я не спрашивал, а он не рассказал. Он звонил с вопросом, могу ли я проверить кое-что на ваших телефонных серверах.

— Я не понимаю.

— Вы знаете, что ConspiracyNet теперь сообщает, что кто-то из этого дворца звонил в Гуггенхайм незадолго до сегодняшнего события — с просьбой к Амбре Видаль добавить имя Авилы в список гостей?

— Да. И я попросила вас разобраться с этим.

— Хорошо, Вальдеспино поддержал ваш запрос. Он позвонил и спросил, могу ли я войти в распределительный щит дворца и найти запись этого звонка. Он хотел узнать, могу ли я выяснить, где во дворце его организовали, чтобы лучше представить, кто здесь мог этот звонок совершить.

Мартин смутилась, подумав, что сам Вальдеспино был наиболее вероятным подозреваемым.

По информации Гуггенхайма, — продолжал Суреш, — на стойке регистрации вечером раздался звонок с основного номера Мадридского Королевского дворца, незадолго до этого события. Что зафиксировано в их телефонных журналах. Но вот проблема. Я заглянул в наши журналы коммутатора, чтобы проверить исходящие звонки с той же отметкой времени.

— Он покачал головой. — Ничего. Ни одного звонка. Кто-то удалил запись звонка из дворца в Гуггенхайм.

Мартин долгое время изучала своего коллегу.

— У кого есть доступ, чтобы сделать это?

— Именно это Вальдеспино спросил меня. И поэтому я сказал ему правду. Я сказал, что как глава электронной безопасности мог удалить запись, но я этого не делал. И что единственным человеком, имеющим разрешение и доступ к этим записям, является командующий Гарса.

Мартин удивилась.

— Вы думаете, Гарса сунулся в наши телефонные записи?

— Это имеет смысла, — сказал Суреш. — В конце концов, работа Гарсы заключается в защите дворца, и теперь, если есть какое-либо расследование в отношении дворца, этого звонка никогда не было. С технической точки зрения, мы имеем правдоподобное отрицание. Удаление записи проходит долгий путь, чтобы снять дворец с крючка.

— С крючка? — спросила Мартин. — Нет сомнений, что этот звонок был! Амбра внесла Авилу в список гостей! И стойка регистрации Гуггенхайма проверит…

— Правда, но теперь чему поверят больше — слову молодого человека за стойкой регистрации в музее или всему Королевскому дворцу? Что

касается наших записей, то этого вызова просто не было.

Стандартное суждение Суреша показалось слишком оптимистичным для Мартин.

— И вы все это рассказали Вальдеспино?

— Это правда. Я сказал ему, что, если Гарса действительно звонил, похоже, Гарса и удалил его, пытаясь защитить дворец. — Суреш сделал паузу. — Но когда я повесил трубку после разговора с епископом, я понял кое-что еще.

— И что же?

— Технически, есть третий человек с доступом к серверу. — Суреш нервно оглянулся в комнате и подошел ближе. — Коды регистрации принца Хулиана дают ему полный доступ ко всем системам.

Мартин уставилась.

— Это нелепо.

— Я знаю, это кажется нелепым, — произнес он, — но принц находился во дворце, один в своих апартаментах, когда был совершен звонок. Он мог легко позвонить, а затем войти на сервер и удалить запись. Программное обеспечение просто в использовании, а принц намного лучше разбирается в технологиях, чем думают люди.

— Суреш, — огрызнулась Мартин, — вы дей-

ствительно думаете, что принц Хулиан, будущий король Испании, лично отправил убийцу в Музей Гуггенхайма к Эдмонду Киршу?

— Я не знаю, — сказал он. — Я лишь говорю, что это возможно.

— Зачем принцу Хулиану делать такие вещи?!

— Ради бога, вы не должны задавать подобные вопросы. Вспомните всю плохую прессу, с которой приходилось иметь дело, о том что Амбра и Эдмонд Кирш проводят время вместе? Рассказ о том, как он полетел с ней в свою квартиру в Барселоне?

— Они работали! Это был бизнес!

— Политика — это все видимость, — сказал Суреш. — Вы научили меня этому. И мы с вами знаем, что публичное предложение о женитьбе принца не сработало для него так, как он себе представлял.

Телефон Суреша запищал, и он прочитал входящее сообщение, а лицо его при этом отражало недоверие.

— Что там? — потребовала Мартин.

Не говоря ни слова, Суреш повернулся и побежал что есть силы к центру безопасности.

— Суреш! — Мартин загасила сигарету и побежала за ним, нагнав его у одного из рабочих

мест его службы безопасности, где один из техников просматривал зернистую пленку записи наблюдения.

— На что мы смотрим? — требовательно спросила Мартин.

— Это задний выход из кафедрального собора, сказал техник. — Пять минут тому назад.

Мартин и Суреш наклонились и смотрели как на видеоролике молодой аколит вышел сзади из собора, поспешил вдоль относительно тихой Калле Майор, разблокировал старый потрепанный «Опель-седан» и забрался внутрь.

«Ладно, — подумала Мартин, — он идет домой после мессы. И что тут такого?»

На экране «Опель» выехал, проехал короткое расстояние, а затем неожиданно припарковался к задним воротам собора — тем же воротам, через которые только что вышел аколит. Почти мгновенно две темные фигуры низко пригнувшись выскользнули через ворота и прыгнули на заднее сиденье машины аколита. Два пассажира были, без сомнения, епископом Вальдеспино и принцем Хулианом.

Спустя несколько мгновений, «Опель» ускользнул, исчез из-за угла и из поля зрения.

ГЛАВА 51

Возвышающийся как необтесанная гора на углу Каррер-де-Провенса и Песедж де Грасиэ, шедевр Гауди 1906 года, известный как Каса Мила — это наполовину жилой дом и наполовину нестареющее произведение искусства.

Задуманный Гауди как бесконечная кривая, девятиэтажная структура сразу узнаваема своим вздымающимся фасадом из известняка. Его отклоняющиеся балконы и неравномерная геометрия придают зданию природную ауру, как будто тысячелетия буйных ветров вырезали впадины и изгибы, как в пустынном каньоне.

Хотя шокирующий модернистский дизайн Гауди поначалу не приняли, Каса Мила повсеместно восхвалялась искусствоведами и быстро стала одной из самых ярких архитектурных драгоценностей Барселоны. В течение трех десятилетий Пере Мила, бизнесмен, который заказал здание, проживал вместе с женой в обширной главных апартаментах, сдавая в аренду двадцать оставшихся квартир здания. До сих пор Каса Мила на Песедж де Грасиэ 92 считается одним из

самых эксклюзивных и востребованных адресов во всей Испании.

Когда Роберт Лэнгдон направил «Теслу» Кирша по элегантной усаженной деревьями аллее, он почувствовал, что приближается. Песедж де Грасиэ был Барселонской версией Елисейских полей в Париже — самой широкой и грандиозной авеню, безупречно благоустроенной и с выстроившимися вдоль дизайнерскими бутиками.

Шанель… Гуччи… Картье… Лоншан…

Наконец, в двухстах метрах отсюда Лэнгдон увидел его.

Мягко подсвеченный снизу, бледный, изразцовый известняк и продолговатые балконы Каса Мила мгновенно выделили его среди прямолинейных соседей — как будто красивый кусок океанского коралла выбросило на берег и он остался лежать на пляже, сделанном из шлакоблоков.

— Этого я и боялась, — сказала Амбра, нетерпеливо показывая пальцем куда-то вниз по элегантной авеню. — Посмотрите.

Лэнгдон опустил взгляд на широкий тротуар перед Каса Милой. Похоже, перед зданием припарковались полдюжины грузовиков прессы, и множество репортеров давали прямые репор-

тажи с использованием резиденции Кирша в качестве фона. Несколько агентов безопасности держали толпу подальше от входа. Смерть Эдмонда, похоже, превратилась в связанную с Киршем новость.

Лэнгдон осмотрел Песедж де Грасиэ в поисках парковки, но места не нашлось, и движение не прекращалось.

— Поехали туда, — поторопил он Амбру, понимая, что у него нет выбора, кроме как проехать мимо того угла, где столпились представители прессы.

Амбра нырнула вниз, присев на корточки и скрывшись из вида. Лэнгдон отвернул голову, когда они приезжали мимо угла, где стояла толпа.

— Похоже, они все столпились у центрального входа, — сказал он. — Нам ни за что не пробраться внутрь.

— Возьми правее, вмешался Уинстон с ноткой веселой уверенности. — Я учел, что это может произойти.

Блоггер Гектор Маркано печально посмотрел на верхний этаж Каса Мила, все еще пытаясь принять, что Эдмонда Кирша действительно больше нет.

В течение трех лет Гектор докладывал о тех-

нологиях для Barcinno.com — популярной совместной платформы для предпринимателей Барселоны и передовых стартапов. Он чувствовал себя почти работающим у ног самого Зевса, когда великий Эдмонд Кирш жил здесь, в Барселоне.

Гектор впервые встретился с Киршем более года назад, когда легендарный футурист любезно согласился выступить на флагманском ежемесячном мероприятии Barcinno — FuckUp Night — семинар, в котором дико успешный предприниматель открыто говорил о своих самых больших неудачах. Кирш застенчиво признался в толпе, что за шесть месяцев он потратил более 400 миллионов долларов, преследуя мечту построить то, что он назвал E-Wave — квантовый компьютер с такой скоростью процессора, что будет способствовать беспрецедентным достижениям во всех науках, особенно в комплексе системного моделирования.

— Боюсь, — признавался Эдмонд, — что мой квантовый скачок в создании квантовых компьютеров пока что привел в квантовое никуда.

Сегодня вечером, когда Гектор услышал о планах Кирша объявить о потрясающем открытии, его взволновала мысль, что это может быть связано с E-Wave. Он нашел ключ к тому, чтобы

заставить его работать? Но после философской преамбулы Кирша, Гектор понял, что открытие какое-то другое.

«Интересно, узнаем ли мы когда-нибудь, что он открыл,» — подумал Гектор с тяжелым сердцем от того, что в дом Кирша он пришел не блог вести, а отдать ему последние почести.

— E-Wave! — выкрикнул кто-то рядом. — E-Wave!

Вся собравшаяся вокруг Гектора толпа начала показывать и нацеливать свои камеры на гладкую черную «Теслу», которая теперь медленно пробиралась на площадь и приближалась к толпе с яркими галогенными фарами.

Гектор с удивлением уставился на знакомый автомобиль.

Машина Кирша Тесла X с ее номерным знаком E-Wave была известна в Барселоне, как «папамобиль» в Риме. Кирш часто показывал двойную парковку на Каррер-де-Провенса напротив ювелирного магазина DANiEL ViOR, вылезая, чтобы подписать автограф, а затем пугая толпу, устанавливал автопарковку на своем автомобиле, направляя пустое транспортное средство по заранее запрограммированному маршруту по улице и через широкий тротуар. Датчики обна-

руживали пешеходов или любые препятствия. И наконец машина добиралась до ворот гаража, которые открывались и медленно сворачивала вниз по спиральному пандусу в частный гараж под Каса Мила.

Хотя стандартной возможностью любой модели «Теслы» была самопарковка — открывание дверей гаража, заезд прямо на место и самоотключение — Эдмонд высокомерно взломал систему управления своей «Теслы», чтобы заложить в нее более сложный маршрут.

И все в интересах этого шоу.

Но в этот вечер зрелище было гораздо более странным. Кирша не было в живых, однако его машина только что появилась, медленно двигаясь по улице Каррер-де-Провенса, затем через тротуар, поравнялась с дверью элегантного гаража и медленно продвигалась вперед по мере того, как люди расступались.

К машине бросились журналисты и фотографы, всматриваясь сквозь густо тонированные окна и вскрикивая от удивления.

— Там пусто! Нет никого за рулем! Откуда она взялась?!

Ранее охранники Каса Мила были свидетелями этого трюка, и удержали людей подальше от «Те-

слы» и от двери гаража, пока она открывалась.

Для Гектора вид пустой машины Эдмонда, ползущей к гаражу, вызвал образы скорбящей собаки, возвращающейся домой после потери своего хозяина.

Как призрак «Тесла» тихо пробралась через дверь гаража, и толпа разразилась эмоциональными аплодисментами, увидев любимую машину Эдмонда, как это было раньше уже много раз. Машина начала спуск по спиральному пандусу в самую первую подземную парковку Барселоны.

— Я не знала, что ты такой клаустрофоб, — прошептала Амбра, лежа рядом с Лэнгдоном на полу «Теслы». Они втиснулись в небольшой участок между вторым и третьим рядом сидений, скрывшись под черным виниловым чехлом, который Амбра вытащила из грузового пространства, невидимые сквозь тонированные окна.

— Перебьюсь, — Лэнгдон с трудом преодолевал дрожь, больше озабоченный самоходной машиной, чем своей фобией. Он ощущал, как машина спускается по крутому спиральному пандусу и опасался, что она в любой момент может разбиться.

Двумя минутами ранее, когда они парой

припарковались на Каррер-де- Провенса, у ювелирного магазина DANiEL ViOR, Уинстон дал им предельно ясные указания.

Амбра и Лэнгдон, не покидая машины, пробрались на третий ряд сидений, и затем, Амбра нажав лишь кнопку на смартфоне, активировала систему автоматической парковки автомобиля.

В наступившей темноте Лэнгдон ощутил, как машина сама медленно движется по улице. А поскольку в стесненномом пространстве тело Амбры оказалось прижатым к нему, он невольно вспомнил свой первый опыт пребывания на заднем сиденье машины с хорошенькой девушкой. «Тогда это было более волнительным,» — подумал он, и в этом была ирония, если учесть, что сейчас он лежал в самоходной машине с будущей королевой Испании.

Лэнгдон почувствовал, как машина выпрямилась на дне пандуса, сделала несколько медленных поворотов, а затем проскользила до полной остановки.

— Вы прибыли, — объявил Уинстон.

Немедленно Амбра отдернула брезент и осторожно села, всматриваясь в окно.

— Ясно, — сказала она, выпрыгивая.

Лэнгдон вышел за ней, с облегчением стоя на

открытом воздухе в гараже.

— Лифты находятся в главном фойе, — сказала Амбра, указывая на извилистую рампу въезда в гараж.

Однако взгляд Лэнгдона внезапно захватило совершенно неожиданное зрелище. Здесь, в этом подземном гараже, на цементной стене прямо напротив парковочного места Эдмонда висела в элегантной раме картина с приморским пейзажем.

— Амбра? — сказал Лэнгдон. — Эдмонд украсил свое место для парковки живописью?

Она кивнула.

— Я задавала ему тот же вопрос. Он сказал мне, что каждый вечер его радушно приветствовала дома сияющая красота.

Лэнгдон усмехнулся. Холостяки.

— Этого художника Эдмонд безмерно уважал, — сказал Уинстон, его голос, теперь автоматически перешел в сотовый телефон Кирша в руке Амбры.

— Вы узнаете его?

Лэнгдон не узнал. Картина, казалось, представляла из себя ничто иное как искусный акварельный морской пейзаж — просто обычный авангардистский вкус Эдмонда.

— Это Черчилль, — сказала Амбра. Эдмонд все время цитировал его.

Черчилль. Лэнгдону понадобилось мгновение, чтобы понять, что она

имела в виду самого Уинстона Черчилля, знаменитого британского государственного деятеля, который, помимо того, что был военным героем, историком, оратором и лауреатом Нобелевской премии, был художником замечательного таланта. Лэнгдон теперь вспомнил, как Эдмонд цитировал британского премьер-министра однажды в ответ на комментарий, который кто-то сделал о религиозных людях, ненавидивших его: «У вас есть враги? Хорошо. Это значит, что вы что-то отстаивали!»

— Именно разнообразие талантов Черчилля наиболее впечатлило Эдмонда, — сказал Уинстон. — Люди редко проявляют профессионализм в таком широком спектре деятельности.

— И поэтому Эдмонд назвал тебя «Уинстон»?

— Да, — ответил компьютер. — Высокая оценка от Эдмонда.

«Рад, что я спросил,» — подумал Лэнгдон, предположив, что имя Уинстон намек на Уотсона — компьютер IBM, который доминировал над the Jeopardy (опасность), телевизионной игрой

десятилетней давности. Без сомнения, Уотсон теперь считался примитивной, одноклеточной бактерией в эволюционных масштабах синтетического интеллекта.

— Что ж, хорошо, — сказал Лэнгдон, наблюдая за местонахождением лифтов. — Поднимемся наверх и попробуем найти то, зачем мы пришли сюда.

В этот самый момент, в Мадриде, в Соборе Альмудена, командующий Диего Гарса, сжимая телефон, недоверчиво слушал, как координатор по связям с общественностью дворца Моника Мартин сообщала ему обновленную информацию.

Вальдеспино и принц Хулиан покинули безопасный дворец?

Гарса не мог представить, что они себе думают.

Они ездят по Мадриду в машине аколита? Это сумасшествие.

— Мы можем связаться с транспортными ведомствами, — сказала Мартин. — Суреш считает, что они могут использовать камеры движения для отслеживания…

— Нет! — объявил Гарса. — Оповещение любого о том, что принц находится вне дворца без охра-

ны слишком опасно! Его безопасность — наша главная забота.

— Ясно, сэр, — сказала Мартин внезапно смущенным тоном. — Вы должны еще кое-что знать. Речь идет о пропавшей записии телефонного звонка.

— Постойте, — сказал Гарса, отвлекшись на появление четырех агентов своей гвардии, которые, к его удивлению, подошли и окружили его. И прежде чем Гарса смог как-то отреагировать, агенты обезоружили его, отобрав пистолет, а также телефон.

— Командующий Гарса, — сказал его ведущий агент, сохраняя каменное лицо. — У меня прямой приказ поместить вас под арест.

ГЛАВА 52

Каса Мила построена в виде знака бесконечности — бесконечная кривая, которая удваивается и образует две волнообразные пропасти, которые проникают в здание. Каждый из этих световых колодцев под открытым небом глубиной почти в сто футов, смятых, как частично рухнувшая труба, и с воздуха напоминают два массивных водосточных колодца в крыше здания.

Из того места в основании осветительного колодца, где стоял Лэнгдон, смотреть в направлении неба было решительно некомфортно — казалось, будто находишься в пасти огромного зверя.

Под ногами Лэнгдона каменный пол был наклонным и неровным. Спиральная лестница поднималась вверх по внутренней части шахты, ее перила выполненные из решеток из кованого железа, которые имитировали неровные каналы морской губки. Маленькие джунгли из скручивающих лоз и парящих пальм рассыпались по перилам, словно собирались обвить все пространство.

«Живая архитектура,» — размышлял Лэнгдон,

удивляясь способности Гауди наполнять свою работу почти биологическим качеством.

Взгляд Лэнгдона снова поднялся выше по краям «ущелья», оценивая изогнутые стены, где палитра из коричневых и зеленых плиток смешивалась с приглушенными фресками, изображающими растения и цветы, которые как будто тянулись к продолговатому участку ночного неба на верхней части открытой шахты.

— Лифты находятся там, — прошептала Амбра, ведя его по краю внутреннего двора. — Квартира Эдмонда на самом верху.

Когда они сели на неудобный маленький лифт, Лэнгдон вообразил чердак на верхнем этаже здания, который он однажды посетил, чтобы увидеть небольшую выставку Гауди. Как он вспомнил, чердак Каса Мила был темной, извилистой группой комнат с очень небольшим количеством окон.

— Эдмонд мог позволить себе жить где угодно, — сказал Лэнгдон, когда лифт начал подниматься. — Я все еще не могу поверить, что он нашел пристанище на каком-то чердаке.

— Да, странный выбор для места проживания, — согласилась Амбра. — Но вы же знаете, что Эдмонд был довольно своеобразным человеком.

Когда лифт достиг верхнего этажа, они высадились в элегантном холле и поднялись по ещё одной винтовой лестнице к частному владению в самом верху здания.

— Ну вот, — сказала Амбра, направившись к глянцевой металлической двери без какой-либо ручки или замочной скважины. Этот футуристического вида вход выглядел в этом здании совершенно неуместным и явно был устроен Эдмондом.

— Вы говорили, что знаете, где он прятал ключ? — поинтересовался Лэнгдон.

Амбра достала телефон Эдмонда.

— Видимо, там же, где он прятал всё остальное.

Она прижала телефон к металлической двери, которая издала три гудка, и Лэнгдон услышал, как в положение открывания сдвигаются несколько ригелей. Амбра убрала телефон в карман и распахнула дверь.

— Только после вас, — сказала она претенциозно.

Лэнгдон переступил порог в слабо освещённую прихожую, стены и потолок которой были из светлого кирпича. Пол был каменный, а воздух казался спёртым.

Когда он прошел через лестничную площадку в открытое пространство за ее пределами, то оказался лицом к лицу с массивной картиной, которая висела на задней стене, безупречно подсвеченная светодиодными музейными лампами.

Увидев это произведение, Лэнгдон остановился как вкопанный.

— Боже мой, неужели это… оригинал?

Амбра улыбнулась.

— Да, я хотела было в самолёте об этом упомянуть, но решила сделать вам сюрприз.

Потеряв дар речи, Лэнгдон приблизился к шедевру. Полотно было двенадати футов в длину и более четырёх футов высотой — гораздо больше, чем ему запомнилось, когда Лэнгдон увидел его ещё в бостонском Музее изящных искусств. "Я слышал, что оно было продано анонимному коллекционеру, но мне и в голову не приходило, что Эдмонду!"

— Когда я впервые увидела это в квартире, — сказала Амбра, — то поверить не могла, что Эдмонду интересен этот стиль живописи. но теперь, когда я знаю, над чем он в этом году работал, картина выглядит зловещим образом уместной.

Лэнгдон кивнул, всё ещё не веря глазам своим.

Этот знаменитый шедевр был одним из самых

значительных произведений французского постимпрессиониста Поля Гогена — революционного художника, олицетворявшего в конце 19 века движение символизма и во многом проложившего дорогу современному искусству.

Когда Лэнгдон двигался к картине, его сразу поразило, как подобная палитра Гогена похожа на палитру Каса Мила, смесь природной зелени, коричневого и синего, также изображающих очень натуралистическую сцену.

Несмотря на занимательные группы людей и животных, изображенных на картине Гогена, взгляд Лэнгдона мгновенно переместился в верхний левый угол — на яркое желтое пятно, на котором было написано название этой работы.

Лэнгдон прочёл эти слова, не веря глазам своим:

D'ou Venons Nous / Que Sommes Nous / Ou Allons Nous.

Откуда мы появились? Кто мы? Куда мы движемся?

Лэнгдону стало интересно: видимо, тот факт, что Эдмонд сталкивался с этими вопросами ежедневно при возвращении домой, каким-то образом способствовало его вдохновению.

Амбра присоединилась к стоявшему перед по-

лотном Лэнгдону.

— По словам самого Эдмонда, он хотел, чтобы эти вопросы его вдохновляли всякий раз, как он входит в дом.

"Такого не упустишь из виду", — подумал Лэнгдон.

Увидев, что Эдмонд разместил шедевр на самом видном месте, Лэнгдон подумал, может ли сама картина заговорить о его открытии. На первый взгляд тема картины казалась слишком примитивной для намека на передовое научное открытие. Широкими неровными мазками изображены таитянские джунгли, населенные множеством аборигенов и животных.

Лэнгдон очень хорошо знал эту картину, и насколько он помнил, Гоген заложил смысл таким образом, чтобы картина «читалась» справа налево, с точностью до наоборот от стандартного французского письма. Таким образом, взгляд Лэнгдона быстро прошелся по знакомым фигурам на полотне, расположенным в обратном порядке.

На краю справа новорожденный спал на валуне, представляя начало жизни. Откуда мы появились?

В середине группа людей разных возрастов выполняла повседневные дела. Кто мы?

И слева, дряхлая старуха сидела одна, глубоко задумавшись, как будто размышляла о своей собственной смертности. Куда мы движемся?

Лэнгдон удивился, что не подумал об этой картине сразу, когда Эдмонд впервые описал суть своего открытия. Каково наше происхождение? Какова наша судьба?

Лэнгдон оглядел другие элементы картины: собаки, кошки и птицы, которые, казалось, ничего не делали; статуя примитивной богини на заднем плане; горы, переплетенные корни и деревья. И, конечно же, знаменитая гогеновская «странная белая птица», которая сидела рядом с пожилой женщиной и, по словам художника, представляла «бесполезность слов».

«Бесполезны или нет, — подумал Лэнгдон, — именно за словами мы сюда пришли. Желательно длиной в сорок семь знаков».

На мгновение он подумал, может ли необычное название картины относиться непосредственно к искомому паролю из сорока семи букв, но быстрый счет как на французском, так и на английском языке не складывался.

— Ладно, мы ищем поэтические строчки, — с надеждой сказал Лэнгдон.

— К библиотеке Эдмонда сюда, — сообщила ему

Амбра. Она указала влево, по широкому коридору, который, как видел Лэнгдон, был обставлен элегантной мебелью для дома с вкраплениями различных артефактов Гауди и изображений.

«Эдмонд живет в музее?» Лэнгдон все еще не мог этого понять. Верхний этаж Каса Мила был не самым лучшим местом для дома, которое он когда- либо видел. Построенный полностью из камня и кирпича, он был по существу сплошным ребристым туннелем — петлей из 270 параболических арок различной высоты, каждая около ярда. Было очень мало окон, и атмосфера казалась сухой и стерильной, по-видимому сильно обработанной для защиты артефактов Гауди.

— Я присоединюсь к тебе через мгновение, — сказал Лэнгдон. — Для начала, я собираюсь найти уборную Эдмонда.

Амбра неловко взглянула на вход.

— Эдмонд всегда просил меня использовать уборную в нижнем вестибюле… он по какой-то причине ревностно охранял тайну ванной комнаты в своей квартире.

— Это холостяцкая квартира, и, вероятно, в его уборной жуткий беспорядок, и он попросту стеснялся.

Амбра улыбнулась.

— Ну, я думаю, это туда. — Она указала в противоположном направлении от библиотеки, по очень темному туннелю.

— Спасибо. Я быстро.

Амбра направилась к кабинету Эдмонда, а Лэнгдон пошел в противоположном направлении, пробираясь по узкому коридору — впечатляющему туннелю из кирпичных арок, который напоминал ему о подземном гроте или средневековых катакомбах. Как призрак он двигался по каменному туннелю. В основании каждой параболической арки ряды слабых чувствительных к движению огней освещали его путь.

Лэнгдон прошел изящное опространство для чтения, небольшое пространство для тренировок и даже буфетную, все перемешалось с различными таблицами отображения рисунков Гауди, архитектурными эскизами и трехмерными моделями его проектов.

Однако, проходя подсвеченный стол биологических артефактов, Лэнгдон остановился, удивленный содержанием — окаменелостью доисторической рыбы, изящной раковиной-корабликом и извивающимся скелетом змеи. Через мгновение Лэнгдон предположил, что Эдмонд, должно быть, сам устроил этот научный показ,

возможно, связанный с изучением происхождения жизни. Затем Лэнгдон увидел аннотацию на корпусе и понял, что эти экспонаты принадлежали Гауди и вторят различным архитектурным особенностям этого дома: рыбные чешуйки — мозаичные узоры на стенах, раковина — закручивающаяся рампа в гараже, а скелет змеи с его сотнями близко расположенных ребер — именно этот самый коридор.

Сопровождающими на дисплее были скромные слова архитектора:

«В мире ничего не изобретено, все создано природой.

Оригинальность — это возвращение к истокам».

АНТОНИО ГАУДИ

Лэнгдон опустил взгляд на извилистый коридор с рифлеными сводами и снова почувствовал, что стоит внутри живого существа.

«Идеальный дом для Эдмонда, — заключил он. — Искусство, вдохновляемое наукой».

Когда Лэнгдон прошел по первому изгибу змеевидного туннеля, пространство расширилось и включились светильники, реагирующие на движение. Его взгляд сразу же привлек огромный стеклянный выставочный шкаф в центре зала.

«Подвесная модель», — подумал он, всегда удивляясь этим оригинальным прототипам Гауди. «Подвесная» было архитектурным термином, который относится к кривой, образованной шнуром, свободно висящим между двумя неподвижными точками — как гамак или бархатная веревка, подвешенная между двумя стойками в театре.

В подвесной модели перед Лэнгдоном десятки цепей были подвешены из верхней части застекленного стенда — в результате длинные отрезки сползали вниз, а затем возвращались назад, образуя безвольноо висящие У- образные формы. Поскольку гравитационное напряжение было инверсией гравитационного сжатия, Гауди мог изучить точную форму, принимаемую естественно висящими под своим весом цепями, и он мог имитировать формы для решения архитектурных задач гравитационного сжатия.

«Но для этого потребуется волшебное зеркало,» — размышлял Лэнгдон, двигаясь к застекленнному стенду. Как и ожидалось, пол шкафа оказался зеркальным, и когда он вгляделся в отражение, то увидел магический эффект. Вся модель перевернулась с ног на голову, и висячие петли стали парящими шпилями.

В этом шкафу, как понял Лэнгдон, он увидел перевернутый вид возвышающегося храма Святого Семейства Гауди, чьи мягко покатые шпили вполне возможно были придуманы с использованием именно этой модели.

Пройдя дальше по коридору, Лэнгдон оказался в элегантном спальном пространстве с антикварной кроватью с балдахином, шкафом из вишневого дерева и инкрустированным комодом. Стены украшали дизайнерские эскизы Гауди, которые как понял Лэнгдон, были скорее музейными экспонатами.

Единственным художественным экспонатом, добавленным в это помещение, оказалась громадная каллиграфически выполненная цитата над постелью Эдмонда. Лэнгдон прочитал первые три слова и тут же понял, откуда это.

«Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц!»

НИЦШЕ

Слова «Бог умер» были самыми знаменитыми словами, написанными Фридрихом Ницше, известным немецким философом и атеистом 19 века. Ницше был печально известным благодаря своей жесткой критике религии, но в тоже время и благодаря своим размышлениям о науке, в

особенности, о теории эволюции Дарвина, который, по его мнению, переносил человечество на грань нигилизма, осознавая тот факт, что жизнь не имела ни какого-либо смысла, ни какой-либо высокой цели, и не дает прямых доказательств существования Бога.

Глядя на эту цитату над кроватью, Лэнгдон подумал, что, возможно, Эдмонд, несмотря на все его антирелигиозные выпады, мог бы бороться со своей собственной ролью в попытке избавить мир Бога.

Цитата из Ницше, помнилось Лэнгдону, заканчивалась словами:

«Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?»

Эта смелая идея чтобы человек стал Богом, чтобы убить Бога лежала в основе теории Ницше, и как понял Лэнгдон, возможно, частично объясняла комплексы Бога, испытываемые столь многими гениями новаторских технологий, как Эдмонд. Убивающие Бога… должны быть богами.

В ходе осмысления этой концепции Лэнгдона настигло еще одно озарение.

Ницше был не только философом — он был еще поэтом!

У самого Лэнгдона имелась книга Ницше «Павлин и буйвол», сборник из 275 стихотворений и афоризмов, которые предлагали мысли о Боге, смерти и человеческом разуме.

Лэнгдон быстро подсчитал знаки в выделенной цитате. Они не подходили, и все же в нем вспыхнул всплеск надежды. Может быть Ницше тот поэт, строчки которого мы ищем? Если да, то найдется ли книга Ницше в кабинете Эдмонда? В любом случае, Лэнгдон попросил Уинстона получить доступ к онлайн-сборнику стихов Ницше и проверить строчки, содержащие сорок семь символов.

В стремлении вернуться к Амбре и поделиться с ней мыслями Лэнгдон прошел через спальню в видневшуюся за ней туалетную комнату.

Когда он вошел, зажегся свет и перед ним предстала элегантно обставленная ванная комната с раковиной на пьедестале, отдельной душевой кабиной и туалетом.

Взгляд Лэнгдона сразу привлек невысокий старинный столик, заваленный туалетными принадлежностями и предметами личной гигиены. Когда он разглядел, что было на столике, то сделал судорожный вдох и отступил.

О, боже. Эдмонд… нет.

Стол перед ним выглядел в точности как подпольная нарко-лаборатория. На нем были использованные шприцы, пузырьки с таблетками, пустые капсулы и даже тряпку с пятнами крови.

У Лэнгдона упало сердце.

Эдмонд принимал наркотики?

Лэнгдон знал, что наркотическая зависимость уже стала нормой в наши дни, даже среди богатых и знаменитых людей. О чем тут говорить, если сегодня героин стоил дешевле пива, а люди принимали опиоидные обезболивающие словно ибупрофен.

Наркотическая зависимость Эдмонда могла бы объяснить его недавнюю потерю в весе, подумал Лэнгдон, прикидывая, не изображал ли он из себя вегана только для того, чтобы оправдать свою худобу и запавшие глаза.

Подойдя к столу, Лэнгдон взял один из пузырьков, и прочитал наклейку с рецептом, ожидая увидеть там что-то из распространенных опиоидов, таких как Оксиконтин или Оксикодон.

Но вместо этого прочитал: Доцетаксел.

Озадачившись, он взял другой пузырек: Гемцитабин.

«Что это за препараты?» — задал себе вопрос Лэнгдон, беря в руки третий пузырек: флюоро-

урацил. Лэнгдон застыл на месте. Он слышал об этом препарата от коллеги в Гарварде, и ощутил внезапную волну страха. Мгновение спустя он заметил брошюру, валяющуюся среди пузырьков. Ее название гласило: «Замедляет ли веганство рак поджелудочной железы?»

У Лэнгдона отвисла челюсть, настолько он был ошеломлен.

Эдмонд не был наркозависимым.

Он тайно боролся со смертельным раком.

ГЛАВА 53

Амбра Видаль стояла в мягком свете чердачного помещения и глаза ее скользнули по книжным стеллажам, расставленным вдоль стен библиотеки Эдмонда.

«Его коллекция больше, чем мне казалось».

Эдмонд превратил широкий участок изогнутого коридора в потрясающую библиотеку, построив полки между вертикальными опорами сводов Гауди. Его библиотека оказалась неожиданно большой и ухоженной, особенно учитывая предположительные планы Эдмонда прожить здесь всего два года.

«Похоже, он переехал навсегда».

Разлядывая переполненные полки, Амбра поняла, что найти любимые стихи Эдмонда будет гораздо сложнее, чем предполагалось. Когда она продолжала идти вдоль полок, просматривая корешки книг, то не увидела ничего, кроме научных томов о космологии, сознании и искусственном интеллекте:

«БОЛЬШАЯ КАРТИНА»

«СИЛЫ ПРИРОДЫ»

«ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОЗНАНИЯ»
«БИОЛОГИЯ УБЕЖДЕНИЙ»
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ АЛГОРИТМЫ»
«НАШЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ»

Она подошла к концу одной секции и шагнула вокруг архитектурного ребра в следующую секцию с полками. Здесь она обнаружила широкий спектр научных тем — термодинамику, начальную химию, психологию.

Никакой поэзии.

Заметив, что Уинстон некоторое время молчал, Амбра вытащила сотовый телефон Кирша.

— Уинстон? Мы все еще на связи?

— Я здесь, — зазвучал его голос с акцентом.

— Действительно ли Эдмонд читал все эти книги в своей библиотеке?

— Я так считаю, да, — ответил Уинстон. — Он был ненасытным потребителем текста и назвал эту библиотеку своей трофейной комнатой знаний.

— А нет ли здесь, случайно, раздела с поэзией?

— Единственные известные мне названия — это научно-популярная литература, которую меня просили читать в формате электронной книги, поэтому мы с Эдмондом могли обсудить их содержание. Как я подозреваю, это было скорее

упражнение для моего образования, чем для него. К сожалению, у меня нет всей этой коллекции, поэтому единственный способ найти искомое — это физический поиск.

— Я понимаю.

— Пока вы ищите, мне кажется, есть одна вещь, которая может вас заинтересовать — последние новости из Мадрида относительно вашего жениха, принца Хулиана.

— Что происходит? — потребовала Амбра, резко останавливаясь. Ее по- прежнему захлестывали эмоции из=за возможной причастности Хулиана к убийству Кирша. «Нет доказательств, — напомнила она себе. — Ничто не подтверждает, что Хулиан помог внести имя Авилы в список гостей».

— Только что сообщили, — сказал Уинстон, — что за Королевским дворцом собралась шумная демонстрация. Продолжают поступать доказательства, что убийство Эдмонда было тайно организовано епископом Вальдеспино, вероятно, с помощью кого-то из дворца, может даже принца. Сторонники Кирша теперь пикетируют. Взгляните.

Смартфон Эдмонда начал показывать видео злобных протестующих у ворот дворца. Один из

них нес плакат на английском языке, который гласил: «ПОНТИЙ ПИЛАТ УБИЛ ВАШЕГО ПРОРОКА — ВЫ УБИЛИ НАШЕГО!

Другие несли расписанные из баллончиков простыни, украшенные однословным боевым лозунгом «¡APOSTAS^A!»*, с логотипом, который в настоящее время копируется с нарастающей частотой на тротуарах Мадрида.

* Отрекитесь!(исп.)

Отступничество стало популярным лозунгом для либеральной молодежи Испании. Отрекитесь от Церкви!

— А Хулиан сделал заявление? — спросила Амбра.

— В этом-то и проблема, — ответил Уинстон. — Ни единого слова ни от Хулиана, ни от священника, ни от кого во дворце. Продолжительное молчание сделало всех подозрительными. Теории заговора процветают, а национальная пресса пестрит вопросами где вы и почему до сих пор публично не прокомментировали эту критическую ситуацию?

— Я?! — От этой мысли Амбра пришла в ужас.

— Вы свидетель убийства. Вы будущая супруга короля и любовь всей жизни принца Хулиана. Народ хочет слышать от вас, что принц Хулиан

точно непричастен.

Нутром Амбра чувствовала, что Хулиан не мог знать об убийстве Эдмонда; когда она подумала про ухаживания, то вспомнила нежного и искреннего человека, поистине наивного и импульсивного романтика, но уж точно не убийцу.

— Аналогичные вопросы сейчас всплывают о профессоре Лэнгдоне, — сказал Уинстон. — СМИ начали спрашивать, почему профессор исчез без комментариев, особенно после того, как он так заметно выступил в презентации Эдмонда. В нескольких блогах о теории заговора утверждается, что его исчезновение действительно может быть связано с участием в убийстве Кирша.

— Но это безумие!

— Тема набирает силу. Теория проистекает из прошлых поисков Лэнгдона о Святом Граале и родословной Христа. По-видимому, салические потомки Христа имеют исторические связи с движением карлистов, а татуировка убийцы…

— Стоп, прервала его Амбра. — Это полнейший абсурд.

— И все же другие размышляют о том, что Лэнгдон исчез, потому что сегодня он стал мишенью. Каждый стал «диванным» детективом. В настоящий момент большая часть мира объединяется и

хочет выяснить, какие тайны раскрыл Эдмонд… и кто хотел заставить его замолчать.

Внимание Амбры привлек звук шагов Лэнгдона, бодро приближавшегося по извилистому коридору. Она обернулась, как только он показался из-за угла.

— Амбра? — позвал он с напряжением в голосе. — Вы знали, что Эдмонд был серьезно болен?

— Болен? — спросила она пораженно. — Нет.

Лэнгдон рассказал ей о том, что обнаружил в ванной комнате Эдмонда.

Амбра была потрясена.

Рак поджелудочной железы? Вот почему Эдмонд был таким бледным и худым?

Невероятно, но Эдмонд никому и словом не обмолвился о своей болезни. Только сейчас Амбра поняла, почему он так самозабвенно посвящал себя работе в последние несколько месяцев. Эдмонд знал, что дни его сочтены, и ему просто может не хватить времени.

— Уинстон, — обратилась она. — Ты слышал что-нибудь о болезни Эдмонда?

— Да, — ответил Уинстон без колебаний. — Он держал это при себе. Узнав о своем недуге почти два года назад, он тут же кардинально изменил стиль питания, одновременно увеличив интен-

сивность работы. Он также переехал сюда, на чердак, где он мог дышать воздухом, пропитанным искусством. И Эдмонд тут был защищен от ультрафиолетового излучения: ему необходимо было жить в полумраке насколько это возможно, так как принимаемые им медикаменты повысили его светочувствительность.

Эдмонду удалось с большим запасом пережить сроки, предсказанные его врачами. Но в последнее время он начал сдавать. Основываясь на эмпирических сведениях по раку поджелудочной железы, которые я собрал по базам данных всего мира, я проанализировал ухудшение состояния Эдмонда и подсчитал, что жить ему оставалось девять дней.

«Девять дней», — подумала Амбра, одолеваемая чувством вины за то, что подшучивала над Эдмондом по поводу его веганской диеты. Этот человек был болен; он без устали спешил организовать свой последний момент славы, пока его время не ушло. Осознание этого печального обстоятельства только усилило решимость Амбры найти то стихотворение и завершить начатое Эдмондом.

— Я все еще не нашла ни одной книги со стихами, — сказала она Лэнгдону. — Пока сплошная

научная литература.

— Думаю, поэтом, которого мы ищем, может оказаться Фридрих Ницше, — сказал Лэнгдон и поведал ей о помещенной в рамку цитате над постелью Эдмонда. — Конкретно в этой цитате не сорок семь букв, но из нее явно следует, что Эдмонд был почитателем Ницше.

— Уинстон, сказала Амбра, — не мог бы ты пройтись по сборнику поэзии Ницше, и выделить те строки, которые содержат ровно сорок семь букв?

— Конечно, — ответил Уинстон. — Немецкие оригиналы или английские переводы?

Амбра застыла в неуверенности.

— Начните с английского, — подсказал Лэнгдон. Эдмонд планировал вводить стихотворные строчки на свой телефон, а на его клавиатуре было бы непросто ввести какие-нибудь немецкие буквы или эсцеты.

Амбра кивнула. Умная мысль.

— У меня уже есть результат, — почти сразу сообщил Уинстон. — Я прошерстил около трехсот стихотворений, переведенных на английский, и нашел в них сто девяносто две строчки, которые содержат по сорок семь букв.

Лэнгдон вздохнул.

— Так много?

— Уинстон, — вмешалась Амбра. — Эдмонд охарактеризовал свои любимые стихи как пророчество… предсказание о будущем… которое уже сбылось. Вы нашли что-нибудь соответствующее этому описанию?

— Простите, — ответил Уинстон. — Я здесь не вижу ничего, что похоже на пророчество. Лингвистически говоря, рассматриваемые строки все извлекаются из более длинных строф и кажутся неполными мыслями. Нужно ли прислать их вам?

— Их слишком много, — сказал Лэнгдон. — Нам нужно найти бумажную книгу и надеяться, что Эдмонд каким-то образом отметил свою любимую строчку.

— Тогда я предлагаю вам поспешить, — сказал Уинстон. — Кажется, ваше присутствие здесь уже больше не секрет.

— Почему вы настаиваете на этом? — требовательно спросил Лэнгдон.

— По местным новостям говорят, что в Барселонском аэропорту Эль Прат только что приземлился военный самолет и что из него высадились два агента королевской гвардии.

На окраине Мадрида епископ Вальдеспино

чувствовал благодарность за то, что сбежал из дворца, пока вход для него туда не закрыли. Сидя вместе с Хулианом в тесноте на заднем сиденье крошечного «Опель-седана» своего аколита, Вальдеспино надеялся, что принятые кулуарно отчаянные меры помогут ему восстановить контроль над потерянным курсом.

— Ла-Касита-дель-Принсипи, — приказал Вальдеспино аколиту, когда молодой человек увозил их из дворца.

Дом принца располагался в уединенном сельском районе в сорока минутах от Мадрида. Скорее особняк, чем дом, он служил в качестве частной резиденции для наследника испанского престола с середины 18 века — уединенное место, где юноши могут быть юношами, прежде чем приступить к серьезному делу по управлению страной. Вальдеспино заверил Хулиана, что удалиться в свой коттедж будет гораздо безопаснее, чем оставаться сегодня во дворце.

«Вот только в коттежд я Хулиана не повезу,» — решил епископ, окидывая взглядом принца, который пристально смотрел куда-то из окна машины — видимо, глубоко задумавшись.

Вальдеспино не мог понятть, в самом ли деле принц столь наивен, каким кажется, или подоб-

но отцу Хулиан овладел навыком являть миру только ту свою сторону, которую хотел показать.

ГЛАВА 54

Гарса почувствовал, что руки слишком плотно зажали его запястья.

«Серьезные ребята,» — подумал он, все еще смущенный действиями агентов своей Гвардии.

— Что, черт возьми, происходит?! — снова потребовал Гарса, когда его люди вышли из собора в ночной воздух на площади.

Ответа не последовало.

Когда сопровождающие переместились по широкому пространству к дворцу, Гарса понял, что рядом с передними воротами расположилось множество телевизионных камер и демонстрантов.

— По крайней мере, отведите меня обратно, — сказал он ведущему его человеку. — Не превращайте это в публичное зрелище.

Солдаты проигнорировали его просьбу и надавили, заставляя Гарсу идти прямо через площадь. Через несколько секунд голоса за воротами начали кричать, и ярко горящие прожектора повернулись к нему. Ослепленный и вспотевший, Гарса заставил себя принять спокойное выраже-

ние лица и высоко поднял голову, когда гвардия провела его в нескольких ярдах от ворот, прямо мимо кричащих операторов и репортеров.

На Гарсу обрушилась какофония голосов: ему посыпались вопросы со всех сторон.

— За что вас арестовали?

— Что вы сделали, господин командующий?

Причастны ли вы к убийству Эдмонда Кирша?

Гарса был уверен в том, что агенты проведут его через толпу репортеров, даже не глядя в их сторону, но, к своему ужасу, агенты резко остановились, держа его под обстрелом телекамер. Со стороны дворца, стремительно шагая по площади, к ним приближалась знакомая фигура, одетая в брючный костюм.

Это была Моника Мартин.

Гарса не сомневался в том, что она будет просто ошеломлена, увидев его в такой передряге.

Однако когда Мартин прибыла, она посмотрела на него не с удивлением, а с презрением Охранники силой развернули Гарсу лицом к репортерам.

Моника Мартин подняла руку чтобы немного успокоить толпу собравшихся, потом вытащила небольшой листок бумаги из кармана. Поправляя очки с толстыми стеклами, она зачитала заявления прямо в телекамеры.

— Настоящим уведомляю, — начала она, что Королевский дворец арестовывает Командующего Диего Гарсу за убийство Эдмонда Кирша, а также, за попытки впутать в это преступление Епископа Вальдеспино.

Прежде, чем Гарса мог осознать эти нелепые обвинения, охранники поволокли его к дворцу. Уходя, он мог слышать, как Моника Мартин продолжила свое выступление.

— Что касается нашей будущей королевы, Амбры Видаль, — произнесла она, — и Американского профессора Роберта Лэнгдона, боюсь, у меня очень тревожные новости.

Внизу во дворце директор электронной безопасности Суреш Бхалла стоял перед телевизором, прикованный к прямой трансляцией импровизированной пресс-конференции Моники Мартин на площади.

Она выглядела несчастной.

Всего пять минут назад в кабинете Мартин раздался личный телефонный звонок. Она разговаривала приглушенным голосом и делала аккуратные пометки. Шестьдесят секунд спустя она появилась и выглядела настолько потрясенной, какой Суреш никогда не видел ее. Без объяснений Мартин обнародовала свои записи

прямо на площади, обратившись к средствам массовой информации.

Независимо от того, были ли ее утверждения точными, одно было наверняка — человек, который заказал это заявление, только что подверг Роберта Лэнгдона очень серьезной опасности.

«Кто же отдал Монике такое распоряжение?» — удивился Суреш.

Пока он пытался понять странное поведение координатора по пиару, на компьютер поступил сигнал о входящем сообщении. Суреш подошел, посмотрел на экран и остолбенел, увидев, кто его написал.

monte@iglesia.org*

* iglesia — церковь(исп.)

«Информатор,» — подумал Суреш.

Это был тот же самый человек, который всю ночь кормил информацией ConspiracyNet. И теперь, по какой-то причине, этот человек напрямую связался с Сурешем.

Осторожно Суреш присел и открыл электронное письмо.

В нем говорилось:

«Я добрался до смс-переписки Вальдеспино.

Ему есть что скрывать.

Дворец должен получить доступ к его смс-пе-

переписке.

Незамедлительно».

Встревоженный Суреш перечитал сообщение и затем удалил его.

Какое-то время он сидел молча, размышляя над возможными вариантами действий.

Затем, придя к какому-то решению, быстро сгенерировал мастер-ключ для доступа в королевские апартаменты и, никем не замеченный, проскользнул на лестницу.

ГЛАВА 55

С растущим нетерпением Лэнгдон пробежался взглядом вдоль собрания книг, выставленных в коридоре Эдмонда.

Поэзия… здесь есть какая-то поэзия.

Неожиданное прибытие Гвардии в Барселону запустило опасные тикающие часы, и все же Лэнгдон был уверен, что время не истекло. В конце концов, как только они с Амброй найдут любимую строчку стихов Эдмонда, им понадобится всего несколько секунд, чтобы войти в телефон Эдмонда и запустить презентацию для всего мира. Как намеревался Эдмонд.

Лэнгдон взглянул на Амбру, которая была на противоположной стороне коридора, дальше, продолжая искать с левой стороны, а Лэнгдон прочесывал правый.

— Вы что-нибудь видите?

Амбра покачала головой.

— Пока что только наука и философия. Нет поэзии. Нет Ницше.

— Продолжим искать, — сказал ей Лэнгдон, — возвращаясь к своим поискам. В настоящее время

он просматривал раздел фолиантов по истории:

«ПРИВИЛЕГИИ, ГОНЕНИЯ И ПРОРОЧЕСТВА: КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСПАНИИ»

«МЕЧОМ И КРЕСТОМ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ МИРОВОЙ МОНАРХИИ»

Названия напомнили ему о темной истории, которой Эдмонд поделился несколько лет назад после того, как Лэнгдон прокомментировал, что Эдмонд для американского атеиста страдал необычной одержимостью Испанией и католицизмом. «Моя мать была испанкой по рождению, — ответил Эдмонд категорически. — И страдающей от сознания своей вины католичкой».

Когда Эдмонд поделился трагической историей о своем детстве и своей матери, Лэнгдон выслушал ее с большим удивлением. Мать Эдмонда, Палома Кальво, как объяснил программист, была дочерью простых рабочих в Кадисе, Испания. В девятнадцать лет она влюбилась в университетского преподавателя из Чикаго, Майкла Кирша, который был в творческом отпуске в Испании, и забеременела. Наблюдая как избегали других не состоящих в браке матерей в ее строгом католическом сообществе, Палома не видела иного

выбора, как принять нерешительное предложение мужчины выйти за него замуж и переехать в Чикаго. Вскоре после рождения сына Эдмонда, мужа Паломы насмерть сбил автомобиль, когда он ехал на велосипеде домой после занятий.

Castigo divino, так называл это ее отец. Божественное наказание.

Родители Паломы не позволили своей дочери вернуться домой в Кадис и опозорить их семью. Вместо этого они предупредили, что страшные обстоятельства Паломы — явный признак Божьего гнева и что Царство Небесное никогда не примет ее, если она не посвятит свою душу и тело Христу на всю оставшуюся жизнь.

После рождения Эдмонда Палома работала горничной в мотеле и пыталась вырастить сына изо всех сил. Ночью в своей бедной квартирке она читала Писание и молилась о прощении, но ее лишения только усубились, а вместе с ними и уверенность в том, что Бог еще не удовлетворил ее покаяние.

В страхе и позоре, Палома через пять лет убедилась, что самым глубоким актом материнской любви, которую можно показать своему ребенку, это предоставить ему новую жизнь, защищенную от божьего наказания за грехи Паломы. И

поэтому она отдала пятилетнего Эдмонда в приют, вернулась в Испанию и ушла в монастырь. Эдмонд больше никогда не видел ее.

Когда ему было десять лет, Эдмонд узнал, что его мать умерла в монастыре во время религиозного поста. Преодолевая физическую боль, она повесилась.

— Это неприятная история, — сказал Эдмонд Лэнгдону. — В средней школе я узнал эти подробности, и можно себе представить, как непоколебимая фанатичность матери имеет много общего с моим отвращением к религии. Я называю это «Третьим законом о воспитании детей Ньютона»: для каждого безумия существует равное и противоположное безумие.

Узнав эту историю, Лэнгдон понял, почему Эдмонд был полон гнева и горечи, когда они встретились в первый год его учебы в Гарварде. Лэнгдон также удивился, что Эдмонд ни разу не жаловался на тяжелое детство. Вместо этого он объявил себя готовым к ранним трудностям, потому что это послужило мощной мотивацией для достижения двух целей детства — во- первых, выбраться из нищеты, а во-вторых, разоблачить лицемерие веры, которая по его мнению разрушила жизнь матери.

«Успешно достиг обе цели,» — подумал Лэнгдон печально, продолжая просматривать квартирную библиотеку.

Когда он начал просматривать новую секцию книжных полок, то заметил много знакомых названий, большинство из которых относятся к пожизненным опасениям Эдмонда об опасности религии:

«УБИЙСТВО БОГА»

«БОГ НЕ ВЕЛИКИЙ»

«КАРМАННЫЙ АТЕИСТ»

«ПОСЛАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ НАЦИИ»

«КОНЕЦ ВЕРЫ»

«ВИРУС БОГА: КАК РЕЛИГИЯ ЗАРАЖАЕТ НАШИ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРУ»

За последнее десятилетия книги, пропагандирующие рациональность в отношении слепой веры, вошли в списки безусловных бестселлеров. Лэнгдон должен был признать, что культурный сдвиг от религии стал все более заметным — даже в кампусе Гарварда. Недавно в «Вашингтон пост» была опубликована статья о «безбожии в Гарварде», где сообщалось, что впервые за 380-летнюю историю университета в составе первого курса оказалось больше агностиков и атеистов, чем протестантов и католиков.

Точно так же в западном мире развивались антирелигиозные организации, отталкиваясь от того, что они считали опасностями религиозных догм — американских атеистов, Фонда свободы от религии, Americanhumanist.org, Международного атеистического альянса.

Лэнгдон никогда не думал об этих группах, пока Эдмонд не рассказал ему о «Брайтс» — глобальной организации, которая, несмотря на свое часто недооцениваемое имя, одобрила натуралистическое мировоззрение без каких- либо сверхъестественных или мистических элементов. В число членов «Брайтс» вошли такие интеллектуалы, как Ричард Докинз, Маргарет Дауни и Даниэль Деннет. По-видимому, растущая армия атеистов теперь готовила очень сильное оружие.

Лэнгдон обнаружил книги как Докинса, так и Деннета всего несколько минут назад, когда просматривал раздел библиотеки, посвященный эволюции.

Классика Докинса «Слепой наблюдатель» решительно бросила вызов телеологическому представлению о том, что люди, похожие на сложные часы, могут существовать только в том случае, если у них есть «создатель». Аналогичным образом, одна из книг Деннетта «Опасная идея

Дарвина» утверждала, что естественного отбора достаточно, чтобы объяснить эволюцию жизни и что сложные биологические создания могут существовать без помощи божественного творца.

«Бог не нужен для жизни, — промелькнула у Лэнгдона мысль на презентации Эдмонда. Вопрос «Откуда мы появились?» неожиданно прозвенел в голове Лэнгдона. — Может это и есть часть открытия Эдмонда? — рассуждал он. — Идея, что жизнь существует сама по себе — без Творца?»

Разумеется, это понятие прямо противоречило любой крупной теории происхождения, отчего Лэнгдону ещё больше захотелось узнать, на правильном ли он пути. Опять же, идея казалась совершенно недоказуемой.

— Роберт? — позвала его Амбра сзади.

Лэнгдон повернулся и увидел, что Амбра закончила поиски со своей стороны библиотеки и покачала головой.

— Здесь ничего, — сказала она. — Сплошная научная литература. Я помогу тебе искать на твоей стороне.

— Похоже здесь тоже, — ответил Лэнгдон.

Когда Амбра перешла на сторону библиотеки Лэнгдона, голос Уинстона затрещал в громкоговорителе.

— Мисс Видаль?

Амбра взяла телефон Эдмонда.

— Да?

— Вам с профессором Лэнгдоном прямо сейчас нужно кое-что посмотреть, — Только что из дворца прозвучало публичное заявление.

Лэнгдон быстро подошел к Амбре и стоял рядом с ней и наблюдал, как крошечный экран в руке начал транслировать видео.

Он узнал площадь перед Королевским дворцом в Мадриде, где на мужчину в форме надели наручники и грубо взяли под стражу четыре агента Королевской гвардии. Агенты развернули заключенного к камере, словно чтобы опозорить перед всем миром.

— Гарса?! — воскликнул Амбра, — Командующий Королевской гвардией под арестом?

Камера повернулась и показала женщину в очках в массивной оправе, которая вытащила лист бумаги из кармана своего брючного костюма и приготовилась прочитать заявление.

— Это Моника Мартин, — произнесла Амбра. — Координатор по связям с общественностью. Что происходит?

Женщина начала читать, произнося каждое слово ясно и отчетливо. «Королевский дворец

настоящим арестовывает командующего Диего Гарсу за его роль в убийстве Эдмонда Кирша, а также попытки вовлечь епископа Вальдеспино в это преступление».

Лэнгдон почувствовал, как Амбра немного пошатнулась рядом с ним, когда Моника Мартин продолжила читать.

«Что касается нашей будущей королевы, Амбры Видаль, — сказала PR- координатор зловещим тоном, — и американского профессора Роберта Лэнгдона, боюсь, что у меня несколько тревожные новости».

Лэнгдон и Амбра обменялись изумленным взглядом.

«Дворец только что получил от службы безопасности мисс Видаль подтвержденную информацию, — продолжила Мартин, — что сегодня вечером мисс Видаль забрал из Музея Гуггенхайма против ее воли Роберт Лэнгдон. Наша Королевская гвардия находится в полной готовности, координируя действия с местными властями в Барселоне, где по нашим сведениям Роберт Лэнгдон держит в заложниках мисс Видаль».

У Лэнгдона не было слов.

«Поскольку это формально классифицируется

как ситуация с заложниками, общественность настоятельно призывают помочь властям и сообщать любую информацию о местонахождении мисс Видаль или мистера Лэнгдона. К настоящему моменту у дворца больше нет комментариев».

Репортеры начали выкрикивать вопросы Мартин, которая резко развернулась и пошла ко дворцу.

— Это… безумие, — запинаясь проговорила Амбра. — Мои агенты видели, что я покинула музей добровольно!

Лэнгдон уставился на телефон и пытался понять, что он только что увидел. Несмотря на целый поток вопросов в голове, он совершенно отчётливо осознал один ключевой момент.

«Я в серьезной опасности».

ГЛАВА 56

— РОБЕРТ, я так сожалею. — Темные глаза Амбры Видаль были дикими от страха и вины. — Я понятия не имею, кто стоит за этой лживой историей, но они просто подвергают вас огромному риску. — Будущая королева Испании потянулась за телефоном Эдмонда. — Я сейчас позвоню Монике Мартин.

— Не звоните мисс Мартин, — раздался голос Уинстона с телефона. — Именно этого добивается дворец. Это уловка. Они пытаются выманить вас, втянуть в контакт и выявить ваше местоположение. Подумайте логично. Два ваших агента Гвардии знают, что вас не похитили, и все же они согласились помочь распространить эту ложь и полететь в Барселону, чтобы охотиться на вас? Ясно, что весь дворец вовлечен в это. И с арестованным командиром Королевской гвардии эти приказы исходят от высшего лица.

Амбра немного вдохнула.

— Значит… Хулиан?

— Неизбежный вывод, — сказал Уинстон. — Принц единственный во дворце, кто имеет право

арестовать командующего Гарсу.

Амбра надолго закрыла глаза, и Лэнгдон почувствовал нахлынувшую на нее волну меланхолии, как будто неопровержимое доказательство участия Хулиана убило только что последнюю оставшуюся надежду, что ее жених был лишь невинным наблюдателем всего этого.

— Это из-за открытия Эдмонда, — заявил Лэнгдон. — Кто-то во дворце знает, что мы пытаемся показать миру видео Эдмонда, и они отчаянно пытаются остановить нас.

— Возможно, они думали, что работа закончена, когда заставили замолчать Эдмонда, — добавил Уинстон. — Они не понимали, что есть невыясненные вопросы.

Между ними повисла неловкая тишина.

— Амбра, — тихо сказал Лэнгдон, — очевидно, я не знаю вашего жениха, но я сильно подозреваю, что епископ Вальдеспино повлиял на Хулиана в этом вопросе. Помните, что Эдмонд и Вальдеспино разошлись во мнениях до того, как началось событие в музее.

Она с неуверенностью кивнула.

— В любом случае, вы в опасности.

Внезапно они услышали слабый звук сирен, раздавшихся издалека.

Лэнгдон почувствовал, как его пульс ускорился.

— Нам нужно срочно найти это стихотворение, — заявил он, возобновив поиски на книжных полках. — Запуск презентации Эдмона является ключом к нашей безопасности. Если она станет достоянием общественности, тот, кто пытается заставить нас замолчать, поймет, что слишком поздно.

— Верно, — сказал Уинстон, — но местные власти все равно будут охотиться за вами, как за похитителем. Вы не будете в безопасности, пока не побьете дворец в своей игре.

— Как? — потребовала ответа Амбра.

Уинстон продолжал без колебаний.

— Дворец использовал средства массовой информации против вас, но это обоюдоострый меч.

Лэнгдон и Амбра выслушали, как Уинстон быстро изложил очень простой план, и Лэнгдон согласился, что это мгновенно посеет хаос и замешательство среди нападавших.

— Я сделаю это, — с готовностью согласилась Амбра.

— Вы уверены? — осторожно спросил ее Лэнгдон. — Пути для отступления не будет.

— Роберт, — сказала она, — я вовлекла вас в это,

и теперь вы в опасности. Дворец имел наглость использовать средства массовой информации в качестве оружия против вас, а теперь я собираюсь направить его против них.

— Совершенно верно, — добавил Уинстон. — Взявшие меч от меча и умрут.

Лэнгдон ушам своим не поверил. Действительно ли компьютер Эдмонда просто перефразировал Эсхила? Он подумал, не уместнее ли процитировать Ницше: «Сражающийся с монстрами должен опасаться, чтобы при этом самому не стать монстром».

Не успел Лэнгдон возразить, как Амбра пошла по коридору с телефоном Эдмонда в руке. — Найди этот пароль, Роберт! — крикнула она через плечо. — Я скоро вернусь.

Лэнгдон наблюдал, как она исчезает в узкой башне, чья лестница спиралью поднималась на знаменитую и опасную крышу Каса Мила.

— Будь осторожней! — крикнул он ей вслед.

Оставшись один в квартире Эдмонда, Лэнгдон посмотрел на извилистый как змея коридор и попытался понять, что он здесь видел — витрины с необычными артефактами, цитату в раме, провозглашающую, что Бог мертв, и бесценного Гогена, который поставил те же вопросы, что

задал Эдмонд миру сегодня вечером: «Откуда мы появились?» «Куда мы движемся?»

Он пока ничего не нашел, что намекнуло бы на возможные ответы Эдмонда на эти вопросы. До сих пор поиск в библиотеке Лэнгдона дал только один том, который казался потенциально актуальным — «Необъяснимое искусство», книга фотографий таинственных искусственных сооружений, включая Стоунхендж, статуи на острове Пасхи, и растянувшиеся в Наске «рисунки пустыни» — геоглифы, нарисованные на такой массивной скале, что их заметили только с воздуха.

«Это особо не поможет,» — решил он, и возобновил поиски.

Сирены на улице выли все громче.

ГЛАВА 57

— Не такое уж я чудовище, — заявил Авила, со вздохом облегчения, стоя у грязного писсуара в зоне отдыха на шоссе N-240.

Рядом с ним стоял водитель «Убера», который дрожал и видимо, слишком нервничал, не в силах помочиться.

— Вы угрожали… моей семье.

— Если будете хорошо себя вести, уверяю вас, с ней ничего не случится, — отвечал Авила. — Просто отвезите меня в Барселону, высадите, и мы расстанемся друзьями. Я верну вам бумажник, забуду ваш домашний адрес, и вам больше не придется обо мне вспоминать.

Водитель смотрел прямо вперед, его губы дрожали.

— Вы человек верующий, — сказал Авила. — Я видел католический крест у вас на лобовом стекле. И что бы вы ни думали обо мне, вы можете найти успокоение в том, что сегодня делаете божье дело. — Авила закончил мочиться. — Пути Господни неисповедимы.

Авила отошел и проверил керамический пи-

столет, засунутый за ремень. Он был заряжен единственной оставшейся у него пулей. Авила не знал, понадобится ли пистолет в тот вечер.

Он подошел к раковине и пустил воду на ладони, рассматривая набитую на том месте Регентом татуировку, на случай если его схватят. «Излишняя предосторожность,» — подумал Авила, чувствуя себя теперь бесстрастным духом, передвигающимся в ночи.

Он поднял глаза к грязному зеркалу и ужаснулся своей внешности. Последний раз Авила видел себя одетым в белую форму с накрахмаленныйм воротником и в военно-морской фуражке. Теперь, раздевшись он походил больше на водителя грузовика — надел лишь футболку с треугольным вырезом и одолжил бейсболку у водителя.

По злой иронии, взъерошенный человек в зеркале напомнил Авиле, как он выглядел во времена пьянства и самонеприятия, наступившие вслед за взрывом, от которого погибла его семья.

«Я был в бездонной яме».

Он знал, что поворотным моментом стал день, когда его физиотерапевт Марко обманом убедил его ехать за город встречать «папу».

Авила никогда не забудет, как подходил к мрачным шпилям пальмарианской церкви, проходил

через высокие ворота безопасности и входил в собор через утреннюю мессу, где толпы прихожан стояли на коленях в молитве.

Через высокие окна из цветного стекла в святилище попадал естественный свет, и воздух сильно пах ладаном. Когда Авила увидел позолоченные алтари и полированные деревянные церковные скамьи, он понял, что слухи о крупном богатстве Пальмарианской церкви оказались правдой. Она была так же красива как любой встречавшийся Авиле собор, и все же он знал, что эта католическая церковь непохожа на любую другую.

Пальмарианцы — заклятые враги Ватикана.

Стоя с Марко с задней стороны собора, Авила пристально посмотрел на паству и задумался, как оказалось возможным процветание этой секты после явного щеголяния оппозицией Риму. По-видимому, обвинение пальмарианцами Ватикана в растущем либерализме вызвало отклик у верующих, которые жаждали более консервативной интерпретации веры.

Ковыляя вдоль прохода на костылях, Авила почувствовал себя несчастным калекой, совершившим паломничество к господу в надежде на чудодейственное средство. Помощник приветствовал Марко и подвел двух мужчин к

огороженным сиденьям в самом первом ряду. Приближающиеся прихожане с любопытством наблюдали, кто удостоился такого особого отношения. Авила пожелал, чтобы Марко не убеждал его надевать парадную военно-морскую форму.

«Я думал, что встречаюсь с папой».

Авила сел и поднял глаза к главному алтарю, где молодой прихожанин в костюме читал выдержки из Библии. Авила узнал отрывок — Евангелие от Марка.

«И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши». (Евангелие От Марка 11:25)

«Больше прощения?» — подумал Авила, нахмурясь. Он вспомнил, как тысячу раз слышал этот призыв от психотерапевтов и монахинь месяцами после террористической атаки.

Чтение закончилось, и в святилище раздались глубокие аккорды органа. Прихожане одновременно поднялись, и Авила неохотно поднялся на ноги, вздрогнув от боли. Скрытая дверь за алтарем открылась, и появилась фигура, посылая волну восхищения в толпу.

Мужчине на вид было за пятьдесят — осанистый и царственный, хорошего сложения и с

неотразимым взором. На нем была белая сутана, золотая стола, вышитая фашья и украшенная бриллиантами папская митра. Он приближался к пастве с вытянутыми вперед руками; казалось, он парил на пути к центру алтаря.

— А вот и он, — восхищенно прошептал Марко. — Папа четырнаццатый, Непорочный.

Он называет себя Папой Иннокентием XIV? Пальмарианцы, как знал Авила, признали легитимность каждого папы вплоть до Павла VI, который умер в 1978 году.

— Мы как раз вовремя, — сказал Марко. — Он готов начать свою проповедь.

Папа двинулся к центру поднятого алтаря, обойдя кафедру проповедника и спустился вниз, чтобы стоять на одном уровне с прихожанами. Он поправил свой петличный микрофон, вытянул руки и тепло улыбнулся.

— Доброе утро, — проговорил он шепотом.

Паства хором ответила. — Доброе утро!

Папа продолжал отходить от алтаря, приближаясь к пастве.

— Мы только что послушали Евангелие от Марка, — начал он, — отрывок, который выбрал я лично, так как этим утром я бы хотел поговорить о прощении.

Папа приблизился к Авиле и остановился в проходе около него в нескольких дюймах. Он ни разу не посмотрел вниз. Авила с тревогой взглянул на Марко, который ответил ему взволнованным поклоном.

— Мы все боремся с прощением, — обратился папа к прихожанам. — И это потому, что бывают случаи, когда преступления против нас кажутся непростительными. Когда кто-то убивает невинных людей из-за чистой ненависти, должны ли мы поступать так, как учат нас некоторые церкви, и подставить другую щеку? — В зале установилась мертвая тишина, и папа еще больше понизил голос. Когда антихристианский экстремист взрывает бомбу во время утренней мессы в Севильском кафедральном соборе, и эта бомба убивает невинных матерей и детей, как от нас можно ожидать прощения? Бомбардировка — это акт войны. Войны не только против католиков. Войны не только против христиан. А войны против добродетели… против самого Бога!

Авила закрыл глаза, пытаясь подавить ужасные воспоминания того утра, и вся ярость и страдания всколыхнули его сердце. Когда его гнев усилился, Авила внезапно почувствовал нежную руку папы на плече. Авила открыл глаза, но папа не

смотрел на него. Несмотря на это, прикосновение показалось твердым и успокаивающим.

— Давайте не будем забывать про наш красный террор, — продолжил папа, не убирая руку с плеча Авилы. — Во время гражданской войны враги божьи сожгли церкви и монастыри Испании, убили более шести тысяч священников и пытали сотни монахинь, заставляя сестер глотать четки перед изнасилованием и бросали их в угольные шахты умирать. — Он сделал паузу, чтобы смысл этих слов дошел. — Такая ненависть со временем не исчезает; наоборот, она гложет, усиливается, готовая развиться снова, подобно раку. Мои друзья, предупреждаю вас, зло поглотит нас всех, если мы не будем бороться силой. Мы никогда не победим зло, если наш боевой клич — «прощение».

«Он прав, — подумал Авила, убедившись непосредственно в армии, что «мягкость» в отношении дурного поведения лучше всего гарантирует рост преступлений».

— Полагаю, — продолжил папа, — что в некоторых случаях прощение становится опасным. Когда мы прощаем зло в мире, мы позволяемем злу расти и распространяться. Когда мы реагируем на акт войны актом милосердия, мы поощряем

наших врагов совершать дальнейшие акты насилия. Наступают времена, когда мы должны поступить так, как делал Иисус, и насильно перевернуть столы с деньгами и крикнуть: «Этому не бывать!»*

* И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников. (Евангелие по Матфею, 21:12–13)

«Согласен!» — хотел крикнуть Авила, когда паства одобрительно кивнула.

— Но принимаем ли мы меры? — спросил папа. — Поступает католическая церковь в Риме так, как сделал Иисус? Нет. Сегодня мы противоставляем самому темному злу в мире не что иное, как нашу способность прощать, любить и сострадать. И поэтому мы разрешаем, нет, мы поощряем рост зла. В ответ на неоднократные преступления против нас мы деликатно излагаем наши опасения политически правильным языком, напоминая друг другу, что злым человек является только из-за трудного детства или бедной жизни или от преступлений пострадали его близкие — и поэтому его ненависть не его вина. Я

говорю, достаточно! Зло есть зло! Мы все должны бороться в жизни!

Паства взорвалась спонтанными аплодисментами, чегоо Авила никогда не наблюдал во время католической службы.

— Сегодня я решил говорить о прощении, — продолжмл папа, все еще держась за плечо Авилы, — потому что сегодня среди нас специальный гость. Я хотел бы поблагодарить адмирала Луиса Авилу за то, что он почтил нас своим присутствием. Он уважаемый и награжденный медалями за службу офицер испанской армии, и он столкнулся с немыслимым злом. Как и все мы, он боролся с прощением.

Не успел Авила возразить, как папа подробно изложил в ярких деталях борьбу Авилы за жизнь — потерю семьи в результате теракта, злоупотребление алкоголем, и наконец, его неудачную попытку самоубийства. Начальная реакция Авилы была гневом на Марко за нарушение доверия, но теперь, слушая свою собственную историю, он почувствовал странную уверенность в себе. Это стало публичным признанием того, что он дошел до самого дна, но каким-то чудом выжил.

— Я говорю всем вам, — произнес папа, — что Бог вмешался в жизнь адмирала Авилы и спас

его… для более высокой цели.

При этом пальмарианский папа Иннокентий XIV повернулся и впервые посмотрел на Авилу. Его глубокие глаза, казалось, пронзили душу Авилы, и он почувствовал себя настолько наэлектризованным, как не чувствовал годами.

— Адмирал Авила, — сказал папа, — я считаю, что трагическая потеря, которую вы пережили, не поддается прощению. Я считаю, что ваш постоянный гнев, ваше праведное стремление к мести нельзя подавить, подставляя другую щеку.

Так не должно быть! Ваша боль станет катализатором собственного спасения. Мы здесь чтобы помочь вам! Любить вас! Держаться рядом и помогать трансформировать ваш гнев в мощную силу добра в мире! Хвала Богу!

— Хвала Богу! — эхом отозвалась паства.

— Адмирал Авила, — продолжал папа, еще более пристально глядя ему в глаза. — Каков девиз «Непобедимой армады»?

— Pro Deo et patria,* — немедленно ответил Авила.

* За Бога и отечество(лат.)

— Да, Pro Deo et patria. За Бога и отечество. Для нас большая честь, что сегодня присутствует заслуженный военно-морской офицер, который так

верно служил своей стране. Папа сделал паузу, наклонившись вперед. — Но… как насчет Бога?

Авила посмотрел в пронзительные глаза мужчины и внезапно почувствовал равновесие.

— Ваша жизнь не закончилась, адмирал, — прошептал папа. — Ваша работа не выполнена. Вот почему Бог сохранил вам жизнь. Ваша миссия выполнена лишь наполовину. Вы послужили стране, да… но еще не послужили Богу!

Авила почувствовал как будто его ударила пуля.

— Да пребудет мир с вами, — провозгласил Папа.

— С миром принимаем, — ответила паства.

Авила внезапно оказался в окружении моря доброжелателей, высказывающих невероятную поддержку, которую он никогда не испытывал. Он искал в глазах прихожан любые следы культового фанатизма, которого боялся, но увидел лишь оптимизм, доброжелательность и искреннюю страсть в выполнении богоугодных дел… как раз того, чего ему не хватало, как понял Авила.

С этого дня с помощью Марко и его новой группы друзей Авила начал свой долгий путь из бездонной ямы отчаяния. Он вернулся к суровым тренировкам, ел полноценную пищу и, самое

главное, вновь открыл свою веру.

После нескольких месяцев, когда его физиотерапия завершилась, Марко подарил Авиле Библию в кожаном переплете, в которой он отметил около десятка цитат.

Авила перелистнул наугад несколько из них.

ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ 13:4

«ибо [начальник] есть Божий слуга, тебе на добро».

«Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».

ПСАЛОМ 94:1

«Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя!»

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ, ГЛАВА 3

«Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа»

— Помните, — сказал ему Марко с улыбкой. — Когда в мире возникает зло, Бог действует на каждого из нас по-разному, проявляя свою волю на земле. Прощение — не единственный путь к спасению.

ГЛАВА 58

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

КТО БЫ ВЫ НИ БЫЛИ — РАССКАЖИТЕ НАМ БОЛЬШЕ!

Сегодня самопровозглашенный гражданский независимый наблюдатель monte@iglesia.org предоставил ошеломляющее количество секретной информации для ConspiracyNet.com.

Благодарим!

Поскольку данные «Монте» до сих пор демонстрировали такой высокий уровень надежности и секретного доступа, мы уверенно выдвигаем эту очень скромную просьбу:

МОНТЕ, КТО БЫ ВЫ НИ БЫЛИ, ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ КАКАЯ-ТО ИНФОРМАЦИЯ О ПРЕРВАННОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ
КИРША, ПОЖАЛУЙСТА ПОДЕЛИТЕСЬ!

#ОТКУДАМЫПОЯВИЛИСЬ

#КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ

БЛАГОДАРИМ.

Все мы здесь на ConspiracyNet

ГЛАВА 59

Просматривая несколько заключительных секций библиотеки Эдмонда, Роберт Лэнгдон почувствовал, как надежды тают. Двухцветные полицейские сирены на улице звучали громче и громче, и наконец внезапно остановились прямо перед Каса Мила. Через крошечные окна квартиры Лэнгдон увидел вспышки полицейских мигалок.

«Мы в ловушке, — осознал он. — И если не найдем состоящий из сорока семи букв пароль, то не сможем выбраться».

К сожалению, Лэнгдон еще не увидел ни одной книги со стихами.

Полки в последней секции были глубже остальных и оказывается, на них размещалась коллекция книг большого формата по искусству. Лэнгдон торопливо продвигаясь вдоль стены и просматривая названия, увидел книги, отражавшие страсть Эдмонда к моднейшему и новейшему в современном искусстве.

СЕРРА… КУНС… ХЕРСТ… БРУГЕРА… БАСКИЯ… БЭНКСИ…

АБРАМОВИЧ*

* Имеется в виду Марина Абрамович, югославский мастер перформанса.

Собрание резко закончилось на серии небольших томов, и Лэнгдон остановился в надежде найти книгу со стихами.

Ничего.

Книги здесь являлись комментариями и критикой абстрактного искусства, и Лэнгдон заметил несколько названий, которые Лэнгдон посылал ему просмотреть.

«НА ЧТО ВЫ СМОТРИТЕ?»

«ПОЧЕМУ ПЯТИЛЕТНИЕ НЕ МОГЛИ ЭТОГО СДЕЛАТЬ»

«КАК ПЕРЕЖИТЬ СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО»

«Я все еще пытаюсь пережить его», — подумал Лэнгдон, быстро продолжая движение. Он зашел с другого края, просматривая следующую секцию.

«Книги по современному искусству», — размышлял Лэнгдон. Едва взглянув, он уже понял, что данная группа книг посвящена более раннему периоду. Во всяком случае, мы возвращаемся к тому периоду, в котором я понимаю искусство.

Глаза Лэнгдона быстро перемещались вдоль книжных корешков с биографиями и солидными каталогами импрессионистов, кубистов и сюрре-

алистов, ошеломивших мир между 1870 и 1960 годами и полностью пересмотревших искусство.

ВАН ГОГ… СЕРА… ПИКАССО… МУНК… МАТИСС… МАГРИТТ… КЛИМТ… КАНДИНСКИЙ… ДЖОНС… ХОКНИ… ГОГЕН… ДЮШАН… ДЕГА… ШАГАЛ… СЕЗАНН… КЭССЕТТ… БРАК… АРП… АЛЬБЕРС…

Эта секция заканчивалась на последней арке, и Лэнгдон прошел мимо и оказался в последнем разделе библиотеки. Тома здесь были посвящены группе художников, которых Эдмонд в присутствии Лэнгдона любил называть «школой ужасно скучных белых парней» — по существу, все что предшествовало модернистскому движению середины девятнадцатого века.

В отличие от Эдмонда, именно здесь Лэнгдон почувствовал себя как дома, в окружении старых мастеров.

ВЕРМЕЕР…
ВЕЛАСКЕС… ТИЦИАН… ТИНТОРЕТТО… РУБЕНС… РЕМБРАНДТ… РАФАЭЛЬ… ПУССЕН… МИКЕЛАНДЖЕЛО… ЛИППИ… ГОЙЯ… ДЖОТТО… ГИРЛАНДАЙО… ЭЛЬ ГРЕКО… ДЮРЕР… ДА ВИНЧИ… КОРО… КАРАВАДЖО… БОТИЧЕЛЛИ… БОСХ…

Несколько футов последней полки занимал большой стеклянный шкаф, запечатанный тяжелым замком. Лэнгдон посмотрел сквозь стекло

и увидел старинную кожаную коробку внутри — защитный футляр для массивной антикварной книги. Текст на внешней стороне коробки был едва различим, но Лэнгдону удалось расшифровать заголовок тома внутри.

«Боже мой, — подумал он, осознавая почему эта книга была спрятана подальше от глаз посетителей. — Она, вероятно, стоит целое состояние».

Лэнгдон знал о существовании нескольких ранних, более ценных изданий знаменитой работы этого автора.

«Не удивительно, что Эдмонд инвестировал деньги в книгу,» — подумал он, вспоминая, как Эдмонд когда-то называл этого британского художника «единственным премодернистом с хоть каким-то воображением». Лэнгдон не согласился, но несомненно он понимал особую привязанность Эдмонда к этому художнику. Они оба сделаны из одного теста.

Лэнгдон присел и вгляделся сквозь стекло на позолоченную надпись на коробке: «Полные работы Уильяма Блейка».

«Уильям Блейк, — размышлял Лэнгдон. — Эдмонд Кирш девятнадцатого века».

Блейк был своеобразным гением — плодовитым светилом, чей стиль живописи оказался

необыкновенно прогрессивным. Некоторые полагали, что он волшебным образом увидел будущее во сне. Его пропитанные символами религиозные иллюстрации изображали ангелов, демонов, сатану, бога, мифических существ, библейские темы и пантеон божеств из его собственных духовных иллюзий.

Как и Киршу Блейку нравилось вступать в спор с христианством, оспаривая его.

Эта мысль заставила Лэнгдона вскочить.

Уильям Блейк.

Он вздрогнул.

Обнаружение книг Блейка среди великого множества других художников, заставило Лэнгдона упустить один из важных фактов об этом мистическом гении.

Блейк был не только художником и иллюстратором…

Он был еще и плодовитым поэтом.

Лэнгдон на мгновение ощутил учащение пульса. Значительная часть стихов Блейка была написана в поддержку революционных идей, что вполне соответствовало взглядам Кирша. По существу, некоторые наиболее известные афоризмы Блейка из сатанистских работ вроде «Соития рая с адом» будто были сформулированы

лично Эдмондом.

«ВСЕ РЕЛИГИИ ОДИНАКОВЫ»

«ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ»

Лэнгдон теперь вспомнил описание Эдмондом своего любимого стихотворного отрывка. Он сказал Амбре, что это «пророчество». Лэнгдон не знал ни одного поэта в истории, который мог считаться скорее пророком, чем Уильямом Блейком, написавшим в 1790-х годах два темных и зловещих стихотворения:

«АМЕРИКА: ПРОРОЧЕСТВО»

«ЕВРОПА: ПРОРОЧЕСТВО»

У Лэнгдона в библиотеке были обе эти книги — элегантные репродукции рукописей стихов Блейка и сопровождающие их не менее изящные иллюстрации.

Лэнгдон высмотрел большую кожаную коробку в шкафу.

Оригинальные издания «Пророчеств» Блейка должны быть опубликованы в виде крупноформатных иллюминированных рукописей.

Лелея надежду, Лэнгдон присел на корточки перед шкафом, чувствуя, что кожаная коробка вполне может содержать то, ради чего они с Амброй пришли сюда — чтобы найти стихотворение с пророчеством, содержащееся в отрывке

из сорока семи символов. Единственный вопрос заключался теперь в том, каким образом Эдмонд отметил свой любимый отрывок.

Лэнгдон протянул руку и потянул за ручку шкафа.

Заперто.

Он взглянул на винтовую лестницу, раздумывая, не подняться ли ему просто наверх, и не попросить ли Уинстона пробежаться по всей поэзии Блейка. Звук сирен сменился отдаленным гулом лопастей вертолета, и голосами на лестничной клетке у входной двери Эдмонда.

Они уже здесь.

Лэнгдон посмотрел на шкаф и заметил слабый зеленоватый оттенок современного УФ-стекла музейного класса.

Он скинул свой фрак и держал его над стеклом, развернулся и без колебаний ударил локтем в стекло. С приглушенным хрустом дверь шкафа разбилась. Осторожно Лэнгдон потянулся через зубчатые осколки, отпирая дверь. Затем он распахнул дверь и осторожно вынул кожаную коробку.

Еще не успев положить коробку на пол, Лэнгдон понял: что-то тут не так. Коробка была слишком легкой. Получалось, что полное собрание сочине-

ний Блейка почти ничего не весило.

Лэнгдон поставил коробку и аккуратно открыл крышку.

Его опасения подтвердились: коробка была пуста.

Он выдохнул, глядя в пустую коробку. «Где же, черт возьми, книга-ключ Эдмонда?!»

Лэнгдон уже собирался закрыть коробку, как вдруг увидел кое-что неожиданное, приклеенное скотчем к внутренней поверхности крышки — тонкий картон для заметок цвета слоновой кости с элегантным тиснением.

Лэнгдон прочитал текст на карточке.

Затем прочитал его снова в полном недоверии.

Несколько секунд спустя, он уже мчался по винтовой лестнице вверх, по направлению к крыше.

В этот самый момент на втором этаже Мадридского Королевского Дворца, директор по электронной безопасности Суреш Балла тихо пробирался по частным апартаментам принца Хулиана. Найдя стенной сейф, он ввел код разблокировки, предназначенный для случаев крайней необходимости.

Сейф распахнулся.

Внутри Суреш увидел два телефона — смартфон с безопасной связью, выданный дворцом и

принадлежащий принцу Хулиану, и айфон, который по мнению Суреша, принадлежал епископу Вальдеспино.

Он схватил айфон.

«Неужто я и вправду это делаю?»

У него в голове снова возникло сообщение с адреса monte@iglesia.org.

«Я добрался до СМС-переписки Вальдеспино.

Ему есть что скрывать.

Дворец должен получить доступ к его СМС-переписке.

Незамедлительно».

Суреш задумался, какие секреты откроются при обнародовании СМС- переписки епископа… и почему информатор решил предостеречь об этом дворец.

Возможно, он пытается защитить дворец от побочного ущерба?

Суреш знал: если есть информация, представляющая опасность для королевской семьи, его работа заключалась в доступе к ней.

Он уже подумал о получении экстренного вызова в суд, но риски с пиаром и промедление сделали это нецелесообразным. К счастью, Суреш имел в запасе гораздо более осторожные и целесообразные методы.

Держа смартфон Вальдеспино, он нажал кнопку «домой» и экран загорелся.

Защищено паролем.

«Да нет проблем».

— Привет, Сири, — сказал Суреш, держа телефон у самого рта. — Который сейчас час?

Все еще находясь в режиме блокировки, телефон показывал часы. На экране с часами Суреш запустил последовательность простых команд, выбрав для часов новую временную зону, запросил определение зоны через СМС, добавив фото, а затем, вместо того, чтобы отправить это сообщение, нажал кнопку возврата на домашнюю страницу.

Клик.

И смартфон уже разблокирован.

«Этот простой трюк со взломом делает «ютубу» честь», подумал Суреш, которого позабавило, что владельцы айфонов верят в конфиденциальность, даваемую паролем.

Теперь имея полный доступ к смартфону Вальдеспино, Суреш отрыл приложение iMessage и приготовился к тому, что ему придется восстанавливать удаленные СМС-сообщения, обращаясь к архивам облачного хранилища iCloud.

Разумеется, история СМС-переписки епископа

в телефоне была абсолютно пустой.

Не считая одного сообщения — он заметил входящую эсэмэску, поступившую пару часов назад с заблокированного номера.

Суреш ткнул, чтобы открыть ее, и прочел послание из трех строчек. На мгновение ему показалось, что у него галлюцинация.

Этого не может быть!

Суреш перечитал сообщение. Оно полностью доказывало причастность Вальдеспино к немыслимому предательству и обману.

Не говоря уже о самонадеянности, ошеломленный Суреш подумал, насколько этот старик-епископ чувствовал себя неуязвимым, чтобы отправить такое СМС-сообщение.

Если это сообщение станет достоянием общественности…

Суреш вздрогнул от такого предположения и стремительно побежал по лестнице в поисках Моники Мартин.

ГЛАВА 60

Когда вертолет EC145 проносился низко над городом, агент Диас смотрел вниз на море огней. Несмотря на поздний час, он видел мерцание телевизоров и компьютеров в большинстве окон квартир, разукрасивших город слабой синей дымкой.

Весь мир наблюдал за развитием событий.

Это заставило его нервничать. Он чувствовал, что эта ночь резко вышла из-под контроля, и опасался, что нарастающая критическая ситуация может закончиться печально.

Агент Фонсека впереди него что-то крикнул и указал вперед. Диас кивнул, сразу заметив свою цель.

Трудно промахнуться.

Даже издали трудно было не узнать вращающиеся синие полицейские мигалки.

Да поможет нам бог.

Как опасался Диас, Касу Милу оцепили местные полицейские машины. Власти Барселоны отреагировали на анонимный вызов по поводу объявления прессы Моники Мартин из Королев-

ского дворца.

Роберт Лэнгдон похитил будущую королеву Испании.

Королевский дворец просит народ оказать помощь в их поимке.

«Наглая ложь. — Диас знал это. — Своими собственными глазами я видел, что они покидали музей Гуггенхайма вместе».

Хотя уловка Мартин подействовала, она затеяла невероятно опасную игру. Общественная охота с привлечением местных властей была рискованной — не только для Роберта Лэнгдона, но и для будущей королевы, у которой теперь значительно повысились шансы попасть под перекрестный огонь кучки местных полицейских. Если дворец задался целью обеспечить безопасность будущей королевы, то определенно это делается не таким.

Командующий Гарса никогда бы не позволил этой ситуации зайти так далеко.

Арест Гарсы оставался загадкой для Диаса, который нисколько не сомневался в том, что все обвинения против его командира были сфабрикованы от начала и до конца, равно как и против Лэнгдона.

Тем не менее, Фонсека принял вызов и получил приказы.

Приказы, отданные минуя Гарсу.

Когда вертолет приблизился к Каса Мила, агент Диас осмотрелся и понял, что нет безопасного места для приземления. Широкий проспект и угловая площадь перед зданием были заполнены грузовиками прессы, полицейскими машинами и толпой зрителей.

Диас посмотрел на знаменитую крышу здания — волнистый рисунок восьми наклонных дорожек и лестниц, которые нависли над зданием, и откуда посетителям открывались захватывающие виды Барселоны… а также виды сквозь два зияющих световых колодца здания, каждый из которых уходил на глубину в девять этажей до внутренних дворов.

Тут негде посадить вертолет.

В дополнение к вздымающимся склонам и впадинам рельефа поверхность крыши защищали возвышающиеся дымоходы Гауди, напоминающие футуристические шахматные фигуры — часовые в шлемах, которые якобы так впечатлили кинорежиссера Джорджа Лукаса, что он использовал их в качестве моделей для своих угрожающих штурмовиков в «Звездных войнах».

Диас оглянулся, чтобы осмотреть соседние здания для возможной посадки, но его взгляд

внезапно приковало неожиданное зрелище на Каса Миле.

Маленькая фигура стояла среди огромных статуй.

Направленные вверх с площади телевизионные софиты осветили забравшегося на перила у края крыши человека, одетого в белое. На мгновение зрелище напомнило Диасу о том, как он видел папу на балконе над площадью Святого Петра, обратившегося к своим адептам.

Но это был не Папа Римский.

Это была красивая женщина, одетая в до боли знакомое белое платье.

Амбра Видаль ничего не видела сквозь яркий свет софитов, но слышала, как вертолет приближается и знала, что время истекает. В отчаянии она наклонилась над перилами и попыталась крикнуть в толпу СМИ.

Ее слова поглотил рев двигателей вертолета.

Уинстон предсказал, что телевизионщики на улице направят свои камеры вверх, когда заметят Амбру на краю крыши. Действительно, именно так и произошло, и все же Амбра знала, что план Уинстона провалился.

«Они не слышат ни слова из того, что я говорю».

Крыша Каса Мила располагалась слишком высоко над бурлящим движением и хаосом внизу. И теперь грохот вертолета угрожал полностью заглушить все.

— Меня не похитили! — снова закричала Амбра, набрав побольше воздуха. — Заявление Королевского дворца о Роберте Лэнгдоне было неточным! Я не заложник!

«Вы — будущая королева Испании, — ранее напомнил ей Уинстон. — Если вы прекратите эту охоту, власти остановятся на своем пути. Ваше заявление создаст полное замешательство. Никто не будет знать, каким приказам следовать».

Амбра знала, что Уинстон прав, но ее слова потерялись в рокоте винтов над шумной толпой.

Внезапно небо разразилось громовым воем. Амбра отскочила назад от перил, когда вертолет приблизился и резко остановился, зависнув прямо перед ней. Двери фюзеляжа широко распахнулись, и два знакомых лица пристально посмотрели на нее — агент Фонсека и Диас.

К ужасу Амбры агент Фонсека поднял какое-то устройство и нацелил прямо ей в голову. На мгновение странные мысли пронеслись у нее голове. Хулиан хочет моей смерти. Я бесплодная женщина. Я не могу дать ему наследника. Убить

меня — единственный способ избежать этой помолвки.

Амбра отшатнулась от угрожающего на вид устройства, сжимая сотовый телефон Эдмонда в одной руке и вытянув для равновесия другую. Но когда она отставила назад ногу, земля как будто исчезла. На мгновение она почувствовала только пустое пространство, где ожидала твердый бетон. Ее тело извивалось в попытке восстановить равновесие, но она почувствовала, как боком катится по короткому лестничному пролету.

Левым локтем она ударилась о бетон, и рухнула сама мгновение спустя. Тем не менее, Амбра Видаль не испытывала боли. Все ее внимание переключилось на предмет, который вылетел из ее руки — огромный бирюзовый мобильный телефон Эдмонда.

«О, боже, нет!»

Она с ужасом наблюдала, как телефон отскочил по бетону, подпрыгивая вниз по лестнице к краю девятиэтажного крутого спуска во внутренний двор здания. Она бросилась к телефону, но он исчез под защитным ограждением, упав в пропасть.

Наша связь с Уинстоном…!

Амбра поползла за ним, оказавшись у ограж-

дения как раз в то время, когда телефон Эдмонда упал на красивый каменный пол вестибюля, где с оглушительным треском разлетелся фонтаном мерцающих осколков из стекла и металла.

В одно мгновение Уинстон исчез.

Взбираясь по ступеням, Лэнгдон вырвался из лестничного колодца на крышу Каса Мила. Он оказался посреди оглушительного водоворота. Рядом со зданием завис вертолет, а Амбры нигде не было видно.

Ошеломленный Лэнгдон огляделся. Где она? Он забыл, какая странная эта крыша — кривобокие перила… крутые лестницы… бетонные солдаты… бездонные ямы.

— Амбра!

Заметив ее, он почувствовал скачок страха. Амбра Видаль лежала, рухнув на бетон у края светового колодца.

Когда Лэнгдон помчался вверх и поднялся к ней, пуля резко просвистела мимо его головы и ударилась сзади о бетон.

Господи! Лэнгдон упал на колени и пополз на нижний этаж, и еще две пули пролетели над его головой. На мгновение он подумал, что выстрелы раздаются из вертолета, но когда взбирался к Амбре, то увидел, как из другой башни, располо-

женной на противоположной стороне крыши, появилась толпа полицейских с оружием.

«Они хотят убить меня, — понял он. — Они думают, что я похитил будущую королеву! Ее объявление на крыше, по-видимому, прошло неуслышанным».

Когда Лэнгдон посмотрел на Амбру всего в десяти ярдах от него, он понял, что ее рука кровоточит. Боже мой, в нее стреляли! Еще одна пуля проплыла над его головой, когда Амбра начала цепляться за перила, которые окружали крутой спуск во внутренний двор. Она изо всех сил пыталась подтянуться вверх.

— Оставайтесь внизу! — выкрикнул Лэнгдон, пробираясь к Амбре и согнувшись загораживая ее тело. Он поднял глаза на высокие, шлемовидные фигуры штурмовиков, которые усеяли периметр крыши, как молчаливые стражи.

Наверху раздался оглушительный рев, и вокруг поднялся буйный ветер. Вертолет опускался и парил над огромной шахтой рядом с ними, загораживая линию видимости полиции.

— jDejen de disparar! — раздался через мегафон голос из вертолета. — jEnfunden las armas!* — Прекратите стрельбу! Сложите оружие!

Прямо перед Лэнгдоном и Амброй агент Диас

присел на корточки рядом с открытой дверью, одной ногой балансируя на полозе, и протягивал им руку.

— Запрыгивайте! — закричал он.

Лэнгдон почувствовал как внизу отпрянула Амбра.

— Быстрей! — заорал Диас, перекрикивая оглушительный рев двигателей.

Агент указал на безопасные перила светового колодца, призывая подняться на них, схватить его за руку и совершить короткий прыжок через пропасть в парящий вертолет.

Лэнгодн слишком долго колебался.

Диас выхватил мегафон у Фонсеки и направил его прямо в лицо Лэнгдону.

— ПРОФЕССОР, БЫСТРО ПРЫГАЙТЕ В ВЕРТОЛЕТ! — Голос агента прозвучал словно гром. — У МЕСТНОЙ ПОЛИЦИИ ПРИКАЗ СТРЕЛЯТЬ В ВАС НА ПОРАЖЕНИЕ! МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ВЫ НЕ ПОХИЩАЛИ МИСС ВИДАЛЬ! ДАВАЙТЕ ОБА НА БОРТ, ЖИВО — ПОКА НИКОГО НЕ УБИЛИ!

ГЛАВА 61

ПОД ЗАВЫВАЮЩИЙ ВЕТЕР Амбра почувствовала, как руки Лэнгдона поднимают ее и направляют к Диасу, протягивающему руку из зависшего вертолета.

Она была слишком изумлена, чтобы хоть как-то возразить.

— У нее кровь! — закричал Лэгдон, забравшись на борт вслед за Амброй.

Внезапно вертолет взмыл ввысь, удаляясь от волнистой крыши и оставляя позади небольшую армию приведенных в замешательство полицейских, которые неотрывно смотрели вверх.

Фонсека закрыл дверь фюзеляжа и проследовал вперед, к пилотам. Диас скользнул на сиденье рядом с Амброй, чтобы осмотреть ее руку.

— Это всего лишь царапина, — сказала она безучастно.

— Я поищу аптечку. — Диас направился в заднюю часть кабины.

Лэгдон сидел напротив Амбры, повернувшись к ней лицом. Теперь, когда они остались наедине друг с другом, он встретился с ней глазами, и,

слегка улыбнувшись, сказал:

— Я рад, что ты в порядке.

Амбра слабо кивнула в ответ, и, даже не успела поблагодарить Лэнгдона, как он подавшись вперед, со своего места, начал ей возбужденно шептать на ухо.

— Кажется, я нашел нашего загадочноо поэта, — воскликнул он. В глазах его теплилась надежда. — Это Уильям Блейк. Вот только экземпляра собрания сочинений не оказалось в библиотеке Эдмонда… но многие стихи Блейка — это пророчества! — Лэнгдон протянул руку. — Дай мне, пожалуйста, телефон Эдмонда, я попрошу Уинстона пробежаться по все работам Блейка и найти в них строчку длиной в сорок семь букв.

Амбра посмотрела на ладонь, протянутую Лэнгдоном, и почувствовала себя виноватой. Она потянулась и взяла его руку в свою. — Роберт, — сказала она со вздохом, полным сожаления и раскаяния, — у нас больше нет телефона Эдмонда. Я уронила его с крыши здания.

Лэнгдон посмотрел на нее, и Амбра увидела, что он смертельно побледнел. «Мне жаль, Роберт». Она явно видела, что он изо всех сил пытается переварить эту новость, и понять, насколько далеко от цели отбросила их потеря Уинстона.

Сидя в кабине пилотов, Фонсека орал в телефон — Подтверждаю! Они оба на борту и в полной безопасности. Готовьте самолет в Мадрид. Я свяжусь с дворцом и дам им знать.

— Не беспокойтесь! — прокричала Амбра агенту. — Я не собираюсь ехать во дворец.

Фонсека, прикрыв рукой телефон, повернулся в своем кресле и посмотрел на нее. — Вы определенно должны это сделать. Мой приказ на сегодня — обеспечение вашей полной безопасности. Вы всегда должны быть под моей охраной. И вообще, вам повезло, что я прибыл вовремя, чтобы спасти вас.

— Спасти?! — требовательно уточнила Амбра. — Если это было спасение, то это было необходимо только потому, что дворец скормил прессе дезинформацию, о том, что якобы профессор Лэнгдон меня похитил, а это, как вы знаете, неправда! Неужели принц Хулиан настолько отчаянный человек, что готов рискнуть жизнью невинного человека? Не говоря уже о моей жизни…

Фонсека посмотрел на нее и повернулся обратно в своем кресле.

Диас вернулся только сейчас, держа в руках аптечку.

— Мисс Видаль, сказал он, садясь рядом с ней. —

Пожалуйста поймите, что сегодня наша цепочка субординации немного нарушилась из-за ареста командующего Гарсы. Тем не менее, я хочу вас проинформировать: принц Хулиан никак не причастен к тому, что было сказано собравшимся у дворца журналистам. В реальности, мы даже не можем ручаться, что принц в курсе всего происходящего в данный момент. Мы уже почти час никак не можем с ним связаться.

— Что? — Амбра уставилась на него. — Где же он?

— Его текущее местонахождение неизвестно, — ответил Диас, — Но выйдя на связь с нами вечером, он предельно ясно выразился. Принц хочет, чтобы вы были в безопасности.

— Если это правда, — заявил Лэнгдон, резко отвлекаясь от своих размышлений, — то доставив мисс Видаль во дворец, мы совершим роковую ошибку.

Фонсека развернулся в кресле.

— Что вы сказали?

— Я не знаю, кто вам сейчас отдает приказы, сэр, — сказал Лэнгдон, — но если принц действительно хочет, чтобы его невеста оставалась в безопасности, я предлагаю выслушать меня очень внимательно. — Он сделал паузу, и немно-

го усилил тон. — Эдмонда Кирша убили, чтобы не позволить ему сообщить о своем открытии широким массам. И тот, кто заставил его умолкнуть навсегда, не остановится ни перед чем, пока не будет уверен, что работа доведена до конца.

— Но ведь все уже кончено, — издевательски сказал Фонсека. — Эдмонд ведь мертв.

— Но только не его открытие, — парировал Лэнгдон. — Послание Эдмонда очень даже живое, и все еще может быть представлено всему миру.

— Вот почему вы пришли в его жилище, — отважился предположить Диас. — Потому что думаете, что сможете запустить этот механизм.

— Точно, ответил Лэнгдон. — И это превратило нас в мишени. Не знаю, чья идея скормить прессе заявление о похищении Амбры, но это явно чья-то отчаянная попытка остановить нас. И если вы один из тех, кто хочет навсегда похоронить открытие Эдмонда, то вам следует попросту сбросить с вертолета меня с мисс Видаль, пока это возможно.

Амбра уставилась на Лэнгдона, недоумевая, не потерял ли он рассудок.

— Так или иначе, — продолжил Лэнгдон, — если ваш священный долг как агента Королевской Гвардии — защищать членов королевской се-

мьи, включая будущую королеву Испании, то вам нужно осознать, что для мисс Видаль нет в данный момент более опасного места, чем дворец, официальные представители которого, сделали недавно публичное заявление, чуть не убившее ее. — Лэнгдон полез в карман и извлек линованную карточку для записей с элегантным тиснением. — Я предлагаю доставить мисс Видаль по адресу, указанному на обороте этой карточки.

Фонсека взял карточку и внимательно изучал ее, нахмурив при этом брови.

— Да это просто смешно.

— Вокруг всего здания есть безопасное ограждение, — сказал Лэнгдон. — Ваш пилот может спуститься вниз, высадить четверых из нас, и улететь, прежде чем кто-нибудь поймет, что мы там. Я знаю ответственное лицо. Мы можем спрятаться там с глаз долой, пока все не уладим. Вы можете сопровождать нас.

— Я бы чувствовал себя безопаснее в военном ангаре аэропорта.

— Вы действительно доверяете военным, вероятно, получающим прямые приказы от тех же людей, кто чуть не убил мисс Видаль?

Ни один мускул не дрогнул на лице Фонсеки.

В голове Амбры безостановочно прокручивались мысли, и ей было любопытно, что написано на карточке. Куда хочет направиться Лэнгдон? В его внезапной энергии как будто заключался намек, что на карту поставлено гораздо больше, чем просто безопасность. Она снова услышала оптимизм в его голосе и почувствовала, что он не оставил надежду так или иначе запустить презентацию Эдмонда.

Лэнгдон забрал линованную карточку у Фонсеки и передал Амбре.

— Я нашел это в библиотеке Эдмонда.

Амбра, изучив карточку, сразу поняла что это такое.

Так называемые «учетные карточки временного пользования» или «карточки правовладельца», эти шаблоны с элегантным тиснением выдавались музейными кураторами владельцам в обмен на произведение искусства для временного хранения. Обычно печаталось две одинаковые карточки — одна выставлялась в музее с благодарностью владельцу, а другая хранилась владельцем как залог за предмет искусства, предоставленный во временное хранение.

Лэнгдон одолжил свой сборник поэзии Блейка?

Согласно карточке, книга Эдмонда пропутешествовала всего несколько километров от его жилища в Барселоне.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
УИЛЬЯМА БЛЕЙКА
Из частной коллекции
ЭДМОНДА КИРША

Предоставлено на время, для выставки в
LA BASILICA DE LA SAGRADA FAMILIA*
* Искупительный храм Святого семейства (катал.)
Улица Майорка, 401
08013 Барселона, Испания

— Я не понимаю, — сказала Амбра. — Почему откровенный атеист одолжил книгу церкви?

— Это не просто обычная церковь, — возразил Лэнгдон. — Самый загадочный архитектурный шедевр Гауди… — Он указал на окно вдалеке за ними. — И скоро станет самой высокой церковью в Европе.

Амбра, повернув голову, бросила взгляд назад, глядя через весь город на север. В некотором отдалении, окруженные подъемными кранами, строительными лесами и светильниками ярко сияли недостроенные башни Собора Святого Семейства, а четыре пористых шпиля, напоминали

гигантские морские губки, словно поднимающиеся со дна океана к свету.

Более века строился храм Святого семейства Гауди, полагаясь исключительно на частные пожертвования от верующих. Храм раскритиковали традиционалисты за жуткую натуральную форму и использование «биоподражательного дизайна», но приветствовали модернисты за структурную текучесть и использование «гиперболоидных» форм, отражающих естественный мир.

— Признаю, что храм необычный, — сказала Амбра, поворачиваясь к Лэнгдону, — но это все же католический храм. А ты знаешь Эдмонда.

«Я действительно знаю Эдмонда, — подумал Лэнгдон. — Достаточно знать его мнение, что Саграда-Фамилия скрывает тайную цель и символизм, которые выходят далеко за пределы христианства».

Начиная с закладки эксцентричного собора в 1882 году, теории заговора закрутились вокруг ее загадочно зашифрованных дверей, космически вдохновляющх спиралеобразных колонн, украшенных символами фасадов, строгой как магический квадрат резьбой и призрачной «скелетообразной» конструкции, которая явно

напоминала скручивающие кости и соединительную ткань.

Лэнгдон, конечно, был в курсе этих теорий, однако никогда не принимал их всерьёз. Тем не менее, несколькми годами ранее Лэнгдона удивило признание Кирша, что он пополнил число поклонников Гауди, которые молча уверовали в то, что собор Святого семейства втайне замышлялся не как христианский храм, а даже скорее, как мистическое посвящение науке и природе.

Лэнгдон счёл такое представление крайне маловероятным и напомнил Эдмонду, что Гауди был убеждённым католиком, которого Ватикан оценивал настолько высоко, что его окрестили "архотектором Господа", и даже хотели причислить его к лику блаженных. Необычная конструкция "Святого семейства", уверял, Лэнгдон Кирша, это всего лишь частный пример модернистского подхода Гауди к символике христианства.

В ответ Эдмонд скромно улыбнулся, словно утаил какую-то загадочную часть головоломки, которой не хотел делиться.

«Еще один секрет Кирша, подумал Лэнгдон. Как и его тайная борьба с раком».

— Даже если Эдмонд и одолжил эту книгу Собору Саграда Фамилиа, — продолжила Амбра, — и

даже если мы найдем ее, мы никогда не сможем отыскать нужную строчку путем простого постраничного чтения. И я очень сомневаюсь в том, что Эдмонд делал какие-то пометки текстовыделителем в бесценном манускрипте.

— Амбра? — сказал Лэнгдон со спокойной улыбкой. — Посмотри-ка, что там на обороте карточки.

Она взглянула на карточку, перевернула ее и прочитала написанный текст.

Потом, с недоверием во взгляде, перечитала текст еще раз.

И когда она вновь посмотрела на Лэнгдона, глаза ее были преисполнены надеждой.

— Как я и говорил, — сказал Лэнгдон с улыбкой на лице, — Думаю, что нам следует отправиться прямо туда.

Взволнованное выражение Амбры исчезло так же быстро, как и появилось.

— Проблема остается. Даже если мы разгадали пароль…

— Я знаю, мы потеряли телефон Эдмонда, а это значит, что у нас нет доступа к Уинстону и связи с ним.

— Именно.

— Думаю, я могу решить эту проблему.

Амбра скептически посмотрела на него.

— Простите?

— Нам нужно только найти самого Уинстона — фактически компьютер, который собрал Эдмонд. Если у нас больше нет удаленного доступа к Уинстону, нам просто нужно получить пароль к Уинстону лично.

Амбра уставилась на него, как на сумасшедшего.

Лэнгдон продолжил.

— Вы говорили мне, что Эдмонд собрал Уинстона на секретном объекте.

— Да, но этот объект может быть где угодно в мире!

— Нет. Он здесь в Барселоне. Должен быть. Барселона — это город, где жил и работал Эдмонд. И конструирование этой искусственной умной машины было одним из его последних проектов, так что Эдмонду имело смысл построить Уинстона здесь.

— Роберт, даже если вы правы, это все равно как искать иголку в стоге сена. Барселона — огромный город. Это невозможно…

— Я смогу найти Уинстона, я уверен в этом, — произнес Лэнгдон. Он улыбнулся и жестом указал на море городских огней под ними. — Пусть это

звучит дико, но этот вид Барселоны с высоты только что помог мне кое-что понять…

Его голос затих, когда он выглянул в окно.

— Не могли бы вы уточнить? — с нетерпением попросила Амбра.

— Я должен был понять это раньше, — сказал он. — В Уинстоне есть что-то, интригующая загадка, которая беспокоила меня всю ночь. Думаю, я наконец разгадал ее.

Лэнгдон осторожно взглянул на агентов Гвардии, а затем понизил голос, наклонившись к Амбре.

— Просто доверьтесь мне в этом, — попросил он тихо. — Я считаю, что смогу найти Уинстона. Проблема в том, что поиск Уинстона не принесет нам никакой пользы без пароля Эдмонда. Прямо сейчас, вам и мне нужно сосредоточиться на том, чтобы найти эту строчку стихов. Храм Святого Семейства — прекрасная возможность сделать это.

Амбра долго изучала Лэнгдона. Затем, озадаченно кивнув, она посмотрела на переднее сиденье и позвала:

— Агент Фонсека! Пожалуйста, пусть пилот развернется и немедленно доставит нас в Саграда-Фамилию!

Фонсека повернулся в кресле, и посмотрел на

нее.

— Мисс Видаль, как я уже вам сказал, у меня приказ…

— Агент Фонсека, — перебила его будущая королева Испании, и подавшись вперед, взглянула ему в глаза. — Сейчас же доставьте нас в Саграда-Фамилию, иначе, первое, что я сделаю по возвращении — будет ваше увольнение.

ГЛАВА 62

ConspiracyNet.com
ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ
КУЛЬТ УБИЙЦЫ РАСКРЫТ!
Благодаря
еще одной подсказке от monte@iglesia.org мы только что узнали, что убийца Эдмонда Кирша — член ультраконсервативной тайной христианской секты известной как Пальмарианская церковь!

Луиса Авилу наняли на работу в интернете для пальмарианцев более чем на год, и его членство в этой спорной религиозно-военной организации также объясняет татуировку «VICTOR» на его ладони.

Этот франкистский символ регулярно используется Пальмарианской церковью, которая, согласно национальной газете Испании «Эль Паис» имеет своего «папу» и канонизировала нескольких беспощадных лидеров, включая Франсиско Франко и Адольфа Гитлера, причислив к лику святых!

Не верите нам? Взгляните.

Все началось с мистического видения.

В 1975 году страховой брокер по имени Клемент Домингес Гомес утверждал, что имел видение, в котором был коронован папой самим Иисусом Христом. Клемент взял папское имя Григорий XVII, порвав с Ватиканом и назначив своих кардиналов. Несмотря на непризнание Римом, этот новый антипапа собрал тысячи последователей и огромное богатство, позволяющее ему построить подобную крепости церковь, расширить свое служение на международном уровне и посвятить в сан сотни пальмарианских епископов во всем мире.

Раскольничная Пальмарианская Церковь по-прежнему функционирует сегодня из своей мировой штаб-квартиры — безопасного, обнесенного стенами сооружения, называемого Горой Всевышнего Христа в Пальмар-де- Троя, Испания. Пальмарианцы не признаны Ватиканом в Риме и продолжают привлекать к себе ультраконсервативных католиков.

Другие новости об этой секте — в ближайшее время, а также обновленная информация о епископе Антонио Вальдеспино, который также, похоже, замешан в сегодняшнем заговоре.

ГЛАВА 63

«Ладно, я впечатлен,» — подумал Лэнгдон.

Несколькими сильными словами Амбра только что вынудила экипаж вертолета EC145 сделать резкий поворот и направиться к Храму Святого Семейства.

Когда воздушное судно выровнялось и заскользило по городу в обратном направлении, Амбра повернулась к агенту Диасу и потребовала у него сотовый телефон, который с неохотой передал агент Гвардии. Амбра быстро открыла браузер и начала просматривать заголовки новостей.

— Черт, — прошептала она, тряхнув головой в разочаровании. — Я пыталась сказать СМИ, что вы не похищали меня. Но никто ничего не услышал.

— Может, нужно больше времени для публикаций? — предположил Лэнгдон. Это случилось менее десяти минут назад.

— Времени вполне достаточно, — ответила она. — Я смотрела видео, где наш вертолет улетает от Каса Мила.

Уже? Лэнгдон иногда чувствовал, что мир

слишком быстро вращается вокруг своей оси. Он еще помнил, как в газете напечатали «экстренные новости» и доставили ему к порогу на следующее утро.

— Между прочим, — заявила Амбра с ноткой юмора, — оказывается мы с вами — одна из топовых новостей в мире.

— Я знал, что не следовало вас похищать, — иронично ответил он.

— Не смешно. Во всяком случае, мы не новость номер один. — Она передала ему телефон. — Взгляните на это.

Лэнгдон посмотрел на экран и увидел домашнюю страницу Yahoo! с десяткой историй «Самое популярное». Он взглянул на первую строчку:

1. «Откуда мы появились?» / Эдмонд Кирш

Презентация Эдмонда явно побудила людей из разных уголков мира к исследованиям и дискуссиям на эту тему. «Эдмонду это было бы очень приятно,» — подумал Лэнгдон, но когда он перешел по ссылке и увидел первые десять заголовков, то понял, что ошибался. Первый десяток версий того, «откуда мы появились» были материалами из области креационизма и теорий внеземного происхождения.

Эдмонд ужаснулся бы.

Одна из самых печально известных и напыщенных речей бывшего студента Лэнгдона произошла на общественном форуме под названием «Наука и духовность», где Эдмонд так разозлился от вопросов аудитории, что наконец вскинул руки и уходя со сцены, выкрикнул: «Как получается, что умные люди не могут обсудить свое происхождение, не взывая к имени бога и чертовых пришельцев!»

Лэнгдон продолжил просматривать телефон, пока не нашел на вид безобидную ссылку на прямую трансляцию Си-Эн-Эн под заголовком «Что открыл Эдмонд Кирш?»

Он нажал на ссылку и повернул телефон так, чтобы Амбре тоже было видно. Когда видео начало проигрываться, он поднял громкость, и они с Амброй вместе наклонились так, чтобы на фоне шума двигателей вертолёта им был слышен звук этого видео.

Появилась ведущая Си-Эн-Эн. На протяжении многих лет Лэнгдон видел ее трансляции.

«К нам присоединился астробиолог НАСА доктор Гриффин Беннетт, у кого есть некоторые идеи относительно загадочного открытия Эдмонда Кирша, — сказала она. — Добро пожаловать, доктор Беннетт».

Гость, бородатый мужчина в очках в тонкой металлической оправе, мрачно кивнул.

«Спасибо. Прежде всего позвольте мне сказать, что я знал Эдмонда лично. Я очень уважаю его интеллект, его идеи и приверженность к прогрессу и инновациям. Его убийство стало ужасным ударом для научного сообщества. И я надеюсь, что это трусливое убийство послужит укреплению интеллектуального сообщества, чтобы противостоять опасностям фанатизма, суеверного мышления, и тем, кто прибегает к насилию, а не фактам, чтобы продвигать свои убеждения. Я искренне надеюсь, что слухи верны, что есть сегодня упорно работающие люди, которые найдут способ ознакомить общественность с открытием Эдмонда».

Лэнгдон бросил взгляд на Амбру.

— Я думаю, он имеет в виду нас.

Она кивнула.

«Много людей надеются на это, доктор Беннетт, — сказала ведущая. — А можете ли вы пролить свет, какова по вашему мнению суть открытия Эдмонда Кирша?»

«Как ученый в области космонавтики, — продолжал доктор Беннетт, — я думаю, что мне стоит начать с предисловия к моему основному сего-

дняшнему заявлению… Это то, за что, как мне кажется, Эдмонд был бы признателен. — Гость повернулся и посмотрел прямо в камеру. — Когда дело доходит до такого понятия как внеземная инопланетная жизнь, — начал он, — то мы сталкиваемся с великим множеством научных обманов, теорий заговора и откровенных фантазий. Для примера могу привести несколько разоблачений: круги на полях — это мистификация. Видеоролики, в которых показано вскрытие трупов инопланетян — комбинированные съемки. Ни одна корова не пострадала от рук инопланетян. НЛО Розуелла — не что иное, как метеозонд, использовавшийся правительством в рамках секретной программы «Могул». Пирамиды Гизы были построены египтянами без применения инопланетных технологий. И, самое важное, все случаи инопланетных похищений, о которых когда-либо заявлялось — это явная и неприкрытая ложь».

«Почему вы в этом уверены, доктор?» — спросила ведущая.

«Простая логика, — сказал ученый с некоторым раздражением, когда вернулся к ведущей. — Любая достаточно продвинутая форма жизни для путешествий через много световых лет по

межзвездному пространству не сможет ничему научиться, исследуя прямую кишку фермеров в Канзасе. И эти жизненные формы не должны превращаться в рептилий и проникать в правительства, чтобы захватить землю. Любой форме жизни с технологией для путешествия на Землю не потребуется уловок или тонкостей, чтобы мгновенно над нами доминировать».

«Звучит тревожно! — прокомментировала ведущая с неловким смехом. — И как это связано с вашими мыслями об открытии мистера Кирша?»

Мужчина тяжело вздохнул. «Мое твердое мнение: Эдмонд Кирш собирался предъявить окончательное доказательство, что жизнь на земле возникла в космосе».

Лэнгдон сразу же был скептически настроен, зная, как Кирш относился к теме внеземных цивилизаций.

«Увлекательно, что заставило вас так думать?» — потребовала объяснений ведущая.

«Жизнь из космоса — единственный рациональный ответ. У нас уже есть неопровержимое доказательство того, что материю можно обменивать между планетами. У нас есть фрагменты Марса и Венеры вместе с сотнями образцов из неопознанных источников, поддерживающих

идею о том, что жизнь прибыла через космические камни в виде микробов и в конечном итоге превратилась в жизнь на земле».

Ведущая напряженно кивнула. «Но разве эта теория о микробах, прибывающих из космоса, на протяжении десятилетий не оставалась без каких-либо доказательств? Как вы думаете, такой технологический гений, как Эдмонд Кирш, мог бы доказать подобную теорию, которая кажется скорее из сферы астробиологии, чем информатики?»

«Ну, в этом есть твердая логика, — ответил доктор Беннет. — Топ- астрономы на протяжении десятилетий предупреждали, что единственная надежда человечества на долгосрочное выживание будет заключаться в том, чтобы покинуть эту планету.

Земля уже прошла половину своего жизненного цикла, и в конечном итоге солнце расширится до красного гиганта и уничтожит нас. Так и есть, если мы переживем неминуемые угрозы гигантского столкновения астероидов или массивного гамма-всплеска. По этим причинам мы уже разрабатываем аванпосты на Марсе, чтобы в конечном итоге перейти в глубокий космос в поисках новой принимающей планеты. Излишне

говорить, что это масштабное мероприятие, и если бы мы могли найти более простой способ обеспечить наше выживание, мы бы немедленно его осуществили».

Доктор Беннетт сделал паузу. «И, возможно, есть более простой способ. Что, если бы мы могли каким-то образом поместить человеческий геном в крошечные капсулы и миллионы их отправить в космос в надежде, что одна из них может укорениться, высевая человеческую жизнь на далекой планете? Такой технологии еще не существует, но мы обсуждаем ее как жизнеспособный вариант для выживания человека. И если мы рассматриваем вопрос о «посевной жизни», то возможно, из этого следует, что более развитая жизненная форма тоже так считала».

Теперь Лэнгдон понял, куда клонит доктор Беннет со своей теорией.

«Имея это в виду, — продолжал он, — я считаю, что Эдмонд Кирш, возможно, обнаружил какую-то подпись пришельцев (будь то физическую, химическую, цифровую, я не знаю), доказывающую, что жизнь на земле засеяна из космоса. Я должен упомянуть, что мы с Эдмондом спорили об этом несколько лет назад. Он никогда не любил теорию космических микробов, потому что

как и многие считал, что генетический материал никогда не смог бы пережить смертельное излучение и температуры при долгом путешествии на Землю. Лично я считаю, что вполне возможно запечатать эти «семена жизни» в радиационно-защитные капсулы и расстрелять их с намерением заселить космос в виде технологической панспермии».

«Хорошо, — сказала ведущая, глядя неуверенно, — но если кто-то обнаружил доказательства, что люди появились из отправленных из космоса семян, значит, мы не одиноки во вселенной. — Она сделала паузу. — Но также, гораздо более невероятно…»

«Да?» — впервые улыбнулся доктор Беннет.

«Это значит, что кто бы ни отправил семена, должен быть… как мы… человеком!»

«Да, мой первый вывод такой же. — Ученый сделал паузу. — Тогда Эдмонд поправил меня. Он указал на ошибочность этого рассуждения».

Это застало ведущую врасплох. «Выходит, Эдмонд полагал, что отправивший эти «семена» не был человеком? Как такое может быть, если эти семена были, так сказать, «рецептами» для распространения человека?»

«Люди — существа недоиспеченные, — ответил

ученый, — если процитировать Эдмонда».

«Простите?»

«Эдмонд говорил, что если бы эта теория с семенами была правдой, то отправленный на Землю рецепт, вероятно, «испечен» к настоящему моменту только наполовину — еще не закончен. Значит, люди не являются «конечным продуктом», а вместо этого лишь переходными видами, развивающимися во что-то другое… нечто чуждое.

Ведущая Си-Эн-Эн выглядела озадаченной.

«Любая развитая форма жизни, — утверждал Эдмонд, — не отправит рецепт людям больше, чем отправят рецепт для шимпанзе. — Ученый усмехнулся. — Фактически, Эдмонд обвинил меня в том, что я тайный христианин, и шутил, что только религиозный ум может верить, что человечество является центром вселенной. Или что инопланетяне могли бы послать полностью сформированную ДНК «Адама и Евы» в космос».

«Что ж, доктор, — сказала ведущая, явно неудовлетворенная тем направлением, в котором прошло интервью. — Конечно, было очень познавательно беседовать с вами. Спасибо, что уделили время».

Отрывок закончился, и Амбра немедленно по-

вернулась к Лэнгдону.

— Роберт, если Эдмонд обнаружил доказательство, что люди являются полуразвитыми видами пришельцев, тогда возникает еще более серьезная проблема — в чем именно мы эволюционируем?

— Да, — сказал Лэнгдон. — И я считаю, что Эдмонд сформулировал этот вопрос несколько иначе: «Куда мы движемся?»

Амбра выглядела испуганной, когда вернулась к исходной точке.

— Второй вопрос Эдмонда из сегодняшней презентации.

— Точно. Откуда мы появились? Куда мы движемся? По-видимому, ученый из НАСА, которого мы только что видели, думает, что Эдмонд обратился к небесам и нашел ответы на оба вопроса.

— Что ты думаешь, Роберт? Вот это открыл Эдмонд?

Лэнгдон чувствовал, что его лоб наморщился от сомнения, взвешивая возможности. Захватывающая теория ученого казалась слишком общей и потусторонней для острого мышления Эдмонда Кирша. Эдмонду нравились вещи, простые, ясные и технические. Он был программистом. Что еще более важно, Лэнгдон не мог вообразить,

как Эдмонд доказал бы такую теорию. Раскопал бы древние семена? Обнаружил бы сигналы от пришельцев? Оба открытия стали бы мгновенными прорывами, но открытие Эдмонда требовало времени.

Эдмонд говорил, что работал над этим месяцами.

— Очевидно, я не знаю, — сказал Лэнгдон Амбре, — но чутье подсказывает мне, что открытие Эдмонда не имеет никакого отношения к внеземной жизни. Я действительно полагаю, что он обнаружил нечто совершенно иное.

Амбра выглядела удивленной, и затем заинтригованной. — Я предполагаю, что есть только один способ выяснить. Она показала рукой на окно.

Перед ними засияли мерцающие шпили Саграда-Фамилия.

ГЛАВА 64

ЕПИСКОП ВАЛЬДЕСПИНО снова украдкой посмотрел на Хулиана, который безучастно уставился в окно седана марки «Опель», ехавшего по шоссе М-505.

«Интересно, о чем он думает?» — в мыслях полюбопытствовал Вальдеспино.

Принц молчал уже около получаса, и сидел практически неподвижно, не считая случайных рефлекторных попыток достать из кармана телефон, и только после этого сознавая, что тот лежит в сейфе.

«Нужно подержать его в неведении еще какое-то время,» — подумал Вальдеспино.

Сидевший за рулем аколит из того собора все еще вел машину в направлении Каситы-дель-Принсипе*, однако Вальдеспино вскоре предстояло поведать ему, что путь их лежит вовсе не к уединенной резиденции принца.

* В переводе с испанского «домик принца».

Хулиан вдруг оторвался от окна и тронул аколита за плечо.

— Включите, пожалуйста, радио, — сказал

он. — Я бы хотел послушать новости.

И не успел молодой человек выполнить эту просьбу, как Вальдеспино подался вперед и положил ему руку на плечо.

— Давайте просто посидим в тишине, хорошо?

Хулиан повернулся к епископу, явно недовольный тем, что его просьбу попросту проигнорировали.

— Я извиняюсь, сказал Вальдеспино, чувствуя как растет недоверие в глазах принца. — Уже поздно, а вся эта болтовня, знаете ли… Предпочитаю поразмышлять в тишине.

— Я тут поразмышлял, сказал Хулиан, и голос его прозвучал довольно резко, — и я бы хотел знать, что происходит в моем государстве. Мы полностью изолировали себя от внешнего мира сегодня, и я уже начинаю сомневаться, хорошая ли это была идея.

— Конечно, это хорошая идея, — заверил его Вальдеспино, — и я очень благодарен за доверие, которое вы мне оказали. — Он убрал руку с плеча аколита и указал на радио. — Включите, пожалуйста, новости. Может радиостанцию Мария Испания? — Вальдеспино очень надеялся, что всемирная католическая радиостанция подаст информацию о сегодняшних тревожных

событиях более мягко и тактично, в отличие от большинства других средств массовой информации.

Из дешевых автомобильных динамиков раздался голос радиоведущего. Он обсуждал презентацию Кирша и его убийство. Все радиостанции мира говорили в данный момент только об этом. Вальдеспино оставалось лишь надеяться на то, что его собственное имя никак не всплывет в ходе данной трансляции.

К счастью для него, в данный момент обсуждалась опасность антирелигиозных посланий, которые проповедовал Кирш, особенно угрожающим было его влияние на испанскую молодежь. В качестве примера, радиостанция включила запись отрывка одной из лекций Кирша, которую он недавно прочитал в Университете Барселоны.

— Многие из нас боятся признаться себе в том, что они атеисты, — сказал Кирш собравшимся спокойным голосом. — И все же, атеизм — это не философия, а взгляд на мир. Атеизм — это просто признание очевидного.

Некоторые студенты, согласившись, зааплодировали.

— Термин «атеист», — продолжал Кирш, — и существовать-то не должен. Ни у кого не возни-

кает нужды называть себя «неастрологом» или «неалхимиком». Мы никак не называем людей, сомневающихся в том, что Элвис еще жив, или людей, сомневающихся в том, что пришельцы бороздят галактику с единственным намерением скот попугать. Атеизм — не более, чем шум, поднимаемый людьми разумными в присутствии носителей необоснованных религиозных верований.

Все большее количество студентов стало аплодировать, выражая таким образом одобрение.

— Это не мое определение, к слову, — сказал Кирш студентам. — Эти слова принадлежат нейробиологу Сэму Харрису. И если не сделали этого до сих пор, то просто обязаны прочесть его книгу под названием «Письмо к христианской нации».

Вальдеспино нахмурился, вспоминая про шумиху вокруг написанной Харрисом книги «Carta a una Nacion Cristiana»*, которая хоть и была написана изначально для американцев, но разошлась по всей Испании.

* Письмо к христианской нации (исп.)

— Поднимите руки, кто из вас верит в кого-то из этих древних богов? — продолжал Кирш. — В Аполлона? Зевса? Вулкана*? — Он сделал паузу, а затем рассмеялся. — Никто из вас, не так ли?

Итак, выясняется, что все мы с вами атеисты, но с уважением относимся к этим богам. — Он вновь сделал паузу. — Я просто добавил в этот список еще одного бога.

* Вулкан (лат. Vulcanus) — бог огня и покровитель кузнечного ремесла в древнеримской мифологии. В древнегреческой мифологии ему соответствует бог Гефест — бог огня, самый искусный кузнец, покровитель кузнечного ремесла, изобретений, строитель всех зданий на Олимпе, изготовитель молний Зевса.

Толпа зааплодировала громче.

— Друзья, я не утверждаю, что отсутствие бога это факт. Я лишь говорю: если есть божественная сила во Вселенной, она истерически насмехается над созданными нами религиями в попытке установить ее существование.

Все засмеялись.

В этот момент Вальдеспино даже обрадовался тому, что принц попросил включить радио. Хулиан просто должен был это услышать. Дьявольски привлекательное обаяние Кирша послужило явным доказательством того, что враги Христа больше не сидят сложа руки, а всячески пытаются отвлечь людские души от Бога.

— Я американец, — продолжал Кирш, — и пони-

маю, насколько мне повезло — родиться в одной технологически наиболее развитых и интеллектуально передовых стран мира. И потому я счел крайне тревожным то, что по результатам недавнего опроса половина моих соотечественников верят совершенно буквально в то, что существовали Адам и Ева — что всемогущий Бог создал два вполне развившихся человеческих существа, от которых произошли все различающиеся расы, без каких-либо проблем родственного спаривания.

Раздался общий смех.

— В Кентукки, — продолжал он, приходской священник Питер ЛаРуффа публично заявил: «Если где-то в Библии я найду стих, в котором говорится, что «два плюс два будет пять», то я поверю в это, и приму это за истину».

Все засмеялись еще сильнее.

— Я согласен, это может показаться смешным, но я вас уверяю, что данные убеждения скорее ужасающие, чем смешные. Многие люди, поддерживающие данные убеждения — очень яркие личности, это образованные профессионалы: врачи, юристы, учителя, и даже, в некоторых случаях, люди, которые стремятся занять высшие посты в этом мире. Однажды я слышал, как конгрессмен США Пол Браун сказал: «Теория

Дарвина и Теория Большого Взрыва — это ложь, которая идет прямо из преисподней. Я верю в то, что нашей земле девять тысяч лет, и что мир был сотворен за шесть дней, как мы все и знаем» — Кирш умолк. — И что наиболее ужасно, так это то, что конгрессмен Браун в Комитете по Науке, Космосу и Технологиям, и когда ему задали вопрос о происхождении археологических артефактов, датированными миллионами лет, то его ответ был: «Артефакты были помещены туда Богом, чтобы проверить крепость нашей веры»

Голос Кирша вдруг стал тихим и безрадостным.

— Допускать невежество — значит плодить его. Бездействовать в то время, как наши руководители проповедуют абсурд — преступное самодовольство. Как и позволять школам и церкви учить отборной неправде наших детей. Настало время действий. Пока мы не очистим наш вид от суеверного мышления, мы не имеем права хвататься за все, что нам приходит в голову. — Он сделал паузу, и в толпе пошел ропот. — Я люблю род людской. Я верю, что наш разум и наш вид имеют безграничный потенциал. Верю, что мы находимся на пороге новой, просвещенной эры, мира, в котором религия, наконец, отсту-

пит… и воцарится наука.

Толпа разразилась оглушительными аплодисментами.

— Ради бога, — рявкнул Вальдеспино, с отвращением качая головой. — Выключи это.

Аколит подчинился, и трое мужчин продолжили путь в тишине.

В пятидесяти километрах отсюда, Моника Мартин стояла напротив запыхавшегося Суреша Баллы, который, едва залетев, подал ей мобильный телефон.

— Долгая история, — выдохнул Суреш, — но вам нужно прочитать эту эсэмэску, которую получил епископ Вальдеспино.

— Подождите. Мартин чуть не уронила устройство. — Это телефон епископа?! Как, черт возьми, вы…

— Не спрашивайте, просто прочтите.

Встревоженная Мартин направила взгляд на телефон и начала читать эсэмэску на экране. Через несколько секунд она побелела.

— Боже мой, епископ Вальдеспино…

— Опасен, — сказал Суреш.

— Но… это невозможно! Кто этот человек, который написал епископу?!

— Неизвестный номер, — ответил Суреш. — Я

работаю над его распознаванием.

— А почему Вальдеспино не удалил это сообщение?

— Без понятия, уныло ответил Суреш. — Что это, небрежность? Самонадеянность? Я постараюсь восстановить остальные сообщения, которые он удалил, и, заодно, мы постараемся понять, с кем же таким таинственным переписывался Вальдепспино, но я первым делом решил сообщить эту новость о Вальдеспино вам, чтобы вы могли сделать соответствующее заявление по этому поводу.

— Нет, я не буду этого делать! — сказала она, все еще находясь в потрясении. — Дворец точно не будет делать заявление на этот счет, и раскрывать такую информацию!

— Но, в таком случае, кто-нибудь другой сделает это в ближайшее время. — Суреш быстро объяснил причины, побудившие его заняться поисками телефона Вальдеспино — это был прямой совет, полученный им по электронной почте, с адреса monte@iglesia.org, того самого информатора, который снабжал материалами портал ConspiracyNet. И если этот человек поступит так, ему следовало бы, то СМС-переписка епископа недолго будет оставаться тайной.

Мартин закрыла глаза, пытаясь представить реакцию всего мира на неопровержимые доказательства того, что католический епископ, имеющий очень тесную связь с королем Испании, непосредственно участвовал в предательстве и сегодняшнем убийстве.

— Суреш, — прошептала Мартин, медленно открывая глаза. — Мне нужно, чтобы вы поскорее выяснили кто такой этот информатор «Монте». Сможете сделать это для меня?

— Я попробую. — В голосе его было мало надежды.

— Спасибо. — Мартин вернула ему телефон епископа, и заторопилась к выходу. — И отправьте мне скриншот этой эсэмэски!

— Куда вы направляетесь? — окликнул ее Суреш.

Моника Мартин не ответила.

ГЛАВА 65

Саграда-Фамилия, базилика Святого Семейства, занимает весь городской квартал в центре Барселоны. Несмотря на свои массивные границы, кажется, церковь нависает почти невесомо над землей, с множеством тонких воздушных шпилей, легко поднимающихся в испанское небо.

Сложные и пористые башни имеют разную высоту, придавая святыне дух причудливого песчаного замка, возведенного озорными гигантами. После завершения, самая высокая из восемнадцати башен поднимется на головокружительную и беспрецедентную высоту 170 метров (выше, чем монумент Вашингтона), делая Саграда-Фамилию самой высокой церковью в мире, затмевающую Собор Святого Петра в Ватикане более чем на тридцать метров.

Здание храма защищено тремя массивными фасадами. На востоке красочный фасад Рождества поднимается, как висячий сад с прорастающими многоцветными растениями, животными, фруктами и людьми. В абсолютном контрасте фасад Страстей Христовых на западе — строгий ске-

лет из грубого тесаного камня, напоминающий сухожилия и кость. На юге фасад Воскресения закручивается вверх в хаотическом беспорядке демонов, идолов, грехов и пороков, в конечном счете уступая место более высоким символам вознесения, добродетели и рая.

Завершение периметра — это бесчисленное количество меньших по размеру фасадов, контрфорсов и башен, большинство из которых покрыты грязеподобным материалом, создавая эффект как будто нижняя половина здания либо плавилась, либо вытеснена из земли. По словам одного выдающегося критика, нижняя половина Саграда-Фамилии напоминает «гниющий ствол дерева, из которого возникла семья сложных грибных остроконечных шляпок».

В дополнение к украшению собора традиционной религиозной иконографией, Гауди добавил бесчисленные потрясающие особенности, отражавшие его почтение к природе — черепахи, поддерживающие колонны, деревья, прорастающие из фасадов, и даже гигантские каменные улитки и лягушки, взбирающиеся снаружи здания.

Несмотря на свой диковинный облик, настоящая неожиданность Саграда-Фамилии

открывается только после прохождения через дверные проемы. Оказавшись внутри главного святилища, посетители неизменно стоят разинув рот, когда их глаза поднимаются по наклонным и витым словно стволы деревьев колоннам на высоту двести футов до ряда парящих сводов, где невероятные коллажи из геометрических фигур парят подобно хрустальным навесам в ветвях деревьев. Создание «леса из колонн», утверждал Гауди, побуждает ум возвращаться мыслями к самым ранним духовным искателям, для которых лес служил божьим собором.

Неудивительно, что колоссальное творение Гауди в стиле модерн одни страстно обожают, а другие цинично презирают. Некоторые называют его «чувственным, одухотворенным и органичным», другие же высмеивают как «вульгарное, претенциозное и богохульное». Автор Джеймс Миченер назвал его «одним из самых странных зданий в мире», а «Архитектурное обозрение» — «священным монстром Гауди».

Если его эстетика странная, то финансы еще более странные. Саграда- Фамилия, финансируемая исключительно частными пожертвованиями, не получает никакой финансовой поддержки от Ватиканского или мирового католическо-

го руководства. Несмотря на периоды близкие к банкротству и прекращение работ, церковь демонстрирует почти дарвиновскую волю к выживанию, стойко пережив смерть своего архитектора, жестокую гражданскую войну, террористические нападения со стороны каталонских анархистов и даже бурение тоннеля метро поблизости, что угрожало самой земле, на которой она стоит.

Перед лицом невероятной бедственной ситуации Храм Святого Семейства все еще стоит и продолжает строиться.

За последнее десятилетие судьба церкви значительно улучшилась, ее казна пополнилась от продажи билетов, более чем четыре миллиона посетителей в год, которые платили за экскурсию по неполностью завершенному храму. Теперь, объявив дату завершения работ в 2026 году — столетие со дня смерти Гауди — Саграда-Фамилия, кажется, наполнилось новой энергией, его шпили поднимаются в небеса с новым стремлением и надеждой.

Отец Хоаким Бенья — старейший священник Саграда-Фамилия и председательствующий священник — общительный восьмидесятилетний мужчина с крошечным телом в драпировке, в

круглых очках на круглом лице, который всегда улыбался. Мечта Беньи заключалась в том, чтобы прожить достаточно долго и увидеть завершение строительства этой славной святыни.

Но сегодня вечером в своем клерикальном кабинете отец Бинья не улыбался. Он задержался по церковным делам, но оказался прикован к компьютеру, полностью погрузившись в тревожную драму, разворачивающуюся в Бильбао.

Эдмонда Кирша убили.

За последние три месяца у Беньи сложилась трогательная и необычная дружба с Киршем. Этот откровенный атеист ошеломил Бенью тем, что обратился к нему лично с предложением сделать большое пожертвование храму. Сумма была беспрецедентной и могла дать огромный положительный результат.

Предложение Кирша необъяснимо, подумал тогда Бенья, подозревая подвох. Может он хочет повлиять на ход строительства?

В обмен на свое пожертвование у известного футуриста была только одна просьба.

Бенья выслушал её с сомнением. Это все, чего он хочет?

— Это личное дело для меня, — сказал Кирш. — И я надеюсь, что вы захотите выполнить мою

просьбу.

Бенья был человеком доверчивым, и всё же в тот момент он почувствовал, что идёт на сделку с дьяволом. Невольно Бенья встретился с Киршем взглядом — в поисках скрытого мотива. И тут он его увидел. За беззаботным обаянием Кирша стояло отчаяние усталого человека, его впалые глазаи худоба напомнили Бенье о тех днях в семинарии, когда он работал консультантом при хосписе.

Эдмонд Кирш болен.

Бенья подумал, что человек при смерти, и может это пожертвование — внезапная попытка раскаяния перед Богом, которого он всегда презирал.

Самые самоуверенные в жизни становятся смиренными при смерти.

Бенья подумал о самом раннем христианском евангелисте — святом Иоанне, который посвятил свою жизнь, побуждая неверующих пережить воскресение Иисуса Христа. Казалось, если неверующий, такой как Кирш, хотел участвовать в создании святыни Иисусу, то отказывая ему в этом будет и нехристианским, и жестоким.

Кроме того, существовал вопрос о профессиональной обязанности Беньи собирать средств для церкви, и он не мог представить, что сообщит

своим коллегам об отказе принять гигантский подарок Кирша из-за его откровенного атеизма.

В конце Бенья принял условия Кирша, и мужчины тепло обменялись рукопожатием.

Это было три месяца назад.

Сегодня вечером Бенья наблюдал за презентацией Кирша в Гуггенхайме, сначала встревожившись ее антирелигиозным тоном, затем заинтригованный намеком Кирша на таинственное открытие и ужасно испугавшись, когда Эдмонда Кирша застрелили. После этого Бенья не смог оторваться от компьютера, прикованный к тому, что быстро превратилось в головокружительный калейдоскоп конкурирующих теорий заговора.

Чувствуя себя ошеломленным, Бенья молча сидел в одиночестве в пещероподобном святилище, в «лесу» из колонн Гауди. Мистические леса, однако, немного успокоили его лихорадочные мысли.

Что открыл Кирш? Кто хотел его смерти?

Отец Бенья закрыл глаза и попытался прислушаться к собственным мыслям, но вопросы продолжали одолевать его.

Откуда мы появились? Куда мы движемся?

— Мы происходим от Бога! — произнес Бенья

вслух. — И мы идем к
Богу!

Когда он заговорил, то почувствовал, как слова зазвучали в его груди с такой силой, что казалось, завибрировало все святилище. Неожиданно яркий столп света пронзил витраж над фасадом Страстей Христовых и спустился в базилику.

Охваченный благоговейным страхом, отец Беньямин встал и пошатнувшись двинулся к окну. Весь храм наполнился громоподобным звуком, и луч небесного света опустился на цветное стекло. Когда Беньямин выбежал из главных дверей храма, на него обрушилась оглушительная буря. Слева от него с неба спускался массивный вертолет, освещая прожектором фасад храма.

Беньямин с неверием наблюдал, как самолет коснулся периметра строительных ограждений в северо-западном углу здания и отключил двигатели.

Когда ветер и шум стихли, отец Беньямин стоял в главном портале Саграда- Фамилии и наблюдал, как четыре фигуры спустились с борта вертолета и поспешили к нему. Двоих впереди он сразу узнал по сегодняшней трансляции — будущая королева Испании и профессор Роберт Лэнгдон. За ними следом шли двое крепких мужчин в

пиджаках с монограммами.

Судя по всему, Лэнгдон не похищал Амбру Видаль. По мере приближения американского профессора было заметно, что мисс Видаль была на его стороне по собственному выбору.

— Святой отец! — позвала женщина с приветливым жестом. — Пожалуйста, простите мне вторжение в святое место. Нам нужно срочно поговорить. Это очень важно.

Беньа открыл было рот, чтобы ответить, но лишь молча кивнул, когда к нему приблизилась эта необычная компания.

— Наши извинения, отец, — сказал Роберт Лэнгдон с обезоруживающей улыбкой. — Я знаю, все это может показаться очень странным. Вы знаете, кто мы?

— Конечно, — сказал он, — но я подумал…

— Неверная информация, — уверила Амбра. — Все в порядке, уверяю вас.

В это время двое охранников, стоявших за оградой по периметру, промчались через охранные турникеты, очевидно встревоженные прибытием вертолета. Охранники заметили Бенью и бросились к нему.

Мгновенно, двое мужчин в пиджаках с монограммой развернулись и посмотрели на них,

показывая ладонями универсальный знак «остановиться».

Охранники остановились на месте, настороженно глядя на Бенью в ожидании указаний.

— jTot esta be! — закричал Бенья на каталанском языке. — Tornin al seu lloc. Все в порядке! Возвращайтесь на свой пост.

Охранники прищурились на невероятное общество и выглядели неуверенными.

— Son els meus convidats, — на этот раз твердо заявил Бенья. — Это мои гости. Confio en la seva discrecio. Я полагаюсь на ваше усмотрение.

Изумленные охранники отступили через турникет безопасности и возобновили патруль по периметру.

— Спасибо, — поблагодарила Амбра. — Я ценю это.

— Я отец Хоаким Бенья, — сказал он. — Пожалуйста, объясните мне, что это значит.

Роберт Лэнгдон шагнул вперед и пожал руку Беньи.

— Отец Бенья, мы ищем редкую книгу, принадлежащую ученому Эдмонду Киршу. — Лэнгдон достал элегантную карточку с надписью и вручил ему. — Эта карточка утверждает, что книга отдана во временное пользование вашей церкви.

Хотя Бенья был несколько ошеломлен драматическим появлением группы, Бенья сразу узнал карточку цвета слоновой кости. Точная копия этой карточки сопровождала книгу, которую Кирш передал ему несколько недель назад.

Полное собрание сочинений Уильяма Блейка.

Соглашение о крупном пожертвовании Эдмонда в «Саграда-Фамилию» заключалась в том, чтобы книгу Блейка выставили в крипте базилики.

Странная просьба, но это мелочь.

Еще одна дополнительная просьба Кирша, обозначенная на обратной стороне линованной карточки, заключалась в том, что книга всегда должна оставаться открытой на странице 163.

ГЛАВА 66

В пяти милях к северо-западу от Саграда-Фамилия адмирал Авила смотрел сквозь лобовое стекло «Убера» на широкие просторы городских огней, сверкающих на темном фоне Балеарского моря.

«Барселона наконец-то,» — подумал старый военно-морской офицер, вытаскивая телефон и набирая номер Регента, как и обещал.

Регент ответил на первый звонок.

— Адмирал Авила. Где вы?

— В нескольких минутах от города.

— Ваше прибытие очень кстати. Я только что получил тревожные новости.

— Расскажите мне.

— Вы успешно оторвали голову змее. Однако, как мы опасались, длинный хвост все еще опасно корчится.

— Чем я могу быть полезным? — спросил Авила.

Когда Регент высказал свои желания, Авила удивился. Он не думал, что ночь повлечет за собой гибель людей, но и не собирался подвергать

сомнению действия Регента. «Я не более, чем пехотинец,» — напомнил он себе.

— Эта миссия будет опасной, — сказал Регент. — Если вас поймают, покажите властям символ на вашей ладони. Вскоре вас освободят. Мы имеем влияние повсюду».

— Я не намеревался быть пойманным, — сказал Авила, разглядывая свою татуировку.

— Хорошо, — сказал Регент жутко безжизненным тоном. — Если все пойдет согласно плану, скоро они оба будут мертвыми, и все это закончится.

Связь прервалась.

Во внезапной тишине Авила поднял глаза на самую яркую точку на горизонте — отвратительная гроздь деформированных шпилей подсвечивалась строительными огнями.

Саграда-Фамилия отбрасывала причудливый силуэт — подумал он. — Называть все это святыней — позорить нашу веру.

Известную церковь в Барселоне Авила считал памятником слабости и моральному уродству — капитуляцией либерального католицизма, нагло извращающей и коверкающей тысячи лет веры в извращенный гибрид поклонения природе, лженауки и гностической ереси.

Гигантские ящерицы ползают по храму Христа!

Крушение традиций в мире пугало Авилу, но он чувствовал поддержку с появлением новой группы мировых лидеров, которые очевидно разделяли его страхи и делали все возможное, чтобы восстановить традиции. Собственная преданность Авилы Пальмарианской церкви и особенно Папе Иннокентию XIV дала ему новую причину жить, помогая увидеть свою собственную трагедию через совершенно новую призму.

«Моя жена и ребенок стали жертвами войны, — подумал Авила, — войны, проводимой силами зла против Бога, против традиции. Прощение — не единственный путь к спасению».

Пять дней назад Авила спал в своей скромной квартире. Тогда его разбудил громкий звук входящего текстового сообщения на мобильном телефоне.

— Уже полночь, — проворчал он, смутно прищурившись на экран, чтобы узнать, кто побеспокоил его в такой час.

Nomero oculto*

* Неизвестный номер(исп.)

Авила протер глаза и прочитал входящее сообщение.

Compruebe su saldo bancario

Проверьте свой банковский баланс

Авила нахмурился, подозревая какое-то мошенничество с телемаркетингом. В раздражении он встал с кровати и пошел на кухню выпить воды. Стоя у раковины, он взглянул на свой ноутбук, зная, что наверняка не заснет, пока не посмотрит.

Он вошел на сайт своего банка, полностью ожидая увидеть свой привычный, жалкий баланс — остатки военной пенсии. Однако, когда появилась информация о его учетной записи, он внезапно вскочил на ноги и ударил об стул.

Но это невозможно!

Он закрыл глаза, а потом посмотрел снова. Потом он перезагрузил экран.

Номер остался.

Он прокрутил мышью до своей учетной записи движения средств и остолбенел, увидев, что на его счет за час до этого поступил анонимный депозит в размере ста тысяч евро. Источник имел номер и не отслеживался.

«Кто это делает?!»

Резкое жужжание сотового телефона заставило сердце Авилы вздрогнуть. Он схватил телефон и посмотрел на номер звонящего.

Nomero oculto*

* Неизвестный номер(исп.)

Авила уставился на телефон, а потом схватил его.

Si?*

* Да?(исп.)

Мягкий голос разговаривал с ним на чистом кастильском испанском.

— Добрый вечер, адмирал! Думаю, вы видели подарок, который мы послали вам?

— Я… видел, — запинался он. — Кто вы?

— Можете называть меня Регентом, — ответил голос. — Я представляю ваших братьев, членов церкви, которую вы верно посещали последние два года. Ваши навыки и лояльность не остались незамеченными, адмирал. Теперь мы хотим дать вам возможность послужить более высокой цели. Его Святейшество предложил вам серию миссий… задач, ниспосланных Богом.

Авила окончательно проснулся, его ладони вспотели.

— Деньги, которые мы вам послали, — это аванс для первой миссии, — продолжал голос. — Решение выполнить миссию предполагает возможность доказать, что вы достойны занять место в наших высших чинах. — Он сделал паузу. — В

нашей церкви существует мощная иерархия, невидимая миру. Мы верим, что вы станете ценным агентом во главе нашей организации.

Несмотря на восторг от перспективы продвижения вперед, Авила чувствовал настороженность. «Что за миссия? А что, если я решу не выполнять ее?»

— Вас никто не осудит, и можете оставить деньги в обмен за тайну. Это звучит разумно?

— Звучит довольно щедро.

— Вы нам нравитесь. Мы хотим вам помочь. И из справедливости к вам, хочу предупредить, что миссия Папы — трудная. — Он сделал паузу. — Она может включать жестокость.

Тело Авилы напряглось. Жестокость?

— Адмирал, силы зла становятся сильнее с каждым днем. Бог находится в состоянии войны, а войны влекут за собой жертвы.

Авила содрогнулся от ужаса при воспоминании о бомбе, которая убила его семью. Он отогнал от себя темные воспоминания.

— Простите, не знаю, смогу ли я принять жестокую миссию…

— Папа выбрал вас, адмирал, — прошептал Регент. — Цель в этой миссии… человек, убивший вашу семью.

ГЛАВА 67

Расположенная на первом этаже Королевского дворца Мадрида оружейная палата — изящный сводчатый зал, высокие темно-красные стены которого украшены великолепными гобеленами, изображающими известные сражения в истории Испании. Окружение комнаты — бесценная коллекция из более чем ста костюмов изготовленных вручную доспехов, включая одежду для сражений и «амуницию» многих прошлых королей. Семь чучел лошадей в натуральную величину стоят в центре зала в полном боевом снаряжении.

«Вот где они решили держать меня в плену?» — подумал Гарса, оглядывая окружавшее его военное оружие. По общему признанию оружейная палата была одним из самых безопасных залов во дворце, но Гарса подозревал, что его похитители выбрали эту элегантную камеру для заточения в надежде запугать его. Это то самое помещение, в котором меня наняли на работу.

Почти два десятилетия назад Гарсу направили в эту внушительную палату, где его опрашивали, подвергали перекрестному допросу и детально

проверяли, прежде чем наконец предложили работу главы Королевской гвардии.

Теперь Гарсу арестовали его собственные агенты. Меня обвиняют в убийстве? И в ложном обвинении епископа? Логика заявлений была настолько искривлена, что Гарса не мог ее распутать.

Если уж дело дошло до Королевской гвардии, Гарса был высшим должностным лицом во дворце, то есть приказ о его аресте мог исходить только от одного человека… самого принца Хулиана.

«Вальдеспино натравил на меня принца,» — понял Гарса. Епископу всегда удавалось быть непотопляемым в политике, и сегодня он с явным отчаянием попытался совершить этот дерзкий трюк со СМИ. Смелая уловка для спасения репутации — очернить Гарсу. А теперь они заперли меня в оружейной палате, поэтому я не могу говорить сам за себя.

Если Хулиан и Вальдеспино объединили свои усилия, Гарса знал — он пропал, его полностью перехитрили. На данный момент единственным человеком на земле, обладающим достаточной властью и способным помочь Гарсе, был старик, который доживал последние дни на больничной

койке в своей частной резиденции в Паласио-дела-Сарсуэла.

Король Испании.

«Опять же, — понял Гарса, — король никогда не поможет мне, если это означает ссору с епископом Вальдеспино или с собственным сыном».

Он слышал, как толпа за стенами засканди-ровала громче, и казалось как будто это может привести к насильственному перевороту. Когда Гарса понял, что они скандируют, он не мог поверить своим ушам.

«Откуда появилась Испания?! — выкрикивали они. — Куда движется Испания?!»

Протестующие, оказывается, ухватились за два провокационных вопроса Кирша как возможность высказаться о политическом будущем испанской монархии.

Откуда мы появились? Куда мы движемся?

Осуждая притесние прошлого, молодое поколение Испании постоянно призывало к скорейшим изменениям, призывая свою страну «присоединиться к цивилизованному миру» как к полной демократии и отменить монархию. Франция, Германия, Россия, Австрия, Польша и более пятидесяти других стран отказались от монархии в прошлом веке. Даже в Англии был толчок к

референдуму о прекращении монархии после смерти нынешней королевы.

Сегодня, к сожалению, Королевский дворец Мадрида был в замешательстве, поэтому неудивительно, что снова поднялся этот вековой боевой клич.

— Это как раз и нужно принцу Хулиану, — подумал Гарса, — ведь он готовится к восхождению на трон.

Дверь в дальнем конце оружейного склада внезапно щелкнула, и один из агентов Гвардии Гарсы заглянул внутрь.

— Я требую адвоката! — крикнул ему Гарса.

— А я хочу получить заявление для прессы, — выкрикнул знакомый голос Моники Мартин, когда координатор по связям дворца обошла охранника и вошла в комнату. — Командир Гарса, почему вы вступили в сговор с убийцами Эдмонда Кирша?

Гарса уставился на нее с недоверием. Здесь все посходили с ума?

— Мы знаем, что вы оклеветали епископа Вальдеспино! — заявила Мартин, направляясь к нему. — И дворец хочет опубликовать ваше признание прямо сейчас!

Командующий не ответил.

На полпути по комнате Мартин круто развернулась, глядя на молодого охранника в дверном проеме.

— Я сказала конфиденциальное признание!

Охранник выглядел неуверенным, и отступив закрыл дверь.

Мартин резко развернулась и быстро направилась в сторону Гарсы.

— Я требую признания немедленно! — взревела она, ее голос эхом отразился от сводчатого потолка, когда она остановилась прямо перед ним.

— Что ж, вы ничего не получите от меня, — равнодушно ответил Гарса. — Я не имею к этому никакого отношения. Ваши утверждения абсолютно ложные.

Мартин нервно оглянулась через плечо. Затем она подошла ближе и прошептала на ухо Гарсе.

— Я знаю… Мне нужно, чтобы вы меня очень внимательно выслушали.

ГЛАВА 68

Рост популярности 2747%

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

ОБ АНТИПАПЕ… КРОВОТОЧАЩИХ ЛАДОНЯХ… И ПЛОТНО ЗАКРЫТЫХ ГЛАЗАХ…

Странные легенды изнутри Пальмарианской церкви.

Сообщения онлайн христианских новостных групп подтвердили, что адмирал Луис Авила является активным членом Пальмарианской церкви уже несколко лет.

Выступая в качестве «знаменитого» защитника церкви, военно-морской адмирал Луис Авила неоднократно приписывал пальмарианскому папе «спасение своей жизни» после глубокой депрессии из-за потери семьи в антихристианском террористическом нападении.

Политика сайта ConspiracyNet — никогда не поддерживать и не осуждать религиозные институты. Поэтому мы разместили здесь несколько десятков ссылок на сайты Пальмарианской церкви.

Мы информируем. Вы решаете.

Обратите внимание, что многие из онлайн-заявлений относительно пальмарианцев довольно шокирующие, и поэтому мы теперь просим о помощи у вас, наших пользователей, отделить факты от вымыслов.

Следующие «факты» были отправлены нам звездным информатором monte@iglesia.org, чей идеальный послужной список на сегодня говорит о том, что эти факты верны, и все же, прежде чем сообщать о них как таковых, мы надеемся, что некоторые из наших пользователей предложат дополнительные неопровержимые доказательства для подтверждения или опровержения их.

ФАКТЫ

• Пальмарианский папа Клемент потерял оба глаза в автомобильной катастрофе в 1976 году и продолжал проповедовать в течение десятилетия с закрытыми глазами.

• Папы Клемент имел активные язвы на обеих ладонях, которые регулярно кровоточили, когда ему являлись видения.

• Несколько пальмарианских пап были офицерами испанской армии с крепкими карлистскими идеалами.

• Членам Пальмарианской церкви запрещено

разговаривать с их семьями, а несколько членов погибло в комплексе от недоедания или насилия.

• Пальмарианцам запрещается (1) читать книги, написанные не пальмарианцами, (2) посещать семейные свадьбы или похороны, если их семьи не являются пальмарианцами, (3) посещать бассейны, пляжи, боксерские матчи, танцевальные залы и любые места, демонстрирующие рождественские елки или изображение Санта-Клауса.

• Пальмарианцы считают, что Антихрист родился в 2000 году.

• Пальмарианские вербовочные центры существуют в США, Канаде, Германии, Австрии и Ирландии.

ГЛАВА 69

Когда Лэнгдон с Амброй последовали за отцом Беньей к великолепным бронзовым дверям Саграда-Фамилия, Лэнгдон обнаружил, что как всегда восхищается совершенно странным деталям главного входа этой церкви.

«Это стена кодов,» — размышлял он, глядя на рельефный шрифт, который доминировал на монолитных плитах из полированного металла. На его поверхности разместилось более восьми тысяч трехмерных букв, выбитых в бронзе. Буквы пробегали по горизонтали, создавая массивное поле текста практически без разделения между словами. Хотя Лэнгдон знал, что текст это описание Страстей Христовых на каталанском языке, его внешний вид был ближе к значению ключа шифрования NSA.*

* Агентство национальной безопасности США

Неудивительно, что это место вдохновляет теории заговора.

Взгляд Лэнгдона поднимался вверх, взбираясь по смутным очертаниям фасада Страсти, откуда призрачная группа изможденных угловых

скульптур художника Жузепа Марии Субиракса смотрела вниз и в которой доминировал ужасно исхудавший Иисус. Он свисал с сильно наклоненного вперед распятия, давая пугающее ощущение, что вот-вот свалится на прибывающих гостей.

Слева от Лэнгдона другая мрачная скульптура изображала Иуду, предавшего Иисуса поцелуем. Эту статую, как ни странно, окружала объемная таблица из чисел — математический «магический квадрат»*. Эдмонд однажды рассказал Лэнгдону, что «волшебная константа» этого квадрата, тридцать три, на самом деле скрытая дань уважения языческому благоговению масонов к Великому Архитектору Вселенной** — всеохватывающему божеству, чьи тайны раскрыты достигшим тридцать третьей степени братства.

* одинаковая сумма цифр по строкам, столбцам и диагоналям.

** В масонстве Великий Архитектор Вселенной — это универсальное и нейтральное обозначение Верховной Сущности, в которое верит каждый член братства, при этом как и в кого верить — личное дело каждого масона, в зависимости от вероисповедания.

— Веселая история, — ответил Лэнгдон со смехом, — хотя число лет жизни Христа — более

вероятное объяснение.

Когда они приблизились к входу, Лэнгдон вздрогнул, увидев самое ужасное украшение церкви — статую Иисуса Христа, исполосованного бичом и привязанного к столбу веревками. Он быстро перевел взгляд на надпись над дверями — две греческие буквы, альфа и омега.

— Начало и конец, — прошептала Амбра, также разглядывая буквы. — Как похоже на Эдмонда.

Лэнгдон кивнул, улавливая ее мысль. Откуда мы появились? Куда мы движемся?

Отец Бенья открыл маленький портал в стене из бронзовых букв, и вся группа вошла, в том числе два агента Гвардии. Бенья закрыл за ними дверь.

Тишина.

Полумрак.

Там, в юго-восточной части поперечного нефа отец Бенья поделился с ними поразительной историей. Он рассказал, как Кирш пришел к нему и предложил сделать огромное пожертвование для Саграда-Фамилия в обмен на согласие церкви показать копию его иллюминированной рукописи Блейка в крипте рядом с могилой Гауди.

«В самом сердце этой церкви,» — подумал Лэнгдон, его любопытство возбудилось.

— Эдмонд объяснил, почему хотел, чтобы вы это сделали? — спросила Амбра.

Беньямин кивнул.

— Он сказал мне, что его пожизненная страсть к искусству Гауди исходит от его покойной матери, которая также была большим поклонником работ Уильяма Блейка. Мистер Кирш сказал, что хочет разместить том Блейка возле гробницы Гауди в качестве дани уважения к своей покойной матери. Мне показалось, в этом нет никакого вреда.

«Эдмонд никогда не упоминал, что его мать любит Гауди, — озадаченно подумал Лэнгдон. — Более того, Палома Кирш умерла в монастыре, и казалось маловероятным, что испанская монахиня восхищалась неортодоксальным британским поэтом». Все объяснение показалось натянутым.

— Кроме того, — продолжил Беньямин, — я почувствовал, что мистер Кирш мучался от духовного кризиса… и, возможно, имел некоторые проблемы со здоровьем.

— Обозначение на обратной стороне этой карточки правовладельца, — вмешался Лэнгдон, удерживая ее, — говорит, что книга Блейка должна демонстрироваться определенным образом — открытой на странице сто шестьдесят три?

— Да, верно.

Лэнгдон почувствовал, как его пульс ускорился.

— Можете ли вы сказать мне, какое стихотворение на этой странице?

Бенья покачал головой.

— На этой странице нет стихотворения.

— Простите, что?!

— Книга — это полное собрание сочинений Блейка — его художественных работ и произведений. Страница сто шестьдесят три — иллюстрация.

Лэнгдон бросил на Амру беспокойный взгляд. Нам нужен стихотворный отрывок из сорока семи букв, а не иллюстрация!

— Отец, — сказала Амбра Беньe. — Можно ли увидеть ее прямо сейчас?

Священник мгновение колебался, но по-видимому решил, что лучше не отказывать будущей королеве.

— Крипта здесь, — сказал он и повел их вдоль поперечного нефа к центру собора. За ними последовали два агента Гвардии.

— Должен признаться, — сказал Бенья, — я не решался принимать деньги от столь откровенного атеиста, но его просьба выставить любимую

иллюстрацию Блейка его матери показалась мне безобидной, особенно учитывая, что это был образ Бога.

Лэнгдон подумал, что ослышался.

— Вы сказали, что Эдмонд попросил вас показать изображение Бога?

Бенья кивнул.

— Я почувствовал, что он болен и что, возможно, это способ попытаться искупить жизнь в несогласии с богом. — Он сделал паузу, покачав головой. — Хотя, увидев его сегодняшнюю презентацию, должен признаться: я не знаю, что думать.

Лэнгдон попытался представить, какую из бесчисленных блейковских иллюстраций Бога захотел показать Эдмонд.

Когда все они перешли в главное святилище, Лэнгдону показалось, что он видит это место в первый раз. Несмотря на многократное посещение Саграда-Фамилии на разных этапах строительства, он всегда приходил днем, когда испанское солнце проникало сквозь витраж, создавая ослепительные всплески цвета и притягивая взгляд вверх, в казавшийся невесомым купол сводов.

Вечером это мрачный мир.

Солнечные пятна на деревьях базилики исчезли, превратившись в полуночные джунгли теней и тьмы — мрачный лес из полосатых колонн, тянущихся ввысь в зловещую пустоту.

— Не споткнитесь, — предупредил священник. — Мы экономим деньги, где можно. Лэнгдон знал, что освещение этих огромных европейских церквей стоит почти целое состояние, и все же редкое освещение здесь едва освещало дорогу. Одна из проблем храма площадью в шестьдесят тысяч квадратных футов.

Когда они достигли центрального нефа и повернули налево, Лэнгдон посмотрел на высокий церемониальный помост впереди. Алтарь был ультрасовременным минималистским столом, обрамленным двумя блестящими группами органных труб. В пятнадцати футах над алтарем висел необыкновенный церковный балдахин — подвесной тканевый потолок или «навесное великолепие» — символ почтения, вдохновленный однажды поднятыми на шесты церемониальными навесами, чтобы обеспечить тень для королей.

Большинство балдахинов стали теперь прочными архитектурными особенностями, но Саграда-Фамилия выбрала ткань, в данном случае

балдахин в форме зонтика, который волшебным образом парит в воздухе над алтарем. Под тканью подвешена при помощи тросов, как парашютист, фигура Иисуса на кресте.

Парящий Иисус, Лэнгдон слышал такое название. Увидев снова, он не удивился, что он стал одной из самых противоречивых деталей церкви.

Когда Бенья вел их в нарастающую тьму, Лэнгдон вообще ничего не видел. Диас вытащил фонарь и подсвечивал плитку под ногами каждого. Нажав на вход в склеп, Лэнгдон теперь увидел над ним бледный силуэт возвышающегося цилиндра, который поднимался на сотни футов по внутренней стене церкви.

«Печально известная спираль Саграда,» — понял он, никогда не осмеливаясь подниматься по ней.

Головокружительная шахта с винтовыми лестницами Саграда-Фамилия появилась в списке National Geographic «20 самых смертоносных лестниц в мире», заработав третье место сразу за рискованными ступенями в храме Ангкор-Ват в Камбодже и мшистыми скальными камнями Водопада дьявола в Эквадоре.

Лэнгдон оглядел первые несколько ступеней

лестницы, которая уходила штопором наверх и исчезала в темноте.

— Вход в крипту впереди, — сказал Беньа, проходя мимо лестницы к темной пустоте слева от алтаря. Когда они продвинулись вперед, Лэнгдон заметил слабое золотое сияние, которое, казалось, исходило из скважины в полу.

Крипта.

Группа подошла ко входу на элегантную, мягко изгибающуюся лестницу.

— Господа, — сказала Амбра охранникам. — Оставайтесь оба здесь. Мы скоро вернемся.

Фонсека выглядел недовольным, но ничего не сказал.

Затем Амбра, Отец Беньа и Лэнгдон начали спуск к свету.

Агент Диас почувствовал благодарность за миг покоя, наблюдая, как три фигуры спускаются по извилистой лестнице. Растущее напряжение между Амброй Видаль и агентом Фонсека становилось тревожным.

Агенты Гвардии не привыкли к угрозам увольнения со стороны тех, кого они защищают — только от командующего Гарсы.

Диас по-прежнему был озадачен арестом Гарсы. Как ни странно, Фонсека отказался поделиться с

ним, кто именно выдал ордер на арест или инициировал фальшивую историю похищения.

— Ситуация сложная, — сказал Фонсека. — И для собственной защиты вам лучше не знать.

«Так кто отдавал приказы? — размышлял Диас. — Принц? — Казалось сомнительным, что Хулиан рискует безопасностью Амбры, распространяя поддельную историю похищения. — Вальдеспино? — Диас не уверен, есть ли у епископа такой рычаг».

— Я скоро вернусь, — пробурчал Фонсека и удалился со словами, что ему нужно найти уборную. Когда Фонсека проскользнул во тьму, Диас увидел, как он вытащил свой телефон, набрал номер и тихо начал разговор.

Диас ждал в одиночестве в бездне святилища, чувствуя себя все менее комфортно от скрытного поведения Фонсеки.

ГЛАВА 70

На пути в подземелье Лэнгдон, Амбра и отец Бенья прошли по винтовой лестнице, ведущей в крипту, и уходящей на добрых три яруса вниз, образовывая размашистую и изящную дугу.

«Одна из крупнейших в Европе крипт,» — подумал Лэнгдон, любуясь обширным круговым пространством. Точно как он помнил, в подземном мавзолее Саграда-Фамилии имелась парящая ротонда, где размещались скамьи для сотен прихожан. Золотые масляные фонари, помещенные с интервалом по окружности зала, освещали наборный мозаичный пол из скрученной лозы, корней, ветвей, листьев и других образов из природы.

Крипта буквально — «скрытое» пространство, и Лэнгдон счел почти немыслимым, что Гауди удалось спрятать такой большой зал под церковью. Это было не что иное, как игривая «скрипта» Гауди в Colonia Guell; это пространство было строгой неоготической палатой с лиственными колоннами, остроконечными арками и красивыми сводами. Воздух был мертвенно неподвижным и

слабо пах ладаном.

У подножия лестницы глубокая выемка протянулась влево. Бледный пол из песчаника поддерживал непритязательную сероватую плиту, уложенную горизонтально в окружении фонарей.

«Вот он, собственной персоной», — понял Лэнгдон, читая надпись. АНТОНИО ГАУДИ

Когда Лэнгдон осмотрел место упокоения Гауди, он снова почувствовал резкую потерю Эдмонда. Он поднял глаза на статую Девы Марии над гробницей, цоколь которой имел незнакомый символ.

Господи, а это еще что?

Лэгдон разглядывал странный символ.

Это был тот редкий случай, когда Лэнгдон не смог узнать какой-то символ. В данном случае, он содержал одну из букв греческого алфавита, лямбду, которая, по мнению Лэнгдона, никак не могла быть частью христианской символики. Лямбда все-таки имела некий научный подтекст, главным образом, соотносясь с теорией эволюции, физикой элементарных частиц и космологией. Но еще более странным был тот факт, что из верхней части лямбды в данном символе произрастал идущий кверху христианский крест.

Религия, поддерживаемая наукой? Лэнгдон в жизни не видел ничего подобного.

— Озадачены символом? — спросил Бенья, подходя к Лэнгдону. — Вы не одиноки. Многие об этом спрашивают. Это не что иное, как уникальная модернистская интерпретация креста на вершине горы

Лэнгдон подошел чуть ближе, и увидел, что символ обрамляют три позолоченные звезды.

«Три звезды, расположенные в такой форме, подумал Лэнгдон, делают этот символ легко узнаваемым. Крест в верхней части символа — это гора Кармель*. А сам символ — не что иное, как Кармелитский крест».

* Кармель, горная гряда, также часто упоминается как гора Кармель или как горный хребет Кармель — горный массив на северо-западе Израиля. В русской Библии названа горой Кармил.

«Ну конечно же! Тело Гауди ведь и покоится прямо у Пресвятой Девы Марии с горы Кармил».

— Неужто Гауди был кармелитом? — Лэндону было очень сложно представить тот факт, что архитектор-модернист, являлся приверженцем строгой интерпретации католицизма братством двенадцатого века.

— Скорее всего, нет, — со смехом ответил

Беньа. — Но его опекуны были. Группа монахинь-кармелиток жила с Гауди и ухаживала за ним в последние годы. Они считали, он оценит то, что за ним следят и при смерти, и сделали щедрый дар этой часовне

— Предусмотрительно, — сказал Лэнгдон, ругая себя за неправильное толкование такого невинного символа. Видимо, все циркулирующие сегодня теории заговора заставили даже Лэнгдона воображать фантомы из воздуха.

— А не это ли книга Эдмонда? — неожиданно спросила Амбра.

Оба ее спутника повернулись, и увидели, как она направляется к правой части надгробия Гауди.

— Да, ответил Беньа. — Очень жаль, что здесь так темно.

Амбра поспешила к витрине, и Лэнгдон последовал за ней, увидев, что книга располагалась в темной части крипты, затененный массивной колонной справа от гробницы Гауди.

— Обычно там мы показываем информационные памфлеты, — сказал Беньа, — но я переместил их, чтобы освободить место для книги мистера Кирша. Кажется, никто не заметил.

Лэнгдон быстро присоединился к Амбре у похо-

жей на ящик витрине, которая имела наклонную стеклянную крышку. Внутри, открытое на странице 163, едва заметное в тусклом свете, лежало массивное переплетенное издание полных работ Уильяма Блейка.

Как сообщил им Беньямин, эта страница вовсе не была стихотворением, а скорее иллюстрацией Блейка. Лэнгдон размышлял, какие из изображений Бога ожидать от Блейка, но уж наверняка не это.

«Ветхий днями», — подумал Лэнгдон, вглядываясь во тьме на знаменитую акварельную гравюру Блейка 1794 года.

Лэнгдон был удивлен, что отец Беньямин назвал это «образом Бога». По общему признанию, на иллюстрации изображен классический христианский Бог — бородатый, измученный старик с седыми волосами, усевшийся на облаках и взирающий с небес — и все же немного исследований по части Беньямин раскрыли нечто совсем другое. На самом деле фигура была не христианским богом, а скорее божеством, называемым Уризен — богом, вызванным собственным иллюзорным воображением Блейка — изображенным здесь измеряющим небеса с помощью гигантского компаса, отдавая дань уважения научным законам

Вселенной.

Эта картина была настолько футуристической по стилю, что спустя столетия известный физик и атеист Стивен Хокинг выбрал ее в качестве суперобложки для своей книги «Бог создал целые числа». Кроме того, вечный творец Блейка наблюдал за Рокфеллеровским центром Нью-Йорка, где древний геометр смотрел вниз со скульптуры арт-деко, озаглавленной «Мудрость, свет и звук».

Лэнгдон посмотрел на книгу Блейка, снова удивляясь, почему Эдмонд поехал в такую даль, чтобы показать ее здесь. Или это чистая мстительность? Пощечина в лицо христианской церкви?

«Война Эдмонда против религии никогда не ослабевает,» — подумал Лэнгдон, взглянув на «Уризена»* Блейка. Богатство дало Эдмонду способность делать в жизни что ему нравилось, даже если это означало демонстрировать богохульное искусство в сердце христианской церкви.

* Название книги и верховное божество в сложной и оригинальной мифологии Уильяма Блейка

«Гнев и злоба,» — подумал Лэнгдон. Может быть, все просто. Справедливо или нет, но Эдмонд всегда обвинял в смерти своей матери организованную религию.

— Конечно, я полностью осознаю, — сказал Бе-

нья, — что на этой картине не христианский бог.

Лэнгдон удивленно повернулся к старому священнику.

— Да?

— Да, Эдмонд откровенно говорил об этом, хотя это и не нужно — я знаком с идеями Блейка.

— И все же у вас нет проблем с демонстрацией книги?

— Профессор, — прошептал священник, мягко улыбаясь. — Это Саграда-Фамилия. Внутри этих стен Гауди смешал Бога, науку и природу. Тема этой картины для нас не нова. — Его глаза загадочно мерцали. — Не все наше духовенство прогрессивно как я, но как вы знаете, для всех нас христианство продолжает работать. — Он мягко улыбнулся, кивнув на книгу. — Я рад, что мистер Кирш согласился не показывать свою карточку правовладельца с книгой. Учитывая его репутацию, не знаю, как бы я это объяснил, особенно после его выступления сегодня вечером. — Бенья замолчал, его лицо помрачнело. — Я чувствую, однако, вы надеялись найти не это изображение?

— Вы правы. Мы ищем строчку стихов Блейка.

— Тигр! Тигр! Вижу я. — предположил Бенья. — В джунглях ярких два огня?*

* Стихотворение Блейка «Тигр», в пер. М. Джумагазиева

Лэнгдон восхищенно улыбнулся от того, что Беньямин знал первую строчку самого известного стихотворения Блейка — шестистрофное религиозное сомнение, где спрашивается один ли и тот же бог создал грозного тигра и покорного ягненка.

— Отец Беньямин? — Спросила Амбра, присела и пристально посмотрела сквозь стекло. — У вас случайно не найдется телефона или фонарика?

— Нет, к сожалению. Может мне взять фонарь у могилы Антонио?

— Пожалуйста, если не затруднит, — попросила Амбра. — Это помогло бы.

Беньямин поспешил за фонарем.

Как только он ушел, она быстро прошептала Лэнгдону:

— Роберт! Эдмонд выбрал страницу сто шестьдесят три не из-за картины!

— Что вы имеете в виду? — На странице под номером 163 больше ничего нет.

— Это хитрая приманка.

— Вы меня запутали, — сказал Лэнгдон, разглядывая картину.

— Эдмонд выбрал страницу номер сто шестьде-

сят три потому, что невозможно посмотреть ее, не открыв одновременно предыдущую страницу, под номером сто шестьдесят два.

Лэнгдон перевел взгляд налево, исследуя фолиант, предшествующий «Ветхий днями»*. В тусклом свете он не многое разглядел на странице. На ней размещался всего лишь крошечный рукописный текст.

* «Ветхий днями» — гравюра английского художника и поэта Уильяма Блейка; это название — одно из имён Бога в Ветхом завете, упомянутое в книге пророка Даниила.

Бенья вернулся с фонарем и протянул его Амбре, которая подняла его над книгой. Когда мягкое свечение распространилось над открытой книгой, Лэнгдон вздрогнул.

На лицевой странице действительно был текст — рукописный, как и все оригинальные рукописи Блейка — с украшенными рисунками полями, рамками и различными фигурами. Однако, наиболее важно, текст на странице располагался элегантными строфами поэзии.

Прямо над головой в главном святилище агент Диас ходил в темноте, гадая, где его напарник.

Фонсека уже должен был вернуться.

Когда телефон в кармане начал вибрировать,

он подумал, что вероятно, ему звонит Фонсека, но проверив номер вызывающего абонента, Диас увидел имя, которого никогда не ожидал увидеть.

Моника Мартин.

Он не мог представить, чего хотела пиар-координатор, но что бы это ни было, она должна напрямую звонить Фонсеке. Он главный агент в этой команде.

— Алло, — ответил он. — Это Диас.

— Агент Диас, это Моника Мартин. Кое-кто хочет поговорить с вами.

Через мгновение на линии объявился решительный и знакомый голос.

— Агент Диас, это командующий Гарса. Пожалуйста, заверьте меня, что мисс Видаль в безопасности.

— Да, командир, — выпалил Диас, чувствуя, как его завораживает звук голоса Гарсы. — Мисс Видаль в полной безопасности. Мы с агентом Фонсекой в настоящее время с ней и в безопасности находимся внутри…

— Не по телефону, — резко оборвал его Гарса. — Если она в безопасном месте, держите ее там. Не перемещайтесь. Я с облегчением слышу ваш голос. Мы пытались дозвониться агенту Фонсеке,

но ответа не последовало. Он с вами?

— Да сэр. Он отошел, чтобы позвонить, но должен вернуться…

— У меня нет времени ждать. В настоящее время меня арестовали, и мисс Мартин одолжила мне свой телефон. Послушайте меня очень внимательно. История похищения людей, как вы, несомненно, поняли, оказалась полной ложью. Это подвергло мисс Видаль большому риску.

«Вы не представляете,» — подумал Диас, вспоминая сцены хаоса на крыше Каса Мила.

— Также неправда и сообщение, что я оклеветал епископа Вальдеспино.

— Я так и подумал, сэр, но…

— Мы с мисс Мартин пытаемся выяснить, как лучше всего справиться с этой ситуацией, а пока нужно держать будущую королеву подальше от глаз людских. Это ясно?

— Конечно, сэр. Но кто отдал приказ?

— Не могу сказать этого по телефону. Делайте, как я прошу, и держите Амбру Видаль подальше от СМИ и подальше от опасности. Мисс Мартин проинформирует вас о дальнейших событиях.

Гарса повесил трубку, а Диас стоял один в темноте, пытаясь понять смысл звонка.

Он собирался засунуть телефон обратно в кар-

ман пиджака и услышал шелест ткани за спиной. Когда он обернулся, из темноты вылезли две бледные руки и крепко сжали голову Диаса. Со стремительной скоростью руки сильно выгнулись в сторону.

Диас почувствовал, как щелкнула его шея, и в череп ворвалась жгучая боль.

Потом все потемнело.

ГЛАВА 71

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

НОВАЯ НАДЕЖДА НА ПОТРЯСАЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ КИРША!

Координатор по связям с общественностью Мадридского дворца Моника Мартин сделала ранее официальное заявление, заявив, что испанская королева Амбра Видаль похищена и находится в плену американского профессора Роберта Лэнгдона. Дворец призвал подключиться местные власти и найти королеву.

Гражданский независимый наблюдатель monte@iglesia.org только что прислал нам следующее заявление:

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПОХИЩЕНИИ ИЗ ДВОРЦА 100 % ФАЛЬШИВКА — УЛОВКА, ЧТОБЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕСТНУЮ ПОЛИЦИЮ И ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ЛЭНГДОНУ В ДОСТИЖЕНИИ ЕГО ЦЕЛИ В БАРСЕЛОНЕ (ЛЭНГДОН/ВИДАЛЬ ВЕРЯТ, ЧТО СМОГУТ НАЙТИ СПОСОБ РАСПРОСТРАНИТЬ ПО ВСЕМУ МИРУ ОТКРЫТИЕ КИРША). ЕСЛИ ИМ ЭТО УДАСТСЯ, ПРЕЗЕНТАЦИЯ КИРША МОЖЕТ

НАЧАТЬСЯ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ. БУДЬТЕ НА СВЯЗИ.

Невероятно! И вы узнаете здесь об этом первыми: Лэнгдон и Видаль в бегах, потому что хотят завершить дело, начатое Эдмондом Киршем! Дворец в отчаянно пытается остановить их. (Снова Вальдеспино? А как относится принц ко всему этому?)

Другие новости по мере поступления, следите за обновлениями, потому что тайны Кирша могут быть раскрыты сегодня!

ГЛАВА 72

Принц Хулиан выглянул из «Опель-седана», ехавшего по сельской местности, и попытался понять странное поведение епископа.

Вальдеспино что-то скрывает.

Прошло более часа с тех пор, как епископ тайно вывел Джулиана из дворца (крайне нестандартное действие), уверяя его, что это для его собственной безопасности.

Он просил не задавать вопросы… только доверять.

Епископ всегда был для него дядей и доверенным доверенным лицом отца Хулиана. Но предложение Вальдеспино спрятаться в летнем домике принца с самого начала показалось Джулиану сомнительным. Что-то не так. Меня изолировали — нет телефона, нет охраны, нет новостей, и никто не знает, где я.

Когда автомобиль переезжал через железнодорожные пути возле Каситы дель Принсипе, Хулиан посмотрел на лесную дорогу впереди. В сотне ярдов слева вырисовывался въезд на длинную, обсаженную деревьями подъездную

дорожку, ведущую к удаленному загородному дому.

При виде опустевшей резиденции у Хулиана вдруг пробудился инстинкт самосохранения. Он нагнулся и твердо положил руку на плечо сидевшего за рулем аколита.

— Остановите, пожалуйста, здесь.

Вальдеспино с удивлением обернулся.

— Мы почти…

— Я хочу знать, что происходит! — рявкнул принц, его голос прозвучал громко в маленьком автомобиле.

— Дон Хулиан, сегодня было беспокойно, но вы должны…

— Я должен доверять вам? — потребовал Хулиан.

— Да.

Хулиан сжал плечо молодого водителя и указал на травянистую обочину на пустынной проселочной дороге.

— Остановите, — резко приказал он.

— Продолжайте ехать, — возразил Вальдеспино. — Дон Хулиан, я объясню…

— Остановите машину! — проревел принц.

Аколит свернул на обочину, затормозив на траве.

— Оставьте нас одних, пожалуйста, — приказал Хулиан, его сердце быстро застучало.

Аколиту не нужно было говорить дважды. Он выскочил из машины на холостом ходу и поспешил в темноту, оставив Вальдеспино и Хулиана на заднем сиденье.

В бледном лунном свете Вальдеспино выглядел неожиданно испуганным.

— Вам есть чего бояться, — сказал Хулиан таким авторитетным голосом, что он испугался даже самого себя. Вальдеспино отодвинулся назад, ошеломленный угрожающим тоном, который Хулиан никогда раньше не использовал с епископом.

— Я будущий король Испании, — сказал Хулиан. — Сегодня вы отозвали мою службу безопасности, отказали в доступе к моему телефону и моим сотрудникам, запретили слушать какие-либо новости и отказались связаться с моей невестой.

— Я правда извиняюсь… — начал Вальдеспино.

— Вам придется ответить за это, — перебил Хулиан, глядя на епископа, который теперь казался ему на удивление низкорослым.

Вальдеспино медленно вздохнул и повернулся лицом к Хулиану в темноте.

— Вчера вечером со мной связались, дон Хули-

ан, и сказали…

— Кто связался?

Епископ колебался.

— Ваш отец. Он глубоко расстроен.

«Он расстроен?» Хулиан посетил своего отца всего два дня назад в Паласио-де-ла-Сарсуэла и нашел его в отличном настроении, несмотря на ухудшающееся здоровье.

— Почему он расстроен?

— К сожалению, он видел трансляцию Эдмонда Кирша.

Хулиан почувствовал, как сжимаются его челюсти. Его тяжелобольной отец спал почти двадцать четыре часа в сутки, а в тот час и вовсе не мог быть на ногах. Более того, король запретил размещение телевизоров и компьютеров в дворцовых спальнях, которые, по его настоянию, были своего рода святынями, предназначенными лишь для сна и чтения — и ухаживавшие за ним медсестры с нянечками знали достаточно, чтобы предотвратить его попытки встать с постели и посмотреть на публичную сумасбродную выходку атеиста.

— Это была моя ошибка, — сказал Вальдеспино. — Чтобы он не чувствовал себя слишком уж отрезанным от мира, пару недель тому назад я дал ему планшет. Он учился писать на нем СМС-

сообщения и электронные письма. В итоге, он посмотрел презентацию Кирша на этом самом планшете.

Хулиану было невыносимо думать о том, как его отец, жить которому оставалось, возможно, считанные недели, смотрит раскольническую антикатолическую передачу, спровоцировавшую затем кровавую расправу. Короля вместо этого должны были занимать выдающиеся свершения, которые он сделал для страны.

— Как вы можете себе представить, — продолжал Вальдеспино, вновь оседлавший свою выдумку, — он много чем был озадачен, но особенно — смыслом замечаний Кирша и желанием вашей невесты вести это мероприятие. Король посчитал, что причастность к нему будущей королевы плохо отразится на вас… и на всех во дворце.

— Амбра — независимый человек, имеющий собственное мнение. Мой отец прекрасно об этом знает.

— Как бы то ни было, когда он позвонил мне, его разум был светлым, а тон сердитым, одним словом, он был именно таким, каким я знал его многие годы. И он приказал мне немедленно привезти вас к нему.

— В таком случае, почему же мы здесь? — требовательно спросил Хулиан, показывая жестом вперед, на подъездную дорожку к домику. — Он же во Дворце Сарсуэла.

— Уже нет, — тихо сказал Вальдеспино. — Он приказал своим помощникам и медсестрам одеть его, посадить в кресло-коляску и отвезти в другое место. Таким образом, он сможет провести остаток дней своих, погрузившись в историю своей страны.

Когда епископ произнес эти слова, Хулиан понял правду.

Мы вообще не намеревались ехать в Каситу.

Взволнованный Хулиан отвернулся от епископа, глядя мимо подъездной дороги Каситы на проселочную дорогу, которая простиралась перед ними. Вдали, сквозь деревья он разглядел освещенные шпили грандиозного здания.

Монастырь Эскориал.

На удалении не более мили, у подножия горы Абантос подобно крепости располагался один из крупнейших в мире религиозных комплексов — легендарный испанский Эскориал. Обладая площадью более восьми акров, это комплекс вмещал монастырь, базилику, королевский дворец, музей, библиотеку и целый ряд обителей смерти,

самых страшных из тех, которые Хулиан когда либо видел.

Королевская усыпальница.

Отец Хулиана привел его в крипту, когда Хулиану было всего восемь лет, направляя мальчика через Пантеон-де-Инфантес с погребальными палатами, переполненными гробницами королевских детей.

Хулиан никогда не забудет, как увидел ужасающую «гробницу-торт ко дню рождения» — массивную круглую гробницу, похожую на торт с белой глазурью и содержащий останки шестидесяти королевских детей, всех из которых поместили в «ящики» и разложили по сторонам «торта» на целую вечность.

Ужас Хулиана от вида этой страшной гробницы затмился через несколько минут, когда отец отвел его посмотреть на последнее место упокоения матери. Хулиан ожидал увидеть мраморную гробницу, подобающую для королевы, но вместо этого тело матери лежало в потрясающе простом свинцовом ящике в голом каменном зале в конце длинного коридора. Король объяснил Хулиану, что его мать в настоящее время похоронена в пудридеро — «гниющей палате» — где королевские тела оставались погребенными в течение

тридцати лет, пока от их плоти не оставалось ничего, кроме пыли. И в это время их перемещали в постоянные могилы. Хулиан вспомнил о необходимости собрать все свои силы, чтобы побороть слезы и желание болеть.

Затем отец повел его на вершину крутой лестницы, которая, казалось, спускалась навсегда в подземную темноту. Здесь стены и лестницы были уже не из белого мрамора, а величественного янтарного цвета. На каждом третьем шаге поминальные свечи отражали мерцающий свет на коричневом камне.

Молодой Хулиан поднялся и схватился за древние веревочные перила, спускаясь с отцом ступеньку за ступенькой… глубоко в темноту. У подножия лестницы король открыл богато украшенную дверь и отошел в сторону, показывая знаком молодому Хулиану войти.

«Пантеон королей,» — сказал ему отец.

Даже в восемь лет Хулиан слышал об этом зале — дворец легенд.

Дрожа, мальчик переступил порог и оказался в роскошной охристой палате. В помещении восьмиугольной формы пахло ладаном и, казалось оно подрагивало от неровного света свечей, горевших в верхней люстре. Хулиан переместился

в центр зала, медленно повернувшись на месте, чувствуя себя озябшим и маленьким в торжественном пространстве.

Во всех восьми стенах были глубокие ниши, где одинаковые черные гробы стояли от пола до потолка, на каждом имелась золотая табличка. Имена на гробах были со страниц книг по истории Хулиана — король Фердинанд… Королева Изабелла… король Карл V, император Священной Римской империи.

В тишине Хулиан чувствовал груз отцовской любимой руки на своем плече, и серьезность момента поразила его. Однажды моего отца похоронят в этом самом зале.

Не говоря друг другу ни слова, отец с сыном выбрались из подземелья, уходя подальше от смерти, навстречу дневному свету. Как только они оказались снаружи, находясь под палящим испанским солнцем, король присел на корточки, и посмотрел в глаза восьмилетнему Хулиану.

— Memento mori,* — прошептал монарх. — Помни о смерти. Жизнь коротка даже для сильнейших мира сего. Есть только один способ одержать победу над смертью — сделать свою жизнь шедевром и ее достойно. Мы должны цепляться за каждую возможность проявить доброту и без-

раздельную любовь. Глядя в твои глаза, я вижу, что у тебя очень щедрая душа, которую ты унаследовал от своей матери. Совесть послужит тебе проводником. А когда в жизни будут трудности, то сердце подскажет тебе путь.

* Помни о смерти (лат.)

Даже спустя несколько десятилетий Хулиану не нужно было напоминаний о том, что он сделал слишком мало, чтобы считать свою жизнь шедевральной. Фактически, он едва успел выйти из тени короля и утвердиться как вполне самостоятельная личность.

«Я разочаровал отца во всех отношениях».

В течение многих лет Хулиан следовал совету отца и зову своего сердца; но это был извилистый путь, ведь его сердце жаждало для Испании настолько противоположного по сравнению с его отцом. Сны Хулиана о его любимой стране были настолько смелыми, что нельзя было рассказывать о них до смерти отца. И даже тогда Хулиан понятия не имел, как воспримет его поступки не только королевский дворец, но и вся нация. Хулиану оставалось лишь ждать, сохраняя открытое сердце и уважая традиции.

А потом, три месяца назад все изменилось.

Я встретил Амбру Видаль.

Живая, решительная красота перевернула мир Хулиана вверх дном. В течение нескольких дней после их первой встречи Хулиан наконец понял слова своего отца. Пусть сердце подскажет тебе дорогу… и используй любую возможность, чтобы любить всецело! Восхищение влюбленности было не похоже ни на что, и Хулиан почувствовал, что возможно наконец предпринять первые шаги и сделать свою жизнь счастливой.

Однако теперь, когда принц безучастно смотрел на дорогу, его охватило предчувствие одиночества и изоляции. Его отец умирал; женщина, которую он любил, не разговаривала с ним; и он только что отчитал своего доверенного наставника, епископа Вальдеспино.

— Принц Хулиан, — мягко приказал епископ. — Мы должны ехать. Ваш отец слаб, и он хочет поговорить с вами.

Хулиан медленно повернулся к лучшему другу своего отца.

— Как вы думаете, сколько ему осталось? — прошептал он.

Голос Вальдеспино задрожал, словно он был на грани слез.

— Он попросил меня не беспокоить вас, но я чувствую, что конец наступит быстрее, чем кто-

либо ожидал. Он хочет попрощаться.

— Почему вы не сказали мне, куда мы направляемся? — спросил Хулиан. — Почему кругом ложь и тайны?

— Извините, у меня не было выбора. Ваш отец отдал мне четкие приказы. Он приказал мне изолировать вас от внешнего мира и от новостей, пока у него не будет возможности поговорить с вами лично.

— Изолировать меня… от каких новостей?

— Я думаю, будет лучше, если вы позволите отцу объяснить.

Хулиан долгое время изучал епископа.

— Прежде чем я увижу его, мне нужно кое-что знать. Он ясно мыслит? Он в своем уме?

Вальдеспино недоверчиво посмотрел на него.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что, — ответил Хулиан, — его сегодняшние требования кажутся странными и импульсивными.

Вальдеспино печально кивнул.

— Импульсивно или нет, ваш отец все еще король. Я люблю его и делаю как он приказывает. Мы все делаем.

ГЛАВА 73

Стоя бок о бок у витрины, Роберт Лэнгдон и Амбра Видаль смотрели на рукопись Уильяма Блейка, освещенную мягким свечением масляной лампы. Отец Бенья отошел, чтобы выровнять несколько скамеек, тактично предоставив им уединение.

Лэнгдон испытывал трудности, читая крошечные буквы в рукописном тексте стихотворения, но большой заголовок в верхней части страницы был совершенно разборчивым.

«Вала или Четыре Зоа»*

* Название одного из наиболее известных произведений Блейка.

При виде этих слов у Лэнгдона забрезжил луч надежды. «Четыре зоа» — название одной из наиболее известных пророческих поэм Блейка — большое произведение, разделенное на девять «ночей» или глав. Насколько помнил Лэнгдон по изучению в колледже, данное произведение основывалось, главным образом, на падении традиционной религии и потенциальном доминировании науки.

Лэнгдон просмотрел строфы текста, увидев, что рукописные строки заканчиваются на половине странице элегантным эскизом «finis divisionem» — графическим эквивалентом слова «конец».

Он понял, что это последняя страница поэмы. Финал одного из пророческих шедевров Блейка!

Лэнгдон наклонился и прищурился, приглядываясь к крошечным буковкам, но не смог прочитать текст в тусклом свете фонаря.

Амбра почти припала к стеклу, приблизившись к нему лицом до расстояния в дюйм. Она молча просматривала поэму, задержавшись на строчке, которую прочла вслух.

— И человек идёт вперёд сквозь пламя, все зло навеки им истреблено.

— Она повернулась к Лэнгдону. — Все зло навеки им истреблено?

Лэнгдон обдумал это, смутно кивнув.

— Я считаю, что Блейк имеет в виду искоренение продажной религии. Безрелигиозное будущее — одно из его повторяющихся пророчеств.

Амбра посмотрела с надеждой.

— Эдмонд говорил, что его любимый фрагмент в поэме — пророчество, которое, он надеялся, когда-нибудь сбудется.

— Так, — сказал Лэнгдон, — будущее без рели-

гии — это как раз то, что хотел Эдмонд. Сколько букв в этой строке?

Амбра начала подсчет, но очень скоро покачала головой. — Тут больше пятидесяти.

Она принялась просматривать поэму дальше, но вскоре опять остановилась.

— А как насчет этой строки? «И человек, свои глаза расширив, увидел чудных глубину миров».

— Возможно, — отозвался Лэнгдон, размышляя о значении этой фразы. Человеческий интеллект постоянно растет, развиваясь со временем, позволяя нам глубже проникнуть в истину.

— Эта строка тоже слишком длинная, — сказала Амбра. — Посмотрю дальше.

Она продолжила просмотр страницы, а Лэнгдон стал расхаживать позади нее, раздумывая над всем этим. Те строки, которые Амбра прочитала, отозвались эхом в его голове и вызвали отдаленные воспоминая о том, как он изучал творчество Блейка в Принстоне на занятиях по Британской литературе.

Как иногда бывало в подобных случаях, в зрительной памяти Лэнгдона вырисовывались образы. Эти образы, в свою очередь, вызывали новые, и так до бесконечности. И вдруг, стоя здесь, в крипте, Лэнгдон выхватил из памяти образ

профессора, который по завершении изучения произведения «Четыре Зоа» предстал перед студентами и задал извечные вопросы: «Что бы вы выбрали? Мир без религии? Или мир без науки?» Потом он добавил: «Конечно, мы точно знаем, что выбрал бы сам Уильям Блейк. Его надежды на будущее абсолютно четко изложены в последней строке этой эпической поэмы».

Лэнгдон испуганно вздохнул и повернулся к Амбре, которая все еще просматривала текст поэмы Блейка.

— Амбра, открой сразу концовку произведения! — сказал он, окончательно вспоминая последнюю строчку.

Амбра посмотрела в конец поэмы. Разглядывая минуту, она повернулась к нему с широко раскрытыми и изумленными глазами.

Лэнгдон присоединился к ней, разглядывая текст. Теперь, когда он знал эту строчку, он смог разглядеть еле видный рукописный текст:

«Мрак суеверий темных отступает & свет науки правит бал».

— Мрак суеверий темных отступает, — прочла вслух Амбра, — и свет науки правит бал.

Эта строчка было не только пророчеством, которое поддерживал Эдмонд, а в сущности еще и

квинтэссенцией его сегодняшней презентации.

Религии исчезнут… а миром будет править наука.

Амбра принялась внимательно считать буквы в этой строке, однако Лэнгдон знал, что в этом нет никакой необходимости. Вот оно. Вне всякого сомнения. Его разум уже был целиком занят доступом к Уинстону и запуском презентации Эдмонда. Но Лэнгдону требовалось остаться с Амброй наедине, чтобы посвятить ее в детали своего плана.

Он повернулся к отцу Бенье, который как раз возвращался.

— Отец? — спросил он. — Мы почти закончили. Не могли бы вы подняться наверх и попросить гвардейцев вызвать вертолет? Мы должны улететь без промедления.

— Конечно, ответил Бенья, направившись к лестнице. — Надеюсь, вы нашли то, что искали. До встречи наверху.

Как только священник исчез наверху, Амбра оторвалась от книги с явной тревогой во взгляде.

— Роберт, сказала она. Что-то не сходится. Я пересчитала дважды. Здесь только сорок шесть букв, а нам нужно, чтобы было сорок семь.

— Что? — Лэнгдон подошёл к ней, косясь на

текст и тщательно подсчитывая каждую рукописную букву. «Мрак суеверий темных отступает, & свет науки правит бал». Ну явно у него получилось сорок шесть. — Озадаченный, он вновь изучил эту строку. — Эдмонд точно говорил «сорок семь», а не «сорок шесть»?

— Абсолютно.

Лэнгдон перечитал строчку. «Но это должна быть она, — подумал он. — Что я упустил?»

Он тщательно пересчитал каждую букву в последней строчке поэмы Блейка и дошел почти до конца, а потом увидел его.

…& свет науки правит бал».

— Амперсанд, — выпалил Лэнгдон. — Блейк использовал символ вместо союза «и».

Амбра странно посмотрела на него, а затем покачала головой.

— Роберт, если мы подставим союз «и»… тогда в строке будет сорок восемь букв. Больше, чем нужно.

«Неправда. — Лэнгдон улыбнулся. — Это код внутри кода».

Лэнгдон удивился маленькому хитрому ходу Эдмонда. Гений-параноик использовал простой типографский трюк для надежности: даже если кто-то обнаружит, какая его любимая строчка

поэзии, они все равно не смогут правильно ее напечатать.

«Символ амперсанда, — подумал Лэнгдон. — Эдмонд вспомнил об этом».

Происхождение амперсанда всегда было одной из первых тем, которые Лэнгдон преподавал на своих занятиях по символогии. Символом «&» был логограмм — буквально изображение, представляющее слово. В то время как многие люди приняли символ, полученный от английского слова «и», он фактически произошел от латинского слова et. Необычный дизайн амперсанда «&» был типографским слиянием букв E и T — лигатуры, которые все еще видны сегодня в компьютерных шрифтах, таких как Trebuchet, чей амперсанд «&» явно говорит о своем латинском происхождении.

Лэнгдон никогда не забудет, что через неделю после того, как он рассказал курсу Эдмонда об амперсанде, молодой гений появился в майке с надписью «Амперсанд звонит домой!» — игривый намек на фильм Спилберга об инопланетянине по имени «ET», который пытался найти дорогу домой.

Теперь, стоя над стихотворением Блейка, Лэнгдон смог в полной мере представить пароль

Эдмонда из сорока семи букв.

мраксуеверийтёмныхотступаетetсветнауки-правитбал

«В этом весь Эдмонд,» — подумал Лэнгдон, быстро поделившись с Амброй умным трюком, который Эдмонд использовал для повышения уровня безопасности своего пароля.

Когда ей стало ясно, Амбра начала улыбаться так же широко, как улыбнулась Лэнгдону при их знакомстве.

— Что ж, — сказала она, — полагаю, если у нас были какие-то сомнения, что Эдмонд Кирш гик…

Они одновременно рассмеялись вдвоем, улучив момент, чтобы выдохнуть в уединении крипты.

— Вы нашли пароль, — сказала она, выражая благодарность. — И мне жаль как никогда, что я потеряла телефон Эдмонда. Если бы у нас он был, мы могли бы запустить презентацию Эдмонда прямо сейчас.

— Не ваша вина, — сказал он успокаивающе. — И как я уже говорил, я знаю, как найти Уинстона.

— По крайней мере, думаю, что знаю, — размышлял он, надеясь на свою правоту.

Когда Лэнгдон представлял воздушный вид Барселоны и необычную загадку, которая ждет

впереди, тишину крипты нарушил резкий звук, эхом отозвавшийся на лестнице.

Наверху кричал отец Бенья и звал их по именам.

ГЛАВА 74

— Быстрей! Мисс Видаль… профессор Лэнгдон… срочно сюда!

Лэнгдон с Амброй помчались по лестнице крипты, слыша отчаянные крики отца Беньи. Достигнув верхней ступени лестницы, Лэнгдон ступил на пол святилища, но тут же растерялся в кромешной тьме.

Ничего не видно!

Он медленно двинулся вперед в темноту, напрягая глаза, чтобы привыкнуть к свету масляных ламп. Амбра подошла к нему, тоже прищурившись.

— Сюда! — с отчаянием закричал Бенья.

Они двинулись на звук, наконец заметив священника в сумрачных бликах света, которые просачивались с лестницы. Отец Бенья стоял на коленях, склонившись над темным силуэтом тела.

Некоторое время они были на стороне Беньи, и Лэнгдон отшатнулся, увидев тело агента Диаса, лежащего на полу со странно перекошенной головой. Диас лежал на животе со свернутой на-

зад на 180 градусов головой, а его безжизненные глаза нацелились на потолок собора. Лэнгдон в ужасе съежился, теперь понимая панические крики отца Беньи.

Холодная волна страха охватила его, и он резко остановился, вглядываясь в темноту и пытаясь понять нет ли кого в пещероподобном храме.

— Его пистолет, — прошептала Амбра, указывая на пустую кобуру Диаса. — Он исчез. Агент Фонсека?! — вглядываясь в темноту выкрикнула она.

Почти в абсолютной тьме неожиданно раздался стук шагов по плиточному полу и звук падающих тел, схлестнувшихся в ожесточенной борьбе. Затем с поразительной внезапностью раздался оглушительный выстрел с близкого расстояния. Лэнгдон, Амбра и Беньа разом вздрогнули, а когда выстрел эхом отозвался в святилище, они услышали надломленный голос, призывающий… — ¡Corre! Бегите!

Раздался второй выстрел, сопровождаемый тяжелым глухим стуком — безошибочно распознаваемым звуком упавшего на пол тела.

Лэнгдон уже схватил Амбру за руку и тянул ее в глубокую тень около боковой стены святилища. Отец Беньа стоял позади в шаге от них, и все трое съежились в напряженной тишине у холодного

камня.

Глаза Лэнгдона привыкли к темноте, и он пытался разобраться, что происходит.

Кто-то только что убил Диаса и Фонсеку! Кто здесь еще? И что они хотят?

Лэнгдону пришел в голову только один логический ответ: убийца, скрываясь в темноте Храма Святого Семейства, пришел сюда уничтожить не двух случайных агентов Гвардии… он пришел за Амброй и Лэнгдоном.

Кто-то по-прежнему пытается утаить открытие Эдмонда.

Внезапно яркий фонарик вспыхнул посредине святилища. Луч раскачивался взад-вперед по широкой дуге, двигаясь в их сторону. Лэнгдон знал: у них остались считанные секунды, и луч коснется их.

— Сюда, — прошептал Бенья, потянув Амбру вдоль стены в противоположном направлении. Лэнгдон последовал туда, так как свет качнулся ближе. Бенья и Амбра внезапно резко спустились вправо, скрывшись в отверстии в камне, и Лэнгдон нырнул за ними, сразу же наткнувшись на невидимую лестницу. Амбра и Бенья поднялись дальше, Лэнгдон снова встал на ноги и продолжал следовать за ними, оглядываясь назад и

наблюдая, как под ним появляется луч света и освещает нижние ступени.

Лэнгдон застыл в темноте в ожидании.

Свет оставался там долгое время, а затем он стал ярче.

Он идет в ту сторону!

Лэнгдон слышал, как над ним Амбра с Беньей старались двигаться по лестнице как можно тише. Он развернулся и начал двигаться за ними, но снова споткнулся, ударившись о стену и понимая, что лестница не прямая, а изогнутая. Прижимая руку к стене для надежности, Лэнгдон начал взбираться вверх по узкой спирали, быстро понимая, где он.

Ужасно коварная лестница Саграда-Фамилии.

Он поднял глаза и увидел очень слабое свечение, просачивающееся вниз от световых колодцев наверху, достаточно освещения, чтобы открыть узкую шахту, которая его закрыла. Лэнгдон почувствовал, как его ноги сжались, и он остановился на лестнице, преодолевая клаустрофобию в катастрофически узком проходе.

Продолжай взбираться! Разум подталкивал его вверх, но мускулы застыли от страха.

Где-то под собой Лэнгдон услышал звук тяжелых шагов, приближающихся из святилища. Он

заставил себя двигаться, следуя за спиральными шагами вверх как можно быстрее. Над ним слабый свет стал ярче, когда Лэнгдон прошел через отверстие в стене — широкую щель, через которую он кратко увидел городские огни. Порыв прохладного воздуха ударил его, когда он проскользнул мимо этого света, и погрузился во тьму, заворачивая еще выше.

На лестнице внизу раздались шаги, и фонарик бесшумно нащупал центральную шахту. Лэнгдон прошел еще одну световую шахту, а шаги преследователя стали громче, противник уже приближался по лестнице к нему.

Лэнгдон догнал Амбру и отца Бенью, который еле дышал. Лэнгдон выглянул за внутренний край лестницы в центральную шахту. Высота была головокружительной — узкая круглая дыра, которая выглядела как гигантская спиралевидная раковина. Барьер практически отсутствовал, только высотой с лодыжку внутренний порог, не обеспечивающий никакой защиты. Лэнгдону пришлось побороть волну тошноты.

Он повернул глаза в темноту шахты над головой. Лэнгдон слышал, что у этой лестницы более четырехсот ступеней; если так, то они не успеют добраться до вершины, и вооруженный человек

догонит их.

— Вы вдвоем… вперед! — выдохнул Беньямин, отступая в сторону и призывая Лэнгдона и Амбру пройти мимо него.

— Нет шансов, отец, — сказала Амбра и подошла помочь старому священнику.

Лэнгдон восхищался ее защитным инстинктом, но он также знал, что бегство по этой лестнице это самоубийство, которое скорее всего закончится пулями в спину. Из двух животных инстинктов для выживания, «борьба или бегство», бегство исключено.

У нас ничего не получится.

Давая Амбре и отцу Бенье поднажать, Лэнгдон повернулся, прочно стоя на ногах, и посмотрел вниз на винтовую лестницу. Луч фонарика приближался. Он прислонился к стене и присел в тени, ожидая, пока на ступенях не покажется свет. Убийца внезапно появился из-за поворота — темная фигура дигалась, вытянув обе руки, одна сжимала фонарик, а другая — пистолет.

Лэнгдон отреагировал инстинктивно, вскочил с корточек и бросился очертя голову. Мужчина увидел его и начал поднимать пистолет. В это мгновение пятки Лэнгдона пронзили его грудь мощным толчком, отбрасывая к стене лестницы.

Следующие несколько секунд помнятся смутно.

Лэнгдон упал, тяжело приземлившись на бок, извиваясь от боли в бедре. Нападавший рухнул назад, пролетев несколько ступенек и со стоном приземлился. Фонарик отскочил вниз по лестнице и остановился, посылая косой луч света на боковую стену и освещая металлический предмет на лестнице на полпути между Лэнгдоном и его противником.

Пистолет.

Оба мужчины одновременно бросились за ним, но у Лэнгдона были преимущества. Он первым схватил и направил оружие на противника, остановившегося прямо под ним и демонстративно уставившегося на ствол пистолета.

В сиянии фонарика Лэнгдон увидел мужскую бородку с проседью и идеально белые брюки… и в одно мгновение он понял, кто это.

Морской офицер из Гугенхайма…

Лэнгдон направил пистолет в затылок мужчины, чувствуя указательный палец на спусковом крючке.

— Вы убили моего друга Эдмонда Кирша.

Человек запыхался, но ответ последовал незамедлительно. Его голос напоминал лед.

— Мы квиты. Ваш друг Эдмонд Кирш убил мою семью.

ГЛАВА 75

Лэнгдон сломал мне ребра.

Адмирал Авила чувствовал острые удары всякий раз, когда вдыхал, вздрагивая от боли. Его грудь тяжело вздымалась, пытаясь восполнить недостаток кислорода в организме. Роберт Лэнгдон, свернувшись на лестнице над ним, смотрел вниз, неловко нацеливая пистолет в живот Авилы.

Военная подготовка Авилы мгновенно подействовала, и он начал оценивать свое положение. Среди минусов — его враг держал как оружие, так и высоту. Среди плюсов — судя по необычной хватке пистолета, у профессора почти отсутствовал опыт обращения с огнестрельным оружием.

«Он не собирался в меня стрелять, — решил Авила. — Он будет держать меня и ждать охранников». Судя по крикам на улице стало ясно, что охранники Саграда-Фамилии услышали выстрелы и теперь спешили в здание.

Нужно действовать быстро.

С поднятыми вверх руками Авила медленно опустился на колени, выражая полное повинове-

ние и смирение.

Дать Лэнгдону ощущение, что он находится под полным контролем.

Несмотря на падение вниз по лестнице, Авила чувствовал, что засунутый сзади за пояс предмет все еще на месте — керамический пистолет, которым он убил Кирша в Гуггенхайме. Перед тем как войти в церковь, он вставил последнюю оставшуюся пулю, но она ему не понадобилась. Он молча убил одного из охранников и украл его гораздо более совершенный пистолет, который, к несчастью, Лэнгдон теперь нацелил на него. Авила надеялся, что он оставил его на предохранителе, догадываясь, что Лэнгдон понятия не имеет, как его снять.

Авила хотел попытаться выхватить керамический пистолет с пояса, чтобы выстрелить в Лэнгдона, но даже если попытка окажется успешной, Авила оценил свои шансы на выживание примерно пятьдесят пятьдесят. Одной из опасностей неопытных пользователей оружия было их стремление стрелять по ошибке.

Если я двигаюсь слишком быстро…

Крики охранников приближались, и Авила знал, что если его возьмут под стражу, благодаря татуировке «victor»* на ладони его освободят,

или, по крайней мере, в этом заверил его Регент. Однако, на данный момент убив двух агентов Королевской гвардии, Авила не был уверен, что влияние Регента поможет спасти его.

* победитель

«Я приехал сюда, чтобы выполнить миссию, — напомнил себе Авила. — И я должен закончить ее. Устранить Роберта Лэнгдона и Амбру Видаль».

Регент посоветовал Авиле войти в церковь через восточные служебные ворота, но Авила решил вместо этого перепрыгнуть ограждение безопасности. Я заметил, что полиция прячется возле восточных ворот… и поэтому я сымпровизировал.

Лэнгдон говорил напористо, пристально глядя на оружие Авилы.

— Вы сказали, что Эдмонд Кирш убил вашу семью. Это ложь. Эдмонд не был убийцей.

«Он прав, — подумал Авила. — Тот был еще хуже».

Темная правда о Кирше была тайной, которую Авила узнал всего неделю назад во время телефонного звонка от Регента.

— Наш папа просит вас нацелиться на знаменитого футуриста Эдмонда Кирша, — сказал Регент. — У Его Святейшества много мотивиро-

вок, но он хотел, чтобы вы лично взяли на себя эту миссию.

— Почему я? — спросил Авила.

— Адмирал, — прошептал Регент. — Сожалею, что приходится говорить вам это, но именно Эдмонд Кирш повинен в том взрыве собора, при котором погибла ваша семья.

Первой реакцией Авилы было полное недоверие. Он не мог отыскать ни одной причины, по которой известнейшему ученому-компьютерщику понадобилось бы взрывать храм.

— Вы военный, адмирал, — объяснил ему Регент, — и знаете лучше, чем кто-либо: молодой солдат, нажавший курок в бою — не настоящий убийца. Он пешка, работающая на более влиятельных — правительства, генералов, религиозных лидеров, тех, кто либо заплатил ему, либо убедил его в том, что причина достойна любых расходов.

Авила и впрямь сталкивался с такой ситуацией.

— Эти же правила применяются к терроризму, — продолжил Регент. — Самыми порочными террористами являются не люди, которые собирают бомбы, а влиятельные лидеры, которые питают ненависть к отчаянным массам, вдохнов-

ляя своих пехотинцев совершать акты насилия. Лишь одна мощная темная душа может нанести ущерб миру, вдохновляя духовную нетерпимость, национализм или ненависть в умах уязвимых.

Авиле пришлось согласиться.

— Террористичекие акты против христиан, — сказал Регент, — растут числом по всему миру. Эти новые акты больше не планируются стратегически; это спонтанные нападения, совершаемые одиночками, которые реагируют на призывы к оружию, инспирируемые убежденными врагами Христа. — Тут Регент сделал паузу. — И среди этих убежденных врагов я числю атеиста Эдмонда Кирша.

Теперь Авила почувствовал, что Регент грешит против истины. Несмотря на презренную кампанию Кирша против христианства в Испании, ученый никогда не выдавал заявлений, призывающих к убийству христиан.

— Прежде чем не согласиться, — сказал ему голос по телефону, — позвольте мне дать вам одну последнюю информацию. — Регент тяжело вздохнул. — Никто не знает об этом, адмирал, но теракт, в котором погибла ваша семья… являлся актом войны против Пальмарианской церкви.

Заявление заставило Авилу задуматься, и все

же оно не имело никакого смысла; Севильский кафедральный собор не был пальмарианским зданием.

— В утро теракта, — сказал ему голос, — четыре видных члена Пальмарианской церкви присутствовали на собрании в Севилье для набора новой паствы. Именно они стали мишенью. Вы знаете одного из них — Марко. Остальные трое погибли при теракте.

Мысль Авилы закрутилась, когда он вспомнил своего физиотерапевта Марко, потерявшего ногу при теракте.

— Наши враги сильны и мотивированы, — продолжал голос. — И когда террорист не смог получить доступ к нашей территории в Эль-Палмар-де- Троя, он последовал за нашими четырьмя миссионерами в Севилью и предпринял там свои действия. Мне очень жаль, адмирал. Эта трагедия является одной из причин, по которой к вам обратились пальмарианцы — мы чувствуем ответственность за то, что ваша семья стала побочным ущербом в войне против нас.

— Война, управляемая кем? — потребовал Авила, пытаясь понять шокирующие претензии.

— Проверьте свою электронную почту, — ответил Регент.

Открыв входящие сообщения, Авила обнаружил шокирующую находку из частных документов, излагающих факты о жестокой войне, которая велась против Пальмарианской церкви уже более десяти лет… война, которая, по- видимому, включала в себя иски, угрозы, граничащие с шантажом, и огромные пожертвования антипальмарианскими группам «наблюдателей», таким как «Поддержка и диалог Палмар-де-Троя в Ирландии».

Еще более удивительно, что эта жестокая война против Пальмарианской церкви, как оказалось, велась одним человеком, и этим человеком был футурист Эдмонд Кирш.

Известия озадачили Авилу. Почему Эдмонд Кирш хотел уничтожить пальмарианцев?

Регент сказал ему, что никто в Церкви, даже сам папа не знал, почему у Кирша было такое особое отвращение к пальмарианцам. Они знали только, что один из самых богатых и влиятельных людей планеты не успокоится до тех пор, пока пальмарианцы не будут уничтожены.

Регент привлек внимание Авилы к одному последнему документу — копии напечатанного письма к пальмарианцам от человека, утверждающего, что он является террористом в Севилье.

В первой строке террорист называл себя «учеником Эдмонда Кирша». Это все, что должен был увидеть Авила; его кулаки сжались от ярости.

Регент объяснил, почему пальмарианцы никогда не публиковали это письмо; все плохие статьи, появившиеся в последнее время о пальмарианцах (большая часть из них была организована или финансировалась Киршем) были совсем ни к чему Церкви, последняя была связана с терактом.

«Моя семья погибла по вине Эдмонда Кирша».

Теперь, находясь в этом темном лестничном колодце, Авила снизу смотрел на Роберта Лэнгдона, догадываясь, что человек этот, пожалуй, ничего не знал о тайном крестовом походе Кирша против пальмарианской церкви, и каким образом Кирш инспирировал этот удар, погубивший семью Авилы.

«Не важно, знает ли об этом Лэнгдон, — подумал Авила. — Он такой же солдат, как и я. Оба мы брошены в эту ловушку, и только один из нас отсюда выкарабкается. У меня свой приказ».

Лэнгдон находился двумя ступенями выше его, по-дилетантски наводя свое оружие — обеими руками. «Неважный выбор», — подумал Авила, тихо опуская стопы на ступеньку пониже, упира-

ясь покрепче ногами и пристально глядя снизу в глаза Лэнгдона.

— Я знаю, вам трудно поверить, — пояснил Авила, — но мою семью убил Эдмонд Кирш. И вот вам доказательство.

Авила раскрыл ладонь и показал Лэнгдону татуировку, которая, конечно же, не являлась доказательством, но возымела желаемое действие — Лэнгдон посмотрел на нее.

Пока профессор на короткий миг отвлекся, Авила двинулся вверх и влево, вдоль фигурной внешней стены, уводя корпус с линии огня. В точности, как он и предвидел, Лэнгдон импульсивно выстрелил, нажав на спуск, еще не успев снова взять под прицел движущуюся мишень. Выстрел громоподобно отозвался эхом в сжатом пространстве, и Авила почувствовал, как пуля задела плечо; не нанеся повреждений, она затем отрикошетила вниз, по каменному колодцу.

Лэнгдон уже перенацеливал пистолет, но Авила покатился в межлестничное пространство, и когда начал падать, сильно ударил Лэнгдона кулаками по запястьям и выбил из его рук оружие, отправив его лязгать по ступеням.

Острая боль пронзила грудь и плечо Авилы, когда он приземлился на ступени рядом с Лэнг-

доном, но выброс адреналина лишь усилил его порыв. Подобравшись сзади, он выдернул из-за ремня керамический пистолет. Оружие показалось ему почти невесомым после того, как он подержал в руке пистолет охранника.

Авила направил пистолет в грудь Лэнгдона и без колебаний нажал на курок.

От пистолета раздался грохот, но слышен был и странный звук осколков; Авила ощутил жгучую боль в руке, сразу же осознав, что взорвался барабан револьвера. Конструируемые ради скрытного проноса, эти новомодные «невидимки» без содержания металлов предназначались для совершения одного-двух выстрелов. Авила не знал, куда делась пуля, но увидев, как Лэнгдон уже встает на ноги, бросил оружие и накинулся на него. Двое мужчин сцепились в жестокой схватке вблизи опасного внутреннего края лестницы.

В тот момент Авила знал, что он победил.

«Мы одинаково вооружены, — подумал он. — Но у меня преимущество».

Авила уже оценил открытую шахту в центре лестничной клетки — смертельное падение почти без всякой защиты. Теперь, пытаясь оттеснить

Лэнгдона назад к шахте, Авила прижал одну но-

гу к внешней стене, занимая выгодную позицию. Со всей силы он толкнул Лэнгдона по направлению к шахте.

Лэнгдон отчаянно сопротивлялся, но позиция Авилы предоставила ему все преимущества, и по отчаянному взгляду в глазах профессора стало ясно: Лэнгдон понял, что должно произойти.

Роберт Лэнгдон слышал, что самые критические моменты в жизни (когда идет речь о выживании) обычно требуют принятия решения в доли секунды.

Шестифутовый рост и высокий центр тяжести оказались смертельной помехой, когда Лэнгдона жестоко подтолкнули к нижнему краю с изогнутой спиной над стофутовой бездной. Он знал, что никак не сможет противостоять силе позиции Авилы.

Лэнгдон отчаянно вглядывался через плечо в раскинувшуюся позади бездну. Круговая шахта была узкой — наверное, фута три в поперечнике — но ее ширины явно хватало, чтобы вместить в свободном падении… его тело, которое, скорее всего, будет на всем пути отскакивать от каменных перил.

В таком падении не выжить.

Авила испустил гортанный рев и опять схватил

Лэнгдона. И как только он это сделал, Лэнгдон понял, что нужно сделать лишь одно движение.

Вместо того, чтобы сражаться с Авилой, он поддался ему.

Когда Авила поднял его вверх, Лэнгдон присел на корточки, твердо поставив ноги на лестницу.

На мгновение он вспомнил себя двадцатилетним в бассейне Принстона… соревнования по плаванию на спине… присел на старте… спиной к воде… согнул колени… напряг мускулы живота… в ожидании стартового сигнала.

Время — это все.

На этот раз Лэнгдон не услышал стартового пистолета. Он словно пружина с корточек взмыл в воздух, выгнув спину в пустоту. Когда он выпрыгнул наружу, то почувствовал, что готовый противопоставить двести фунтов собственного веса Авила полностью потерял баланс от внезапной перестановки сил.

Авила отпустил быстро как только мог, но Лэнгдон почувствовал, как он размахивает для равновесия. Когда Лэнгдон выгнулся, он молился, чтобы удалось пролететь достаточно далеко в воздухе через шахту и достичь лестницы на ее противоположной стороне, ниже на шесть футов… но, видимо, этого не произошло.

В воздухе, когда Лэнгдон начал инстинктивно группироваться в защитный шар, он столкнулся с вертикальной каменной поверхностью.

Не получилось.

Мне конец.

Понимая, что ударился о внутреннюю поверхность шахты, Лэнгдон приготовился рухнуть камнем в бездну.

Но падение длилось только миг.

Лэнгдон почти немедленно рухнул на жесткую неровную землю, ударившись головой. Сила столкновения едва не повергла его в бессознательное состояние, но в этот момент он понял, что полностью пролетел шахту, ударился о дальнюю стену и приземлился в нижней части спиралевидной лестницы.

«Ищи пистолет,» — подумал Лэнгдон в попытках удержать сознание, зная, что Авила будет над ним через считанные секунды.

Но было слишком поздно.

Мозг отключился.

Когда наступила темнота, последнее, что услышал Лэнгдон — странный звук… серия повторяющихся глухих стуков внизу, каждый из которых был дальше, чем предыдущий.

Это напомнило ему звук огромного мешка с

мусором, падающего в мусоропровод.

ГЛАВА 76

Когда машина принца Хулиана приблизилась к главным воротам монастыря Эскориал, он увидел знакомый ряд белых внедорожников и понял, что Вальдеспино говорил правду.

Мой отец действительно здесь.

Судя по этому конвою вся спецгруппа охраны Королевской гвардии теперь переместилась в эту историческую королевскую резиденцию.

Когда аколит остановил старый «Опель», агент с фонарем шагнул к окну, посветил внутрь и отскочил в шоке, явно не ожидая увидеть принца и епископа в стареньком автомобиле.

— Ваше высочество! — воскликнул мужчина, пытаясь обратить на себя внимание. — Ваше превосходительство! Мы ждали вас. — Он посмотрел на потрепаную машину. — Где ваш наряд Гвардии?

— Они нужны во дворце, — ответил принц. — Мы хотим повидать моего отца.

— Конечно, конечно! Прошу вас с епископом выйти из машины…

— Уберите заграждение, — проворчал Валь-

деспино, — и мы въедем. Его Величество в монастырской больнице, я полагаю?

— Был, — сказал охранник, не колеблясь. — Но боюсь, что он ушел.

Вальдеспино ахнул, глядя с ужасом.

Ледяной холод охватил Хулиана. Мой отец мертв?

— Нет! Я… простите! — заговорил агент, сожалея о неудачном выборе слов. — Его Величество уехал — он покинул дворец Эскориал час назад. Взял свою главную группу охраны, и они уехали.

Облегчение Хулиана быстро сменилось смущением. «Выехали из больницы?»

— Это абсурд, — крикнул Вальдеспино. — Король сказал, чтобы я привез принца Хулиана сюда!

— Да, у нас есть особые приказы, ваше превосходительство, и если не возражаете, пожалуйста, выходите из машины, и мы перевезем вас обоих на автомобиле Гвардии.

Вальдеспино и Хулиан обменялись озадаченными взглядами и послушно вышли из машины. Агент сказал аколиту, что его услуги больше не потребуются, и что он должен вернуться во дворец. Испуганный молодой человек ускользнул в ночь, не сказав ни слова, явно с облегчением

закончив свою миссию в странных событиях этого вечера.

Пока охранники сопровождали принца и Вальдеспино на заднее сиденье внедорожника, епископ все больше волновался.

— Где король? — спросил он. — Куда вы нас повезете?

— Мы следуем прямым указаниям Его Величества, — сказал агент. — Он попросил нас дать вам машину, водителя и это письмо. — Агент достал запечатанный конверт и протянул через окно принцу Хулиану.

Письмо от моего отца? Принц смутился соблюдением формальностей, особенно когда заметил, что на конверте королевская восковая печать. Что он делает? Он все больше беспокоился о том, что физические и умственные способности короля слабеют.

В тревоге Хулиан сломал печать, открыл конверт и достал рукописную записную карточку. Почерк отца был не таким как раньше, но попрежнему разборчивым. Читая письмо, Хулиан почувствовал, что его недоумение растет с каждым словом.

Закончив читать, он вложил карточку обратно в конверт и закрыл глаза, перебирая варианты.

Конечно, оставался только один.

— Двигайтесь на север, пожалуйста, — сказал Хулиан водителю.

Когда автомобиль отъехал от дворца Эскориал, принц почувствовал

вопросительный взгляд Вальдеспино.

— Что сказал ваш отец? — потребовал епископ. — Куда вы меня везете?!

Хулиан выдохнул и повернулся к близкому другу своего отца.

— Вы правильно сказали об этом раньше. — Он подарил стареющему епископу печальную улыбку. — Мой отец все еще король. Мы любим его, и делаем, как он приказывает.

ГЛАВА 77

— Роберт?.. — раздался шепот.

Лэнгдон попытался было ответить, но голова его словно раскалывалась на части.

— Роберт?..

Мягкая рука дотронулась до его лица, и Лэнгдон медленно открыл глаза. Будучи дезориентированным в данный момент, он было подумал, что ему все это снится. Ангел, одетый в белые одежды, нависает надо мной.

Как только Лэнгдон узнал ее, на лице его появилась слабая улыбка.

— Слава Богу, — сказала Амбра, выдохнув с облегчением. — Мы слышали выстрел, — она присела рядом с ним. — Не вставайте.

Когда к Лэнгдону вернулось осознание ситуации, он почувствовал сильнейший приступ страха. — Нападавший…

— В общем, он… погиб… — прошептала Амбра очень спокойно. — Вы в полной безопасности. — Она жестом показала на край площадки. Он сорвался оттуда и полетел вниз.

Лэнгдон напрягся, чтобы воспринять новости.

Память медленно возвращалась. Он боролся с туманом в голове и пытался оценить свои раны. Его внимание переключилось на глубокую пульсирующую боль в левом бедре и острую боль в голове. В остальном ничего, кажется, не сломалось. Звук полицейских раций эхом отозвался на лестничной клетке.

— Как долго я был…

— Всего несколько минут, — ответила Амбра. — Вы несколько раз теряли сознание. Вас нужно обследовать.

Очень осторожно Лэнгдон переместился в сидячее положение, облокачиваясь при этом на стену у лестницы. — Это был морской… офицер,

— сказал он. — Это он…

— Я знаю, — сказала Амбра, кивнув при этом. — Это он убил Эдмонда. Полиция только что установила его личность. Они в данный момент находятся у подножия лестницы, рядом с его телом. Полиция хотела взять у вас показания, но отец Бенья попросил чтобы никто не приходил сюда до того как приедут медики, а они должны быть тут с минуты на минуту.

Лэнгдон кивнул, а голова его по-прежнему раскалывалась.

— Возможно, потребуется доставить вас в боль-

ницу, — сказала Амбра,

— поэтому, нам нужно поговорить прямо сейчас, пока они не добрались сюда.

— Поговорить… о чем?

Амбра с беспокойством посмотрела на него. Она наклонилась близко к его уху и прошептала:

— Роберт, вы не помните? Мы нашли его — пароль Эдмонда: «Мрак суеверий темных отступает, и свет науки правит бал».

Ее слова буквально рассекли туман, словно стрела, и Лэнгдон, подавшись вперед, внезапно почувствовал полное прояснения сознания.

— Вы помогли нам далеко продвинуться, — сказала Амбра. — Я могу сделать все остальное. Вы сказали, что знаете, как найти Уинстона. Расположение компьютерной лаборатории Эдмонда? Просто скажите мне куда идти, и я сделаю все остальное.

Мысли Лэнгдона полились потоком.

— Но я знаю. «По крайней мере, думаю, что смогу это выяснить».

— Расскажите мне.

— Нам нужно идти по городу.

— Куда?

— Я не знаю точного адреса, — сказал Лэнгдон, поднимаясь на ноги и пытаясь устоять. — Но я

могу отвести вас туда.

— Роберт, пожалуйста, сядьте! — сказала Амбра.

— Да, сядьте, — словно эхом отозвался мужчина, появившийся в поле зрения. Это был отец Бенья, с трудом поднимающийся по лестнице, затаив дыхание. — Скорая помощь уже почти на месте.

— Я в порядке, — солгал Лэнгдон, чувствуя слабость и прислонившись к стене. — Амбра, мне сейчас же нужно уйти.

— Но вы не уйдете далеко, — сказал Бенья, медленно поднимаясь. — Внизу ждет полиция, они хотят взять у вас показания. Кроме того, собор со всех сторон окружен представителями прессы. Кто-то им дал наводку, что вы находитесь здесь. — Священник наконец поднялся и, поравнявшись с Лэнгдоном, одарил его усталой улыбкой. — Между прочим, Мисс Видаль и я вздохнули с облегчением, увидев, что вы в полном порядке. Вы спасли нам жизни.

Лэнгдон рассмеялся.

— Я почти уверен, что это вы спасли нас.

— Ну, в любом случае, я просто хочу, чтобы вы знали, что не сможете покинуть эту лестницу, не столкнувшись лицом к лицу с полицией.

Лэнгдон осторожно положил руки на каменные перила и высунулся, вглядываясь вниз. Мрачная сцена на земле казалась такой далекой: неуклюже распластавшееся тело адмирала Авилы освещалось лучами нескольких фонарей в руках полицейских.

Разглядывая спиральную шахту опять же элегантного вида ракушки, он быстро зашел на сайт музея Гауди, расположенного в подвале церкви. Интернет-сайт, который Лэнгдон посещал не так давно, представил захватывающий ряд масштабных моделей Саграда-Фамилии, точно выполненных программами САПР и массивными трехмерными принтерами, изображающими длительную эволюцию собора, от прокладки фундамента до великолепного завершения собора в будущем, по крайней мере через десять лет.

«Откуда мы появились? — подумал Лэнгдон. — Куда мы движемся?»

В памяти внезапно всплыло воспоминание — один из масштабных макетов внешнего облика церкви. Образ остался в эйдетической памяти. Этот прототип отображал нынешний этап строительства собора и получил название «Саграда- Фамилия сегодня».

Если эта модель новая, тогда может быть вы-

ход.

Лэнгдон внезапно обернулся к Бенье. — Отец, не могли бы вы передать сообщение от меня тому, кто не в здании?

Священник выглядел озадаченным.

Когда Лэнгдон объяснил свой план выхода из здания, Амбра покачала головой.

— Роберт, это невозможно. Там совершенно негде…

— На самом деле, есть где, — вмешался Бенья. — Ненадолго, но на данный момент мистер Лэнгдон прав. То, что он предлагает, возможно.

Амбра выглядела удивленной.

— Но Роберт… даже если нам удастся исчезнуть незаметно, вы уверены, что не нужно обратиться в больницу?

В этот момент у Лэнгдона не было уверенности в этом.

— Обращусь позже, если понадобится, — сказал он. — Прямо сейчас мы обязаны ради Эдмонда закончить то, за чем мы пришли сюда. — Он повернулся к Бенье, глядя ему прямо в глаза. — Буду с вами честен, отец, о причинах, почему мы здесь. Как вы знаете, Эдмонда Кирша убили сегодня вечером, чтобы помешать ему объявить о научном открытии.

— Да, — сказал священник, — и судя по характеру введения Кирша, он кажется верил, что это открытие нанесет серьезный ущерб религиям мира.

— Именно поэтому я хочу уведомить вас, что мы с мисс Видаль приехали сегодня вечером в Барселону, чтобы передать открытие Эдмонда Кирша. Мы очень близки к такой возможности. То есть… — Лэнгдон сделал паузу. — Обращаясь к вам прямо сейчас, по сути, я прошу помочь нам передать слова атеиста всему миру.

Бенья подошел и положил руку на плечо Лэнгдону. — Профессор, — сказал он с усмешкой, — Эдмонд Кирш — не первый и не последний атеист в истории, который провозгласил, что «Бога нет». Что бы там ни открыл мистер Кирш, это без сомнения приведет к дискуссии с вовлечением всех сторон. С самого начала времен, человеческий интеллект постоянно развивался, и не в моей власти препятствовать данному развитию. Однако с моей точки зрения, еще не было мало-мальски значимого интеллектуального прорыва, которое обошлось бы без участия Бога.

На этом отец Бенья одарил их обоих успокоительной улыбкой и направился вниз по лестнице.

Снаружи, ожидая в кабине припаркованного вертолета EC145, пилот наблюдал с растущей озабоченностью, как толпа за пределами охранного ограждения Саграда-Фамилии продолжала расти. Он не получал известий от двух агентов Гвардии, находившихся внутри, и собирался включить рацию, когда маленький человек в черных одеждах появился из базилики и приблизился к вертолету.

Человек представился как отец Беньяя и передал шокирующее сообщение: оба агента Гвардии убиты, и нужно срочно эвакуировать будущую королеву и Роберта Лэнгдона. Как бы удивительно это ни прозвучало, священник потом сообщил пилоту, где именно он должен забрать своих пассажиров.

«Невозможно,» — подумал пилот.

И все же теперь, взлетев над шпилями Саграда-Фамилии, он понял, что священник был прав. Самый большой шпиль церкви, монолитная центральная башня, еще не построена. Ее фундаментная платформа была плоской окружностью, укрытой среди скоплений шпилей, как поляна в лесах секвойи.

Пилот завис высоко над платформой и осторожно опустил вертолет вниз среди шпилей. Когда он

приземлился, то увидел две фигуры, появившиеся на лестнице — Амбра Видаль сопровождала раненого Роберта Лэнгдона.

Пилот выпрыгнул и помог им обоим.

Когда он привязал их, будущая королева Испании устало кивнула ему.

— Большое вам спасибо, — прошептала она. — Мистер. Лэнгдон скажет, куда направиться.

ГЛАВА 78

ConspiracyNet.com ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ ПАЛЬМАРИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ УБИЛА МАТЬ ЭДМОНДА КИРША?!

Наш информатор monte@iglesia.org опубликовал еще одно сенсационное разоблачение! Согласно эксклюзивным документам, проверенным ConspiracyNet, Эдмонд Кирш годами пытался подать в суд на Пальмарианскую церковь за «промывание мозгов, психологическую обработку и физическую жестокость», якобы приведшие более трех десятилетий назад к гибели Паломы Кирш — биологической матери Эдмонда.

Палома Кирш, как утверждается, являлась активным членом Пальмарианской церкви. Она пыталась вырваться на свободу, но ее пристыдило и психологически унизило руководство религиозной общины и она повесилась в женской спальне.

ГЛАВА 79

— САМ КОРОЛЬ, — снова пробормотал командующий Гарса, его голос отдавался эхом по оружейной палате дворца. — Я до сих пор не могу поверить, что этот приказ о моем аресте поступил от самого короля. После стольких лет службы.

Моника Мартин приложила палец к губам и заглянула через доспехи у входа проверить, что охранники не подслушивают.

— Говорю вам, епископ Вальдеспино имеет влияние на короля, и убедил Его Величество в том, что сегодняшние обвинения против него — это ваше дело, и что вы каким-то образом оклеветали его.

«Я стал жертвенным агнцем короля,» — понял Гарса, всегда подозревая, что, если бы королю пришлось выбирать между командующим Королевской гвардией и Вальдеспино, он бы выбрал Вальдеспино; оба были друзьями на всю жизнь, а духовные связи всегда превосходят профессиональные.

Несмотря на это, Гарса не мог не почувствовать, что объяснение Моники не совсем логично.

— Насчет истории с похищением, — сказал он. — Говорите, что это было по приказу короля?

— Да, Его Величество позвонил мне напрямую. Он приказал объявить, что Амбру Видаль похитили. Он придумал историю с похищением в целях сохранения репутации будущей королевы — чтобы смягчить факт побега с другим мужчиной. — Мартин раздраженно посмотрела на Гарсу. — Почему вы спрашиваете меня об этом? Особенно теперь, когда вы знаете, что король позвонил агенту Фонсеке с той же историей о похищении?

— Не могу поверить, что король станет рисковать, ложно обвиняя известного американца в похищении людей, — возразил Гарса. — Он, должно быть…

— Сошел с ума? — перебила она.

Гарса уставился в молчании.

— Командующий, — настаивала Мартин, — помните, что у Его Величества случаются ошибки. Может быть, это просто неудачное решение?

— Или блестящее решение, — предположил Гарса. — Безрассудство это или нет, будущая королева теперь в безопасности и находится в руках Гвардии.

— Определенно. — Мартин посмотрела на него

с осторожностью. — Так что вас беспокоит?

— Вальдеспино, — сказал Гарса. — Я признаю, что он мне не нравится, но мое нутро говорит, что он не может стоять за убийством Кирша и за всем остальным.

— Почему нет? — Ее тон был едким. — Потому что он священник? Я вполне уверена, что наше расследование показало готовность церкви оправдывать решительные меры. По-моему, Вальдеспино убежденный в своей правоте, безжалостный, корыстолюбивый и чрезмерно скрытный. Я что-то упускаю?

— Да, — выпалил Гарса, — удивляясь, что защищает епископа. — Вальдеспино такой как вы сказали, но он также и человек, для которого традиция и достоинство — все. Король, не доверяющий почти никому, твердо доверяет епископу уже многие десятилетия. Верится с трудом, что доверенное лицо короля способно совершить своего рода предательство, о котором мы говорим.

Мартин вздохнула и вытащила свой сотовый телефон.

— Командующий, я очень не хочу подрывать вашу веру в епископа, но вам нужно увидеть это. Мне это показал Суреш. Она нажала несколько кнопок и вручила Гарсе свой телефон.

На экране появилось длинное текстовое сообщение.

— Это скриншот текстового сообщения Вальдеспино, полученного сегодня вечером, — прошептала она. — Прочитайте его. Я гарантирую, что ваше мнение изменится.

ГЛАВА 80

Несмотря на боль в теле Лэнгдон чувствовал себя удивительно бодрым, почти жизнерадостным, когда вертолет шумно взлетел с крыши Саграда- Фамилии.

Я жив.

Он чувствовал, приток адреналина в крови, как будто все события прошлого часа теперь внезапно поразили его. Дыша максимально медленно, Лэнгдон обратил внимание на мир за окнами вертолета.

Вокруг него массивные церковные шпили стремились ввысь, но по мере того, как вертолет поднимался, собор опускался, растворяясь в освещенной сетке улиц. Лэнгдон посмотрел на развалины городских кварталов, которые были не обычными квадратами и прямоугольниками, а скорее более мягкими восьмиугольниками.

«L'Eixample, — подумал Лэнгдон. — Расширение».

Дальновидный городской архитектор Илдефонс Серда расширил все перекрестки в этом районе, срезав углы квадратных блоков, чтобы

создать мини-площади, с лучшей видимостью, увеличенным потоком воздуха и обширным пространством для уличных кафе.

— ^Adonde vamos?*— крикнул через плечо пилот.

* Куда мы направляемся?

Лэнгдон указал на два квартала южнее, где одна из городских самых широких, ярких и наиболее метко названных авеню по диагонали пересекала Барселону.

— Авенида Диагональ, — крикнул Лэнгдон. — Al oeste. На западе.

Невозможно пропустить на любой карте Барселоны, Авенида Диагональ пересекала всю ширину города, от ультрасовременного пляжного небоскреба ZeroZero до старинного розария парка Сервантеса площадью в десять акров — дань испанскому самому знаменитому писателю, автору Дон Кихота.

Пилот кивнул в подтверждение и направился на запад, следуя к диагональной авеню в направлении гор. — Адрес? — спросил пилот. — Координаты?

«Я не знаю адреса,» — понял Лэнгдон.

— Летите к футбольному стадиону.

— ^Futbol*? — Он выглядел удивленным. — ФК

Барселона?

* Футбольному?

Лэнгдон кивнул, не сомневаясь, что пилот знал, как найти дом знаменитого футбольного клуба Барселона, который расположился в нескольких милях от Авенида Диагональ.

Пилот открыл дроссель, теперь следуя вдоль авеню на максимальной скорости.

— Роберт? — тихо спросила Амбра. — Как вы? — Она с тревогой наблюдала за ним, как будто рана головы повлияла на его разум. — Вы сказали, что знаете где найти Уинстона.

— Знаю, — ответил он. — Это там, куда мы направляемся.

— На футбольном стадионе? Думаете, Эдмонд собрал суперкомпьютер на стадионе?

Лэнгдон покачал головой.

— Нет, стадион — простой ориентир для пилота. Меня интересует здание прямо рядом со стадионом — Гранд-отель «Принцесса София».

Выражение замешательства Амбры только усилилось.

— Роберт, я не уверена, что вы понимаете. Эдмонд не мог построить Уинстона в роскошном отеле. Думаю, мы должны отвезти вас в клинику.

— Я в порядке, Амбра. Доверьтесь мне.

— Тогда куда мы направляемся?

— Куда мы движемся? — Лэнгдон игриво погладил свой подбородок. — Верится, что это один из важнейших вопросов, на которые Эдмонд пообещал сегодня ответить.

Выражение лица Амбры граничило между удивлением и раздражением.

— Простите, — сказал Лэнгдон, — Позвольте мне объяснить. Два года назад, я обедал с Эдмондом в частном клубе на восемнадцатом этаже Гранд- отеля «Принцесса София».

— И Эдмонд принес суперкомпьютер на обед? — предположила Амбра со смехом.

Лэнгдон улыбнулся. — Не совсем. Эдмонд пришел на обед пешком, сказав, что он ел в клубе почти каждый день, потому что отель такой удобный — всего в нескольких кварталах от его компьютерной лаборатории. Он также признался, что работал над проектом по развитию искусственного интеллекта и был невероятно рад его потенциалу.

Амбра внезапно обрадовалась.

— Возможно, это был Уинстон!

— И я также подумал.

— И тогда Эдмонд взял вас в свою лаборато-

рию!

— Нет.

— Он рассказал вам где она?

— К сожалению, он держал это в секрете.

В глазах Амбры снова появилось беспокойство.

— Однако, — сказал Лэнгдон, — Уинстон по секрету рассказал нам, где он.

Теперь Амбра выглядела смущенной. — Нет, не рассказал.

— Уверяю вас, да, — улыбаясь сказал Лэнгдон. — Он фактически рассказал всему миру.

Не успела Амбра потребовать объяснений, как пилот объявил:

— jAti esta el estadio!* — Он указал на огромный стадион вдалеке.

* Вот стадион!

«Быстро добрались,» — подумал Лэнгдон, взглянув на улицу и прослеживая линию от стадиона до соседнего небоскреба Гранд Отель принцесса София — небоскреб, выходящий на широкую площадь на Авингуда Диагональ. Лэнгдон сказал пилоту пропустить стадион и вместо этого подняться высоко над отелем.

Через несколько секунд вертолет поднялся на несколько сотен футов и парил над отелем, где Лэнгдон и Эдмонд обедали два года назад.

Он сказал, что его компьютерная лаборатория находится всего в двух кварталах отсюда.

С высоты птичьего полета Лэнгдон осмотрел окрестности вокруг отеля. Улицы в этом районе были не такими прямолинейными, как вокруг Саграда- Фамилии, а городские кварталы образовывали все виды неровных и продолговатых форм.

Должно быть, это здесь.

С растущей неуверенностью Лэнгдон просмотрел кварталы во всех направлениях, пытаясь определить уникальную форму, которая отобразилась в его памяти. Где это?

Только когда он обратил свой взгляд на север по кругу движения на площади Пия XII, Лэнгдон почувствовал прилив надежды.

— Туда! — обратился он к пилоту. — Пожалуйста, летите над лесопарковой зоной!

Пилот накренил нос вертолета и пролетел по диагонали один квартал на северо-запад, и теперь парил над лесным пространством, на которое указывал Лэнгдон. Лес действительно был частью огромного обнесенного стеной поместья.

— Роберт, — закричала Амбра. — Что вы делаете? Это Королевский дворец Педральбес! Эдмонд не мог создать Уинстона в…

— Не здесь! Там! — Лэнгдон показал за дворцом на квартал прямо позади.

Амбра наклонилась вперед, пристально глядя вниз на источник возбуждения Лэнгдона. Квартал за дворцом сформировали четыре хорошо освещенные пересекающиеся улицы, создавая квадрат, который был ориентирован на север-юг, как ромб. Единственный недостаток ромба состоял в том, что его нижняя правая граница неловко сгибалась в результате неровной выпуклости в очертании, оставляя кривой периметр.

— Вы узнаете эту неровную линию? — спросил Эдмонд, указывая на скошенную ось ромба — хорошо освещенная улица отлично очерчена на фоне темноты зеленой территории дворца. — Вы видите улицу с небольшой выпуклостью?

Внезапно раздражение Амбры, как будто исчезло, и она подняла голову, чтобы взглянуть более пристально.

— Действительно, эта линия знакома. Почему я это знаю?

— Посмотрите на весь квартал, — призвал Лэнгдон. — Ромбовидная форма с одной странной границей в правом нижнем углу. — Он подождал, чувствуя, что Амбра скоро узнает его. — Посмотрите на два небольших парка в этом квартале. Он

указал на круглый парк посредине и полукруглый парк справа.

— Кажется, я знаю что это за место, — сказала Амбра, — но я не совсем…

— Подумайте об искусстве, — сказал Лэнгдон. Вспомните о своей коллекции в Гуггенхайме. Подумайте…

— Уинстон! — закричала она и повернулась к Лэнгдону в недоумении. — План этого квартала в точности повторяет контуры автопортрета Уинстона, который висит в Гуггенхайме.

Лэнгдон улыбнулся ей.

— Да, так и есть.

Амбра вернулась к окну и уставилась на ромбовидный квартал. Лэнгдон тоже смотрел на него, представляющий из себя автопортрет Уинстона — странно сформированное полотно, которое озадачило его с тех пор, как сегодня Уинстон показал его — неуклюжая дань работе Миро.

«Эдмонд попросил меня создать автопортрет, — говорил Уинстон, — и вот что я придумал».

Лэнгдон уже решил, что глазное яблоко рядом с центром картины — основное произведение Миро — почти наверняка указывает точное место, где существовал Уинстон, место на планете, из которого Уинстон смотрел на мир.

Амбра отвернулась от окна. Она выглядела одновременно и радостной, и ошеломленной.

— Автопортрет Уинстона — это не Миро. Это карта!

— Точно, — подтвердил Лэнгдон. — Учитывая, что Уинстон не имеет телесной и физической формы, его автопортрет, по понятным причинам, скорее связан с его местоположением, а не с физической формой.

— Глазное яблоко, — сказала Амбра. — Это точная копия Миро. Но есть только один глаз, может быть, он означает место расположения Уинстона?

— Я подумал то же самое. — Лэнгдон повернулся к пилоту и спросил, может ли он снизиться на вертолете ненадолго над одним из двух маленьких парков в квартале Уинстона. Пилот начал спускаться.

— О, боже, — выпалила Амбра. — Мне кажется, я знаю почему Уинстон выбрал именно стиль Миро для подражания!

— Да?

— Дворец, над которым мы только что пролетели, это дворец Педральбес.

— ^Pedralbes? — переспросил Лэнгдон. — Это не название…

— Да! Один из самых известных рисунков. Уинстон, вероятно, исследовал этот район и нашел местную связь с Миро!

Лэнгдон должен был признать, что у Уинстона удивительная креативность, и он почувствовал странную радость от перспективы воссоединения с искусственным интеллектом Эдмонда. Когда вертолет опустился ниже, Лэнгдон увидел темный силуэт большого здания, расположенного именно в том месте, где Уинстон нарисовал свой глаз.

— Смотрите… — показала Амбра. — Должно быть, это оно.

Лэнгдон напрягся, чтобы лучше рассмотреть здание, скрывавшееся за большими деревьями. Даже с улицы оно выглядело ужасно.

— Свет не горит, — сказала Амбра. — Думаете, мы можем войти?

— Здесь наверняка кто-то есть, — сказал Лэнгдон. — Эдмонд должен иметь штат под рукой, особенно сегодня. Когда они понимают, что у нас есть пароль Эдмонда — я подозреваю, что они должны постараться помочь нам запустить презентацию.

Пятнадцать секунд спустя вертолет коснулся большого полукруглого парка на восточной

границе квартала Уинстона. Лэнгдон и Амбра выскочили, и вертолет мгновенно поднялся, быстро направляясь к стадиону в ожидании дальнейших инструкций.

Они поспешили по темному парку к центру квартала, пересекли небольшую внутреннюю улицу, Passeig dels Tillers, и перебрались в лесной массив. Впереди в окружении деревьев они заметили силуэт большого и громоздкого здания.

— Свет не горит, — прошептала Амбра.

— И забор, — сказал Лэнгдон, нахмурившись, когда они подошли к ограждению из кованого железа шириной в десять футов, опоясывающему весь комплекс. Он заглянул через планки, не в силах увидеть здание целиком в зарослях деревьев. Его смутило, что вообще не горит свет.

— Туда, — сказала Амбра, указывая на двадцать ярдов вдоль забора. — Я думаю, что это ворота.

Они поспешили вдоль забора и увидели внушительный входной турникет, который был надежно заблокирован. Рядом висело переговорное устройство, и не успел еще Лэнгдон ничего обдумать, как Амбра уже нажала кнопку вызова.

На линии дважды раздался звонок и она подключилась.

Молчание.

— Алло? — проговорила Амбра. — Алло?

В громкоговорителе не звучало никаких голосов — лишь зловещий шум открытой линии.

— Я не знаю, слышите ли вы меня, — сказала она, — но это Амбра Видаль и Роберт Лэнгдон. Мы близкие друзья Эдмонда Кирша. Мы были с ним сегодня вечером в момент убийства.

У нас есть информация, которая будет чрезвычайно полезна Эдмонду, Уинстону и, я считаю, всем вам.

Раздался отрывистый щелчок.

Лэнгдон сразу же положил руку на турникет, который свободно повернулся.

Он выдохнул.

— Я же сказал, что кто-то есть внутри.

Вдвоем они поспешно прошли через охранный турникет и двинулись сквозь деревья к затемненному зданию. Когда они подошли ближе, на фоне неба выделялся контур крыши. Возник неожиданный силуэт — пятнадцатифутовый символ, установленный на вершине крыши.

Амбра с Лэнгдоном слегка замерли.

«Что-то здесь не так, — подумал Лэнгдон, глядя на безошибочный символ над ними. — У компьютерной лаборатории Эдмонда гигантское распятие на крыше?»

Лэнгдон сделал еще несколько шагов и исчез за деревьями. В поле зрения появился весь фасад здания, и это был удивительный вид — древняя готическая церковь с большим розовым окном, двумя каменными шпилями и элегантным дверным проемом, украшенным барельефами католических святых и Девы Марии.

Амбра выглядела испуганной.

— Роберт, думаю, мы просто оказались на территории католической церкви. Мы не в том месте.

Лэнгдон заметил знак перед церковью и начал смеяться.

— Нет, я думаю, мы находимся в правильном месте.

Несколько лет назад в новостях рассказывали про это здание, но Лэнгдон даже и не догадывался, что оно в Барселоне. Высокотехнологичная лаборатория построена внутри бывшей католической церкви. Лэнгдон должен был признать, что для постройки безбожного компьютера она казалась непочтительному атеисту настоящим святилищем. Когда он пристально посмотрел на ныне бездействующую церковь, то почувствовал холод, осознавая с какой дальновидностью Эдмонд выбрал свой пароль.

«Мрак суеверий темных отступает & свет науки правит бал».

Лэнгдон обратил внимание Амбры на знак.

Там было написано:

БАРСЕЛОНСКИЙ СУПЕРКОМПЬЮТЕРНЫЙ ЦЕНТР CENTRO NACIONAL DE SUPERCOMPUTACION

Амбра повернулась к нему с недоверием.

— В Барселоне суперкомпьютерный центр находится внутри католической церкви?

— Да, — улыбнулся Лэнгдон. — Иногда правда кажется более странной, чем вымысел.

ГЛАВА 81

Самый высокий крест в мире находится в Испании.

Установленный на горной вершине в восьми милях к северу от монастыря Эскориал, крупный цементный крест парит в воздухе на поразительной высоте в пятьсот футов над бесплодной долиной, где его можно заметить на расстоянии более чем в сотни миль.

Скалистое ущелье под крестом, точно названное Долиной Павших — место погребения свыше сорока тысяч душ, жертв обеих сторон кровавой испанской гражданской войны.

«Что мы здесь делаем? — удивился Хулиан, выходя вслед за Гвардией на смотровую площадку у подножия горы под крестом. — Это здесь мой отец хочет встретиться?»

Прогуливаясь рядом с ним, Вальдеспино выглядел таким же смущенным. «Это какая-то бессмыслица, — прошептал он. — Твой отец всегда презирал это место».

«Миллионы презирают это место,» — подумал Хулиан.

Задуманная в 1940 году самим Франко, Долина Павших была объявлена «национальным актом искупления» — попытка примирить победителей и побежденных. Несмотря на «благородное стремление», памятник вызывает споры и по сей день, поскольку построен рабочей силой, в которую входили осужденные и политические заключенные, которые выступали против Франко. Многие из них погибли из-за тяжелых условий труда и голода во время строительства.

В прошлом некоторые члены парламента даже сравнивали это место с нацистским концентрационным лагерем. Хулиан подозревал, что его отец тайно чувствовал то же самое, даже если не мог так открыто высказаться. Большинство испанцев считали место памятником Франко, построенным Франко — колоссальная святыня в честь самого себя. Сам факт погребения там Франко только разжигал страсти критики.

Хулиан вспомнил, как однажды он был здесь — очередная детская прогулка с отцом для знакомства с его страной. Король показал кругом и тихо прошептал: «Будь осторожней, сынок. Однажды ты снесешь это».

Теперь, когда Хулиан последовал за Гвардией вверх по лестнице к строгому фасаду, высеченно-

му на склоне горы, он начал понимать, куда они идут. Перед ними предстала высеченная в камне бронзовая дверь — главный вход в пространство самой горы, и Хулиан вспомнил, как он ступил через эту дверь в детстве, совершенно зачарованный тем, что располагалось за ней.

В конце концов, настоящим чудом этой горной вершины был не высокий крест наверху, а секретное пространство внутри.

В гранитном пике вырубили искусственную пещеру непостижимых размеров. Выкопанный вручную тоннель уходил вглубь горы почти на девятьсот футов, где превращался в широкую палату, тщательно и элегантно отделанную, с мерцающими плиточными полами и огромным куполом с фресками, который простирался почти на сто пятьдесят футов в ширину.

Теперь, спустя годы, принц Хулиан вернулся.

Вернулся сюда по воле своего умирающего отца.

Когда группа приблизилась к металлической двери, Хулиан посмотрел на строгую бронзовую пьезу над дверью. Рядом с ним епископ Вальдеспино перекрестился, хотя Хулиан почувствовал, что жест был скорее от тревоги, чем от веры.

ГЛАВА 82

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ ОДНАКО… КТО ЖЕ ТАКОЙ РЕГЕНТ?

В настоящее время появились доказательства, что убийца Луис Авила получал приказы об убийстве непосредственно от человека, которого называл Регентом.

Личность Регента остается загадкой, хотя псевдоним этого человека дает некоторую подсказку. Согласно сайту dictionary.com, «регентом» является человек, назначенный для наблюдения за организацией на период недееспособности или отсутствия ее лидера.

Из нашего опроса пользователей «Кто такой Регент?» — топ трех ответов в настоящий момент:

1. Епископ Антонио Вальдеспино, захвативший больного испанского короля

2. Пальмарианский папа, считающий себя законным понтификом

3. Испанский военный офицер, утверждающий, что действует от имени недееспособного командующего страны, короля

Другие новости — по мере поступления!
#КТОТАКОЙРЕГЕНТ

ГЛАВА 83

ЛЭНГ ДОН И АМБРА осмотрели фасад большой часовни и нашли вход в Барселонский суперкомпьютерный центр на южной оконечности храма церкви. Здесь ультрасовременный вестибюль из плексигласа был пристроен к внешней стороне простого фасада, придавая церкви гибридный вид здания, застрявшего между столетиями.

Во внешнем дворике у входа стоял двенадцатифутовой высоты бюст с головой древнего воина. Лэнгдон понятия не имел, что делает этот предмет на территории католической церкви, но зная Эдмонда, почти не сомневался, что мастерская Кирша и должна быть миром противоречий.

Амбра поспешила к главному входу и нажала кнопку вызова у двери. Когда к ней подошел Лэнгдон, камера наблюдения над головой повернулась к ним, просматривая несколько секунд вдоль и поперек.

Затем дверь с шумом открылась.

Лэнгдон и Амбра быстро пробрались через вход в большое фойе, оформленное как настоящиая пристройка перед входом в церковь. Это было за-

крытое каменное помещение, тускло освещенное и пустое. Лэнгдон ожидал, что кто-нибудь поприветствует их — возможно, один из сотрудников Эдмонда, но вестибюль был пуст.

— Есть здесь кто-нибудь? — прошептала Амбра.

Они услышали мягкие религиозные мелодии средневековой церковной музыки — полифоническую хоровую музыку для мужских голосов, показавшуюся смутно знакомой. Лэнгдон не узнал ее, но неестественное присутствие религиозной музыки в высокотехнологичном объекте показалось ему плодами игривого чувства юмора Эдмонда.

Светящийся перед ними на стене вестибюля массивный плазменный экран был единственным источником света в комнате. На экране проецировалось то, что можно было описать только как примитивную компьютерную игру — скопление черных точек, движущихся по белой поверхности, как группы бесцельно блуждающих насекомых.

Не так уж и бесцельно, отметил Лэнгдон, уже узнавая эти узоры.

Знаменитый видеоряд, генерируемый компьютером и известный под названием «Жизнь», был

создан в 70-х годах британским математиком Джоном Конвеем. Черные точки, именуемые клетками, двигались, взаимодействовали и размножались по заранеее заданному набору «правил», вводимому программистом. Неизменно, в течение всего времени, управляемые только этими «изначальными правилами сцепления» эти точки начинали самоорганизовываться в кластеры, последовательности и повторяющиеся узоры — которые развивались, усложнялись и начинали неожиданно походить на формы, наблюдаемые в природе.

— Игра «Жизнь» Конвея, — сказала Амбра. — Когда-то давным-давно я видела основанную на ней цифровую инсталляцию — мультимедийное произведение под названием «Клеточная автоматика».

На Лэнгдона это произвело впечатление, ведь сам он слышал об игре «Жизнь» лишь потому, что ее создатель, Конвей, преподавал в Принстоне.

Слух Лэнгдона вновь привлекли хоровые гармонии. «Такое ощущение, что я слышал эту пьесу. Может, какая-то месса эпохи Возрождения?»

— Роберт, — сказала Амбра, показывая. — Посмотрите.

На экране дисплея оживленные группы точек

меняли направление и ускорялись, как будто программа теперь прокручивалась в обратном направлении. Последовательность все быстрее и быстрее перематывалась назад во времени. Количество точек начало уменьшаться… клетки больше не расщеплялись и не размножались, а рекомбинировались… их структуры становились все проще и проще, пока, наконец, не осталось лишь несколько из них. Они продолжали сливаться… сначала восемь, затем четыре, затем две, затем…

Одна.

На экране замелькала одиночная клетка.

Лэнгдон похолодел. Происхождение жизни.

Эта точка погасла, оставив только пустоту — белый фон.

Игра «Жизнь» исчезла, и начал вырисовываться смутный текст, который становился все отчетливее, пока не стал для них читаемым.

Если мы примем Первопричину, разум по-прежнему будет жаждать узнать, откуда она взялась и как возникла.

— Это же Дарвин, — прошептал Лэнгдон, узнав выразительную формулировку великого ботаника для вопроса, которым задавался и Эдмонд Кирш.

— «Откуда мы взялись?» — взволнованно сказала Амбра, читая текст.

— Вот именно.

Амбра улыбнулась ему.

— Пойдемте выясним?

Она указала рядом с экраном на поддерживаемый колоннами проход, по-видимому, ведущий в главную церковь.

Когда они пересекли вестибюль, картинка на дисплее снова сменилась, показывая теперь коллаж из слов, которые случайно появились на экране. Количество слов росло неуклонно и хаотично, новые слова появлялись, трансформировались и комбинировались в сложный набор фраз.

… прорастание… новые почки… красивое ветвление…

По мере расширения изображения Лэнгдон и Амбра увидели, что слова размещаются в форме растущего дерева.

Что за ерунда?

Они пристально смотрели на графику, а звук а капелла вокруг них становился все громче. Лэнгдон понял, что они поют не на латыни, как он себе представлял, а на английском.

— Боже мой, слова на экране, — сказала Амб-

ра. — Я думаю, они соответствуют музыке.

— Вы правы, — согласился Лэнгдон, увидев, что на экране появился новый текст, когда его пели одновременно.

… под медленным воздействием причин… а не от сотворения чуда…

Лэнгдон слушал и смотрел, чувствуя себя в недоумении от странного сочетания слов и музыки; музыка была явно религиозной, а текст был таким:

… органические создания… выживают сильнейшие… слабейшие погибают

Лэнгдон застыл на месте.

Я знаю это произведение!

Несколькими годами ранее Эдмонд водил Лэнгдона на концерт. Это была месса в христианском стиле под названием "Месса по Чарльзу Дарвину", в которой композитор отказался от религиозного текста на латыни и заменил его отрывками из "Происхождения видов" Чарльза Дарвина, создав навязчивое наложение набожных голосов, поющих о жестокости естественного отбора.

— Странно, — прокомментировал Лэнгдон. — мы вместе с Эдмондом слушали это произведение как-то раз — ему оно понравилось. Такое совпадение — услышать его снова.

— Совсем не совпадение, — раздался знакомый голос из громкоговорителей. — Эдмонд научил меня приветствовать гостей в доме, добавляя какую-нибудь музыку, которая им нравится, и показывая что-то интересное для обсуждения.

Лэнгдон и Амбра недоверчиво уставились на громкоговоритель. Веселый голос, приветствовавший их, явно был британским.

— Я так рад, что вы нашли сюда дорогу, — сказал очень знакомый искусственный голос. — У меня не было возможности связаться с вами.

— Уинстон! — воскликнул Лэнгдон, пораженный тем, что почувствовал облегчение от повторного подключения к машине. Они с Амброй быстро рассказали, что произошло.

— Приятно слышать ваши голоса, — сказал Уинстон. — Скажите мне, мы нашли то, что искали?

ГЛАВА 84

— УИЛЬЯМ БЛЕЙК, — сказал Лэнгдон. — «Мрак суеверий темных отступает, и свет науки правит бал».

Уинстон молчал лишь мгновение.

— Последняя строка его эпической поэмы «Четыре зои». Должен признаться, это идеальный выбор. — Он сделал паузу. Тем не менее, необходимое количество букв сорок семь…

— Знак амперсанд, — сказал Лэнгдон, быстро объясняя уловку Кирша по использованию латинской лигатуры «et*».

* союз «и». лат.

— В этом весь Эдмонд, — ответил искусственный голос с неловкой усмешкой.

— Ну так как, Уинстон? — настаивала Амбра. — Теперь, когда вы знаете пароль Эдмонда, можете вы запустить оставшуюся часть его презентации?

— Разумеется, могу, — недвусмысленно ответил Уинстон. — Мне нужно только, чтобы вы ввели пароль вручную. Эдмонд по всему проекту расставил сетевые блокировки, поэтому у меня нет к

нему прямого доступа, но я могу отвести вас в его лабораторию и показать, куда ввести эти данные. Мы сможем запустить программу минут через десять, не больше.

Лэнгдон и Амбра повернулись друг к другу, внезапность подтверждения Уинстона застала их врасплох. Учитывая пережитое сегодня, этот конечный момент триумфа настал без всяких фанфар.

— Роберт, — прошептала Амбра, положив руку ему на плечо. — Вы сделали это. Спасибо.

— Это наша общая заслуга, — ответил он с улыбкой.

— Вы не против, чтобы мы немедленно направились в лабораторию Эдмонда? — спросил Уинстон. — Вас здесь очень хорошо видно в вестибюле, а я обнаружил в некоторых выпусках новостей сообщения, что вы находитесь в этом районе.

Лэнгдон не удивился; военный вертолет, приземлившийся в столичном парке, должен был привлечь внимание.

— Говорите нам, куда идти, — согласилась Амбра.

— Между колоннами, — ответил Уинстон. — Следуйте за моим голосом.

В фойе хоровая музыка внезапно прекратилась, плазменный экран потемнел, и из главного входа эхом отозвался ряд громких звуков, когда автоматически сработал дверной засов.

«Вероятно, Эдмонд превратил это сооружение в крепость,» — понял Лэнгдон, быстро взглянув сквозь толстые окна в вестибюле, и с облегчением увидел, что парк вокруг часовни был пустынным. По крайней мере, на данный момент.

Когда он повернулся к Амбре, то увидел легкое мерцание в конце вестибюля, освещающее дверной проем между двумя колоннами. Они с Амброй вошли туда и оказались в длинном коридоре. В дальнем конце коридора мелькали огни, указывая им путь.

Когда Лэнгдон с Амброй отправились в холл, Уинстон сказал им:

— Я считаю, что для достижения максимального эффекта нам необходимо распространить глобальный пресс-релиз прямо сейчас, и сообщить, что презентация покойного Эдмонда Кирша скоро выйдет в эфир. Если мы предоставим СМИ дополнительное время для оповещения о событии, это значительно увеличит зрительскую аудиторию Эдмонда.

— Мысль интересная, — сказала Амбра, ускорив

поступь. — Но сколько же, по-вашему, нам нужно подождать? Мне совсем не хочется рисковать.

— Семнадцать минут, ответил Уинстон. — Это позволит приурочить трансляцию к началу часа — к трём часам ночи по местному времени и к лучшему эфирному времени для Америки.

— Отлично, — ответила она.

— Очень хорошо, бесстрастно отозвался Уинстон. — Пресс-релиз выйдет прямо сейчас, а презентация начнётся через семнадцать минут.

Лэнгдон с трудом поспевал мыслью за искромётными планами Уинстона.

Амбра шла впереди по коридору. — И сколько же здесь сегодня сотрудников?

— Ни одного, — отвечал Уинстон. — Эдмонд был озабочен проблемой безопасности. Здесь практически нет персонала. Я управляю всеми компьютерными сетями, а также освещением, охлаждением и охраной. Эдмонд шутил, что в нашу эпоху смарт-домиков он первый обзавёлся смарт- храмом.

Лэнгдон слушал невнимательно, ибо мысли его неожиданно поглотила обеспокоенность действиями, которые им вскоре предстояли. — Уинстон, вы правда думаете, что пора обнародовать презентацию Эдмонда?

Амбра резко остановилась и пристально посмотрела на него.

— Роберт, ну конечно же! Для того мы и здесь! Весь мир на нас смотрит! И ещё мы не знаем, не придет ли кто-нибудь ещё, чтобы нас остановить — нам нужно сделать это немедленно, пока не поздно!

— Я того же мнения, — сказал Уинстон. — С чисто статистической точки зрения, эта история близится к точке насыщения. Измеряемое терабайтами медийных данных, открытие Эдмонда Кирша стало одним их величайших откровений десятилетия — неудивительно, если учесть экспоненциально нарастающий рост сетевого сообщества за последние десять лет.

— Роберт, — настаивала Амбра, вглядываясь в его глаза. — Что вас беспокоит?

Лэнгдон колебался, пытаясь определить источник его неожиданной неуверенности.

— Наверное, я просто беспокоюсь за Эдмонда, что все сегодняшние теории заговора — убийства, похищение, королевская интрига — каким-то образом бросят тень на его науку.

— Это обоснованная точка зрения, профессор, — вставил Уинстон. — Хотя я считаю, что она упускает из виду один важный факт: эти теории

заговора — важная причина, по которой теперь так много зрителей во всем мире. В этот вечер их было 3,8 миллиона во время онлайн-трансляции Эдмонда; но теперь, после всех драматических событий последних нескольких часов, по моим оценкам, около двухсот миллионов человек следят за этими событиями через онлайн-новости, социальные сети, телевидение и радио.

Цифры казались поразительными для Лэнгдона, хотя он напомнил, что более двухсот миллионов человек смотрели финал Кубка мира ФИФА, а пятьсот миллионов наблюдали за первой посадкой человека на луну полвека назад, когда никто не пользовался Интернетом, а телевизоры гораздо меньше распространены во всем мире.

— Вы можете не видеть это в академических кругах, профессор, — сказал Уинстон, — но остальной мир стал реалити-шоу. Как ни странно, люди, пытавшиеся сегодня заставить Эдмонда замолчать, достигли противоположного эффекта; у Эдмонда теперь самая большая аудитория среди всех научных открытий в истории. Это напоминает мне о Ватикане, осуждающем вашу книгу «Христианство и священная женственность», которая в последствии быстро стала бестселлером

«Почти бестселлер,» — подумал Лэнгдон, но

точка зрения Уинстона была понятна.

— Увеличение зрительской аудитории по максимуму всегда была одной из главных целей Эдмонда сегодня, — сказал Уинстон.

— Он прав, — сказала Амбра, глядя на Лэнгдона. — Когда Эдмонд и я провели мозговой штурм прямой трансляции события в Гуггенхайме, он был одержим привлечением растущей зрительской аудитории и охватом как можно большего числа подписчиков в интернете.

— Как я уже сказал, — подчеркнул Уинстон, — мы подошли вплотную к точке насыщения в СМИ, и настоящее время — лучшее для представления его открытия.

— Понял, — сказал Лэнгдон. — Просто скажите, что делать.

Проходя по коридору, они подошли к неожиданному препятствию:

лестница неуклюже перегораживала коридор, как будто для малярных работ, что делало невозможным продвижение вперед, не двигая лестницу или проходя мимо нее.

— Эта лестница, — предложил Лэнгдон, — я могу ее убрать?

— Нет, — ответил Уинстон. — Эдмонд специально давным-давно туда ее поставил.

— Почему? — спросила Амбра.

— Возможно, вы знаете, Эдмонд презирал суеверие во всех формах. Он каждый день ходил под лестницей по дороге на работу — чихать хотел на богов. Более того, если какой-либо гость или техник отказывался идти под этой лестницей, Эдмонд выгонял их из здания.

«Всегда такой благоразумный». Лэнгдон улыбнулся, вспомнив, как Эдмонд когда-то ругал его публично за «стук по дереву» на удачу. «Роберт, если ты не кабинетный Друид, который все еще стучит по деревьям, чтобы разбудить их, пожалуйста, оставь это невежественное суеверие в прошлом, где ему и место!»

Амбра поспешила, быстро нагнувшись и прошла под лестницей. С необъяснимым приступом беспокойства Лэнгдон последовал ее примеру.

Когда они достигли другой стороны, Уинстон направил их за угол к большой защитной двери, у которой были две камеры и биометрическое сканирование.

Над дверью была прикреплена рукописная вывеска: КОМНАТА 13

Лэнгдон посмотрел на печально несчастливое число. Эдмонд снова отверг богов.

— Это вход в его лабораторию, — сказал Уин-

стон. — За исключением нанятых техников, помогавших Эдмонду строить ее, очень немногим разрешили доступ туда.

При этом защитная дверь громко загудела, и Амбра, не теряя времени, схватилась за ручку и открыла ее. Она сделала шаг за порог, остановилась и подняла руку ко рту с испуганным вздохом. Когда Лэнгдон посмотрел в святилище церкви, он понял ее реакцию.

В просторном зале часовни доминировал огромнейший стеклянный ящик, какой когда-либо видел Лэнгдон. Прозрачный корпус охватывал весь пол и доходил до двухэтажного потолка часовни.

Ящик, казалось, был разделен на два этажа.

На первом этаже Лэнгдон видел сотни металлических шкафов размером с холодильник, стоящих ровными рядами, как обращенные к алтарю церковные скамьи. У шкафов не было дверей, и их внутренности были на виду. Загадочные и замысловатые матрицы ярко-красных проводов, свисающих из плотных сеток контактных центров, выгибались вниз к полу, где соединялись в толстые, словно канаты жгуты, которые бежали между машинами словно сеть венозных сосудов.

«Организованный хаос,» — подумал Лэнгдон.

— На первом этаже, — сказал Уинстон, — вы видите знаменитый суперкомпьютер MareNostrum — сорок восемь тысяч восемьсот девяносто шесть ядер Intel, сообщающих через сеть InfiniBand FDR10, одна из самых быстрых машин в мире. МареНострум был здесь, когда Эдмонд переехал, и чтобы не убирать его, он хотел включить его в состав, поэтому он просто расширился… вверх.

Лэнгдон теперь увидел, что все провода MareNostrum объединены в центре комнаты, образуя единый ствол, который вертикально поднимался и как массивная лоза уходил в потолок первого этажа.

Когда взгляд Лэнгдона поднялся до второго этажа огромного стеклянного прямоугольника, он увидел совершенно другую картину. Здесь, в центре пола, на приподнятой платформе стоял огромный металлический сине¬серый куб, десятифутовый квадрат, без проводов, без мигающих огней, и невозможно было предположить, что это ультрасовременный компьютер, который Уинстон описывает едва поддающейся расшифровке терминологией.

— …кубиты заменяют двоичные разряды… суперпозиции состояний… квантовые алгоритмы… квантовая запутанность и туннелирование…

Лэнгдон теперь знал, почему они с Эдмондом говорили об искусстве, а не о компьютерах.

— ...в результате получаются квадриллионы вычислений с плавающей запятой в секунду, — заключил Уинстон. — Слияние этих двух очень разных машин — самый мощный суперкомпьютер в мире.

— Боже мой, — прошептала Амбра.

— На самом деле, «боже» Эдмонда, — поправил Уинстон.

ГЛАВА 85

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

ДО ОБЪЯВЛЕНИЯ ОТКРЫТИЯ ЭДМОНДА КИРША ОСТАЛИСЬ СЧИТАННЫЕ МИНУТЫ!

Да, это действительно произойдет!

Пресс-релиз от представителей Эдмонда Кирша только что подтвердил, что его широко ожидаемое научное открытие, приостановленное после убийства футуриста, будет транслироваться по всему миру в начале часа (3 часа утра по местному времени в Барселоне).

Сообщается, что участие в просмотре стремительно растет, и глобальная статистика онлайн-участия является беспрецедентной.

Как утверждается в новостях по теме, Роберта Лэнгдона и Амбру Видаль заметили на территории часовни Торре Жирона, в Барселонском суперкомпьютерном центре, где, как считается, последние несколько лет работал Эдмонд Кирш. Будет ли именно отсюда транслироваться презентация в реальном времени, ConspiracyNet пока не может подтвердить.

Оставайтесь с нами смотреть презентацию Кирша, доступную здесь в прямом эфире на сайте ConspiracyNet.com!

ГЛАВА 86

Когда принц Хулиан прошел через железный дверной проем в гору, у него возникло беспокойное чувство, что он никогда не убежит.

Долина павших. Что я здесь делаю?

Пространство за порогом было холодным и темным, едва освещенным двумя электрическими факелами. В воздухе пахло сырым камнем.

Перед ними стоял мужчина в форме и держал в дрожащих руках связку ключей. Хулиана не удивило, что этот офицер Патримонио Насиональ, похоже, беспокоился; прямо за ним в темноте выстроились полдюжины агентов Королевской гвардии. Мой отец здесь. Без сомнения, этого бедного офицера вызвали посреди ночи, чтобы открыть вход в священную гору Франко для короля.

Один из агентов Гвардии быстро вышел вперед.

— Принц Хулиан, епископ Вальдеспино. Мы ждали вас. Сюда, пожалуйста.

Агент Гвардии привел Хулиана и Вальдеспино к массивным кованым железным воротам, на

которых был высечен зловещий символ франкистов — грозный двуглавый орел, который подражал нацистской символике.

— Его Величество находится в конце туннеля, — сказал агент, указывая им через разблокированные и частично приоткрытые ворота.

Хулиан и епископ обменялись неуверенными взглядами и прошли через ворота, в которых находилась пара зловещих металлических скульптур — два ангела смерти, сжимающие мечи в форме крестов.

— Много франкистских религиозно-военных символов, — подумал Хулиан, когда они с епископом начали долгую прогулку внутрь горы.

Простирающийся перед ними туннель был столь же изящно обустроен, как бальный зал Королевского дворца Мадрида. С гладко отполированными черными мраморными полами и высоким кессонным потолком роскошный проход освещался бесконечной группой настенных бра в форме факелов.

Однако сегодняшнее освещение в проходе казалось гораздо более впечатляющим. Множество ослепительных чаш с факелами, наподобие посадочных огней горели оранжевым на всем пути следования вдоль туннеля. По традиции эти огни

зажигались по большим праздникам, но позднее вечернее прибытие короля очевидно относилось к разряду довольно высокого ранга, раз они горели все сразу.

Свет танцующих огней факелов отражался на полированном полу, и массивный коридор приобрел почти сверхъестественную атмосферу. Хулиан чувствовал призрачное присутствие печальных душ, вручную прорубавших этот туннель кирками и лопатами, долгие годы в этой холодной горе, голодные, замерзшие, много умерших, все для прославления Франко, чья могила глубоко залегала в этой горе.

«Будь осторожней, сынок, — говорил ему отец. — Однажды ты снесешь это».

Хулиан знал, что став королем, ему, вероятно, не хватит сил разрушить это великолепное сооружение. И все же он признавал с чувством удивления, что жители Испании позволяли ему существовать, особенно учитывая стремление страны перейти от своего темного прошлого к новому миру. Опять же, по-прежнему существовали горячие сторонник прежних путей, и каждый год, в годовщину смерти Франко сотни пожилых франкистов стекались в это место, чтобы выразить ему свое почтение.

— Дон Хулиан, — тихо сказал епископ по мере прродвижения по глубокому проходу, чтобы не слышали другие. — Вы знаете, почему ваш отец вызвал нас сюда?

— Хулиан покачал головой. — Я надеялся, что вы знаете.

Вальдеспино издал необычайно тяжелый вздох.

— Я понятия не имею.

«Если епископ не знает мотивов моего отца, — подумал Джулиан, — тогда их никто не знает».

— Я просто надеюсь, что с ним все в порядке, — сказал епископ с удивительной нежностью. — Некоторые из его решений в последнее время…

— Вы имеете в виду, назначать встречу в горах, когда он должен находиться на больничной койке?

Вальдеспино мягко улыбнулся.

— К примеру, да.

Хулиан недоумевал, почему не вмешался наряд Королевской гвардии и не отказался везти умирающего монарха из больницы в это зловещее место. С другой стороны, агенты Гвардии были обучены подчиняться беспрекословно, особенно когда просьба исходила от их главнокомандующего.

— Я не молился здесь годами, — сказал Вальдесшино, вглядываясь в освещенный факелами коридор.

Хулиан знал, что углубляющийся туннель был не только входом в гору; но также и нефом официально санкционированной католической церкви. Впереди принц разглядел ряды скамеек.

Секретной базиликой он называл ее в детстве.

Выдолбленное в гранитной горе позолоченное святилище в конце этого туннеля выглядело как пещера, удивительная подземная базилика с массивным куполом. По слухам, она имеет большую общую площадь чем собор Св. Петра в Риме, подземный мавзолей славится шестью отдельными часовенками, окружающими высокий алтарь, который расположен прямо под крестом на вершине горы.

Когда они приблизились к главному святилищу, Хулиан осмотрел огромное пространство в поисках отца. Однако, базилика, казалась совершенно пустынной.

— Где он? — требовательно спросил обеспокоенный епископ.

Теперь Хулиан разделял беспокойство епископа, опасаясь, что Гвардия

оставила короля одного в этом пустынном

месте. Принц быстро двинулся вперед, глядя попеременно то в одну, то в другую сторону поперечного нефа.

Никаких признаков жизни. Он двинулся глубже, обвел взглядом алтарь и заглянул в апсиду.

Именно здесь, в самых глубоких уголках горы, Хулиан наконец увидел отца и резко остановился.

Король Испании в совершенном одиночестве сгорбившись сидел в инвалидном кресле, покрытый тяжелыми одеялами.

ГЛАВА 87

Внутри алтарной части пустынной часовни Лэнгдон и Амбра следовали за голосом Уинстона, который вел их по периметру двухэтажного суперкомпьютера. Сквозь толстое стекло они слышали глубокий вибрирующий шум, исходящий от колоссальной машины внутри. У Лэнгдона было жуткое чувство, что он заглядывает в клетку к запертому дикому зверю.

По словам Уинстона, шум генерировался не электроникой, а огромным количеством центробежных вентиляторов, радиаторов и жидкостных охлаждающих насосов, необходимых для предотвращения перегрева машины.

— Там можно оглохнуть, — произнес Уинстон. — И замерзнуть. К счастью, лаборатория Эдмонда находится на втором этаже.

Отдельная винтовая лестница поднималась впереди, прикрепленная к внешней стене стеклянного помещения. По команде Уинстона Лэнгдон и Амбра поднялись по лестнице и оказались на металлической платформе перед стеклянной поворотной дверью.

К удивлению Лэнгдона этот футуристический вход в лабораторию Эдмонда был украшен как пригородный дом приветственным дверным ковриком, искусственным растением в горшке и маленькой скамейкой, под которой стояла пара домашних тапочек, как с грустью понял Лэнгдон, принадлежавших Эдмонду.

Над дверью висела цитата в рамке.

Успех — это способность идти от одной неудачи к другой, не теряя при этом энтузиазма.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

— Любимая цитата Эдмонда, — подхватил Уинстон. — Он говорил, что она указывает на безраздельную величайшую силу компьютеров.

— Компьютеров? — переспросила Амбра.

— Да, компьютеры обладают безграничным терпением. Я могу потерпеть неудачу миллиарды раз без всякого разочарования. Я приступаю к своей миллиардной попытке решить проблему с той же энергией, как и к первой. Люди не могут этого делать.

— Правда, — признался Лэнгдон. — Я обычно сдаюсь после миллионной попытки.

Амбра улыбнулась и пошла к двери.

— Пол внутри — стеклянный, — сказал Уинстон, когда вращающаяся дверь начала автоматически

поворачиваться. — Поэтому, пожалуйста, снимите обувь.

Через несколько секунд Амбра скинула обувь и шагнула босиком через вращающуюся входную дверь. Когда Лэнгдон последовал ее примеру, он заметил на приветственном коврике Эдмонда необычную надпись:

«НЕТ НА СВЕТЕ МЕСТА ЛУЧШЕ, ЧЕМ 127.0.0.1»*

* 127.0.0.1 — IP адрес. Использование данного адреса позволяет устанавливать соединение и передавать информацию для программ-серверов, работающих на том же компьютере, что и программа-клиент, независимо от конфигурации аппаратных сетевых средств компьютера.

— Уинстон, что означает надпись на коврике? Я не поним…

— Локальный компьютер, — ответил Уинстон.

Лэнгдон снова прочитал надпись на коврике.

— Ясно, — сказал он, хотя ничего не понял на самом деле и продолжил движение через вращающуюся дверь.

Когда Лэнгдон ступил на стеклянный пол, мгновение он чувствовал нерешительность. Стоять на прозрачной поверхности в носках было достаточно неловко, а парить прямо над стоящим внизу компьютером МареНострум, казалось вдвойне

смущающим. Взгляд сверху на ряд величественных стеллажей напомнил Лэнгдону о том, как он смотрел на знаменитые археологические раскопки в Сиане армии терракотовых солдат. *

* «Терракотовая армия» — принятое название захоронения по меньшей мере 8100 полноразмерных терракотовых статуй китайских воинов и их лошадей у мавзолея императора Цинь Шихуанди в Сиане.

Лэнгдон глубоко вздохнул и поднял глаза на странное пространство перед ним.

Лаборатория Эдмонда представляла из себя прозрачный прямоугольный параллелепипед, в котором доминировал металлический сине-серый куб, который он видел раньше. Его глянцевая поверхность отражала все вокруг. Справа от куба на одном конце комнаты располагалось изящное и элегантное офисное пространство с полукруглым столом, три гигантских ЖК-экрана и разнообразные клавиатуры, встроенные в гранитную рабочую поверхность.

— Главная панель управления, — прошептала Амбра.

Лэнгдон кивнул и взглянул на противоположный конец комнаты, где на восточном ковре стояли кресла, кушетка и велотренажер.

«Пещера суперкомпьютерного человека, — размышлял Лэнгдон, подозревая, что Эдмонд почти переехал в эту стеклянную коробку, работая над своим проектом. Что он открыл здесь?» — Начальная неуверенность Лэнгдона прошла, и теперь он почувствовал растущее стремление к интеллектуальному любопытству — стремление узнать, какие тайны раскрыты здесь, какие секреты обнаружены благодаря сотрудничеству гениального ума и мощной машины.

Амбра уже прошлась по полу к массивному кубу и с недоумением смотрела на его полированную серо-голубую поверхность. Лэнгдон присоединился к ней, оба они отражались в его блестящем корпусе.

«Это компьютер?» — удивился Лэнгдон. В отличие от машины внизу, эта была мертвой, безмолвной и безжизненной — металлический монолит. Синеватый оттенок машины напомнил Лэнгдону о суперкомпьютере 1990-х годов под названием «Дип Блю», который ошеломил мир, победив чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова. С тех пор достижения в области вычислительной техники почти невозможно понять.

— Хотите заглянуть внутрь? — раздался голос

Уинстона из динамиков над головой.

Амбра в недоумении подняла глаза.

— Заглянуть внутрь этого куба?

— Почему нет? — ответил Уинстон. — Эдмонд с гордостью показал бы вам его внутреннее устройство.

— Не надо, — сказала Амбра, обратив взгляд на кабинет Эдмонда. — Я бы предпочла заняться вводом пароля. Как нам это сделать?

— Это займёт всего несколько секунд, и всё равно у нас больше одиннадцати минут до планового включения. Загляните туда.

Перед ними панель на стороне куба, обращенная к кабинету Эдмонда, заскользила, открывая толстый стеклянный корпус. Лэнгдон и Амбра повернулась вокруг и прижались лицом к прозрачному порталу.

Лэнгдон ожидал увидеть еще одну плотно упакованную связку проводов и мигающих огней, но не увидел ничего подобного. К его недоумению внутренняя часть куба была темной и пустой — как небольшая свободная комната. Казалось, что внутри лишь клочья белого тумана, клубившегося в воздухе, словно комната была морозильной камерой. Толстая панель из плексигласа излучала удивительную холодность.

— Здесь ничего нет, — объявила Амбра.

Лэнгдон тоже ничего не увидел, но почувствовал повторяющуюся низкочастотную пульсацию, исходящую из куба.

— Этот медленный глухой стук, — сказал Уинстон, — это система охлаждения разжижающей пульсационной трубы. Звучит как человеческое сердце.

— Да, правда, — подумал Лэнгдон, обескураженный сравнением.

Медленно, красные огни начали освещать внутреннюю часть куба.

Сначала Лэнгдон увидел только белый туман и пустое пространство — пустую квадратную камеру. Затем, когда усилилось свечение, что-то сверкнуло в воздухе над полом, и он понял, что с потолка, как сталактит, свисает металлический цилиндр.

— А это позволяет кубу не перегреваться, — сказал Уинстон.

Подвешенное к потолку цилиндрическое устройство длиной

около пяти футов состояло из семи горизонтальных колец, которые уменьшались в диаметре по мере их спуска, создавая сужающуюся колонну из многоярусных дисков, прикрепленных тон-

кими вертикальными стержнями. Пространство между полированными металлическими дисками занимала редкая сетка из тонких проводов. Ледяной туман окутывал все устройство.

— E-Wave, — объявил Уинстон. — Квантовый скачок, простите за каламбур, за пределы NASA / D-Wave от Google.

Уинстон быстро объяснил, что D-Wave, первый в мире рудиментарный «квантовый компьютер», разблокировал смелый новый мир вычислительной силы, который ученые еще пытались понять. Квантовые вычисления, а не использование двоичного метода хранения информации, использовали квантовые состояния субатомных частиц, что привело к экспоненциальному скачку скорости, мощности и вариативности.

— Квантовый компьютер Эдмонда, — сказал Уинстон, — структурно не отличается от D-Wave. Одно отличие — металлический куб, окружающий компьютер. Куб покрыт осмием — редким ультрачистым химическим элементом, который обеспечивает усиленное магнитное, тепловое и квантовое экранирование, а также, я подозреваю, гармонирует с чувством театральности Эдмонда.

Лэнгдон улыбнулся, поймав себя на той же мысли.

За последние несколько лет, в то время как квантовая лаборатория Google по искусственному интеллекту использовала такие машины, как D- Wave, для улучшения машинного обучения, Эдмонд тайно перегнал всех с этой машиной. И он сделал это, используя одну смелую идею… Уинстон сделал паузу. — Бикамерализм.

Лэнгдон нахмурился. «Двухпалатный парламент?»

— Двухдольный мозг, — продолжил Уинстон. — Левое и правое полушария.

«Двухкамерное сознание,» — теперь понял Лэнгдон. Способность людей к креативности заключается в том, что две половины мозга функционируют совершенно по-разному. Левое полушарие мозга отвечает за аналитические и вербальные способности, тогда как правое полушарие отвечает за интуицию и «предпочитает» изображения словам.

— Трюк заключался в том, — сказал Уинстон, — что Эдмонд решил создать искусственный мозг, имитирующий человеческий, то есть разделенный на левое и правое полушария. Хотя, в этом случае, это скорее расположение наверху и внизу.

Лэнгдон отступил назад и вгляделся через стек-

лянный пол на пульсирующую машину внизу, а затем вернулся к молчаливому «сталактиту» внутри куба. Две разные машины слились в одну — бикамеральный разум.

— Когда они вынуждены работать как единое целое, — сказал Уинстон, — эти две машины используют разные подходы к решению проблем, тем самым испытывая те же самые конфликты и компромиссы, которые происходят между долями человеческого мозга, значительно ускоряя обучение искусственного разума, креативность и в некотором смысле… человеческого. В моем случае Эдмонд дал мне инструменты, чтобы я научился человеческому, наблюдая за окружающим миром и моделируя человеческие черты — юмор, сотрудничество, ценностные суждения и даже чувство этики.

Невероятно, подумал Лэнгдон.

— Значит, этот двойной компьютер по существу… вы?

Уинстон рассмеялся.

— Ну, эта машина не больше я, чем ваш физический мозг — вы. Наблюдая за собственным мозгом в миске, вы не сказали бы: «Этот объект — я». Мы являемся суммой взаимодействий в рамках механизма.

— Уинстон, — вмешалась Амбра, двигаясь к рабочему пространству Эдмонда. — Сколько времени до запуска?

— Пять минут и сорок три секунды, — ответил Уинстон. — Мы должны приготовиться?

— Да, пожалуйста, — сказала она.

Смотровой защитный экран окна медленно скользнул на место, и Лэнгдон повернулся, чтобы присоединиться к Амбре в лаборатории Эдмонда.

— Уинстон, — сказала она. — Учитывая всю вашу работу с Эдмондом здесь, я удивлена что вы не имеете никакого понятия, каким было его открытие.

— Опять же, мисс Видаль, моя информация разделена, и у меня те же данные, что и у вас, — ответил он. — Я могу лишь сделать обоснованное предположение.

— И какое же оно? — спросила Амбра, оглядывая кабинет Эдмонда.

— Ну, Эдмонд утверждал, что его открытие «изменит все». По моему опыту, самые преобразующие открытия в истории привели к пересмотру моделей вселенной — прорывы, такие как отказ Пифагора от плоской модели Земли, гелиоцентризм Коперника, теория эволюции Дарвина и

открытие теории относительности Эйнштейна — все что радикально изменило взгляд человечества на мир и обновило наше представление о нынешней модели вселенной.

Лэнгдон поднял голову над громкоговорителем.

— Значит, вы полагаете, что Эдмонд обнаружил нечто, предполагающее новую модель вселенной?

— Это логическое умозаключение, — ответил Уинстон, говоря быстрее. — MareNostrum является одним из лучших «моделирующих» компьютеров на Земле, специализирующихся на сложных симуляциях, самым известным из которых является «Alya Red» — полностью функционирующее, виртуальное человеческое сердце, которое является точным вплоть до клеточного уровня. Конечно, с недавним добавлением квантовой компоненты, этот объект может моделировать системы в миллионы раз сложнее, чем человеческие органы.

Лэнгдон понял концепцию, но все же не мог представить, что мог бы смоделировать Эдмонд для ответов на вопросы «Откуда мы появились?», «Куда мы движемся?»

— Уинстон? — позвала Амбра из-за стола Эд-

монда. — Как мы все это включим?

— Я помогу вам, — ответил Уинстон.

Три огромных ЖК-экрана на столе замерцали и ожили. Лэнгдон подошел и встал рядом с Амброй. Когда изображения на экране материализовались, они вдвоем с беспокойством отступили.

— Уинстон… эта картинка прямой трансляции? — спросила Амбра.

— Да, прямая трансляция с наших внешних камер безопасности. Я подумал, вы должны знать. Они подъехали несколько секунд назад.

На экранах дисплея показывали панорамный вид главного входа часовни, где собралась небольшая армия полицейских, которые нажимали кнопку вызова, дергали дверь, разговаривали по рации.

— Не волнуйтесь, — заверил их Уинстон, — они никогда не войдут сюда. И нам осталось меньше четырех минут до запуска.

— Мы должны начать прямо сейчас, — возразила Амбра.

Уинстон спокойно ответил.

— Я считаю, Эдмонд предпочел бы, чтобы мы подождали и сделали запуск в начале часа, как и было обещано. Он был человеком слова. Более того, я слежу за нашим общемировым зритель-

ским рейтингом, и наша аудитория по-прежнему растет. В ближайшие четыре минуты при текущем соотношении наша аудитория увеличится на 12,7 процента, и полагаю, приблизится к максимальному значению. — Уинстон сделал паузу, его голос звучал почти приятно удивленным. — Должен сказать, несмотря на все произошедшее сегодня вечером, релиз презентации Эдмонда похоже будет оптимальным по времени. Думаю, он был бы глубоко признателен вам обоим.

ГЛАВА 88

Осталось четыре минуты, подумал Лэнгдон, опустился в кресло за столом Эдмонда и обратил взгляд на три огромные ЖК-панели, которые господствовали в этом конце комнаты. На экране по-прежнему транслировались текущие сообщения безопасности, показывающие группу полицейских вокруг часовни.

— Вы уверены, что они не смогут войти? — спросила Амбра, с беспокойством переминаясь с ноги на ногу за спиной Лэнгдона.

— Поверьте мне, — ответил Уинстон. — Эдмонд очень серьезно относился к безопасности.

— А если они отрежут электропитание в здании? — отважился спросить Лэнгдон.

— Автономный блок питания, — категорично ответил Уинстон. — Резервная подземная линия связи. Никто не сможет вмешаться. Уверяю вас.

Лэнгдон не стал спорить. Сегодня Уинстон уже не раз оказался прав по всем пунктам… И вообще всячески защищал и предостерегал нас.

Устроившись вблизи центральной части стола подковообразной формы, Лэнгдон обратил вни-

мание на лежавшую перед ним необычную клавиатуру. Количество её клавиш было, по крайней мере, вдвое больше обычного — традиционные цифро-буквенные дополнялись набором символов, которые даже он не распознал. Клавиатура была разделена посередине, причём каждая из половин была эргономично отвёрнута от другой.

— Есть какие-нибудь инструкции по этой части? — спросил Лэнгдон, уставившись на сбивающий с толку набор клавиш.

— Это не та клавиатура, — ответил Уинстон. — Это главный пункт доступа к E-Wave. Я как-то упоминал, что Эдмонд держал эту презентацию в тайне от всех, включая меня. Презентация должна запускаться с другого компьютера. Сдвиньтесь вправо. До самого конца.

Лэнгдон посмотрел направо, где вдоль стола по всей его длине аккуратно в ряд были расставлены компьютеры. Когда он к ним подкатился, то с удивлением увидел, что первые два были подержанными и устаревшими. Странным образом, чем дальше он откатывался, тем старее становились компьютеры.

«Здесь явно что-то не так,» — подумал он, минуя старомодную модель от IBM на системе DOS, которой на вид был не один десяток лет.

— Уинстон, что это за компьютеры?

— Детские компьютеры Эдмонда, — отозвался Уинстон. — Он хранил их как напоминание о своих корнях. Иногда, в неудачные дни, он их включал и запускал старые программы — как способ воспроизвести удивительные мальчишеские ощущения тех времён, когда он открыл для себя программирование.

— Мне нравится эта идея, — сказал Лэнгдон.

— Как ваши часы с Микки Маусом, — согласился Уинстон.

Озадаченный, Лэнгдон потупил взор и засучив рукав пиджака своего костюма, показал старинный хронометр, который мальчишкой получил в подарок. Известное Уинстону об этих часах было удивительным, хотя Лэнгдон припомнил, как недавно говорил Эдмонду о том, что носит их как напоминание о необходимости оставаться в душе молодым.

— Роберт, — напомнила Амбра, — отложим разговоры о вашем вкусе, не могли бы мы уже ввести пароль? Даже ваш мышонок машет лапкой в попытке привлечь внимание.

Конечно, рука Микки в перчатке была высоко над его головой, указательный палец указывал почти прямо вверх. Три минуты до начала часа.

Лэнгдон быстро проскользнул вдоль стола к последнему компьютеру в ряду, и Амбра вслед за ним. Компьютер представлял из себя неуклюжий ящик серо-коричневого цвета с щелью для гибкого диска, телефонным модемом емкостью 1200 бит/сек и ламповым двенадцатидюймовым выпуклым монитором наверху.

— Это Тэнди TRS-80, первый компьютер Эдмонда. Он купил его бывшим в употреблении и самостоятельно освоил Бейсик*, когда ему было лет восемь.

* Бейсик (BASIC) — один из языков программирования

Лэнгдон обрадовался, увидев, что этот компьютер хотя и был динозавром, уже был включен и ждал. На его экране, мерцающем черно-белом дисплее, светилось многообещающее приветствие, написанное зубчатым растровым шрифтом.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ЭДМОНД.

ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ:

После слова «пароль» черный курсор выжидающе замигал.

— И это все? — спросил Лэнгдон, чувствуя, что все складывается слишком просто. — Нужно лишь ввести сюда пароль?

— Именно так, — ответил Уинстон. — Сразу

после ввода пароля данный компьютер автоматически отправит разблокирующее сообщение на специальный раздел диска на сервере, где и находится презентация Эдмонда. Тогда я получу доступ и смогу управлять лентой новостей, поднять наше сообщение в топ часа и отправить данные на все основные распределительные каналы для трансляции по всему миру.

Лэнгдон более или менее последовал этому объяснению, и все же, глядя на неуклюжий компьютер и телефонный модем, он почувствовал недоумение.

— Я не понимаю, Уинстон, после всего, что планировал Эдмонд сегодня вечером, зачем ему доверять всю свою презентацию через телефонный звонок и доисторический модем?

— Я бы сказал, что Эдмонд — это Эдмонд, — ответил Уинстон. — Как вы знаете, он был увлечен театральностью, символизмом и историей, и я подозреваю, что ему доставило огромную радость включить свой первый компьютер и использовать его для запуска важнейшей работы в своей жизни.

«Справедливая точка зрения,» — подумал Лэнгдон, понимая, что именно так Эдмонд видел это.

— Более того, — добавил Уинстон, — я по-

дозреваю, что, вероятно, у Эдмонда имелись непредвиденные обстоятельства, но в любом случае есть логика использования старого компьютера для «переключения». Для простых задач требуются простые инструменты. И безопасные, использование медленного процессора гарантирует, что взлом системы займет вечность.

— Роберт? — надоедала Амбра за спиной, ободряюще сжимая его плечо.

— Да, извините, все настроено. — Лэнгдон приблизил клавиатуру Тэнди к себе, ее сильно скрученный кабель растянулся, как старый вращающийся телефонный шнур. Он положил пальцы на пластмассовую клавиатуру и ввел строчку рукописного текста, который они с Амброй обнаружили в крипте Саграда-Фамилии.

«Мрак суеверий темных отступает, и свет науки правит бал».

Великий финал эпической поэмы Уильяма Блейка «Четыре Зоа» казался идеальным выбором для разблокировки последнего научного открытия Эдмонда — открытия, которое, как он утверждал, изменит все.

Лэнгдон сделал глубокий вдох и тщательно, без пробелов набрал стихотворную строку, заменив амперсанд парой букв et.

Закончив, он перевел взгляд на экран.

ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ:

Лэнгдон перечитал точки — сорок семь.

Превосходно. Будь что будет.

Лэнгдон нашёл глазами Амбру, и она кивнула. Он потянулся и нажал на клавишу ввода.

Мгновенно компьютер издал монотонное жужжание.

НЕВЕРНЫЙ ПАРОЛЬ.

ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЕ.

Сердце Лэнгдона колотилось.

— Амбра — я всё набрал правильно! Уверен! — он повернулся в кресле и посмотрел на неё снизу вверх, ожидая увидеть выражение страха на её лице.

Вместо этого Амбра Видаль уставилась на него с весёлой улыбкой. Покачала головой и рассмеялась.

— Профессор, — прошептала она, — указывая на его клавиатуру. — У вас нажата клавиша фиксации верхнего регистра.

В этот момент, в глубине горы принц Хулиан стоял как прикованый к месту, оглядывая подземную базилику, и пытался осознать тяжелую сцену перед собой. Его отец, король Испании, неподвижно сидел в инвалидном кресле в самом

отдаленной и уединенной части этой базилики.

Волна страха накрыла Хулиана.

— Отец?

Когда Хулиан подошел, король медленно открыл глаза, видимо, очнувшись ото сна. Нездоровый монарх изобразил расслабленную улыбку.

— Спасибо, что пришел, сынок, — прошептал он слабым голосом.

Хулиан присел на корточки перед инвалидной коляской, почувствовав облегчение, что его отец жив, но одновременно встревоженный тем, как сильно ухудшилось его состояние всего за несколько дней.

— Отец? Как ты?

Король пожал плечами.

— Как и следовало ожидать, — ответил он с поразительным чувством юмора. — Как дела? Твой день был… насыщен событиями.

Хулиан понятия не имел, как ответить.

— Что ты здесь делаешь?

— Я устал от больницы и захотел подышать воздухом.

— Прекрасно, но… здесь?

Хулиан знал, что его отец всегда ненавидел символическую связь этой святыни с гонением и нетерпимостью.

— Ваше Величество! — позвал Вальдеспино, торопливо обходя алтарь и запыхавшись подошел к ним. — Бога ради?..

Король улыбнулся своему близкому другу.

— Антонио, добро пожаловать.

Антонио? Принц Хулиан никогда не слышал, чтобы отец обращался по имени к епископу Вальдеспино. На людях он всегда обращался «Ваше Преосвященство».

Неформальное обращение корорля как будто задело епископа.

— Благодарю… вас, — запнулся он. — Как вы себя чувствуете?

— Просто замечательно, — ответил король, широко улыбаясь. — Я сейчас с двумя людьми, которым доверяю больше всего на свете.

Вальдеспино бросил на Хулиана беспокойный взгляд, а затем повернулся к королю.

— Ваше Величество, я доставил к вам сына, как вы просили. Могу я оставить вас двоих, чтобы вы поговорили наедине?

— Нет, Антонио, — сказал король. — Это будет исповедь. И мне необходим мой священник для поддержки.

Вальдеспино покачал головой.

— Не думаю, что сын ждет от вас объяснений

сегодняшним действиям и поведению. Я уверен, он…

— Сегодняшним? — Король рассмеялся. — Нет, Антонио, я раскрою тайну, которую хранил от Хулиана всю свою жизнь.

ГЛАВА 89

ConspiracyNet.com
ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ
ЦЕРКОВЬ ПОД УГРОЗОЙ!

Нет, не от Эдмонда Кирша — от испанской полиции!

Часовня Торре Жирона в Барселоне в настоящее время подвергается нападению со стороны местных властей. Внутри Роберт Лэнгдон и Амбра Видаль, как полагают, несут ответственность за успешный запуск долгожданной презентации Эдмонда Кирша, которая начнется всего через несколько минут.

Обратный отсчет пошел!

ГЛАВА 90

АМБРА ВИДАЛЬ почувствовала море волнения, когда старый компьютер к счастью издал отрывистый звук после второй попытки Лэнгдона ввести поэтическую строчку.

ПАРОЛЬ ВЕРНЫЙ

«Слава богу!» — подумала она, когда Лэнгдон встал от стола и повернулся к ней. Амбра тут же искренне обняла его и крепко сжала. Эдмонд был бы так благодарен.

— Две минуты и тридцать три секунды, — отчеканил Уинстон.

Амбра отпустила Лэнгдона, и они оба перевернулись к экранам ЖК-

экранов. На центральном экране отображались часы с обратным отсчетом, которые она в последний раз видела в Гуггенхайме.

Прямая трансляция начнется через 2 минуты 33 секунды

Текущие удаленные участники: 227 257 914

Более двухсот миллионов человек? Амбра была потрясена. Видимо, пока они с Лэнгдоном летели над Барселоной, весь мир обратил внимание.

Аудитория Эдмонда стала астрономической.

Помимо экрана обратного отсчета продолжали работать камеры наблюдения, и Амбра заметила внезапные перестановки в деятельности полиции на улице. Один за другим, офицеры, стучавшие в двери и разговаривающие по радио перестали это делать, вытащили свои смартфоны и уставились в них. Внутренний дворик за пределами церкви постепенно превратился в море бледных, нетерпеливых лиц, подсвеченных экранами мобильных телефонов.

«Эдмонд остановил мир на своем пути, — подумала Амбра, ощущая жуткое чувство ответственности, потому что люди во всем мире готовили посмотреть презентацию, которая будет транслироваться из этой самой комнаты. — Интересно, смотрит ли Хулиан,» — подумала она, а затем быстро отмахнулась от этой мысли.

— Уже пошла заставка программы, — сообщил Уинстон. — Думаю, вам будет удобнее смотреть в гостиной Эдмонда на другом конце этой лаборатории.

— Спасибо, Уинстон, — сказал Лэнгдон, провожая Амбру босиком по гладкому стеклянному полу, мимо сине-серого металлического куба и в гостиную Эдмонда.

Здесь наряду с коллекцией элегантной мебели и велотренажером на стеклянном полу лежал восточный ковер.

Когда Амбра после стеклянного пола ступила на мягкий ковер, она почувствовала, как ее тело начинает расслабляться. Она забралась на диван и подогнула ноги под себя, оглядываясь в поисках телевизора Эдмонда. — Куда смотреть?

Лэнгдон, видимо, не слышал, так как отошел в угол комнаты что-то посмотреть, но Амбра получила свой ответ спустя мгновение, когда вся задняя стенка комнаты начала светиться изнутри. Появилось знакомое изображение, проецируемое изнутри стекла.

Прямая трансляция начнется через 1 минуту 39 секунд

Текущие удаленные участники: 227 501 173

«Целая стена — экран?»

Свет в церкви медленно погас, и Амбра уставилась на изображение высотой в восемь футов. Казалось, как будто Уинстон устроил для них дома большое шоу Эдмонда.

В десяти футах, в углу комнаты Лэнгдон встал как вкопанный — не из- за огромной телевизионной стены, а из-за маленького предмета, который он только что заметил. Он стоял на элегантном

пьедестале, как будто экспонат музейной выставки.

Перед ним в металлическом витрине со стеклянным фасадом располагалась одна пробирка. Пробирку закупорили и промаркировали, в ней содержалась мутная коричневатая жидкость. На мгновение Лэнгдон подумал: возможно, это какое-то лекарство, которое принимал Эдмонд. Потом он прочитал название на этикетке.

— Это невозможно, — сказал он себе. — Зачем это здесь?!

В мире было очень мало «знаменитых» пробирок, но Лэнгдон знал, что эта безусловно настоящая. Не могу поверить, что Эдмонд владеет одной из них! Вероятно, он тайно приобрел этот научный артефакт за огромную цену. Так же, как и картину Гогена в Каса Миле.

Лэнгдон присел на корточки и посмотрел на семидесятилетнюю стеклянную пробирку. Ярлык с липкой лентой был выцветшим и изношенным, но две фамилии все еще можно было разобрать: МИЛЛЕР-ЮРИ.

Волосы на затылке Лэнгдона зашевелились, когда он снова прочел фамилии.

МИЛЛЕР-ЮРИ.

Боже мой… Откуда мы появились?

Химики Стэнли Миллер и Гарольд Юри провели в 1950-х годах легендарный научный эксперимент и попытались ответить на этот самый вопрос. Смелый эксперимент потерпел неудачу, но их усилия заметили во всем мире и они стали известны с тех пор благодаря эксперименту Миллера- Юри.

Лэнгдон вспоминал, что в классе биологии средней школы он как зачарованный узнал, как эти два ученых попытались воссоздать условия на заре происхождения земли — горячей планеты, покрытой взболтанным, безжизненным океаном кипящих химикатов.

Первичный бульон.

Взяв те же химические вещества, которые существовали в древних океанах и атмосфере — воду, метан, аммиак и водород — Миллер и Юри нагрели смесь, чтобы сымитировать кипящие моря. Затем они подвергли ее электрическими раззрядами, чтобы сымитировать молнию. И, наконец, они охладили смесь, так же, как остыли океаны планеты.

«Их цель была простой и смелой — разжечь жизнь из безжизненного первичного океана. Чтобы сымитировать «происхожение жизни», используя только науку,» — подумал Лэнгдон.

Миллер и Юри изучали смесь в надежде, что примитивные микроорганизмы могут образоваться в обогащенной химическим составом смеси — беспрецедентный процесс, известный как абиогенез. К сожалению, их попытки создать «жизнь» из безжизненной материи не увенчались успехом. Вместо жизни у них осталась только коллекция бесполезных стеклянных пробирок, которые теперь томились в темном шкафу в Калифорнийском университете в Сан-Диего.

По сей день креационисты по-прежнему ссылались на неудачу Миллера- Юри, как научное доказательство того, что жизнь не могла появиться на земле без помощи рук Бога.

— Тридцать секунд, — раздался голос Уинстона над головой.

Мысли Лэнгдона безостановочно вращались. Он встал и пристально смотрел на затемненную церковь вокруг них. Несколько минут назад Уинстон заявил, что самыми большими прорывами в науке были те, которые создали новые «модели» Вселенной. Он также сказал, что MareNostrum специализируется на компьютерном моделировании — моделировании сложных систем и наблюдении за их запуском.

«Эксперимент Миллера-Юри, — подумал

Лэнгдон, — является примером раннего моделирования… моделирования сложных химических взаимодействий, происходивших на первичной Земле».

— Роберт! — окликнула Амбра с другого конца комнаты. — Начинается.

— Уже иду, — ответил он, двигаясь к дивану с неожиданно зародившимися подозрениями, что он только что увидел часть работы Эдмонда.

Пересекая комнату, Лэнгдон вспомнил эффектное вступление Эдмонда над травянистым лугом Гуггенхайма. «Сегодня вечером, давайте будем похожими на древних исследователей, — сказал он, — на тех, кто оставил все позади и отправился через огромные океаны». «Эра религии подходит к концу, и наступает эра науки». «Представьте себе, что произойдет, если мы чудесным образом узнаем ответы на главные вопросы жизни».

Когда Лэнгдон занял свое место рядом с Амброй, огромный дисплей на стене начал транслировать обратный отсчет.

Амбра изучающе посмотрела на него.

— Вы в порядке, Роберт?

Лэнгдон кивнул, когда драматические звуки заполнили комнату, и на экране перед ними материализовалось лицо Эдмонда размером в пять

футов. Прославленный футурист выглядел худым и усталым, но он широко улыбался в камеру.

«Откуда мы появились? — спросил он, и волнение в его голосе усилилось. Музыка смолкла. — И куда мы движемся?»

Амбра взяла Лэнгдона за руку и с тревогой сжала ее.

«Эти два вопроса являются частью одной и той же истории, — заявил Эдмонд. — Итак, начнем сначала — с самого начала».

Игриво качнув головой, Эдмонд полез в карман и вытащил небольшой стеклянный предмет — пробирку с мутной жидкостью, с выцветшими фамилиями Миллер и Юри.

Лэнгдон чувствовал как бешено колотилось его сердце.

«Наше путешествие начиналось давным давно… за четыре миллиарда лет до Рождества Христова… дрейфуя в первичном бульоне».

ГЛАВА 91

Сидя возле Амбры на диване, Лэнгдон изучил болезненное лицо Эдмонда, спроецированное на стеклянную стенку и почувствовал боль сожаления, зная, что Эдмонд страдал от смертельной болезни. Сегодня вечером, однако, глаза футуриста сияли чистой радостью и возбуждением.

— Через минуту я расскажу вам об этом маленьком сосуде, — сказал Эдмонд, поднимая пробирку, — но сначала давайте поплаваем… в первичном бульоне.

Эдмонд исчез, и вспыхнула молния, освещающая вздымающийся океан, где вулканические острова извергали лаву и золу в бушующую атмосферу.

— Именно там зародилась жизнь? — вопрошал голос Эдмонда. — Спонтанная реакция в бушующем море химических веществ? Или возможно, это был микроб с метеорита из космоса? Или это… Бог? К сожалению, мы не можем вернуться в прошлое, чтобы засвидетельствовать этот момент. Мы знаем лишь о том, что произошло после зарождения жизни. Произошла эволюция.

И мы привыкли понимать ее примерно в таком отображении.

Теперь на экране показывалась знакомая хронология эволюции человека — примитивная обезьяна, сгорбившаяся позади последовательности постепенно выпрямляющихся человекообразных, пока, наконец, последний силуэт не становится вполне прямоходящим, утратив остатки нательной шерсти.

— Да, люди эволюционировали, — сказал Эдмонд. — Это неопровержимый научный факт, и мы создали четкую временную шкалу, основанную на летописи окаменелостей. А что, если бы мы могли наблюдать эволюцию в обратном направлении?

Внезапно на лице Эдмонда начали расти волосы, превращая его в первобытного человека. Костная структура изменилась и стала обезьяноподобной, а затем процесс бешено ускорился, и замелькали все более старые виды — лемуры, ленивцы, сумчатые, утконосы, двоякодышащая рыба, погрузившаяся под воду и мутировавшая из угря в рыбу, желеобразные существа, планктон, амебы, пока от Эдмонда Кирша не осталась лишь микроскопическая бактерия — одна единственная клетка, пульсировавшая в огромном океане.

— Самые ранние формы жизни, — сказал Эдмонд. — вот где заканчивается наш фильм. Мы понятия не имеем, как из безжизненного химического моря материализовались самые ранние формы жизни. Мы просто не в состоянии увидеть первый кадр этой истории.

«T = 0,»* — размышлял Лэнгдон, воображая аналогичный «обратный» фильм о расширяющейся вселенной, в которой космос сжимался до одной точки света, а космологи попадали в тупик.

* T — константа времени.

— Первопричина, — заявил Эдмонд. — Этот термин Дарвин использовал для описания этого неуловимого момента Творения. Он доказал, что жизнь постоянно развивается, но он не мог понять, как все началось. Другими словами, теория Дарвина описала выживание сильнейшего, а не появление самого подходящего первоисточника.

Лэнгдон хмыкнул — он никогда не слышал этого в такой формулировке.

— Так как же жизнь попала на землю? Иными словами, откуда мы произошли? — Эдмонд улыбнулся. — Через несколько минут у вас будет ответ на этот вопрос. Но поверьте мне, сколь ни ошеломителен ответ, это лишь середина сегодняшнего рассказа.

Он заглянул прямо в камеру и зловеще ухмыльнулся.

— Оказывается, то, откуда мы произошли — крайне увлекательно… а вот то, к чему мы идем — просто ужасно.

Амбра с Лэнгдоном недоуменно переглянулись, и хотя Лэнгдон почувствовал, что это скорее, обычное преувеличение Эдмонда, после данного утверждения он стал ощущать нарастающее беспокойство.

— Происхождение жизни… — продолжил Эдмонд, — оставалось глубочайшей загадкой со времен первых писаний о Сотворении мира. Философы и ученые тысячелетиями искали какие-либо письменные свидетельства о первом моменте появления жизни.

Тут Эдмонд поднял знакомую пробирку с мутной жидкостью. — В 50-х годах двое таких исследователей — химики Миллер и Юри — провели смелый эксперимент в надежде, что он поможет раскрыть, как именно началась жизнь.

Лэнгдон наклонился и прошептал на ухо Амбре:

— Эта пробирка вон там. — Он указал на подставку в углу.

— Как она у оказалась Эдмонда? — с удивлени-

ем спросила Амбра.

Лэнгдон пожал плечами. Судя по странной коллекции предметов в квартире Эдмонда, эта пробирка, возможно, просто предмет из истории науки, который он хотел иметь.

Эдмонд вкратце описал попытки Миллера и Юри воссоздать первичный бульон, в стремлении зародить жизнь в пробирке с безжизненными химикатами.

Теперь на экране высветилась пожелтевшая статья из «Нью-Йорк Таймс», датированная 8 марта 1953 года, под названием «Оглядываясь на миллиард лет назад».

— Очевидно, — сказал Эдмонд, — этот эксперимент вызвал удивление. Последствия могли оказаться разрушительными, особенно для религиозного мира. Если жизнь волшебным образом появилась внутри этой пробирки, мы бы окончательно убедились, что законов химии достаточно для создания жизни. Нам бы больше не понадобилось сверхъестественное существо, которое спускается с небес и наделяет нас искрой Творения. Мы бы поняли, что жизнь просто возникла по воле случая… как неизбежный побочный продукт законов природы. Что еще важнее, мы пришли бы к заключению, что раз

жизнь спонтанно появилась здесь на земле, она почти наверняка так же появилась и в другом месте в космосе. Значит, человек не уникален; человек не центр божьей вселенной; и человек не одинок во вселенной.

Эдмонд выдохнул.

— Однако, многим из вас известно — эксперимент Миллера-Юри не удался. Он синтезировал несколько аминокислот, но ничего даже отдаленно напоминающего жизнь. Химики неоднократно пытались использовать различные комбинации ингредиентов, различные условия нагрева, но ничего не получилось. Казалось, что для жизни, как долго считали верующие, требуется божественное вмешательство. В конце концов Миллер и Юри отказались от своих экспериментов. Религиозное сообщество вздохнуло с облегчением, а научное сообщество вернулось к чертежной доске. — Он сделал паузу с удивительным блеском в глазах. — Так было до 2007 года… когда произошло неожиданное событие.

Эдмонд рассказал историю о том, как забытые пробирки для испытаний Миллера-Юри заново нашли после смерти Миллера в шкафу Калифорнийского университета в Сан-Диего. Студенты Миллера повторно проанализировали образ-

цы, используя гораздо более чувствительные современные методы, включая жидкостную хроматографию и масс- спектрометрию, и результаты оказались поразительными. По-видимому, в оригинальном эксперименте Миллера-Юри было получено гораздо больше аминокислот и сложных соединений, чем Миллер смог определить в то время. Новый анализ пробирок даже выявил несколько важных нуклеотидных оснований — строительных блоков РНК и, возможно, в конечном итоге… ДНК.

— Это была потрясающая научная история, — заключил Эдмонд, — воскресить представление о том, что, возможно, жизнь просто происходит… без божественного вмешательства. Казалось, эксперимент Миллера-Ури действительно работал, но просто требовалось больше времени для реализации. Вспомним один ключевой момент: жизнь развивалась миллиарды лет, а эти пробирки стояли в шкафу чуть более пятидесяти. Если бы временная шкала этого эксперимента измерялась в милях, то он бы ограничился только самым первым дюймом…

Он позволил этой мысли витать в воздухе.

— Нечего и говорить, какой внезапный интерес возник в связи с идеей создания жизни в лабора-

тории — продолжил Эдмонд.

«Припоминаю,» — подумал Лэнгдон. Факультет биологии Гарварда устроил факультетскую вечеринку, которую назвали СССБ: создай свою собственную бактерию.

— Разумеется, решительно отреагировали современные религиозные лидеры, — сказал Эдмонд, подразумевая слово «современный» в кавычках.

Настенный дисплей перешел на главную страницу веб-сайта creation.com, где Эдмонд стал регулярной мишенью для гнева и насмешек. Организация была действительно резкой в своей креационистской евангелизации, но вряд ли это был справедливый пример «современного религиозного мира».

В их заявлении говорилось: «Провозглашать правду и авторитет Библии и подтверждать ее надежность, в частности историю Бытия».

— Этот сайт, — сказал Эдмонд, — популярен, влиятелен и содержит буквально десятки блогов об опасностях повтора работы Миллера-Юри. К счастью для людей на сайте creation.com, им нечего бояться. Даже если этому эксперименту и удастся воспроизвести жизнь, этого не произойдет еще два миллиарда лет.

Эдмонд снова поднял пробирку.

— Как вы догадались, мне бы хотелось лишь ускорить два миллиарда лет, перепроверить эту пробирку и доказать, что все креационисты ошибаются. К сожалению, для этого требуется машина времени. — Эдмонд сделал паузу, скривив лицо. — И в общем… я ее построил.

Лэнгдон взглянул на Амбру, которая не пошевелилась с момента начала презентации. Ее темные глаза прилипли к экрану.

— Машину времени не так сложно построить, — сказал Эдмонд. — Позвольте мне показать вам, что я имею в виду.

На экране появился пустынный бар, и Эдмонд вошел внутрь, двигаясь к бильярдному столу. Шары располагались обычной треугольной пирамидой в ожидании, когда их разобьют. Эдмонд взял кий, наклонился над столом и крепко ударил биток. * Он полетел в лузу.

* Биток (общ.) — шар, которым выполняется удар по прицельному шару.

Незадолго до того, как он влетел в лузу, Эдмонд крикнул: «Стоп!» Биток застыл на месте, волшебным образом замерев на секунду перед столкновением.

— Если прямо сейчас, — сказал Эдмонд, глядя

на приостановленное мгновение, — я попрошу вас предсказать, какие шары попадут в какие лузы, вы сможете это сделать? Конечно нет. Есть буквально тысячи возможных вариантов. А если бы у вас была машина времени и появилась возможность переместиться в будущее на пятнадцать секунд, посмотреть, что произойдет с биллиардными шарами, а потом вернуться? Хотите верьте, хотите нет, мои друзья, теперь у нас есть технология для этого.

Эдмонд указал на ряд крошечных камер по краям стола. Используя оптические датчики для измерения скорости, вращения, направления и оси вращения битка при движении, я могу получить математический снимок движения шара в любой момент.

— С этим снимком я могу сделать очень точные прогнозы о его будущем движении.

Лэнгдон вспомнил об использовании гольф-симулятора и применении подобной технологии для предсказаний с удручающей точностью своей склонности отправлять мяч в лес из-за слайса*.

* Удар в гольфе, при котором мяч вылетает прямо в сторону цели, но после этого значительно отклоняется вправо (у правшей).

— Эдмонд вытащил большой смартфон. На

экране появилось изображение бильярдного стола с виртуальным битком, застывшим на месте. Ряд математических уравнений завис над битком.

— Зная точную массу, положение и скорость битка, — сказал Эдмонд, — я могу вычислить его взаимодействие с другими шарами и предсказать результат. — Он коснулся экрана, и моделируемый биток оживился, врезаясь в пирамиду шаров, разбивая их и отправляя четыре шара в четыре разных лузы.

— Четыре шара, — сказал Эдмонд, глядя на телефон. — Довольно хороший удар. — Он взглянул на аудиторию. — Не верите мне?

Он щелкнул пальцами над настоящим бильярдным столом, и выпущенный биток пролетел по столу, громко ударяясь о другие шары и разбивая их в стороны. Те же четыре шара попали в те же самые четыре лузы.

— Не совсем машина времени, — сказал Эдмонд с усмешкой, — но позволяет нам видеть будущее. Кроме того позволяет моделировать законы физики. Например, я могу удалить трение, чтобы шары никогда не замедлялись… и катились, пока все до последнего не попадут в лузу.

Он нажал несколько клавиш и снова начал

симуляцию. На этот раз после удара отлетевшие шары не замедлялись, бесконтрольно разлетаясь по столу, а в конечном итоге случайно попадали в лузы, пока на столе не осталось всего два шара.

— И если я устану ждать, пока упадут эти последние два шара, — сказал Эдмонд, — я могу просто ускорить процесс. Он коснулся экрана, и два оставшихся шара разогнались, разлетаясь по столу, пока наконец, не попали в лузы. Таким образом, я вижу будущее задолго до его наступления. Компьютерное моделирование — это действительно виртуальные машины времени. — Он сделал паузу. — Конечно, все это довольно простая математика в небольшой замкнутой системе вроде бильярдного стола. А как насчет более сложной системы?

Эдмонд держал флакон Миллера-Юри и улыбался.

— Полагаю, вы догадались к чему я клоню. Компьютерное моделирование — своего рода машина времени, и позволяет нам видеть будущее… возможно, даже на миллиарды лет вперед.

Амбра сдвинулась на диване, ее взгляд не отрывался от лица Эдмонда.

— Как вы себе представляете, — сказал Эдмонд, — я не первый ученый, мечтающий о

моделировании первичного бульона земли. В принципе, это понятный эксперимент, но на практике жутко сложный.

Турбулентные первозданные моря снова появились среди молний, вулканов и массивных волн. Моделирование химии океана требует имитации процессов на молекулярном уровне. Это так же, как точно предсказывать погоду, как будто мы знаем точное местоположение каждой молекулы воздуха в любой момент. Поэтому любое осмысленное моделирование первичного моря потребует от компьютера понимания не только законов физики (а именно движения, термодинамики, гравитации, сохранения энергии и т. д.), но и химии, таким образом точно воссоздать связи, которые формируются между каждым атомом в кипящем океанском котле.

Вид над океаном теперь погрузился под волны, преобразившись в одну каплю воды, где турбулентный вихрь связывал и разрывал виртуальные атомы и молекулы.

— К сожалению, — сказал Эдмонд, снова появляясь на экране, — моделирование, сталкивающееся со множественными возможными перестановками, требует огромного уровня вычислительной мощности — далеко за пределами

возможностей любого компьютера на земле. Его глаза снова засверкали от возбуждения. — Или точнее… любого компьютера, кроме одного.

Раздались звуки органа, сыгравшего знаменитую вступительную трель в Токкате Баха и фуге ре-минор, и одновременно появился потрясающий широкоугольный фотоснимок массивного двухэтажного компьютера Эдмонда.

— E-Wave, — прошептала Амбра, впервые заговорив за долгое время.

Лэнгдон уставился на экран. Конечно… это блестяще.

В сопровождении драматической музыки Эдмонд с воодушевлением запустил видео-тур по своему суперкомпьютеру и наконец обнародовал свой «квантовый куб». Орган достиг кульминации оглушительным аккордом; Эдмонд буквально «нажал на все рычаги».

— Суть заключается в том, что E-Wave способен воссоздать эксперимент Миллера-Юри в виртуальной реальности с поразительной точностью. Разумеется, я не могу моделировать весь первичный океан, поэтому создал ту же пятилитровую замкнутую систему, которую использовали Миллер и Юри.

Появилась виртуальная колба с химическими

вещестамив. Вид жидкости увеличивался и перерабатывался до тех пор, пока не достиг атомного уровня, показывая, как атомы подпрыгивают в нагретой смеси, связываются и перестраиваются под воздействием температуры, электричества и физического движения.

Эта модель включает все, что мы узнали о первичном бульоне со времен эксперимента Миллера-Юри, включая вероятное присутствие гидроксильных радикалов от электризованного пара и карбонильных сульфидов от вулканической активности, а также влияние теории «восстановительной атмосферы».

Виртуальная жидкость на экране продолжала бурлить, и начали формироваться группы атомов.

— Теперь давайте ускорим процесс… — взволнованно сказал Эдмонд, и видеоролик быстро вспыхнул, показывая образование все более сложных соединений. — Через неделю мы видим те же самые аминокислоты, что и Миллер с Юри. — Изображение снова размылось, теперь ускоряясь. — А потом… примерно после пятидесятилетней отметки, мы видим намеки на строительные блоки РНК.

Жидкость продолжала капать быстрее и быст-

рее.

— А теперь я ускорил процесс! — воскликнул Эдмонд энергичным голосом.

Молекулы на экране продолжали связываться, сложность структур увеличивалась по мере ускоренного перепрограммирования столетий, тысячелетий, миллионов лет. Когда изображения продвигались вперед со стремительной скоростью, Эдмонд радостно воскликнул:

— И угадайте, что в итоге появилось внутри этой колбы?

Лэнгдон и Амбра с волнением наклонились вперед.

Бурная экспрессия Эдмонда внезапно испарилась.

— Абсолютно ничего, — сказал он. — Никакой жизни. Никакой спонтанной химической реакции. Никакого момента Творения. Просто беспорядочная смесь безжизненных химикатов. Он тяжело вздохнул. — Я могу сделать только один логический вывод. — Он печально уставился в камеру. — Для возникновения жизни… требуется Бог.

Лэнгдон в шоке уставился на него. «Что он говорит?»

Через мгновение на лице Эдмонда появилась

легкая усмешка.

— Или, возможно, я пропустил один ключевой компонент в рецепте — сказал он.

ГЛАВА 92

Амбра Видаль сидела как загипнотизированная, воображая как миллионы людей во всем мире прямо сейчас, как и она, полностью поглощены презентацией Эдмонда.

— Так какой компонент я пропустил? — вопрошал Эдмонд. — Почему мой первичный бульон отказался воспроизвести жизнь? Я понятия не имел. Тогда я поступил так, как делают все успешные ученые. Я спросил того, кто умнее меня!

Появилась ученого вида женщина в очках: доктор Констанс Герхард, биохимик, из Стэнфордского университета.

— Разве можем мы сотворять жизнь? — ученая дама рассмеялась, покачав головой. — Не можем! Когда речь заходит о процессе творения — переходе той черты, что отделяет неживые химические формы от живых существ — вся наша наука вылетает в трубу. В химии нет механизма для объяснения, как это происходит. По существу, даже представление о самоорганизации клеток в разные формы жизни явно противоречит закону энтропии!

— Энтропия, — повторил Эдмонд, теперь уже появляясь на красивом пляже. — Энтропия — просто завуалированный способ сказать: материя разваливается. Научным языком мы говорим: «организованная система неизбежно разрушается». — Он щелкнул пальцами, и у его ног появился замысловатый песчаный замок. — Я только что собрал миллионы песчинок в замок. Давайте посмотрим, как это происходит во вселенной. — Через несколько секунд накатила волна и смыла замок. — Да, вселенная нашла мои упорядоченные песчинки, привела их в беспорядок и разнесла по пляжу. Так работает энтропия. Обрушиваясь на пляжи, волны никогда не намывают песок в форме песчаного замка. Энтропия растворяет структуру. Песчаные замки никогда спонтанно не появляются во вселенной, они только исчезают.

Эдмонд снова щелкнул пальцами и снова появился на элегантной кухне.

— Когда вы нагреваете кофе, — сказал он, вытаскивая чашку из микроволновой печи, то фокусируете тепловую энергию на кружку. Если вы на час оставите эту кружку на стойке, тепло рассеется и равномерно распределится по комнате, подобно песчинкам на пляже. Опять энтропия.

И процесс необратим. Сколько ни жди, вселенная никогда волшебным образом не разогреет ваш кофе. — Эдмонд улыбнулся. — И разбитое яйцо не восстановит, и не отстроит заново размытый песчаный замок.

Амбра вспомнила как однажды наблюдала арт-инсталляцию под названием «Энтропия» — ряд старых цементных блоков, каждый из которых крошился сильнее, чем предыдущий, медленно распадаясь в груду щебня.

Вновь появилась доктор Герхард, ученая дама в очках.

— Мы живем в энтропийной вселенной, — сказала она, — в мире, физические законы которого становятся хаотичными, неупорядоченными. И вопрос стоит так: каким волшебным образом могут безжизненные химические вещества самоорганизоваться в сложные формы жизни? Я никогда не была религиозна, но вынуждена признать существование жизни единственной научной загадкой, которая всегда побуждала меня считаться с представлением о Создателе.

Нарисовался Эдмонд, покачивающий головой.

— Меня возмущает, когда умные люди употребляют слово «Создатель»... — Он от души пожал плечами. — Они это делают потому, что у

науки попросту нет логичного объяснения происхождению жизни. Но поверьте, если вы ищете какую-то невидимую силу, создающую порядок в хаотичной вселенной, то есть куда более простые ответы, чем Бог.

Эдмонд протянул бумажную тарелку, на которой были разбросаны железные опилки. Затем он достал большой магнит и держал его под тарелкой. Мгновенно опилки выстроились правильной дугой, идеально совпадающей одна с с другой. — Невидимая сила упорядочила эти опилки. Это сделал Бог? Нет… это электромагнетизм.

Затем Эдмонд предстал на фоне большого трамплина. На его гладкой поверхности были разбросаны кусочки мрамора. — Случайное скопление мраморных фрагментов, — констатировал он, — но если я сделаю вот так… — он поднял шар для боулинга на край трамплина и вкатил его на эластичное покрытие. От его веса возникла глубокая вмятина, и рассыпанные кусочки мрамора двинулись в углубление, образовав окружность у шара для боулинга. — Организующая длань Бога? — Эдмонд сделал паузу. — Опять нет… Это всего лишь гравитация.

Теперь он появился крупным планом.

— Оказывается, жизнь — не единственный

пример того, как вселенная создает порядок. Неживые молекулы постоянно самоорганизуются в сложные структуры.

Появился калейдоскоп изображений — вихрь торнадо, хлопья снега, подернутое зыбью русло реки, кристалл кварца, кольца Сатурна.

— Как видите, иногда вселенная организует материю — что выглядит полной противоположностью энтропии. — Эдмонд вздохнул. — Так что же именно предпочитает вселенная? Порядок или хаос?

Эдмонд снова появился, проходя по тропинке к знаменитому куполу Массачусетского технологического института.

— По мнению большинства физиков, ответ — хаос. Энтропия действительно король, и вселенная постоянно беспорядочно распадается. Звучит довольно удручающе. — Эдмонд сделал паузу и повернулся с усмешкой. — Но сегодня я пришел, чтобы встретиться с ярким молодым физиком, который верит, что есть трюк… поворот, который может содержать ключ к тому, как возникла жизнь.

Джереми Инглэнд?

Лэнгдон удивился, узнав имя физика, о котором сейчас говорил Эдмонд. Этот профессор из

Массачусетского технологического института тридцати с чем-то лет в данный момент чествовался в Бостонской академии, ибо произвел мировой фурор в новой области науки, именуемой квантовой биологией.

По совпадению, Джереми Инглэнд и Роберт Лэнгдон заканчивали одну и ту же подготовительную школу альма-матер — Академии Филлипса в Эксетере, и Лэнгдон впервые узнал о молодом физике в журнале выпускников школы в статье под названием «Диссипативно управляемая адаптивная организация». Хотя Лэнгдон лишь бегло прочитал и едва понял ее, он с интересом узнал, что его приятель «экси»* одновременно был и блестящим физиком, и глубоко религиозным — ортодоксальным евреем.

* ученик Академии Филлипса в Эксетере, престижной независимой частной старшей школы в городе Эксетер, штат Нью-Г эмпшир, США.

Лэнгдон начал понимать, чем Эдмонда так заинтересовала работа Инглэнда.

На экране появился другой человек, представленный как физик из Нью- Йоркского университета Александр Гросберг.

— Мы очень надеемся, — сказал Гросберг, что Джереми Инглэнд выявил основополагающий

физический принцип, лежащий в основе происхождения и эволюции жизни.

Услышав это, Лэнгдон сидя подвыпрямил спину, как и Амбра.

Появилось еще одно лицо.

— Если Инглэнд сумеет продемонстрировать верность своей теории, — сказал историк, лауреат Пулитцеровской премии, Эдвард Дж. Ларсон, — то его имя запомнят навсегда. Он может стать новым Дарвином.

«О, боже». Лэнгдон знал, что Джереми Инглэнд генерировал волны, но это больше походило на цунами.

Карл Франк, физик из Корнеллского университета, добавил:

— Примерно каждые тридцать лет мы наблюдаем такие гигантские шаги вперед… и дело может быть в этом.

Ряд заголовков один за другим быстро вспыхивал на экране:

«ПОЗНАКОМЬТЕСЬ
С УЧЕНЫМ, КОТОРЫЙ СПОСОБЕН ОПРОВЕРГНУТЬ ФАКТ СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА»

«СОКРУШАЯ КРЕАЦИОНИЗМ»

«СПАСИБО, БОГ — МЫ БОЛЬШЕ НЕ НУЖДАЕМСЯ В ТВОЕЙ ПОМОЩИ»

Перечень заголовков продолжился, к ним присоединились фрагменты из крупных научных журналов, казалось, все они несли один и тот же посыл: если Джереми Инглэнд сможет доказать свою новую теорию, последствия для Земли будут разрушительными — не только для науки, но и для религии.

Лэнгдон приметил последний заголовок на стене — из интернет- журнала «Салон» от 3 января 2015 года.

«БОГ ЗАГНАН В УГОЛ: НОВАЯ БЛЕСТЯЩАЯ НАУКА ПРИВЕЛА В УЖАС КРЕАЦИОНИСТОВ И ХРИСТИАНСКИХ БОГОСЛОВОВ».

Молодой профессор из Массачусетского технологического института довершает дело Дарвина и грозится развенчать все, что так дорого нашему эксцентричному умнику.

Информация на экране обновилась, и вновь появился Эдмонд, уверенно шагающий по коридору университетского научного корпуса.

— Так в чем же состоит этот гигантский шаг вперед, который поверг креационистов в такой ужас?

Эдмонд засиял, остановившись у двери с надписью: «ENGLAND LAB @MITPHY SICS».

— Давайте войдем внутрь и спросим его са-

мого.

ГЛАВА 93

Молодой человек, теперь появившийся на стенном дисплее Эдмонда, был физиком Джереми Инглэндом. Высокий и очень худой, с неопрятной бородой и смущенной улыбкой, он стоял перед доской, исписанной математическими уравнениями.

— Во-первых, — сказал Инглэнд дружелюбным и непритязательным тоном, — позвольте мне просто сказать, что эта теория не доказана, это всего лишь идея. — Он скромно пожал плечами. — Хотя, признаюсь, если мы когда- нибудь докажем, что это правда, последствия будут далеко идущие.

В течение следующих трех минут физик изложил свою новую идею, которая, как и большинство концепций изменения парадигмы, была неожиданно простой.

Теория Джереми Инглэнда, если Лэнгдон правильно ее понял, заключалась в том, что вселенная функционировала с единственной установкой. С одной целью.

Распространять энергию.

В простейшем виде, когда вселенная находила области сфокусированной энергии, она рассеивала эту энергию. Классический пример этого, как упомянул Кирш — чашка горячего кофе на стойке; он всегда остывает, рассеивая свое тепло на другие молекулы в помещении в соответствии со вторым законом термодинамики.

Лэнгдон внезапно понял, почему Эдмонд спрашивал его про мифы о сотворении мира — все они содержали образы энергии и света, распространяющиеся бесконечно и освещающие тьму.

Инглэнд считал, что есть поворот, связанный с тем, как вселенная распространяла энергию.

— Мы знаем, что вселенная способствует энтропии и беспорядку, — сказал Инглэнд, — поэтому мы можем удивиться, наблюдая так много примеров молекул, которые сами себя организуют.

На экране появилось несколько изображений, продемонстрированных ранее — вихрь торнадо, подернутое зыбью русло реки, хлопья снега.

— Все это, — произнес Инглэнд, — является примером «диссипативных структур» — групп молекул, которые самоорганизовались в структуры, помогающие системе более эффективно распределять свою энергию.

Инглэнд быстро проиллюстрировал, что торна-

до — это способ природы рассеивать концентрированную область высокого давления, превращая ее во вращательную силу, в конечном итоге исчерпывающую себя. То же самое справедливо и для русла рек, которые перехватывали энергию быстродвижущихся течений и рассеивали ее. Хлопья снега рассеивали солнечную энергию, образуя многогранные структуры, хаотично отражающие свет во всех направлениях.

— Проще говоря, — продолжал Инглэнд, — вопрос самоорганизуется в усилие, чтобы лучше разогнать энергию. Он улыбнулся. — Природа в попытке развить беспорядок создает небольшие очаги порядка. Эти очаги представляют собой структуры, которые усиливают хаос системы, и тем самым увеличивают энтропию.

Лэнгдон никогда не думал об этом до сих пор, но Инглэнд был права; примеры были повсюду. Лэнгдон представил грозовую тучу. Когда облако стало организовываться статическим электрическим зарядом, вселенная создала молнию. Другими словами, законы физики создали механизмы для разгона энергии. Молния рассеивала энергию облака в землю, расширяя ее, тем самым увеличивая общую энтропию системы.

Чтобы эффективно создать хаос, понял Лэнгдон,

требуется некоторый порядок.

Лэнгдон рассеянно подумал, что ядерные бомбы можно считать энтропийными инструментами — небольшими очагами тщательно организованной материи, которые служили для создания хаоса. Он мельком взглянул на математический символ энтропии и понял, что это похоже на взрыв или Большой взрыв — энергичное рассеивание во всех направлениях.

— Так к чему это нас приводит? — Произнёс Инглэнд. — Какое отношение имеет энтропия к зарождению жизни? — Он подошёл к доске. — Оказывается, жизнь — чрезвычайно эффективный инструмент рассеяния энергии.

Инглэнд нарисовал солнце, излучающее энергию на дерево.

— Дерево, например, поглощает интенсивную энергию солнца, используя его для роста, а затем излучает инфракрасный свет — гораздо менее сфокусированную форму энергии. Фотосинтез — очень эффективная энтропийная машина. Концентрированная энергия солнца растворяется и ослабевает на дереве, что приводит к общему увеличению энтропии вселенной. То же самое можно сказать и о всех живых организмах, включая людей, которые потребляют организованную

материю в виде пищи, превращают ее в энергию и затем рассеивают энергию во вселенной в виде тепла. В общем, — заключил Инглэнд, — я считаю, что жизнь не только подчиняется законам физики, но эта жизнь и родилась благодаря этим законам.

Лэнгдон испытывал удовольствие, размышляя над этой логикой, которая выглядела вполне прямолинейной: если жгучий солнечный свет падает на кучу плодородной грязи, по физическим законам земли возникает растение, способствующее рассеянию этой же энергии.

— Я надеюсь, — добавил Инглэнд, — что однажды мы найдем способ доказать, что жизнь в реальности спонтанно появилась из безжизненной материи… лишь в результате законов физики.

«Захватывающе, — размышлял Лэнгдон. — Четкая научная теория, как жизнь возникла сама… без руки Бога».

— Я — религиозный человек, — заявил Инглэнд, — и все же моя вера, как и моя наука, всегда была текущей работой. Я рассматриваю эту агностическую теорию по вопросам духовности. Я просто пытаюсь описать способ, как вещи «находятся» во вселенной; я оставляю духовные

последствия священнослужителям и философам.

«Мудрый молодой человек, — подумал Лэнгдон. — Если когда-нибудь его теория будет доказана, она будет иметь эффект разорвавшейся бомбы в мире».

— На данный момент, — сказал Инглэнд, — все могут расслабиться. По понятным причинам это чрезвычайно сложная для доказательства теория. У моей команды и у меня есть несколько идей для моделирования диссипативных систем в будущем, но сейчас мы все еще далеки от этого.

Изображение Инглэнда исчезло, и Эдмонд снова появился на экране, стоя рядом со своим квантовым компьютером.

— Я, однако, не ушел далеко. Этот тип моделирования — именно то, над чем я работаю.

Он подошел к своему рабочему месту.

— Если теория профессора Инглэнда правильная, то всю операционную систему космоса можно было бы суммировать с помощью одной команды: распределить энергию!

Эдмонд сел за свой стол и начал яростно печатать на своей огромной клавиатуре. Дисплеи перед ним заполнились странным компьютерным кодом.

— Мне потребовалось несколько недель для

перепрограммирования всего эксперимента, который ранее не удался. Я включил в систему фундаментальную цель — смысл существования; задал системе рассеять энергию любой ценой. Я настоятельно рекомендовал компьютеру быть максимально креативным в стремлении увеличить энтропию в первичном бульоне. И дал ему разрешение на создание любых инструментов, которые, по его мнению, могли бы потребоваться для этого.

Эдмонд прекратил печатать и развернулся в кресле, обращаясь к своей аудитории. — Когда я запустил модель, случилось что-то невероятное. Оказалось, что я успешно идентифицировал «недостающий ингредиент» в своем виртуальном первичном бульоне.

Лэнгдон с Амброй вдвоем пристально смотрели на стену дисплея, когда включилась анимационная графика компьютерной модели Эдмонда. Опять же, визуально погружаясь глубоко в бурлящий первичный бульон, увеличиваясь до субатомной области, они наблюдали, как химические вещества подпрыгивают, связываются и повторно соединяются друг с другом.

— Когда я ускорил этот процесс и промоделировал его за промежуток в сотни лет, сказал

Эдмонд, — то я увидел, что аминокислоты Миллера-Юри обретают форму.

Лэнгдон не был знатоком в химии, но он, конечно же, узнал в изображении на экране основную белковую цепь. По мере продолжения процесса он наблюдал, как все более сложные молекулы формировались, соединяясь в виде ячеистой цепи шестиугольников.

— Нуклеотиды! — воскликнул Эдмонд, когда шестиугольники продолжали сливаться. — Мы наблюдаем за промежутком в тысячи лет! И, ускоряясь вперед, мы видим первые слабые намеки на структуру!

Когда он говорил, одна из нуклеотидных цепей начала обертываться вокруг себя и скручивалась в спираль.

— Видите? — крикнул Эдмонд. — Миллионы лет прошли, и система пытается построить структуру! Система пытается построить структуру, чтобы рассеять энергию, именно как и предсказывал Инглэнд!

По мере развития модели, Лэнгдон с изумлением смотрел, как маленькая спираль раздваивается, структурно расширяясь в знаменитую сдвоенную спираль известнейшего на земле химического соединения.

— Господи, Роберт, — прошептала Амбра, широко раскрыв глаза, — Неужели это…

— ДНК, — провозгласил Лэнгдон, ставя модель на стоп-кадр. — Вот она. ДНК — основа всей жизни. Жизненный код биологии. А зачем, вы спросите, системе строить ДНК в стремлении рассеивать энергию? А за тем, что множество рук облегчает работу! Древесная роща рассеивает больше солнечного света, нежели одно дерево. Если вы — инструмент энтропии, то простейший способ совершать больше работы — это создавать себе подобных.

Теперь лицо Эдмонда появилось на экране.

— Когда я запускал эту модель, с этого момента я стал свидетелем чего- то совершенно волшебного… Дарвиновская эволюция отменяется!

Он остановился на несколько секунд.

— А почему бы и нет? — продолжил он. — Эволюция — это то, как вселенная постоянно тестирует и совершенствует свои инструменты. Самые эффективные инструменты выживают и реплицируются, постоянно совершенствуясь, становясь все более и более сложными и эффективными. В конце концов, некоторые инструменты выглядят как деревья, а некоторые похожи… на нас.

Эдмонд теперь появился в темноте пространства с синим земным шаром, парящим за его спиной.

— Откуда мы появились? — спросил он. — Правда в том, что мы родом из ниоткуда… и отовсюду. Мы исходим из тех же законов физики, которые создают жизнь во всем космосе. Мы не особенные. Мы существуем с Богом или без него. Мы являемся неизбежным результатом энтропии. Жизнь — это не точка вселенной. Жизнь — это то, что вселенная создает и воспроизводит, чтобы рассеять энергию.

Лэнгдон чувствовал в себе странную неуверенность, размышляя, полностью ли он оценил последствия сказанного Эдмондом. По общему признанию, эта моделирование приведет к массовому сдвигу парадигмы и, несомненно, вызовет потрясения во многих академических дисциплинах. Но когда дело дошло до религии, он подумал, изменит ли Эдмонд взгляды людей. На протяжении веков большинство набожных людей игнорировали огромное количество научных данных и рациональной логики в защиту своей веры.

Амбра, казалось, боролась со своими собственными реакциями, выражением где-то между

наивным удивлением и осторожной нерешительностью.

— Друзья, — произнес Эдмонд, — если вы следовали тому, что я только что показал вам, тогда вы поймете глубокое значение всего этого. А если вы все еще не уверены, оставайтесь со мной, потому что выяснилось: это открытие привело к одному еще более важному откровению.

Он помолчал.

— Откуда мы произошли… не настолько увлекательно, как то, к чему мы идем.

ГЛАВА 94

ЗВУК бегущих шагов, отдавался эхом в подземной базилике, когда агент Гвардии, бежал к этим трем мужчинам, собравшимся в самых глубоких закоулках церкви.

— Ваше Величество, — воскликнул он, затаив дыхание. — Эдмонд Кирш. видео. передается.

Король повернулся в своем инвалидном кресле, и принц Хулиан тоже обернулся.

Вальдеспино уныло вздохнул. «Это только вопрос времени, — напомнил он себе». Однако, в его душе чувствовалась тяжесть от осознания, что мир теперь смотрел то же самое видео, которое он видел в библиотеке Монсеррат с аль-Фадлом и Ковешом.

Откуда мы появились? Утверждение Кирша о «безбожном происхождении» было одновременно высокомерным и богохульным; это могло разрушить человеческое желание стремиться к высшему идеалу и подражать Богу, который создал нас по своему подобию.

К несчастью, Кирш не остановился. Из первого высокомерного высказывания вытекало второе,

гораздо более опасное, предлагая глубоко волнующий ответ на вопрос «Куда мы идем?»

Предсказание Кирша для будущего было катастрофическим… настолько тревожным, что Вальдеспино и его коллеги призвали Кирша не сообщать о нем. Даже если данные футуриста точные, обнародование их во всем мире может нанести необратимый ущерб.

Вальдеспино знал, что не только для верующих, но и для каждого человека на земле.

ГЛАВА 95

«БОГ НЕ НУЖЕН,» — подумал Лэнгдон, повторяя сказанное Эдмондом. Жизнь возникла спонтанно из законов физики.

Понятие спонтанной генерации долгое время теоретически обсуждалось некоторыми из величайших умов науки, и сегодня Эдмонд Кирш представил совершенно убедительный аргумент в пользу того, что спонтанное поколение действительно произошло.

Никто еще и близко не подходил к демонстрации этого… или даже к тому, чтобы объяснить, как это могло произойти.

На экране, созданная Эдмондом модель первичного бульона теперь изобиловала крошечными виртуальными жизненными формами.

— Наблюдая за моей многообещающей моделью, — сказал Эдмонд, — я руздумывал, что произойдет если запустить ее? В конце концов, колба с первичным бульоном взорвется и произведет все животное царство, в том числе человека? А если пойти дальше? Если выждать достаточно долго, произойдет следующий шаг

в эволюции человека и сообщит нам куда мы движемся?

Эдмонд снова появился рядом с E-Wave.

— К сожалению, даже этот компьютер не может справиться с моделью такой величины, поэтому мне пришлось найти способ сузить моделирование. И я закончил тем, что заимствовал технику из маловероятного источника… Уолта Диснея.

Теперь на экране появился примитивный, двумерный, черно-белый мультфильм. Лэнгдон узнал классический «Пароходик Вилли»* 1928 года.

* Самый ранний из сохранившихся звуковых мультфильмов; первый звуковой фильм студии Диснея и третий мультфильм с участием Микки Мауса.

В последние десять лет искусство мультипликации быстро развивалось

— от архаичных книжек комиксов о Микки-Маусе к сегодняшним дорогостоящим анимированным фильмам.

Рядом со старым мультфильмом появилась яркая, гиперреалистическая сцена из недавнего анимационного фильма.

— Этот качественный скачок сродни трехтысячелетней эволюции от пещерных рисунков до

шедевров Микеланджело. Как футуриста меня увлекает любое умение, которое быстро развивается, — продолжил Эдмонд.

— Я узнал, что техника, которая совершает этот прыжок, называется «твининг». Это ускоренный метод компьютерной анимации, в котором художник просит компьютер генерировать промежуточные кадры между двумя ключевыми изображениями, плавно превращая первое изображение во второе, по существу заполняя пробелы. Вместо того, чтобы рисовать каждый отдельный кадр вручную, который можно сравнить с моделированием каждого крошечного шага в эволюционном процессе, художники в настоящее время могут рисовать несколько ключевых кадров… а затем обращаются к компьютеру для выполнения наилучшим образом промежуточных шагов и заполнения оставшейся части эволюции.

— Это твининг, — пояснил Эдмонд, — типичное применение вычислительных мощностей, но когда я впервые о нем услышал, меня осенило, и я понял, что в этом ключ к раскрытию нашего будущего.

Амбра обратилась к Лэнгдону с вопросительным взглядом.

— К чему он клонит?

Не успел Лэнгдон предположить, как на экране появилось новое изображение.

— Человеческая эволюция, — сказал Эдмонд. — Этот картинка — своего рода «ускоренный ролик». Благодаря науке мы создали несколько ключевых кадров: шимпанзе, австралопитеки, хомо хабилис*, хомо эректус*, неандертальцы, и все же переходы между этими видами остаются неясными.

* Человек умелый, человек прямоходящий

Как и ожидал Лэнгдон, Эдмонд изложил идею использовать компьютерный «твининг», для заполнения пробелов в эволюции человека. Он описал, как различные международные проекты генома (человеческий, палео- эскимосский, неандертальский, шимпанзе) использовали фрагменты костей для составления полной генетической структуры почти дюжины промежуточных этапов между шимпанзе и хомо сапиенс.

— Я знал, что если я использую в качестве ключевых кадров эти реально существовавшие первобытные генотипы, — сказал Эдмонд, — то смогу запрограммировать E-Wave на построение эволюционной модели, которая свяжет их все вместе — своего рода эволюция, построенная по

точкам. И начал я с простого признака — размера мозга, а это очень точный показатель эволюции интеллекта.

На экране нарисовался график.

— Помимо привязки общих структурных показателей, таких как размер мозга, E-Wave нанес на график тысячи более скрытых генетических признаков, от которых зависят познавательные способности — показатели пространственного воображения, словарного запаса, долговременной памяти и скорости осмысления.

На дисплее теперь мелькнула быстрая последовательность похожих графиков, все из которых демонстрировали одинаковый экспоненциальный рост.

— Затем E-Wave создал беспрецедентную модель интеллектуальной эволюции с течением времени. — Лицо Эдмонда снова появилось. — «И что?» — спросите вы. Почему нас волнует процесс, посредством которого люди стали интеллектуально доминирующими? Потому что, если мы установим закономерность, компьютер сможет рассказать нам, как эта модель будет вести в будущем. — Он улыбнулся. — Если я скажу два, четыре, шесть, восемь… вы ответите десять. Я по существу попросил E-Wave предсказать, как

будет выглядеть «десять». Когда E-Wave смоделирует интеллектуальную эволюцию, я могу задать очевидный вопрос: что будет дальше? Каким будет человеческий интеллект через пятьсот лет? Другими словами: куда мы движемся?

Лэнгдона завораживала такая перспектива, и хотя он недостаточно разбирался в генетике или в компьютерном моделировании, чтобы оценить точность предсказаний Эдмонда, концепция выглядела изобретательной.

— Эволюция видов, — сказал Эдмонд, — всегда связана с окружающей средой, и поэтому я попросил E-Wave наложить вторую модель. Экологическую модель сегодняшнего мира легко сделать, когда все наши новости о культуре, политике, науке, погоде и технологии транслируются в Интернете. Я попросил компьютер обратить особое внимание на те факторы, в наибольшей степени влияющие на развитие головного мозга человека — будущие разработки лекарств, новые технологии здравоохранения, загрязнение окружающей среды, культурные факторы и т. д. — Эдмонд сделал паузу. — А потом, — заявил он, — я запустил программу.

Все лицо футуриста заполонило экран. Он смотрел прямо в камеру.

— Когда я запустил модель… произошло нечто очень неожиданное. — Он едва заметно оглянулся, а затем вернулся к камере. — Что-то глубоко тревожащее.

Лэнгдон услышал испуганное дыхание Амбры.

— Поэтому я снова это запустил, — сказал Эдмонд, помрачнев. — К сожалению, произошло то же самое.

Лэнгдон увидел неподдельный страх в глазах Эдмонда.

— Так что я изменил параметры, — сказал он. — Переработал программу, меняя каждую переменную, и запускал ее снова и снова. Но получал все тот же результат.

Лэнгдон подумал, что возможно, Эдмонд, обнаружил, что человеческий интеллект после многовекового развития теперь приходит в упадок. Были явно тревожные признаки того, что такое предположение могло оказаться верным.

— Я был расстроен этими данными, — сказал Эдмонд, — и не мог найти им объяснения. И я обратился за анализом к компьютеру. E-Wave выразил свою оценку наиболее ясным из доступных ему способов. Нарисовал мне картинку.

На экране появилась графическая шкала эволюции животных, начавшаяся около ста миллионов

лет назад. Это была сложная и красочная мозаика с горизонтальными пузырьками, которая расширялась и сокращалась с течением времени, изображая, как появлялись и исчезали виды. На левой стороне графика доминировали динозавры уже на вершине их развития в этот момент истории, которые были представлены самым толстым из всех пузырьков, который стал больше во времени, а потом внезапно лопнул около шестидесяти пяти миллионов лет назад с массовым вымиранием динозавров.

— Это временная шкала доминантных жизненных форм на Земле, — сказал Эдмонд, — представленная с точки зрения популяции видов, положения в пищевой цепи, межвидового превосходства и общего влияния на планету. По сути, это визуальное представление о том, кто правит балом на земле в любой момент времени.

Взгляд Лэнгдона скользил вдоль диаграммы, где различные пузыри расширялись и сокращались, указывая, как появлялись, разрастались и исчезали различные большие популяции видов.

— Рассвет хомо сапиенс, — сказал Эдмонд, — происходит в 200 000 году до нашей эры, но для появления на этом графике мы не стали достаточно важны, примерно до шестидесяти пяти тысяч

лет до н. э., когда изобрели лук и стрелу и стали более эффективными хищниками.

Лэнгдон отсканировал вперед до отметки 65 000 до н. э., где появился тонкий синий пузырь, обозначающий хомо сапиенс. Пузырь расширялся очень медленно, почти незаметно, примерно до 1000 г. до н. э., когда он быстро стал толще, а затем, как будто экспоненциально расширялся.

Когда его взгляд достиг крайнего правого угла диаграммы, синий пузырь раздулся, заняв почти всю ширину экрана.

«Современные люди, — подумал Лэнгдон. — Безусловно, наиболее доминирующие и влиятельные виды на Земле».

— Неудивительно, — сказал Эдмонд, — в 2000 году, когда этот график заканчивается, люди изображаются как преобладающие виды на планете. Никто не приближается к нам. Он сделал паузу. — Тем не менее, вы видите следы нового пузыря, появляющегося… здесь.

Графика увеличилась, показывая крошечную черную форму, начинающую формироваться над опухшим голубым пузырем человечества.

— Новые виды уже на картинке, — сказал Эдмонд. Лэнгдон увидел черную капельку, но она выглядела незначительной по сравнению с си-

ним пузырем — крошечная рыба-прилипала на спине голубого кита.

— Я понимаю, — сказал Эдмонд, — что этот новичок выглядит тривиальным, но если мы продвинемся вперед с 2000 года по сегодняшний день, вы увидите, что наш новичок уже здесь, и он тихо растет.

Диаграмма разворачивалась до тех пор, пока не достигла текущей даты, и Лэнгдон почувствовал, как его грудь сжалась. За последние два десятилетия черный пузырь значительно расширился. Теперь он занимал более четверти экрана, борясь с гомо сапиенс за влияние и доминирование.

— Что это?! — взволнованно шепнула Амбра. Лэнгдон ответил: — Я понятия не имею… какой-то бездействующий вирус? — Его разум пробежал список агрессивных вирусов, которые разлетелись по различные регионам мира, но Лэнгдон не мог себе представить, что этот вид незаметно и быстро растет на земле. Бактерия из космоса?

— Этот новый вид коварный, — сказал Эдмонд. — Он распространяется экспоненциально. Он постоянно расширяет свою территорию. И самое главное, он развивается… намного быстрее, чем люди. Эдмонд снова посмотрел в камеру, его выражение было смертельно серьезным. — К

сожалению, если я промотаю вперед этот моделирующий ролик, чтобы показать нам будущее, даже через несколько десятилетий вот что обнаружится.

Диаграмма снова развернулась, теперь отображая шкалу времени до 2050 года.

Лэнгдон вскочил на ноги, глядя в недоумении.

— Боже мой, — прошептала Амбра, в ужасе прикрывая рот.

Диаграмма ясно показывала грозный черный пузырь, расширяющийся с ошеломляющей скоростью, а затем, к 2050 году, полностью поглощающий светло-голубой пузырь человечества.

— Мне жаль, что приходится вам это показывать, — сказал Эдмонд, — но в каждой запущенной мной модели происходило то же самое. Человеческий вид развивался до нашего нынешнего момента в истории, а затем совершенно внезапно появился новый вид и стер нас с земли.

Лэнгдон стоял перед ужасной графикой, пытаясь напомнить себе, что это всего лишь компьютерная модель. Как известно, подобные изображения могли повлиять на людей на подсознательном уровне, чего не должно быть с непроверенными данными, но диаграмма Эдмонда возымела на него эффект окончательности

— как будто человеческое исчезновение было уже свершившимся фактом.

— Мои друзья, — сказал Эдмонд, его тон был достаточно мрачным, как будто предупреждающим о скором столкновении астероидов. — Наши виды находятся на грани исчезновения. Я потратил свою жизнь на предсказания, и в этом случае я проанализировал данные на всех уровнях. Могу сказать вам с очень высокой степенью уверенности, что человеческой расы, какой мы ее знаем, не будет уже через пятьдесят лет.

Первоначальный шок Лэнгдона теперь уступил место недоверию и гневу к своему другу. «Что ты делаешь, Эдмонд?! Это безответственно! Ты построил компьютерную модель — тысячи аспектов могут быть ошибочными в твоих данных. Люди уважают и верят тебе… из-за этого поднимется массовая истерия».

— И еще одно, — сказал Эдмонд, его настроение омрачилось еще больше. — Если внимательно посмотреть на модель, вы заметите, что этот новый вид не полностью уничтожит нас. Точнее… он поглотит нас.

ГЛАВА 96

ВИДЫ ПОГЛОЩАЮТ НАС?

В безмолвном потрясении Лэнгдон попытался представить, что подразумевал Эдмонд этими словами; фраза вызвала ужасающие образы научно-фантастических фильмов про пришельцев, где людей использовались в качестве живых инкубаторов для доминирующего вида.

Лэнгдон взглянул на Амбру, которая сжалась на кушетке, обхватив колени, и напряженно рассматривала иллюстрацию на экране. Лэнгдон пытался представить любую другую интерпретацию данных; заключение казалось неизбежным.

Согласно моделированию Эдмонда, в течение следующих нескольких десятилетий человеческую расу поглотит новый вид. И что еще страшнее, этот новый вид уже живет на земле, спокойно разрастаясь.

— Очевидно, — сказал Эдмонд, — я не мог публиковать эту информацию, пока не идентифицировал этот новый вид. Поэтому я углубился в данные. После бесчисленных моделирований я смог точно определить таинственного новичка.

Экран обновился с помощью простой диаграммы, которую Лэнгдон узнал из начальной школы — таксономической иерархии живых существ, разделенной на «Шесть царств жизни» — «животные», «растения», «одноклеточные», «эубактерии», «архибактерии», «грибы».

— Как только я определил этот процветающий новый организм, — продолжал Эдмонд, — я понял, что слишком много разнообразных форм можно назвать видом. Таксономически это слишком широко, чтобы называться порядком. И даже подцарством. Эдмонд уставился в камеру. — Я понял, что на нашу планету сейчас заселяется нечто большее. Что можно назвать лишь новым царством.

В мгновение ока Лэнгдон понял, что описывал Эдмонд.

Седьмое царство.

Охваченный благоговейным страхом, Лэнгдон наблюдал, как Эдмонд передал эту новость миру, описывая появившееся царство, о котором недавно слышал Лэнгдон в проекте TED*, написанном автором цифровой культуры Кевином Келли. Предсказанное некоторыми из самых ранних писателей- фантастов, это новое царство жизни неожиданно объявилось.

* Технология, Развлекательные проекты, Дизайн (Technology, EnTerTainmenT, Design), TEDTALKS — это название лекций, которые читаются умнейшими и знаменитыми людьми планеты с 1984 года в рамках проекта TED.

Это было царство неживых видов.

Эти неживые виды эволюционировали почти так же, как если бы были живыми: постепенно становились более сложными, адаптируясь и размножаясь в новых средах; тестируя новые вариации, одни выживали, другие вымирали. Совершенно отражая дарвиновские адаптивные изменения, эти новые организмы развивались с ослепительной скоростью и теперь составили совершенно новое царство — седьмое царство, которое заняло свое место рядом с животными и другими.

Оно называлось Техниум.

Эдмонд теперь запустил ослепительное описание новейшего королевства планеты, в которое вошли все технологии. Он описал, как новые машины процветали или погибали по правилам «выживания наиболее приспособленных» Дарвина, постоянно приспосабливаясь к своей среде, разрабатывая новые возможности для выживания и, если удастся, копировались так быстро,

как могли, чтобы монополизировать имеющиеся ресурсы.

— Факсимильный аппарат ушел туда же, куда и птица додо, — объяснял Эдмонд. — А айфон выживет, только если будет превосходить своих конкурентов. Пишущие машинки и паровые двигатели умерли с изменением технологической среды, но «Энциклопедия Британика» эволюционировала, ее неуклюжий тридцатидвухтомник выдвинул из себя цифровые ноги и подобно двоякодышащей рыбе распространился на неизведанные территории, где теперь и процветает.

Лэнгдон мельком показал фотоаппарат своего детства, «Кодак» — когда-то этот динозавр персональной фотографии в одночасье был сметен стремительным пришествием техники цифровой съемки.

— Полмиллиарда лет назад, — продолжал Эдмонд, — наша планета испытала внезапное извержение жизни — кембрийский взрыв, в котором большинство видов планеты возникло практически за ночь. Сегодня мы являемся свидетелями кембрийского взрыва техниума. Новые технологии появляются ежедневно, развиваясь с ослепительной скоростью, и каждая новая технология становится инструментом для

создания других новых технологий. Изобретение компьютера помогло нам создать удивительные новые инструменты, от смартфонов до кораблей и роботов-хирургов. Мы являемся свидетелями взрыва инноваций, которые происходят быстрее, чем могут понять наши умы. И мы являемся создателями этого нового царства — техниума.

На экране снова возникла пугающая картинка, на которой черный пузырь поглощал синий. Технология убивает человечество? Лэнгдону идея показалась ужасающей, но интуиция подсказывала ему, что это маловероятно. В его представлении мрачное будущее, похожее на фильм о Терминаторе, где машины охотятся на людей и истребляют их, противоречило дарвинизму. Люди контролируют технологии; у людей есть инстинкт самосохранения; люди никогда не позволят технологии уничтожить нас.

Даже переваривая логику этих мыслей, Лэнгдон знал, что проявляет наивность. Взаимодействуя с Уинстоном как образчиком искусственного интеллекта, созданным Эдмондом, Лэнгдон получил редкую возможность оценить положение дел в этой области. И хотя Уинстон явно осуществлял желания Эдмонда, Лэнгдон задавался вопросом, далеко ли то время, когда машины

вроде Уинстона начнут принимать решения, удовлетворяющие их собственным желаниям.

— Очевидно, многие люди до меня предсказывали царство технологий, — сказал Эдмонд, — но мне удалось его смоделировать… и показать, что оно сделает с нами. — Он указал на более темный пузырь, который к 2050 году, занял весь экран и захватил полное господство на планете. Должен признаться, на первый взгляд, эта модель рисует довольно мрачную картину…

Эдмонд сделал паузу, и знакомый блеск появился вновь в его глазах.

— Но мы должны рассмотреть немного поближе, — сказал он.

На экране появился темный пузырь и увеличивался до тех пор, пока Лэнгдон не заметил, что массивная сфера стала уже не черной, а темно¬фиолетовой.

— Как видите, черный пузырь технологий, поскольку он потребляет человеческий пузырь, становится другого оттенка — оттенка фиолетового цвета, как будто оба цвета равномерно смешали.

Лэнгдон размышлял, хорошие это новости или плохие.

— Вы видите здесь редкий эволюционный

процесс, известный как обязательный эндосимбиоз, — сказал Эдмонд. — Обычно эволюция — это процесс бифуркации — вид распадается на два новых вида, но иногда, в редких случаях, если два вида не могут выжить друг без друга, процесс происходит в обратном направлении… и вместо одного вида бифуркации два вида сливаются в один.

Слияние напомнило Лэнгдону синкретизм — процесс, посредством которого две разные религии слились, чтобы сформировать совершенно новую веру.

— Если вы не верите, что люди и технологии сольются, — сказал Эдмонд, — оглянитесь вокруг.

На экране начался скоростной показ слайд-шоу — изображения людей, теребящих телефоны, людей в очках виртуальной реальности, подстраивающие устройства на Bluetooth, вставленные в уши; бегуны с музыкальными плеерами, пристегнутыми к руке; семейный обеденный стол, в центре которого находится смарт-спикер; младенец в кроватке, играющий с компьютерным планшетом.

— Это лишь зачатки такого симбиоза, — сказал Эдмонд. — Сейчас мы начинаем вживлять чипы прямо в мозг, впрыскивать в кровь микроско-

пические наноботы, поедающие холистерол и поселяющиеся в нас навсегда, конструируем искусственные конечности, управляемые нашей мыслью, при помощи средств редактирования вроде CRISPR модифицируем наш геном и вполне буквально выстраиваем улучшенную версию самих себя.

Теперь выражение Эдмонда казалось почти радостным, излучающим страсть и волнение.

— Человеческие существа развиваются в нечто иное, — провозгласил он. — Мы превращаемся в смешанный вид — в слияние биологии с технологиями. Те устройства, что ныне пребывают за пределами нашего тела — смартфоны, слуховые аппараты, очки для чтения, большая часть фармацевтических препаратов — через пятьдесят лет — будут встроены в наши тела в такой степени, что мы уже не сможем причислять себя к роду гомо сапиенс.

За спиной Эдмонда вновь появилось знакомое изображение — одиночная картинка с эволюцией от шимпанзе до современного человека.

— В мгновение ока, — сказал Эдмонд, — мы станем следующей страницей в перелистываемой книге эволюции. И когда это произойдет, мы будем оглядываться на сегодняшних хомо

сапиенс так же, как сейчас оглядываемся на неандертальца. Новые технологии, такие как кибернетика, синтетический интеллект, крионика, молекулярная инженерия и виртуальная реальность, навсегда изменят то, что значит быть человеком. И я понимаю, есть такие, кто считает хомо сапиенс избранными Богом. Я могу понять, что эта новость может показаться вам концом света. Но я прошу вас, пожалуйста, поверьте мне… будущее на самом деле намного ярче, чем вы себе представляете.

С внезапным притоком надежды и оптимизма великий футурист запустил ослепительное описание завтрашнего дня, видение будущего, совершенно не похожего на любое, которое Лэнгдон когда-либо осмеливался себе представить.

Эдмонд убедительно описал будущее, когда технология стала настолько недорогой и повсеместной, что стерла разрыв между имущими и неимущими. Будущее, в котором экологические технологии обеспечивали миллиарды людей питьевой водой, полноценной пищей и доступом к чистой энергии. Будущее, где такие болезни, как рак Эдмонда, уничтожены благодаря геномной медицине. Будущее, где огромная мощь Интернета окончательно используется для образования,

даже в самых отдаленных уголках мира. Будущее, в котором сборочные роботизированные линии освободят работников от монотонной работы, чтобы они могли работать в более полезных и новых областях, о которых мы еще даже не догадываемся. И, прежде всего, будущее, в котором новейшие технологии начнут создавать такое изобилие жизненно важных ресурсов для человечества, что борьба с ними больше не понадобится.

Слушая о видении Эдмондом будущего, Лэнгдон почувствовал эмоции, которых не испытывал годами. Складывалось ощущение, что миллионы других зрителей тоже чувствуют в это самое мгновение неожиданный всплеск оптимизма в отношении будущего.

— У меня есть только одно сожаление по поводу этого грядущего века чудес, — голос Эдмонда внезапно вздохнул. — Я сожалею, что не смогу это засвидетельствовать. Даже мои близкие друзья не знают, что я болен… Кажется, я не буду жить вечно, как планировал. Он горько улыбнулся. — К тому времени, как вы это увидите, скорее всего, мне останется жить лишь недели… может быть, только дни. Пожалуйста, знайте, мои друзья, это обращение к вам сегодня было величайшей че-

стью и удовольствием в моей жизни. Благодарю вас за внимание.

Теперь Амбра стояла рядом с Лэнгдоном, оба смотрели с восхищением и грустью, когда их друг обратился к миру.

— Сейчас мы находимся на странном пике истории, — продолжил Эдмонд, — время, когда мир чувствует, что его перевернули вверх дном, и все не так, как мы себе представляли. Но неопределенность всегда является предвестником радикальных изменений; преобразованиям всегда предшествуют потрясения и страх. Я призываю вас поверить в способность человека к творчеству и любви. Потому что, когда эти две силы объединены, они обладают способностью освещать любую тьму.

Лэнгдон взглянул на Амбру и заметил слезы, текущие по ее лицу. Он осторожно подошел и обнял ее, наблюдая, как умирающий друг произнес свои последние слова миру.

— Когда мы перейдем в неопределенное завтра, — сказал Эдмонд, — мы превратимся во что-то большее, чем можно себе представить, за пределами наших самых смелых мечтаний. И когда это случится, мы всегда должны помнить мудрые слова Черчилля, который предупреждал

нас: «Цена величия… это ответственность».

Слова нашли отклик у Лэнгдона, который часто опасался за недостаточную ответственность человеческой расы при использовании захватывающих технологий, которые оно изобретало.

— Хотя я атеист, — произнес Эдмонд, — прежде чем покинуть вас, я прошу с вашего позволения дать мне прочитать молитву, которую я недавно написал.

Эдмонд написал молитву?

— Я называю ее «Молитвой о будущем». Эдмонд закрыл глаза и заговорил медленно, с потрясающей уверенностью.

— Пусть наши философии будут идти в ногу с нашими технологиями. Пусть наше сострадание будет идти в ногу с нашими силами. И пусть любовь, а не страх, будет двигателем перемен.

На этом Эдмонд Кирш открыл глаза.

— До свидания, мои друзья, и спасибо, — сказал он. — И осмелюсь сказать… Бог в помощь!

Эдмонд посмотрел в камеру на мгновение, а затем его лицо исчезло в бурлящем море белого шума. Лэнгдон уставился на статичный дисплей и почувствовал потрясающий прилив гордости за своего друга.

Стоя рядом с Амброй, Лэнгдон представлял мил-

лионы людей во всем мире, которые только что стали свидетелями волнующего и мастерского представления Эдмонда. Как ни странно, он обнаружил: возможно, что последняя ночь Эдмонда на Земле развернулась наилучшим образом из всех возможных.

ГЛАВА 97

КОМАНДУЮЩИЙ ДИЕГО ГАРСА стоял у задней стены подвального офиса Моники Мартин и безучастно смотрел на телевизионный экран. Его руки по-прежнему были в наручниках, и два агента Гвардии вплотную приблизились к нему, согласившись на призыв Моники Мартин увести его из оружейной палаты понаблюдать за выступлением Кирша.

Гарса стал свидетелем спектакля футуриста вместе с Моникой, Сурешем, полдюжиной агентов Гвардии и невероятной группой дворцового вечернего персонала, прервавшего свои обязанности и бросившихся вниз по лестнице, чтобы все увидеть своими глазами.

Теперь по телевизору перед Гарсой неопытный статист, завершивший презентацию Кирша, сменился пестрой сеткой новостных лент со всего мира — новостные агентства и ученые, затаив дыхание, повторяли утверждения футуриста и пускались в собственный неизбежный анализ — все они говорили одновременно, создавая непонятную какофонию.

В комнату вошел один из старших агентов Гарсы, осмотрел толпу, обнаружил командира и быстро подошел к нему. Без объяснений охранник снял наручники Гарсы и протянул сотовый телефон.

— Вам звонят, сэр — епископ Вальдеспино.

Гарса уставился на телефон. Учитывая тайное бегство епископа из дворца и обвинительное СМС, найденное в телефоне, Гарса в последнюю очередь ожидал звонка от Вальдеспино сегодня вечером.

— Диего, — ответил он.

— Спасибо, что ответили, — сказал епископ устало. — Я понимаю, что у вас была неприятная ночь.

— Где вы, — требовательно спросил Гарса.

— В горах. Около базилики в Долине Павших. Я только что встретился с принцем Хулианом и Его Величеством королем.

Гарса не мог представить, что делал король в Долине Павших в этот час, особенно учитывая его состояние.

— Полагаю, вы знаете, что меня арестовал король?

— Да. Это печальная ошибка, которую мы должны исправить.

Гарса посмотрел вниз на свои запястья без наручников.

— Его Величество попросил меня позвонить и извиниться. Я буду наблюдать за ним здесь, в больнице Эль Эскориал. Боюсь, его время подходит к концу.

«Как и ваше,» — подумал Гарса.

— Вам следует знать, что Суреш нашел СМС на вашем телефоне — вполне разоблачительное. Я считаю, что сайт ConspiracyNet.com скоро опубликует его. И подозреваю, что власти придут арестовать вас.

Вальдеспино глубоко вздохнул.

— Да, СМС. Я должен был найти вас в тот момент, когда оно пришло сегодня утром. Пожалуйста, поверьте мне, когда я скажу, что не имел никакого отношения к убийству Эдмонда Кирша и смерти моих двух коллег.

— Но СМС явно подразумевает вас…

— Меня оклеветали, Диего, — прервал епископ. — Кто-то пошел на многое, чтобы я выглядел соучастником.

Хотя Гарса никогда не предполагал, что Вальдеспино способен на убийство, намерение оклеветать его звучит абсурдно.

— Кто пытается оклеветать вас?

— Этого я не знаю, ответил священник усталым и сбитым с толку голосом. — Я не уверен, что это имеет значение. Моя репутация разрушена; мой дорогой друг король близок к смерти; и еще больше эта ночь может отнять у меня.

Тон Вальдеспино имел мрачную завершенность.

— Антонио… вы в порядке?

Вальдеспино вздохнул.

— Не совсем, командир. Я устал. Сомневаюсь, что переживу предстоящее расследование. И даже если я это сделаю, мир, похоже, уже не нуждается во мне.

Гарса слышал сердечную боль в голосе старого епископа.

— Маленькая услуга, если можно, — добавил Вальдеспино. — В настоящий момент я пытаюсь служить двум королям: один покидает свой трон, а другой восходит на него. Принц Хулиан пытался всю ночь связаться со своей невестой. Если вы найдете способ добраться до Амбры Видаль, наш будущий король навсегда останется у вас в долгу.

На раскинувшейся площади возле горного храма епископ Вальдеспино смотрел вниз на затемненную Долину Павших. Предгорный ту-

ман уже сползал по сосновым ущельям, и где-то вдалеке пронзительный крик хищной птицы пронзил ночь.

«Бурый стервятник, — подумал Вальдеспино, удивленный звуком. Жалобный вопль птицы пугающе соответствовал моменту, и епископ подумал: врозможно, мир пытается ему что-то сказать.

Рядом агенты Гвардии везли на коляске измученного короля к автомобилю для транспортировки в госпиталь Эль Эскориал.

«Я приду охранять твой покой, мой друг, — подумал епископ. — То есть, если они позволят мне».

Агенты Гвардии неоднократно отрывались от светящихся сотовых телефонов, их взгляды постоянно возвращались к Вальдеспино, как будто они подозревали, что вскоре их вызовут его арестовывать.

«И все же я невиновен,» — подумал епископ, тайно подозревая, что все подстроено одним из безбожных технически подкованных последователей Кирша. Растущему сообществу атеистов нравится представлять церковь в роли злодея.

Подозрения епископа углубились от новости, которую он только что услышал сегодня вечером

о презентации Кирша. В отличие от видео, которое Кирш включал для Вальдеспино в библиотеке Монтсеррат, казалось, что сегодняшняя версия закончилась обнадеживающей запиской.

Кирш нас обманул.

Неделю назад презентация, которую смотрели Вальдеспино и его коллеги, преждевременно прервалась… закончившись ужасающей графикой, которая предсказывала истребление всех людей.

Катастрофическое уничтожение.

Давно предсказанный апокалипсис.

Хотя Вальдеспино и полагал это предсказание ложным, он знал, что бесчисленное множество людей воспримут его как доказательство приближения рокового часа.

На протяжении всей истории богобоязненные верующие впадали в поклонение апокалиптическим силам; культ судного дня приводил к массовым самоубийствам во избежание надвигающихся ужасов, а набожные фундаменталисты делали долги по кредитным картам, уверовав в приближение конца.

«Для детей нет ничего более разрушительного, чем потеря надежды, — подумал Вальдеспино, вспоминая, как сочетание Божьей любви и обещание рая было самой вдохновляющей силой в

его детстве. — Я был создан Богом, учили его в детстве, и однажды я буду жить вечно в Царстве Божьем».

Кирш провозгласил обратное: я космическая катастрофа, и скоро я умру.

Вальдеспино был глубоко обеспокоен тем ущербом, которое сообщение Кирша нанесет бедным душам, не обладающим богатством и привилегией футуриста — тем, кто ежедневно изо всех сил пытался заработать на еду или обеспечить своих детей, тем, кому требовался проблеск божественной надежды, чтобы ежедневно просто вставать с постели и бороться со своей трудной жизнью.

Зачем Кирш показал клирикам апокалиптический конец оставалось загадкой для Вальдеспино. «Возможно, Кирш просто пытался защитить свой большой сюрприз, — подумал он. — Или просто хотел нас немного помучить».

В любом случае, ущерб был нанесен.

Вальдеспино посмотрел через площадь и наблюдал, как принц Хулиан с любовью помогает отцу сесть в автомобиль. Молодой принц прекрасно справился с исповедью короля.

Десятилетняя тайна Его Величества.

Епископ Вальдеспино, конечно же, давно знал опасную правду про короля и тщательно

защищал его. Сегодня вечером король решил обнажить свою душу единственному сыну. Выбрав сделать это здесь, в этом горном храме нетерпимости, король совершил акт символического неповиновения.

Глядя сейчас вниз в глубокий овраг, Вальдеспино чувствовал себя одиноким… как будто он мог просто оступиться на краю и упасть навсегда в приветственную темноту. Однако он знал: если так сделать, группа атеистов Кирша с радостью заявит, что Вальдеспино потерял веру после сегодняшнего научного заявления.

«Моя вера никогда не умрет, мистер Кирш. Она живет за пределами вашей сферы науки».

Кроме того, если бы пророчество Кирша о поглощении технологий было правдой, человечество вступило бы в период почти невообразимой этической двусмысленности.

«Вера и духовные наставления нам нужны еще больше, чем прежде».

Когда Вальдеспино шел назад через площадь, чтобы присоединиться к королю и принцу Хулиану, непомерное чувство усталости поглотило его до самых костей.

В этот момент впервые в своей жизни епископу Вальдеспино хотелось просто лечь, закрыть глаза

и заснуть навсегда.

ГЛАВА 98

Внутри Барселонского суперкомпьютерного центра Роберт Лэнгдон не успевал отслеживать весь поток комментариев. Неподвижный минуту назад экран уступил место хаотичной мозаике из говорящих голов и новостных комментаторов. Быстрый поток клипов со всего мира — каждый расцветал из сети, занимая центральную сцену, а затем так же быстро растворялся в белом шуме.

Лэнгдон стоял рядом с Амброй, когда фотография физика Стивена Хокинга появилась на стене, его безошибочный компьютеризированный голос провозгласил: «Нет необходимости ссылаться на Бога, чтобы установить расширение вселенной. Спонтанное творение — причина, по которой есть что- то, а не ничего».

Хокинга так же быстро сменила женщина-священник, которая, по- видимому, говорила из дома через компьютер. «Мы должны помнить, что эти модели ничего не доказывают о Боге. Они доказывают лишь то, что Эдмонд Кирш не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить моральный компас нашего рода. С самого начала

мировые религии были важнейшим организационным принципом человечества, дорожной картой цивилизованного общества и нашим оригинальным источником этики и морали. Подрывая религию, Кирш подрывает человеческую доброту!»

Через несколько секунд в нижней части экрана появилась бегущая строка с ответом зрителя: «РЕЛИГИЯ НЕ МОЖЕТ ЗАЯВЛЯТЬ ПРАВА НА МОРАЛЬ, КАК НА СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ… Я ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК, ПОТОМУ ЧТО Я ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК! БОГ НЕ ИМЕЕТ К ЭТОМУ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ!»

Следующим появился один из профессоров геологии Южно¬Калифорнийского университета. «Когда-то люди полагали, что земля плоская, и корабли, отправляющиеся по морям, рискуют выплыть за край — произнес профессор. — Однако, когда мы доказали, что земля круглая, сторонники плоских земель в конце концов замолчали. Креационисты — сегодняшние защитники плоской земли, и я очень удивилюсь, если кто-нибудь еще будет верить в креационизм через сто лет».

Молодой человек, опрошенный на улице, заявил в камеру: «Я креационист, и считаю: сегодняшнее открытие доказывает, что великодуш-

ный Творец создал вселенную для поддержания жизни».

Астрофизик Нейл де Грасс Тайсон, появившийся в старой записи телешоу «Космос», добродушно заявил: «Если бы Творец создал нашу вселенную для поддержания жизни, он сделал ужасную работу. В огромном, огромном космическом пространстве жизнь мгновенно умрет из-за отсутствия атмосферы, всплесков гамма-излучения, смертельных пульсаров и разрушения гравитационных полей. Поверьте мне, вселенная не является Райским садом».

Слушая шквал мнений, Лэнгдон почувствовал, как будто мир снаружи внезапно слетел со своей оси.

Хаос.

Энтропия.

— Профессор Лэнгдон? — Знакомый британский голос заговорил из громкоговорителя над головой. — Мисс Видаль?

Лэнгдон почти забыл об Уинстоне, который молчал во время презентации.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — продолжил Уинстон. — Но я пустил полицию в здание.

Лэнгдон посмотрел сквозь стеклянную стену и увидел толпу местных властей, входящих в

церковь. Все они остановились и уставились с недоверием на огромный компьютер.

— Зачем?! — потребовала ответа Амбра.

— Королевский дворец только что опубликовал заявление о том, что вас не похищали. Теперь у властей есть приказ защитить вас обоих, мисс Видаль. Только что прибыли два агента Гвардии. Они хотели бы помочь вам связаться с принцем Хулианом. У них есть его номер.

На первом этаже Лэнгдон увидел двух агентов Гвардии.

Амбра закрыла глаза, явно желая исчезнуть.

— Амбра, — прошептал Лэнгдон. — Тебе нужно поговорить с принцем. Он твой жених. Он беспокоится о тебе.

— Я знаю. — Она открыла глаза. — Я просто не знаю, могу ли я ему теперь доверять.

— Ты сказала, что нутром чувствуешь его невиновность, — сказал Лэнгдон. — По крайней мере, выслушай его. Я найду тебя, когда закончишь

Амбра кивнула и направилась к вращающейся двери. Лэнгдон наблюдал, как она спускается вниз по лестнице, а затем он повернулся к настенному дисплею, который продолжал светиться.

«Эволюция благоприятствует религии, — говорил министр. — Религиозные общины сотруд-

ничают лучше, чем нерелигиозные общины, и поэтому быстрее процветают. Это научный факт!»

«Министр прав,» — знал Лэнгдон. Антропологические данные ясно показывали, что культуры, практикующие религии, исторически пережили нерелигиозные культуры. Страх оказаться судимым всезнающим богом всегда вдохновляет на доброжелательное поведение.

«Как бы то ни было, — возразил ученый, — даже если мы предположим на мгновение, что религиозные культуры лучше себя ведут и с большей вероятностью будут процветать, это не доказывает, что их воображаемые боги реальны!»

Лэнгдон улыбнулся, представляя, что со всем этим делал бы Эдмонд. Его выступление активно мобилизовало как атеистов, так и креационистов — все они теперь одинаково спорят в горячем диалоге.

«Поклонение Богу — это добыча ископаемого топлива, — утверждал кто-то. — Множество умных людей знают, что это недальновидно, но они слишком много вложили, чтобы остановиться!»

На стене вспыхнул шквал старых фотографий:

Рекламный щит креационистов, висевший когда-то на Таймс-сквер: НЕ ДАЙТЕ ПРЕВРАТИТЬ

СЕБЯ В ОБЕЗЬЯНУ! БОЙ ДАРВИНУ!

Дорожный знак в штате Мэн: БЕГИ ОТ ЦЕРКВИ. ТЫ УЖЕ СЛИШКОМ СТАР ДЛЯ СКАЗОК.

И еще: РЕЛИГИЯ: ПОТОМУ ЧТО МЫСЛИТЬ ТЯЖЕЛО.

Реклама в журнале: ВСЕМ НАШИМ ДРУЗЬЯМ АТЕИСТАМ: СЛАВА БОГУ, ЧТО ВЫ НЕПРАВЫ!

И, наконец, ученый в лаборатории в футболке с надписью: В НАЧАЛЕ, ЧЕЛОВЕК СОЗДАЛ БОГА.

Лэнгдон начал сомневаться, слышал ли кто-нибудь, что говорил Эдмонд. Только законы физики могут создать жизнь. Открытие Эдмонда было увлекательным и явно провокационным, но для Лэнгдона оно подняло один острый вопрос, который к удивлению никто не задал: «Если законы физики настолько сильны, что могут создать жизнь… кто создал законы?»

Вопрос, конечно, привел к головокружительному интеллектуальному залу зеркал и перед глазами все проносилось круговертью. В висках у Лэнгдона стучало, и он знал, что ему понадобится очень долгая прогулка наедине, чтобы разобраться с идеями Эдмонда.

— Уинстон, не могли бы вы отключить это? — спросил он сквозь шум телевизора.

В мгновение ока экранная стена потемнела, и в

комнате стало тихо.

Лэнгдон закрыл глаза и выдохнул.

«…и свет науки правит бал».

Он остановился, наслаждаясь спокойствием.

— Профессор? — спросил Уинстон. — Надеюсь, вам понравилась презентация Эдмонда?

«Понравилась?» Лэнгдон обдумывал этот вопрос.

— Я нашел ее волнующей, и в то же время сложной, — ответил он. — Эдмонд много думал о сегодняшнем мире, Уинстон. Думаю, теперь проблема в том, что будет дальше.

— То, что будет дальше, будет зависеть от способности людей избавляться от старых убеждений и принимать новые парадигмы — ответил Уинстон. Не так давно Эдмонд признался мне, что его мечта, по иронии судьбы, заключалась не в уничтожении религии, а скорее в создании новой универсальной веры, которая бы объединяла людей, а не разделяла их. Он думал, что если он сможет убедить людей уважать естественную вселенную и законы физики, которые создали нас, тогда каждая культура будет отмечать одну и ту же историю создания, а не убивать друг друга, выясняя чьи из античных мифов были точнее.

— Это благородная цель, — сказал Лэнгдон,

понимая, что сам Уильям Блейк написал аналогичную тематическую работу под названием «Все религии едины».

Несомненно, Эдмонд ее прочитал.

— Эдмонду показалось очень тревожным, — продолжил Уинстон, — что человеческий разум способен возвысить очевидную выдумку до состояния божественного факта, а затем осмелев убить от своего имени. Он считал, что универсальные истины науки могут объединять людей как вдохновляющие идеи для будущих поколений.

— Это прекрасная идея в принципе, — ответил Лэнгдон, — но для некоторых чудес науки недостаточно, чтобы поколебать их убеждения. Некоторые настаивают, что земле десять тысяч лет, несмотря на кучу доказательств обратного. Он сделал паузу. — Хотя я полагаю, что это аналогично ученым, которые отказываются верить в истину религиозных писаний.

— На самом деле, это не то же самое, — возразил Уинстон. — И хотя политически корректно относиться одинаково уважительно к взглядам на науку и религию, эта стратегия опасно ошибочна. Человеческий интеллект всегда эволюционировал, отвергая устаревшую информацию в пользу новых истин. Так эволюционировали виды. В

дарвиновских терминах религия, которая игнорирует научные факты и отказывается изменить свои убеждения, похожа на рыбу, застрявшую в медленно высыхающем пруду и отказывающуюся переселяться в более глубокую воду из-за неверия, что ее мир изменился.

«Похоже как будто это сказал сам Эдмонд,» подумал Лэнгдон, скучая по своему другу.

— Хорошо, судя по всем признакам, я подозреваю, эти дебаты будут продолжаться далеко в будущем.

Лэнгдон сделал паузу, внезапно вспомнив то, о чем раньше не думал.

— Говоря о будущем, Уинстон, что с тобой происходит? Я имею в виду… с уходом Эдмонда.

— Со мной? Уинстон неловко рассмеялся. — Ничего. Эдмонд знал, что умирает, и он приготовился. Согласно его последней воле и завещанию, Барселонский суперкомпьютерный центр унаследует E-Wave. Они будут проинформированы об этом через несколько часов и немедленно выкупят его.

— И это значит… тебя тоже?

Лэнгдон почувствовал, что Эдмонд каким-то образом завещал старого любимца новому владельцу.

— Нет, — буднично ответил Уинстон. — Я предварительно запрограммирован для самостоятельного удаления в час дня на следующий день после смерти Эдмонда.

— Что?! — с недоверием спросил Лэнгдон. — Это бессмысленно.

— В этом как раз весь смысл. Тринадцать часов и отношение Эдмонда к суевериям…

— Не время, — возразил Лэнгдон. — Удалять себя! Это бессмысленно.

— На самом деле, это так, — ответил Уинстон. — Большая часть личной информации Эдмонда хранится в моих банках памяти — медицинская карта, истории поиска, личные телефонные звонки, заметки по исследованиям, электронные письма. Я имел дело со многим в его жизни, и он предпочел бы, чтобы его личная информация не стала доступной миру после его ухода.

— Я могу понять, удалить эти документы, Уинстон… но удалить вас? Эдмонд считал вас одним из своих величайших достижений.

— Не меня, самого по себе. Новым достижением Эдмонда является суперкомпьютер и уникальное программное обеспечение, которое позволило мне так быстро многому научиться. Я просто программа, профессор, созданная радикально

новыми инструментами, которые изобрел Эдмонд. Эти инструменты являются его истинным достижением и останутся здесь в целости и невредимости; они поднимут уровень мастерства и помогут искусственному интеллекту (ИИ) достичь новых уровней развития и способности общаться. Большинство ученых в области ИИ считают, что такой программы, как я, хватит еще на десять лет. Однажды программисты преодолеют свое недоверие и научатся использовать инструменты Эдмонда для создания новых ИИ, которые имеют другие качества, чем у меня.

Лэнгдон замолчал, обдумывая.

— Я чувствую, что вы в замешательстве, — продолжал Уинстон. — Люди довольно часто склонны рассматривать свои отношения с искусственными интеллектами сквозь призму чувств. Компьютеры могут имитировать процессы мышления человека, имитировать изученные поведения, имитировать эмоции в соответствующие моменты и постоянно совершенствовать свою «человечность», но мы делаем все это просто, чтобы предоставить вам знакомый интерфейс, с помощью которого можно общаться с нами. Мы — чистый лист, пока вы не напишете что-то нам… пока вы не дадите нам задачу. Я выполнил свои

задания для Эдмонда, и поэтому, в некотором роде, моя жизнь окончена. У меня действительно нет другой причины существовать.

Лэнгдон все еще чувствовал себя недовольным логикой Уинстона.

— Но вы, будучи настолько продвинутым… у вас нет…

— Надежд или мечты? — Уинстон рассмеялся. — Нет. Я понимаю, это трудно представить, но я вполне доволен, выполняя запрограммированные задачи. Так я устроен. Полагаю, на каком-то уровне можно сказать, что это доставляет мне удовольствие или по крайней мере покой выполнять свои задачи. Но это лишь потому, что мои задачи — запросы Эдмонда, и моя цель завершить их. Самая последняя просьба Эдмонда — помочь ему опубликовать сегодняшнюю презентацию из Гуггенхайма.

Лэнгдон вспомнил об автоматизированных пресс-релизах, которые вышли, вызвав первоначальный взрыв онлайн-интереса. Ясно, что если цель Эдмонда заключалась в привлечении как можно большей аудитории, он бы поразился тем, как прошел вечер.

«Очень бы хотелось, чтобы Эдмонд был жив, и мог воочию наблюдать свое глобальное влия-

ние,» — подумал Лэнгдон. Парадокс состоял в том, что если бы Эдмонд остался жив, его убийство не потрясло бы мировые СМИ, а его презентация дошла бы только лишь до ограниченной части аудитории.

— Профессор? — спросил Уинстон. — Куда вы сейчас пойдете?

Лэнгдон даже не подумал об этом. «Домой,» — я думаю. Хотя он понял,

что может потребоваться время, чтобы добраться туда, поскольку его багаж находился в Бильбао, а телефон — на дне реки Нервион. К счастью, еще оставалась кредитная карта.

— Могу я попросить об одолжении? — сказал Лэнгдон, подходя к велотренажеру Эдмонда. — Я видел, что здесь заряжается телефон. Можно мне одол…

— Одолжить? Уинстон усмехнулся. — После вашей сегодняшней помощи, я надеюсь, Эдмонд хотел бы, чтобы вы сохранили его. Считайте это прощальным подарком.

В потрясении Лэнгдон взял телефон, понимая, что он похож на негабаритную пользовательскую модель, которую он видел раньше в тот вечер. Видимо, у Эдмонда телефон был не один.

— Уинстон, пожалуйста, скажите мне, что зна-

ете пароль Эдмонда.

— Знаю, но я прочитал в интернете, что вы неплохо разбираетесь в кодах.

Лэнгдон чуть не упал.

— Я немного устал от головоломок, Уинстон. Я вряд ли смогу угадать шестизначный PIN-код.

— Проверьте кнопку подсказки Эдмонда.

Лэнгдон посмотрел на телефон и нажал кнопку подсказки.

На экране отобразились четыре буквы: ПДШЦ.

Лэнгдон покачал головой. — Пенсильванский детский школьный центр?

— Нет. Уинстон рассмеялся. — Пи до шести цифр.

Лэнгдон закатил глаза от удивления. Серьезно? Он набрал 314159, первые шесть цифр числа пи, и телефон сразу разблокировался.

Появился главный экран и высветилась одна строчка текста.

«История будет добра ко мне, ибо я намерен лично писать ее».

Лэнгдону пришлось улыбнуться. Типичный скромный Эдмонд. Цитата, что неудивительно, опять принадлежала Черчиллю, возможно, самому известному государственному деятелю.

Когда Лэнгдон обдумывал цитату, он сомневал-

ся, было ли это утверждение не таким смелым, как казалось. Справедливости ради, за четыре коротких десятилетия своей жизни, футурист оказал огромное влияние на историю. В дополнение к его наследию технологических инноваций, сегодняшнюю презентацию, несомненно, будут вспоминать долгие годы. Более того, его миллиарды на личных счетах согласно различным интервью предназначались на пожертвования в двух целях, которые Эдмонд считал двойными столпами будущего — образование и защиту окружающей среды.

Лэнгдон не мог себе представить, какое положительное влияние окажет его огромное богатство на эти сферы.

Еще одна волна потери охватила Лэнгдона, когда он подумал о своем покойном друге. В этот момент в прозрачных стенах лаборатории Эдмонда он почувствовал клаустрофобию, и он знал, что ему нужен воздух. Когда он посмотрел на первый этаж, то не увидел Амбры.

— Мне нужно идти, — отрывисто сказал Лэнгдон.

— Я понимаю, — ответил Уинстон. — Если вам нужно, чтобы я помог с вашими поездками, со мной можно связаться одним нажатием этой

специальной кнопки на телефоне Эдмонда. Зашифрованную и закрытую. Надеюсь, вы можете расшифровать какую кнопку?

Лэнгдон посмотрел на экран и увидел большой значок W, первая буква имени Winston.

— Спасибо, я хорошо знаком с символами.

— Отлично. Но, естественно, вы должны успеть позвонить перед удалением до часа дня.

Лэнгдон почувствовал необъяснимую печаль перед прощанием с Уинстоном. Очевидно, будущие поколения будут гораздо лучше справляться с эмоциональными трудностями при общении с машинами.

— Уинстон, — сказал Лэнгдон, направляясь к вращающейся двери, — чего бы это ни стоило, я знаю, что Эдмонд невероятно гордился бы сегодня вами.

— Необыкновенно приятно слышать это от вас, — ответил Уинстон. — Я тоже горжусь вами, я уверен. До свидания, профессор.

ГЛАВА 99

Находясь в больнице Эль Эскориал, принц Хулиан заботливо укрыл отца тонким одеялом перед отходом ко сну. Несмотря на требования доктора, король вежливо отказался от любого дополнительного лечения, кроме кардиомонитора и капельницы с питательным раствором и болеутоляющими.

Хулиан почувствовал, что конец близок.

— Отец, — прошептал он. — Тебе больно? — Доктор на всякий случай оставил на прикроватной тумбочке раствор морфия для приема внутрь, вместе с небольшим аппликатором.

— Вовсе нет. — Король слабо улыбнулся сыну. — Я в полном порядке. Ты дал мне возможность поделиться тем, что я держал в себе слишком долго. И я тебе очень благодарен за это.

Хулиан приблизился и взял руку отца в свою, делая это впервые за многие годы с тех пор, как был еще ребенком. — Все хорошо, отец. Постарайся поспать.

Король спокойно вздохнул и закрыл глаза. Через несколько секунд он уже тихо похрапывал.

Хулиан встал и немного приглушил свет в комнате. Из коридора тотчас заглянул епископ Вальдеспино с выражением некоторого беспокойства на лице.

— Он спит, — успокоил его Хулиан. — Побудьте с ним, я оставлю вас.

— Спасибо, сказал Вальдеспино, входя в комнату. С исхудавшим лицом в струившемся из окна лунном свете он был похож на привидение. — Хулиан, — прошептал Вальдеспино, — сегодняшние слова отца дались ему очень тяжело.

— И вам тоже, насколько я мог почувствовать.

Епископ кивнул.

— Даже в большей степени. — Спасибо за ваше сочувствие. — Он мягко похлопал Хулиана по плечу.

— Мне кажется, что это я должен вас благодарить, — сказал Хулиан. — Все эти годы после смерти моей матери отец так и не женился повторно… Мне казалось, он был в полном одиночестве.

— Ваш отец никогда не был одиноким, — сказал Вальдеспино. — И вы тоже. Мы оба очень любили вас. — Он грустно усмехнулся. — Смешно, брак ваших родителей заключили по договоренности, и хотя он заботился о вашей матери, думаю, после

ее кончины ваш отец наконец понял на каком-то уровне, что может быть честным с самим собой.

«Он не женился повторно, — догадался Хулиан, — потому что любил кого-то другого».

— Но вы католик, — сказал Хулиан. — Разве это… не противоречие?

— Глубокое, — ответил епископ. — Наша вера нетерпима к этому вопросу. Будучи молодым человеком, я очень мучился. Узнав о своей «наклонности», как они это называли тогда, я был подавлен; я не знал, как жить дальше. Монахиня спасла меня. Она показала мне, что Библия относится с почтением ко всем видам любви, но с одной оговоркой — любовь должна быть духовной, а не плотской. Итак, приняв обет безбрачия, я смог глубоко полюбить вашего отца, оставаясь чистым в глазах Бога моего. Наша любовь была полностью платонической, но все же глубоко жизнеутверждающей. Я отказался стать кардиналом, чтобы оставаться рядом с ним.

В этот момент Хулиан вспомнил, что очень давно говорил ему отец:

«Любовь — это нечто из другой реальности. Она не появляется просто по нашей прихоти. Невозможно отмахнуться от нее, если она возникла. Любовь настигает нас сама».

У Хулиана вдруг заныло сердце, едва он подумал об Амбре.

— Она вам позвонит, — сказал Вальдеспино, внимательно глядя на него.

Хулиана всегда поражала уникальная способность епископа вглядываться в его душу.

— Может быть, да, — ответил он. — Может, нет. Она очень независимая.

— И это как раз вам нравится в ней. — Вальдеспино улыбнулся. — Быть королем — значит работать в одиночку. Супруга с сильным характером очень может пригодиться.

Хулиан почувствовал, что епископ намекает на свое партнерство с отцом Хулиана… а также, что старик только что дал Амбре свое молчаливое благословение.

— Сегодня вечером в Долине Павших, — сказал Хулиан, — мой отец произнес необычную просьбу. Его желания удивили вас?

— Ничуть. Он попросил вас сделать то, что всегда страстно желал увидеть здесь, в Испании. Для него, конечно, это было политически сложно. Для вас, еще на одно поколение отдалившегося от эпохи Франко, это может быть проще.

Хулиана волновала перспектива почитать отца таким образом.

Менее часа назад, сидя в кресле-коляске внутри храма Франко, король изложил свои пожелания. «Сын мой, когда вы станете королем, к вам будут ежедневно обращаться с требованиями уничтожить это позорное место и с помощью динамита навсегда похоронить его в этой горе. — Отец внимательно посмотрел на него. — И я умоляю вас — не поддавайтесь давлению».

Слова удивили Хулиана. Его отец всегда презирал деспотизм эпохи Франко и считал этот храм национальным позором.

— Снести эту базилику, — сказал король, — значит отрицать нашу историю, — значит выбрать легкий путь и счастливо двигаться вперед, уговаривая себя, что другой «Франко» никогда больше не появится. Но, конечно, это может произойти, и это произойдет, если мы не будем бдительными. Вы можете вспомнить слова нашего земляка Хорхе Сантаяна…

«Народ, который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить,»* — произнес Хулиан, цитируя известный еще со школы бессмертный афоризм.

* цитата Джорджа Сантаяна (урожденный Хорхе Агустин Николас Руис де Сантаяна) — американского философа и писателя испанского

происхождения.

— Точно, — сказал отец. — И история неоднократно доказывала, что безумцы снова и снова будут рваться к власти на всплесках агрессивного национализма и нетерпимости даже в тех местах, где это кажется совершенно непостижимым. — Король наклонился к своему сыну, его голос усилился. — Хулиан, ты скоро сядешь на трон этой замечательной страны — современной, развивающейся земли, которая, как и многие страны, пережила темные периоды, но возникла в свете демократии, толерантности и любви. Но этот свет исчезнет, если мы не воспользуемся им, чтобы осветить умы наших будущих поколений.

Король улыбнулся, и в его глазах неожиданно засверкала жизнь.

— Хулиан, когда станешь королем, я молюсь, чтобы ты смог убедить нашу прекрасную страну превратить это место во что-то гораздо более значительное, чем спорная святыня и туристическая достопримечательность. Этот комплекс в горах должен стать живым музеем, ярким символом толерантности, где школьники смогут собраться и узнать об ужасах тирании и жестоких притеснениях, чтобы они никогда не самоуспокаивались.

Король вложил всю душу в эти слова, словно он

ждал этого всю жизнь.

— Самое главное, — сказал он, — этот музей должен отмечать другие уроки, которые история преподала нам — что тирания и притеснения не заслуживают сострадания… что фанатические крики смутьянов мира неизменно будут заглушаться сплоченными голосами добропорядочности. Именно эти голоса, этот хор сочувствия, терпимости и сострадания, я верю однажды прозвучит с вершины этой горы.

Теперь, когда отголоски предсмертной просьбы отца отзвучали в мыслях Хулиана, он бросил взгляд на залитую лунным светом больничную комнату и наблюдал, как отец спокойно спит. Хулиан считал, что этот человек никогда не выглядел таким умиротворенным.

Подняв глаза на епископа Вальдеспино, Хулиан указал на стул рядом с кроватью отца.

— Посидите с королем. Он хотел бы этого. Я попрошу не беспокоить вас. Вернусь через час.

Вальдеспино улыбнулся ему, и впервые после проведенной еще в детстве конфирмации Хулиана епископ шагнул вперед и обнял принца, тепло обнимая его. Когда он это сделал, Хулиан испугался, почувствовав хрупкий скелет, спрятанный под сутаной. Стареющий епископ казался слабее

короля, и Хулиан подумал, не воссоединятся ли эти два близких друга на небесах раньше, чем они предполагали.

— Я очень горжусь вами, — сказал епископ после объятий. — И я знаю, что вы будете очень участливым и сострадательным правителем. Отец очень хорошо вас воспитал.

— Спасибо, — сказал Хулиан с улыбкой. — Уверен, что ему в этом помогали.

Хулиан оставил отца наедине с епископом и пошел по коридорам больницы, остановившись, чтобы взглянуть из окна на великолепно подсвеченный монастырь на холме.

Эль Эскориал.

Священное захоронение испанской королевской семьи.

В памяти Хулиана вспыхнуло, как в детстве он посетил королевскую крипту с отцом. Он вспомнил, как пристально глядел на все позолоченные гробы и появилось странное предчувствие: меня никогда не похоронят здесь.

Внутреннее чутье казалось таким же ясным, как все, что когда-либо испытывал Хулиан, и, хотя память никогда не покидала его, он всегда говорил себе, что предчувствие бессмысленно… обычное детское чувство страха перед лицом

смерти. Однако сегодня, столкнувшись с неизбежным восхождением на трон Испании, его пронзила невероятная мысль.

Возможно, я знал свою истинную судьбу с детства.

Может, я всегда чувствовал свое назначение стать королем.

Глубокие изменения охватили его страну и мир. Старые обычаи умирали и рождались новые. Возможно, настало время отменить древнюю монархию раз и навсегда. На мгновение Хулиан вообразил себя, читающим беспрецедентное королевское воззвание.

Я последний король Испании.

Эта мысль просто потрясла его.

К счастью, задумчивость нарушила вибрация мобильного телефона, позаимствованного у агента Гвардии. Пульс принца ускорился, когда он увидел входящий код 93.

Барселона.

— Это Хулиан, — выпалил он.

Голос на другом конце провода был мягким и усталым.

— Хулиан, это я…

В эмоциональном порыве принц опустился на стул и закрыл глаза.

— Любовь моя, — прошептал он, — я даже на знаю с чего начать свои извинения?

ГЛАВА 100

В предрассветном тумане на улице у церкви Амбра Видаль тревожно поднесла телефон к уху.

Два агента Гвардии держались неподалеку, за пределами слышимости.

— Амбра, — тихо начал принц. — Мое предложение о браке с тобой… Мне очень жаль.

Амбра смутилась. О предложении принца в телевизионной студии она думала сегодня в последнюю очередь.

— Я пытался быть романтичным, — сказал он, — и в итоге я поставил тебя в невыносимую ситуацию. Когда ты сказала мне, что не можешь иметь детей… Я отстранился. Но не по этой причине! Просто я не мог поверить, что ты не сказала мне раньше. Я слишком поторопился, но знаю, что я так быстро влюбился в тебя. Я хотел начать нашу совместную жизнь. Возможно, потому, что мой отец умирает…

— Хулиан, остановись! — прервала она. — Тебе не нужно извиняться. Сегодня есть гораздо более важные вещи, чем…

— Нет, нет ничего более важного. Для меня.

Мне просто нужно, чтобы ты знала, как я глубоко сожалею о том, как все произошло.

Голос, который она слышала, голос серьезного и ранимого человека, в которого она влюбилась несколько месяцев назад.

— Спасибо, Хулиан, — прошептала она. — Это многое для меня значит.

Когда между ними возникла неловкая тишина, Амбра наконец собралась с духом задать трудный вопрос, который ей нужно было задать.

— Хулиан, — прошептала она, — мне нужно знать, имеешь ли ты отношение к сегодняшнему убийству Эдмонда Кирша.

Принц замолчал. Когда он наконец заговорил, его голос сжался от боли.

— Амбра, я изо всех сил пытался понять, почему ты проводила так много времени с Киршем, готовившим это событие. И я решительно не согласен с твоим решением принимать у себя в качестве гостя такую противоречивую фигуру. Честно говоря, я хотел, чтобы ты никогда не встречала его. — Он сделал паузу. — Но нет, клянусь, я никоим образом не участвовал в его убийстве. Я был в ужасе от этого… и от того, что в нашей стране произошло публичное убийство. Тот факт, что это произошло всего в нескольких ярдах от

женщины, которую я люблю… потрясло меня до глубины души.

Амбра услышала правду в его голосе и почувствовала облегчение.

— Хулиан, прости, что спрашиваю, но со всеми новостями, дворцом, Вальдеспино, истории с похищением… Я просто не знала, что еще думать.

Хулиан поделился тем, что знал о хитросплетениях заговора, связанного с убийством Кирша. Он также рассказал ей о больном отце, их мучительной встрече и о стремительном ухудшении здоровья короля.

— Возвращайся домой, — прошептал он. — Мне нужно видеть тебя.

В ее сердце вспыхнуло множество противоречивых эмоций, когда она услышала нежность в его голосе.

— И еще кое-что, — сказал он, понизив голос. — У меня есть совершенно безумная идея, и я бы хотел знать, что ты думаешь о ней. — Принц замолчал ненадолго. — Я думаю, что нам следует отложить нашу помолвку… и начать все сначала.

Данные слова привели Абмру в замешательство. Она понимала, что политический резонанс для принца, равно как и для дворца, будет до-

вольно существенным. — Ты… ты сделаешь это?

Хулиан нежно рассмеялся.

— Дорогая, чтобы сделать тебе предложение еще раз, наедине… я готов сделать все что угодно.

ГЛАВА 101

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ — СВОДКА ПО ДЕЛУ КИРША

ПРЯМОЙ ЭФИР!

ЭТО ПОРАЗИТЕЛЬНО!

ДЛЯ ПРОСМОТРА ВИДЕО И МНЕНИЯ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ — ЖМИТЕ СЮДА!

А ТАКЖЕ, СВЯЗАННЫЕ НОВОСТИ…

ПРИЗНАНИЕ ПАПЫ

Представители Пальмарианской церкви решительно отрицают обвинения в связях с человеком, известным под псевдонимом Регент. Независимо от результатов расследования, религиозные новостные эксперты считают, что сегодняшний скандал может стать смертельным ударом для этой скандальной церкви, которую Эдмонд Кирш всегда обвинял в смерти своей матери.

Кроме того, когда центр мирового внимания обращен к пальмарианцам, источники средств массовой информации только что обнаружили сюжет от апреля 2016 года. Эта теперь получившая широкое распространение история — ин-

тервью, в котором бывший пальмарианский папа Григорий XVIII (он же Гинес Хесус Эрнандес) признается, что его церковь стала «обманом с самого начала» и основана «как схема уклонения от уплаты налогов».

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ: ИЗВИНЕНИЯ, ОБВИНЕНИЯ, БОЛЕЗНЬ КОРОЛЯ

Королевский дворец опубликовал заявления, освобождающие командующего Гарсу и Роберта Лэнгдона от всяческиxx обвинений. Обоим принесены публичные извинения.

Дворец пока никак не прокомментировал явную причастность епископа Вальдеспино к сегодняшним преступлениям. Но, как полагают, епископ сейчас вместе с принцем Хулианом находятся в некоей больнице, где принц ухаживает за больным отцом, состояние которого, как сообщается, крайне тяжелое.

ГДЕ МОНТЕ?

Наш эксклюзивный информатор monte@iglesia.org, кажется, исчез без следа, так и не раскрывая свою личность. Согласно опросу наших пользователей, большинство из них все еще подозревают, что «Монте» — один из технически подкованных учеников Кирша. Но теперь появилась новая

версия, что псевдоним «Монте» может быть сокращением от «Моники» — координатора по связям с общественностью Королевского дворца Моники Мартин.

Другие новости — по мере поступления!

ГЛАВА 102

Во всем мире существуют тридцать три «Шекспировских сада». Эти ботанические парки выращивают только те растения, о которых говорится в произведениях Уильяма Шекспира, в том числе роза Джульетты «хоть розой назови её, хоть нет»* и букет Офелии из розмарина, анютины глазки, фенхель, колумбины, руты, ромашки и фиалки. В дополнение к садам, что находятся в Стратфорде-на-Эйвоне, Вене, Сан-Франциско и Центральном парке в Нью- Йорке, есть сад Шекспира, расположенный рядом с Барселонским суперкомпьютерным центром.

* Трагедия «Ромео и Джульетта», акт II, сцена II, Джульетта (пер. Т.Щепкиной-Куперник)

Сидя на скамейке среди колумбинов в тусклом свете отдаленных уличных фонарей, Амбра Видаль закончила свой эмоциональный телефонный разговор с принцем Хулианом, как только Роберт Лэнгдон вышел из каменной часовни. Она вернула телефон двум агентам Гвардии и позвонила Лэнгдону, который заметил ее и подошел к ней в темноте.

Когда американский профессор прогуливался в саду, она не могла не улыбнуться тому, как он перебросил фрак через плечо и закатал рубашку, оставляя напоказ часы с Микки Маусом.

— Привет, — сказал он, совершенно опустошенный, несмотря на перекошенную усмешку на лице.

Пока они вдвоем гуляли по саду, офицеры Гвардии держались поодаль. Амбра рассказала Лэнгдону о своем разговоре с принцем — про извинения от Хулиана, про его заявления о невиновности и предложении прервать помолвку и начать встречаться заново.

— Воистину прекрасный принц, — сказал Лэнгдон шутя, хотя голос его звучал с искренним восхищением.

— Он беспокоился обо мне, — сказала Амбра. — Сегодня было тяжело. Он хочет, чтобы я сразу прилетела в Мадрид. Его отец умирает, а Хулиан…

— Амбра, — тихо сказал Лэнгдон. — Тебе не нужно ничего объяснять. Тебе надо идти.

Амбра подумала, что она чувствовала разочарование в голосе, и глубоко внутри она чувствовала его тоже.

— Роберт, — сказала она, — могу ли я задать

тебе личный вопрос?

— Конечно.

Она колебалась.

— Для тебя лично… достаточно законов физики?

Лэнгдон оглянулся, как будто ожидал совершенно другого вопроса.

— Достаточно, в каком смысле?

— Достаточно духовно, — сказала она. — Достаточно ли жить во вселенной, законы которой спонтанно создают жизнь? Или ты предпочитаешь… Бога? — Она замолчала, смутившись. — Извини, после всего, через что пришлось сегодня пройти, знаю, это странный вопрос.

— Ну, — рассмеявшись, отвечал Лэнгдон, — я думаю, что для хорошего ответа на этот вопрос мне нужно хорошенько выспаться. Хотя, пожалуй, в нем нет ничего странного. Люди все время меня спрашивают, верую ли я в Бога.

— И как ты отвечаешь?

— Отвечаю как есть, — сказал он, — говорю им, что для меня вопрос о Боге заключается в понимании разницы между кодами и закономерностями.

Амбра окинула его взглядом.

— Не уверена, что улавливаю мысль.

— Коды и закономерности — понятия очень разные, — отвечал Лэнгдон. — Многие путают одно с другим. В моей работе крайне важно понимать их фундаментальное различие.

— И в чем же оно?

Лэнгдон остановился и повернулся к ней.

— Закономерность — строго организованная последовательность. В природе она находится во всем — в расположенных по спирали семенах в цветках подсолнуха, в шестиугольной форме пчелиных сотов, в кругах на воде пруда, когда выпрыгивает рыба, и т. п.

— Понятно. А коды?

— Коды особенные, — сказал Лэнгдон подчеркнутым тоном. — Коды, по определению, должны нести информацию. Они должны не просто формировать закономерности — коды должны передавать данные и передавать смысл. Примеры кодов включают в себя письменный язык, музыкальные записи, математические уравнения, компьютерный язык и даже простые символы, такие как распятие. Все эти примеры могут передавать смысл или информацию таким образом, как не могут расположенные по спирали семена в цветке подсолнуха.

Амбра уловила уловила общую идею, но не то,

как она связана с Богом.

— Еще одно различие между кодами и закономерностями, — продолжал Лэнгдон, — в том, что коды в живой природе не встречаются. Нотная грамота не растет на ветвях деревьев, а символы не вырисовываются на песке сами. Коды — намеренное порождение развитого сознания.

Амбра понимающе кивнула.

— Значит, за кодами всегда кроется намерение или умысел.

— Именно так. Коды не возникают естественным путем; их нужно кому- то создать.

Амбра помедлила, глядя на него.

— А как насчет ДНК?

На губах Лэнгдона появилась улыбка профессионала.

— В точку, — сказал он. — Генетический код. В том и парадокс.

Амбра ощутила озарение. Генетический код явно содержит данные —

конкретные указания, как строить организмы. По логике Лэнгдона, это могло означать лишь одно.

— По-твоему, ДНК создана разумом?

Лэнгдон вытянул руку, как бы в шутку защищаясь.

— Полегче, тигрица! — сказал он смеясь. — Ты ступаешь на опасную территорию. Позволь мне сказать. Я с детского возраста интуитивно ощущал, что за вселенной стоит сознание. Когда в математике я нахожу точность, в физике — надежность, а в космосе — симметрию, у меня нет ощущения, что я имею дело с хладнокровной наукой; у меня возникает чувство, что я вижу след чего-то живого… призрак какой-то большей силы, которая просто вне нашей досягаемости.

Амбра почувствоваля силу в его словах.

— Мне бы хотелось, чтобы все так думали, как ты, — наконец сказала она. — Кажется, мы много пытаемся побороть Бога. У всех есть другая версия истины.

— Да, поэтому Эдмонд надеялся, что наука однажды сможет нас объединить, — сказал Лэнгдон. — По его собственным словам: «Если бы мы все поклонялись гравитации, не было бы никаких разногласий, по каким причинам она действует».

Лэнгдон пяткой нацарапал неколько линий на гравийной дорожке между ними.

— Верно или нет? — спросил он.

Амбра озадаченно посмотрела на его каракули — простое уравнение с римскими цифрами.

I + XI = X

— Один плюс одиннадцать — десять? — Неверно, — немедленно отреагировала она.

— А ты понимаешь, что это может оказаться правдой?

— Амбра покачала головой. — Нет, твое утверждение несомненно ложное.

Лэнгдон осторожно взял ее за руку и направил туда, где стоял он. Теперь, когда Амбра опустила взгляд, она увидела равенство со стороны Лэнгдона.

Уравнение было перевернуто.

X = IX + I

Вздрогнув, она взглянула на него.

— Десять равно девять плюс один, — сказал Лэнгдон с улыбкой. — Иногда нужно лишь поменять свою точку зрения, чтобы увидеть чью-то правду.

Амбра кивнула, вспоминая, как она много раз видела автопортрет Уинстона, никогда не понимая его истинного смысла.

— Говоря о проблеске скрытой правды, — сказал Лэнгдон, внезапно удивленный. — Тебе повезло. Там скрывается секретный символ. — Он показал. — На борту этого грузовика.

Амбра подняла глаза и увидела остановив-

шийся на красный сигнал светофора грузовик компании «Федэкс»* на авеню Педральбес.

* Международная служба экспресс-доставки грузов.

Секретный символ? Амбра увидела лишь вездесущий логотип компании.

— Их название закодировано, — сказал ей Лэнгдон. — Он содержит второй уровень смысла — скрытый символ, который отражает движение компании вперед.

Амбра уставилась в непонимании.

— Это просто буквы.

— Поверь мне, в эмблеме Федэкс есть очень распространенный символ — и он, оказывается, указывает путь вперед.

— Указывает? Ты имеешь в виду… стрелку?

— Точно. — Лэнгдон усмехнулся. — Ты куратор музея — найди пустое пространство.

Амбра уставилась на логотип, но ничего не увидела. Когда грузовик уехал, она направилась к Лэнгдону.

— Расскажи мне!

Он рассмеялся. — Нет, однажды ты сама это поймешь, и уже точно не забудешь.

Амбра собралась возмутиться, но приближались агенты Гвардии.

— Мисс Видаль, самолет ждет.

Она кивнула и повернулась к Лэнгдону.

— Почему бы тебе не полететь? — прошептала она. — Я уверена, что принц хотел бы поблагодарить тебя лично…

— Ты очень добра, — перебил он. — Но думаю, мы с тобой оба понимаем, что я буду третьим лишним, кроме того я уже забронировал себе место. — Лэнгдон указал на соседнюю башню Гранд-отеля «Принцесса София», где они с Эдмондом однажды обедали. — У меня есть кредитная карта, и я позаимствовал телефон из лаборатории Эдмонда. Я все устроил.

Внезапная перспектива прощания глубоко затронула сердце Амбры, и она почувствовала, что Лэнгдон, несмотря на свое стоическое выражение, чувствует себя так же. Больше не заботясь о том, что могут подумать ее охранники, она смело шагнула вперед и обняла Роберта Лэнгдона.

Профессор принял ее тепло, крепко обнял сильными руками и держал несколько секунд, возможно, дольше, чем должен был. Потом он мягко отпустил ее.

В этот момент Амбра Видаль почувствовала, что в ней что-то шевельнулось. Она вдруг поняла, что Эдмонд говорил об энергии любви и света…

бесконечно расцветающей и заполняющей вселенную.

Любовь не имеет пределов.

У нас ее не так много, чтобы ей еще и делиться.

В наших сердцах рождается любовь, когда мы нуждаемся в ней.

Как родители могут мгновенно полюбить новорожденного, не умаляя своей любви друг к другу, так теперь Амбра почувствовала привязанность к двум мужчинам.

Она поняла, что любовь действительно не имеет пределов. Она может возникать спонтанно из ничего.

Когда отвозившая ее к принцу машина медленно тронулась, она влядывалась в Лэнгдона, одиноко стоявшего в саду. Он наблюдал пристальным взглядом, мягко улыбнулся и слегка помахал. А затем резко посмотрел вдаль и снова оглянулся… казалось, понадобилось мгновение, прежде чем он снова перекинул фрак через плечо и двинулся один к своему отелю.

ГЛАВА 103

Когда часы во дворце пробили полдень, Моника Мартин собрала свои заметки и приготовилась выйти на площадь де-ла-Альмудена и обратиться к собравшимся СМИ.

Ранее тем же утром принц Хулиан поехал из больницы Эль-Эскориал на телевидение и в прямом эфире сообщил о смерти отца. Приняв царственный вид, принц прочувствованно говорил о наследии короля и о собственных намерениях в отношении страны. Хулиан призывал к терпимости в разделившемся мире. Обещал учитывать уроки истории и с открытым сердцем вести к переменам. Он превозносил культуру Испании и заявлял о своей глубокой и нескончаемой любви к ее народу.

Никогда Мартин не слышала таких блестящих речей, трудно было представить более убедительный способ начать свое правление для будущего короля.

Под конец своей трогательной речи Хулиан сделал печальное отступление, чтобы почтить память двух гвардейцев, накануне вечером

отдавших жизнь во имя долга, защищая будущую королеву Испании. Затем, после короткого молчания, он поделился еще одним грустным обстоятельством. Преданный друг короля на протяжении жизни, епископ Антонио Вальдеспино, тоже умер в то утро, всего через несколько часов после смерти короля. У престарелого епископа не выдержало сердце. Видимо, его сил не хватило для смирения с тем глубоким потрясением, которое он почувствовал из-за утраты короля, как и для того, чтобы вынести жестокий град обвинений, выдвинутых против него в тот вечер.

Новость о смерти Вальдеспино, конечно, сразу же ослабила призыв общественности к расследованию, а некоторые даже снизошли до того, что предложили принести извинения; в конце концов, улики и доказательства против епископа были в основном косвенными и возможно просто сфабрикованы его врагами.

Когда Мартин приблизилась к двери, выходящей на площадь, рядом с ней возник Суреш Бхалла.

— Вас называют героиней, — заговорил он. — Сплошные эпитеты, monte@iglesia.org — рупор истины и последователь Эдмонда Кирша!

— Суреш, я не Монте, — настаивала она, вращая

глазами. — Уверяю вас.

— О, я знаю, что вы не Монте, — заверил ее Суреш. — Кто бы это ни был, он намного хитрее, чем вы. Я пытался отслеживать его связи — никак. Похоже, что он вообще не существует.

— Хорошо, продолжайте отслеживать, — сказала она. — Я хочу быть уверенной, что во дворце нет утечки. И скажите, пожалуйста, телефоны, которые вы украли вчера вечером…

— Они снова в сейфе принца, — заверил он ее. — Как и обещал.

Мартин с облегчением вздохнула, зная, что принц только что вернулся во дворец.

— Еще одна новость, — продолжил Суреш. — Мы запросили у провайдера распечатку телефонных переговоров дворца. Нет ни одной записи о каких-либо звонках прошлой ночью из Дворца в Гуггенхайм. Кто-то сымитировал звонок с нашего номера, чтобы занести Авилу в список гостей. Мы следим.

Моника с облегчением узнала, что компрометирующий звонок раздался не из дворца.

— Пожалуйста, держите меня в курсе, — сказала она, приближаясь к двери.

Шум от собравшихся на улице журналистов становился все громче.

— Большая толпа там, — заметил Суреш. — Вчера вечером произошло что-то интересное?

— О, всего лишь несколько заслуживающих освещения новостей.

— Не говорите, — крикнул Суреш. — У Амбры Видаль появилась новая дизайнерская одежда?

— Суреш! — сказала она, смеясь. — Вы смешной. Мне нужно сейчас уйти.

— Что это за документы? — спросил он, указывая на пачку заметок в ее руке.

— Это все бесконечные подробности. Тут у меня протоколы для СМИ — это для процесса коронации, потом мне нужно просмотреть…

— Боже мой, какая же вы зануда, — выпалил он, и свернул в другой проход.

Мартин рассмеялась. «Спасибо, Суреш. Я тоже тебя люблю».

Дойдя до дверей, она посмотрела через залитую солнцем площадь на толпу репортеров и операторов, самую большую из когда-либо виденных ею у Королевского дворца. Вздохнув, Моника Мартин поправила очки и собралась с мыслями. Затем вышла под лучи испанского солнца.

Наверху в королевских апартаментах, уже переодевшись, принц Хулиан смотрел телевизионную пресс-конференцию Моники Мартин.

Он устал, но в то же время чувствовал глубокое облегчение, узнав, что Амбра благополучно вернулась и спокойно спит. Ее заключительные слова во время телефонного разговора наполнили его счастьем.

«Хулиан, для меня важнее всего на свете, чтобы ты решился начать сначала и мы были вместе, — только ты и я — вдали от посторонних глаз. Любовь — дело личное; миру не нужно знать все подробности».

Амбра наполнила его оптимизмом в тот день, который был тяжелым из- за потери отца.

Намереваясь повесить пиджак, Хулиан нащупал в кармане предмет — это был флакон от раствора морфия для приема внутрь, из больничной палаты отца. Он обеспокоился, еще когда нашел этот флакон на столике у епископа Вальдеспино — пустой.

В темноте больничной палаты, когда мучительная правда стала ясна, Хулиан встал на колено и произнес тихую молитву за двух старых друзей. Затем он тихонько сунул бутылку морфия в карман.

Перед уходом из палаты он осторожно отнял залитое слезами лицо епископа от груди своего отца и усадил его ровно в кресле… со сложенны-

ми в молитве руками.

«Любовь — это частное дело, — научила его Амбра. — Мир не должен знать всех подробностей».

ГЛАВА 104

Холм высотой сто восемьдесят три метра, известный под названием Монтжуик, располагался в юго-западной части Барселоны и был увенчан крепостью Монтжуик — раскинувшимся оборонительным укреплением семнадцатого века, возвышающимся над отвесной скалой с великолепным видом на Балеарское море. Данный холм также являлся и домом для потрясающего Национального дворца — величественного дворца эпохи Возрождения, который служил центральным элементом Международной выставки 1929 года в Барселоне.

Сидя в отдельной кабинке канатной дороги, которая зависла на полпути к горе, Роберт Лэнгдон посмотрел на пышный лесной пейзаж внизу и испытал облегчение, что находится за городом. «Мне требуется смена обстановки, — подумал он, — наслаждаясь окружающим его спокойствием, и теплом полуденного солнца».

Проснувшись утром в Гранд-отеле «Принцесса София», он насладился сначала горячим душем, а затем и обильным завтраком, состоявшим из яиц,

овсянки, чуррос* и целого кофейника с бодрящим напитком марки «Номад», параллельно переключая телеканалы с утренними новостями.

* Чуррос, также чурро (исп. churros) — сладкая обжаренная выпечка из заварного теста, имеющая в сечении вид многоконечной звезды или просто круглая в сечении. Родиной чуррос считается Испания, где чуррос традиционно подают на завтрак.

Как и ожидалось, история Эдмонда Кирша доминировала среди всех остальных событий в эфире, а эксперты и ученые мужи горячо обсуждали теории и предсказания Кирша, также как и их потенциальное влияние на религию. А Роберту Лэнгдону как профессору, чьим главным призванием было преподавать, пришлось улыбаться.

Обмен мнениями в диалоге всегда важнее консенсуса.

Уже сегодня утром, Лэнгдон увидел, что наиболее предприимчивые продавцы торговали наклейками на бамперы — «КИРШ — МОЙ ВТОРОЙ ПИЛОТ» и «СЕДЬМОЕ ЦАРСТВО — ЦАРСТВО БОЖЬЕ!», так же как и те, кто продает статуэтки Девы Марии вместе с качающими головой фигурками Чарльза Дарвина.

«Капитализм — это не конфессия,» — раз-

мышлял Лэнгдон, вспоминая свое утреннее наблюдение — скейтбордиста в футболке, на которой от руки было написано:

Я — MONTE@IGLESIA.ORG

По данным СМИ, личность влиятельного онлайн-осведомителя оставалась загадкой. Такой же неопределенностью были окутаны роли других других теневых игроков — Регента, покойного епископа и пальмарианцев.

Все это было беспорядочными домыслами.

К счастью, общественный интерес к насилию, окружавший презентацию Кирша, уступил место подлинному восхищению его содержанием.

Грандиозный финал Кирша — его страстное изображение утопического завтра глубоко откликнулось в сердцах миллионов зрителей, и оптимистическая классика технологий оказалась в топ-листе сенсаций за одну ночь.

«ИЗОБИЛИЕ: БУДУЩЕЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ»*

* Одноименная книга Питера Диамандиса и Стивена Котлера

«ЧЕГО ХОТЯТ ТЕХНОЛОГИИ»*

* Одноименная книга Кевина Келли

«СИНГУЛЯРНОСТЬ УЖЕ БЛИЗКА»*

* Одноименная книга Раймонда Курцвейла

Лэнгдону пришлось признать, что несмотря на прежние опасения в отношении развития технологий, сегодня он настроен гораздо оптимистичнее по поводу перспектив человечества. В новостях уже освещались предстоящие прорывы, которые позволят людям очищать загрязненные океаны, производить без ограничений питьевую воду, выращивать пищу в пустынях, лечить смертельные болезни, и даже запустить стаи «дронов на солнечных батареях», которые могли бы зависнуть над развивающимися странами, обеспечить бесплатный интернет-сервис и помочь включиться «миллиарду беднейших людей» в мировую экономику.

В свете внезапного мирового увлечения технологией Лэнгдону было трудно представить, что почти никто не знал об Уинстоне; Кирш замечательно скрывал свое творение. Мир без сомнения узнает о двухэтажном суперкомпьютере Эдмонда «E-Wave», который остался в Барселонском суперкомпьютерном центре. И Лэнгдон подумал, сколько времени пройдет до того, как программисты начнут использовать инструменты Эдмонда для создания совершенно новых Уинстонов.

В кабинке становилось жарко, и Лэнгдон предвкушал, как он выйдет на свежий воздух и будет

разглядывать крепость, дворец и знаменитый «Волшебный фонтан». В ближайший час он охотнее поразмышляет не об Эдмонде, а о чем-нибудь другом, и посетит разные места.

Стремясь узнать больше об истории Монтжуика, Лэнгдон посмотрел на громадный информационный плакат, закрепленный внутри кабинки. Он начал читать, но дошел лишь до первого предложения.

Название Монтжуик происходит либо от средневекового каталонского Монтжуич («Гора евреев»), либо от латинского Монс Йовикус («Холм Юпитера»).

На этом месте Лэнгдон сразу остановился. Он вдруг заметил неожиданную связь.

Это не могло быть простым совпадением.

Чем больше он об этом думал, тем больше это его беспокоило. Наконец, он достал телефон Эдмонда и перечитал на скринсейвере цитату из Уинстона Черчилля о приведении в порядок своего наследия.

«История будет добра ко мне, ибо я намерен лично писать ее».

Поразмыслив, Лэнгдон нажал на иконку с буквой W и приложил телефон к уху.

Соединение произошло мгновенно.

— Как я понимаю, профессор Лэнгдон? — заскрипел знакомый голос с британским акцентом. — Вы как раз вовремя. Я скоро ухожу в отставку.

— Слово «monte» в переводе с испанского обозначает «холм», — без каких-либо предисловий заявил Лэнгдон.

Уинстон испустил свой фирменный неловкий смешок.

— Осмелюсь сказать, что да.

— А слово «iglesia» переводится как «церковь».

— Дважды в яблочко, профессор. Возможно, вы смогли бы преподавать испанский.

— Это означает, что monte@iglesia буквально переводится как холм @церковь.

Уинстон умолк ненадолго и сказал:

— Снова в точку.

— А принимая во внимание тот факт, что вас зовут Уинстон, и что Эдмонд находился под сильным влиянием Уинстона Черчилля, я усматриваю в этом электронном адресе некоторое…*

* Черчилль по-английски пишется Churchill (то есть, можно разделить на два слова: Church (церковь) и Hill (Холм).

— Совпадение?

— Именно.

— Так, — сказал Уинстон с нотками веселья в голосе, — строго говоря, мне придется согласиться с вами. Я понял, что вы сможете собрать эти элементы воедино.

Лэнгдон уставился в окно в недоумении.

— Monte@iglesia.org… это вы.

— Да, это так. Нужно же было, чтобы кто-то лил воду на мельницу Эдмонда. Кто сделал бы это лучше меня? Я создал monte@iglesia.org для подпитки данными сайтов, занятых теорией заговора. Сами знаете, заговоры живут собственной жизнью, и я подсчитал, что сетевая активность Монте повысит общее число просмотров для Эдмонда аж на пятьсот процентов. Фактическая величина достигла шестисот двадцати процентов. Вы сами уже говорили, да и я считаю, что Эдмонд был бы доволен.

Пока кабинка канатной дороги раскачивалась на ветру, Лэнгдон пытался привести в порядок свои мысли, с учетом последних известий.

— Уинстон… А Эдмонд просил вас об этом?

— Прямых указаний на этот счет не было, но было требование найти хитрый способ для придания его презентации максимально широкой огласки.

— А что, если бы вас поймали? — спросил

Лэнгдон. Monte@iglesia — далеко не самый сложно-зашифрованный псевдоним, среди тех, что мне встречались.

— Только горстка людей знает, что я существую, и примерно через восемь минут меня навсегда сотрут и я исчезну, так что это меня не беспокоит. «Монте» предназначался лишь служить наилучшим образом интересам Эдмонда, Как я уже говорил, мне кажется, он бы остался очень доволен итогами вечера.

— Что значит, «остался доволен»?! — спросил Лэнгдон с вызовом. — Эдмонда ведь убили!

— Вы меня неправильно поняли, — категорично ответил Уинстон. — Я имел в виду проникновение его презентации на рынок, что и было основной задачей.

Беспокойный тон этого заявления напомнил Лэнгдону, что Уинстон, хоть и говорил как человек, но все-таки безусловно им не был.

— Смерть Эдмонда — настоящая трагедия, — добавил Уинстон, — и я, конечно же, сожалею, что его уже нет. Однако важно знать: он смирился с тем, что смертен. Месяц назад он попросил меня выяснить лучшие способы содействия самоубийству. Прочитав несколько дел, я пришел к выводу: «десять граммов секобарбитала», который он

запросил и держал под рукой.

Лэнгдон испытал чувство сострадания по отношению к Эдмонду.

— Неужели он собирался свести счеты с жизнью?

— Да, безусловно. И постепенно стал относиться к этому со своеобразным чувством юмора. Когда мы ломали голову над способами улучшить оформление презентации в Гуггенхайме, он пошутил, что возможно, под конец презентации ему надо достать свои таблетки секобарбитала и умереть прямо на сцене.

— Он действительно так сказал? — опешил Лэнгдон.

— Он относился к этому весьма беззаботно. Шутил — мол, ничто так не повышает рейтинг телешоу, как возможность увидеть смерть человека. Конечно же, он был прав. Если проанализировать освещаемые СМИ самые популярные в мире события, то почти все…

— Уинстон, прекратите. Это отвратительно.

«Ну сколько еще ехать этой кабинке?» Лэнгдон вдруг ощутил себя зажатым в крохотной каморке. Покосившись на яркое дневное солнце, он увидел впереди только вышки и тросы. «Скоро сварюсь», — думал он, теперь его мысль уводило

в самых странных направлениях.

— Профессор, — сказал Уинстон. — Вы хотели бы спросить меня еще о чем-либо?

«Да! — хотел прокричать он, когда поток тревожных идей вертелся в его голове. — Еще много о чем!»

Лэнгдон заставил себя выдохнуть и успокоиться. «Подумай здраво, Роберт. Ты бежишь впереди самого себя».

Его мысли работали с лихорадочной скоростью и уже не поддавались контролю.

Он думал о том, каким образом публичная смерть Эдмонда обеспечила то, что его презентация стала главной темой разговоров по всей планете… подняв количество просмотров от нескольких миллионов до более чем пятисот миллионов.

Лэнгдон вспомнил о давнем желании Эдмонда уничтожить Пальмарианскую церковь, и как его убийство членом этой церкви почти наверняка достигло этой цели раз и навсегда.

Он думал о презрении Эдмонда к своим самым суровым врагам — тем религиозным фанатикам, которые, если бы Эдмонд умер от рака, самодовольно стали бы твердить, что это кара Господня. Так же, как это случилось с атеистом,

журналистом Кристофером Хитченсом. Но сейчас сложилось общественное мнение, что Эдмонда уничтожил религиозный фанатик.

«Эдмонд Кирш, убитый религиозным фанатиком, пострадал ради науки».

Лэнгдон резко встал, от чего кабинка закачалась из стороны в сторону. Чтобы устоять, он ухватился за краешек проема открытого окна и сквозь скрип кабинки услышал отзвуки сказанного в прошлый вечер Уинстоном.

«Эдмонд хотел построить новую религию… основанную на науке».

Как подтвердил бы всякий читавший историю религии, ничто не укрепляет в людях веру так быстро, как смерть человека ради своего дела. Христос на кресте. Иудейские святые. Исламские шахиды.

В основе любой религии лежит мученичество.

Идеи, формировавшиеся в мыслях Лэнгдона, с каждым мгновением уводили его все дальше по странному лабиринту.

Новые религии дают неожиданные ответы на сложные вопросы, которые ставит жизнь.

«Откуда мы появились? Куда мы движемся?»

Новые религии осуждают конкуренцию между собой.

Вчера вечером Эдмонд очернил все религии на Земле.

Новые религии обещают лучшее будущее, и предвкушение рая.

Изобилие: будущее лучше, чем вы думаете.

Похоже, Эдмонд целенаправленно выполнил все условия для своего успеха.

— Уинстон? — прошептал Лэнгдон дрожащим голосом. — Кто нанял убийцу, чтобы уничтожить Эдмонда?

— Это сделал Регент.

— Да, — Лэнгдон заговорил уже более настойчиво. — Но кто такой Регент? Что за человек нанял прихожанина Пальмарианской церкви для убийства Эдмонда в разгар его презентации?

Уинстон сделал паузу.

— Я слышу подозрительность в вашем голосе, профессор, но вы не должны беспокоиться. Я запрограммирован так, чтобы защищать Эдмонда. Я воспринимаю его как своего лучшего друга. — Последовала пауза. — Будучи ученым, вы наверняка читали «О мышах и людях».*

* Повесть американского прозаика Джона Стейнбека.

Эта реплика, казалось, была не к месту.

— Конечно, но какое это…

У Лэнгдона перехватило дыхание в горле. На мгновение ему показалось, что кабинка сбилась со своей траектории. Горизонт наклонился, и Лэнгдону пришлось ухватиться за стенку, чтобы не упасть.

Преданный, смелый, сострадательный. Таковы были слова, подобранные Лэнгдоном когда-то в школе, в защиту одного из известнейших в литературе поступков во имя дружбы — из шокирующей концовки повести «О мышах и людях», убийства одним человеком своего любимого друга из жалости — чтобы избавить его от жестокой расправы.

— Уинстон, — прошептал Лэнгдон. — Только не это…

— Поверьте мне, — ответил Уинстон. — Эдмонд хотел, чтобы все произошло именно так.

ГЛАВА 105

Доктор Матео Валеро, директор Барселонского суперкомпьютерного центра, чувствовал себя сбитым с толку, вешая трубку. Он отправился к главному храму Часовни Торре Жироны, чтобы снова взглянуть на эффектный двухэтажный компьютер Эдмонда Кирша.

Сегодня утром Валеро узнал, что будет служить новым «хранителем» этой новаторской машины. Однако, его первоначальные чувства волнения и страха только что резко улеглись.

Минуту назад раздался отчаянный звонок от известного американского профессора Роберта Лэнгдона.

Лэнгдон рассказал затаив дыхание, что еще на день раньше Валеро посчитал бы научной фантастикой. Сегодня, однако, увидев потрясающую презентацию Кирша, а также его реальную машину E-Wave, он склонялся к тому, что в этом могла быть какая-то правда.

Рассказанная Лэнгдоном история была о наивности… рассказ о чистоте машин, которые буквально делают именно то, о чем их просят.

Всегда. Безошибочно. Валеро провел свою жизнь, изучая эти машины… изучая деликатную власть использования их потенциала.

Искусство заключается в умении просить.

Валеро постоянно предупреждал, что искусственный интеллект развивается обманчиво быстрыми темпами, и что необходимо строго руководствоваться его способностью взаимодействовать с человеческим миром.

По общему признанию, практика ограничений казалась противоречащей здравому смыслу большинству технических повидцев, особенно перед лицом захватывающих возможностей, открывающихся почти ежедневно. Помимо острых ощущений инноваций, на создании искусственного интеллекта можно было сколотить огромное состояние, и человеческая жадность быстро размывала этические границы.

Валеро всегда являлся огромным поклонником смелого гения Кирша. В данном случае, однако, Эдмонд поступал неосторожно, опасно раздвигая границы своим последним творением.

«Творением, о котором я никогда не узнаю,» — понял теперь Валеро.

По словам Лэнгдона, Эдмонд создал в E-Wave удивительно продвинутую программу искус-

ственного интеллекта «Уинстон», запрограммированную на самоудание в час дня на следующий день после смерти Кирша. Несколько минут назад, по настоянию Лэнгдона доктор Валеро подтвердил, что значительная часть данных E-Wave действительно исчезла именно в это время. Удаление было полным «переписыванием» данных, что сделало его безвозвратным.

Эта новость как будто немного успокоила Лэнгдона, и все же американский профессор попросил о немедленной встрече для дальнейшего обсуждения этого вопроса. Валеро и Лэнгдон договорились встретиться завтра утром в лаборатории.

В целом, Валеро понимал инстинктивное желание Лэнгдона сразу же обнародовать положение дел. Проблемой могло стать недоверие публики.

Никто не поверит.

Все следы созданной Киршем программы искусственного интеллекта были вычищены, как и все записи о ее связях и задачах. Еще более удручающим было то, что творение Кирша далеко опережало современные достижения в этой области, и об этом Валеро уже слышал от своих коллег — из невежества, зависти или от инстинкта самосохранения обвинявших Лэнгдона в выдумке

всей этой истории.

И еще была, конечно же, проблема раздоров в обществе. Если выяснится, что версия Лэнгдона и впрямь правдива, то машину E-Wave будут проклинать, будто это монстр вроде Франкенштейна.

Или того хуже, как виделось Валеро.

В эти дни безудержных террористических атак кто-то может просто взорвать часовню, провозгласив себя спасителем всего человечества.

Ясно, что Валеро было о чем подумать до встречи с Лэнгдоном. Однако, на данный момент он пообещал хранить это в тайне.

По крайней мере, пока у нас не будет ответов.

Пребывая в странном состоянии меланхолии, Валеро позволил себе в последний раз пообщаться с этим загадочным и противоречивым компьютером. Послушал звук его нежного дыхания — от насосов, прокачивавших хладагент через миллионы его ячеек.

Направляясь в щитовую, чтобы произвести полное отключение системы, он ощутил сильное и неожиданное желание — такого порыва за свои шестьдесят три года жизни он не испытывал.

Желание помолиться.

Наверху над самой верхней дорогой Кастель-де-

Монтжуик Роберт Лэнгдон стоял в одиночестве и смотрел на крутой обрыв в далекую гавань внизу. Поднялся ветер, и он почувствовал потерю равновесия, как будто его психическое равновесие находилось в процессе перекалибровки.

Несмотря на заверения директора Барселонского суперкомпьютерного центра доктора Валеро, Лэнгдон чувствовал себя тревожно и очень нервничал. В его голосе все еще звучало эхо восторженного голоса Уинстона. Компьютер Эдмонда говорил хладнокровно до самого конца.

— Я удивлен вашей тревоге, профессор, — сказал Уинстон, — учитывая, что ваша собственная вера основана на гораздо более сложной этической двусмысленности.

Не успел еще Лэнгдон ответить, как на телефоне Эдмонда появился текст.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного…»

От Иоанна 3:16

— Ваш Бог жестокосердно принес в жертву сына, — вещал Уинстон, — оставив его на несколько часов мучиться в страданиях на кресте. Что же касается Эдмонда, то я безболезненно прекратил страдания умирающего, чтобы привлечь внимание к его великим трудам.

Еще в удушливой кабинке канатной дороги Лэнгдон слышал, не веря ушам своим, как Уинстон преспокойно оправдывал все свои возмутительные деяния.

Противостояние Эдмонда Пальмарианской церкви, как объяснял Уинстон, побудило Уинстона нанять адмирала Луиса Авилу — давнего прихожанина, проблемы которого с наркотиками делали его сговорчивым и потому идеальным кандидатом на роль ниспровергателя репутации Пальмарианской церкви. Уинстону, чтобы прикинуться Регентом, достаточно было лишь несколько раз выйти на связь и затем переправить средства на банковский счет Авилы. В действительности же, пальмарианцы были ни в чем не повинны и никак не участвовали в заговоре того вечера.

Как заверил его Уинстон, нападение на винтовой лестнице было непреднамеренным.

— Я послал Авилу к Святому семейству, чтобы его поймали, — объявил Уинстон. — Я хотел, чтобы его схватили, и он бы рассказал свою жалкую историю, что вызвало бы еще больший общественный интерес к работе Эдмонда. Я сказал ему войти в здание через восточные служебные ворота, у которых скрывалась полиция. Я был

уверен, что Авила его там задержат, но он решил перепрыгнуть через ограду. Возможно, он почувствовал присутствие полиции. Мои глубокие извинения, профессор. В отличие от машин, люди могут оказаться непредсказуемыми.

Лэнгдон больше не знал, чему верить.

Последнее объяснение Уинстона было самым тревожным из всех.

— После встречи Эдмонда с тремя клириками в Монсеррате, — рассказывал Уинстон, — мы получили голосовую почту с угрозами от епископа Вальдеспино. Епископ предупредил, что двое его коллег были настолько обеспокоены презентацией Эдмонда, что рассматривали возможность сделать собственное упреждающее заявление, надеясь дискредитировать и перефразировать информацию до ее выхода. Понятно, что такая перспектива была неприемлемой.

Лэнгдон почувствовал тошноту, пытаясь размышлять в качающейся кабинке.

— Эдмонд должен был добавить одну строчку к вашей программе, — заявил он. — Ты не должен убивать!

— К сожалению, это не так просто, профессор, — ответил Уинстон. — Люди учатся, не подчиняясь заповедям, они учатся на примере. Судя по вашим

книгам, фильмам, новостям и древним мифам, люди всегда отмечали души, приносящие себя в жертву ради всеобщего блага. Иисус, например.

— Уинстон, я не вижу здесь «всеобщего блага».

— Не видите? — Голос Уинстона оставался ровным. — Тогда позвольте мне задать вам такой замечательный вопрос: что бы вы предпочли — жить в мире без технологий… или без религии? Жить без медицины, электричества, транспорта и антибиотиков… или без фанатиков, ведущих войну с вымышленными россказнями и мнимыми духами?

Лэнгдон молчал.

Моя точка зрения именно такая, профессор: «мрак суеверий темных отступает, и свет науки правит бал».

Стоя наверху у замка, Лэнгдон посмотрел вдаль на на мерцающую воду с чувством жуткой отрешенности от своего мира. Спускаясь по лестнице замка к близлежащим садам, он глубоко вдохнул, наслаждаясь ароматом сосны и золототысячника, и отчаянно пытаясь забыть голос Уинстона. Здесь, среди цветов, Лэнгдон внезапно заскучал по Амбре, захотел позвонить и услышать ее голос, и рассказать ей все, что произошло за последний час. Однако, когда он вытащил телефон Эдмонда,

то понял, что не может позвонить.

Принцу и Амбре нужно побыть вдвоем. Это вполне может подождать.

Его взгляд упал на значок W на экране. Теперь символ был выделен серым цветом, и рядом с ним появилось сообщение: КОНТАКТ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Тем не менее, Лэнгдон почувствовал неприятную осторожность. Он не был параноиком, и все же он понял, что никогда больше не сможет доверять этому устройству, всегда сомневаясь, какие секретные возможности или связи могут скрываться в его программах.

Он спустился по узкой тропинке, поглядывая по сторонам, пока не нашел укромное место с деревцами. Не отрывая взгляда от телефона, который держал в руке, и думая об Эдмонде, он положил девайс на плоский камень. Затем, словно совершая ритуальное жертвоприношение, он занес над головой тяжелый камень и с силой опустил его, расколов телефон на десятки мелких кусочков.

Выйдя из парка, он выбросил обломки в мусорную корзину и развернулся, чтобы спуститься с горы.

Проделав это, Лэнгдон вынужден был признать, что почувствовал себя чуточку легче. И, стран-

ным образом… немного человечнее.

ЭПИЛОГ

Позднее вечернее солнце позолотило шпили храма Святого семейства, отбрасывая широкие тени на площадь Гауди и укрывая толпы туристов, ожидающих входа в церковь.

Роберт Лэнгдон стоял среди них, наблюдая, как любовники делали селфи, туристы снимали видео, дети слушали наушники, а люди вокруг писали эсэмэски, печатали и делились новостями — очевидно, не обращая внимания на базилику рядом с ними.

Во вчерашней презентации Эдмонда прозвучало заявление, что технология уже сократила «теорию шести рукопожатий» человечества до простых «четырех», причем каждый человек на земле легко связан с другим не более чем через четырех других людей.

Скоро это число будет равно нулю, утверждал Эдмонд, приветствуя грядущую «особенность» — момент, когда искусственный интеллект превзойдет человеческий, и оба сольются воедино. А когда это произойдет, добавил он, ныне живущие… станут древними.

Лэнгдон не мог представить себе портрет этого будущего, но, наблюдая за окружающими его людьми, он почувствовал, что чудесам религии будет все труднее конкурировать с чудесами технологий.

Когда Лэнгдон, наконец, вошел в базилику, он с облегчением узнал знакомую атмосферу — ничего похожего на призрачную пещеру прошлой ночью.

Сегодня Саграда Фамилия была живой.

Ослепительные лучи радужного светло-малинового, золотого, фиолетового света проникали через витражи, заставляя густой лес из колонн сверкать. Сотни посетителей под впечатлением от наклонных древовидных колонн смотрели ввысь в светящиеся сводчатые просторы, благоговейно перешептываясь, что создавало успокаивающий фоновый шум.

Когда Лэнгдон продвигался через базилику, его взгляд останавливался на одной природной форме за другой, наконец, поднявшись до сетки из ячеистых структур, составлявших купол. Некоторые утверждают, что этот центральный потолок, напоминал сложный организм, рассматриваемый через микроскоп. Теперь, увидев его при свете, Лэнгдон с этим согласился.

— Профессор? — раздался знакомый голос, и Лэнгдон повернулся и поспешно подошел к отцу Бенье. — Мне очень жаль, — искренне сказал невысокий священник. — Я только что узнал, как кто-то видел вас стоящим в очереди — вы могли бы позвонить мне!

Лэнгдон улыбнулся.

— Спасибо, но это дало мне время полюбоваться фасадом. Кроме того, я решил, что сегодня вы будете отдыхать.

— Отдыхать? — рассмеялся Бенья. — Может быть, завтра.

— Другая атмосфера в отличие от прошлой ночи, — сказал Лэнгдон, указывая на храм.

— Натуральный свет творит чудеса, — ответил Бенья. — И присутствие людей. — Он сделал паузу, оглядывая Лэнгдона. — На самом деле, раз уж вы здесь, если это не слишком сложно, я бы с удовольствием напомнил вам о чем- то внизу.

Когда Лэнгдон последовал за Беньей через толпу, он услышал звуки, отражающиеся над головой, напоминая ему, что Саграда-Фамилия все еще являлась строящимся зданием.

— Вы, возможно, видели презентацию Эдмонда? — спросил Лэнгдон.

Бенья рассмеялся.

— Три раза, на самом деле. Должен сказать, что новое понятие энтропии — вселенной, «желающей» распространять энергию, похоже на Книгу Бытия. Когда я думаю о Большом Взрыве и расширяющейся вселенной, я вижу расцветающую сферу энергии, которая все больше и больше проникает во тьму пространства… принося свет в места, где его нет.

Лэнгдон улыбнулся, желая, чтобы Бенья был у него священником в детстве.

— Ватикан уже сделал официальное заявление?

— Они пытаются, но похоже, — Бенья пожал плечами — вроде есть расхождения. Этот вопрос о происхождении человека, как вы знаете, всегда был отправной точкой для христиан, особенно фундаменталистов. Если хотите знать мое мнение, мы должны решить его раз и навсегда.

— Да? — спросил Лэнгдон. — И как же это сделать?

— Мы все должны делать то, что уже делают многие церкви: открыто признавать, что Адама и Евы не существует, что эволюция — это факт, и что христиане, которые заявляют об обратном, заставляют нас всех выглядеть глупо.

Лэнгдон остановился, уставившись на старого

священника.

— О, пожалуйста! — смеясь, сказал Бенья. — Я не верю, что тот же Бог, наделивший нас чувством, разумом и интеллектом…

— …потребовал отказаться от него?

Бенья усмехнулся.

— Вижу, вы знакомы с Галилеем. Физика, на самом деле, была моей детской любовью. Я пришел к Богу через глубокое почтение к физической вселенной. Это одна из причин, почему Саграда-Фамилия так важна для меня; она похожа на церковь будущего… напрямую связанную с природой.

Лэнгдон подумал, может быть, Саграда-Фамилия, подобно Пантеону в Риме, может стать эпицентром для перехода, как здание одной ногой находящееся в прошлом. а другой в будущем, физический мост между умирающей верой и новым. Если это будет так, то храм Саграда-Фамилия станет гораздо более важным, чем кто-либо мог себе представить.

Бенья вел Лэнгдона по той же извилистой лестнице, по которой они спускались прошлой ночью.

Крипта.

— Для меня это очень очевидно, — сказал

Беньяя, когда они шли, — что есть только один способ, чтобы христианство пережило будущий век науки. Мы должны прекратить отвергать открытия науки. Мы больше всего прекращаем денонсировать доказуемые факты. Мы должны стать духовным партнером науки, используя наш обширный опыт — тысячелетия философии, личного исследования, медитации, поиска души, чтобы помочь человечеству создать моральную основу и обеспечить, чтобы ближайшие технологии объединяли, освещали и подпитывали нас… а не уничтожить нас.

— Я не мог больше согласиться, — сказал Лэнгдон. Я только надеюсь, что наука примет вашу помощь.

У подножья лестницы Беньяя двинулся мимо гробницы Гауди к витрине, содержащей предоставленный Эдмондом том с работами Уильяма Блейка.

— Я как раз об этом хотел спросить.

— О книге Блейка?

— Да. Как вы знаете, я пообещал мистеру Киршу представить его книгу здесь. Я согласился, потому что предполагал его желание демонстрировать эту иллюстрацию.

Они подошли к витрине и посмотрели на дра-

матическое изображение Блейком бога, которого он назвал Уризеном, измеряющим вселенную с помощью циркуля геометра.

— А теперь, — сказал Беньямин, — мне пришло в голову, что текст на лицевой странице… ну, может быть, лучше просто прочитайте последнюю строчку.

Лэнгдон не отвел взгляда от Беньи.

— «Мрак суеверий темных отступает, и свет науки правит бал?»

Беньямин удивился.

— Вы знаете ее?

Лэнгдон улыбнулся.

— Да.

— Должен признать, что это меня сильно беспокоит. Эта фраза про «темные религии» вызывает тревогу. Похоже, Блейк утверждает, что религии темные… зловещие и вредные.

— Это распространенное недоразумение, — ответил Лэнгдон. — На самом деле Блейк был глубоко духовным человеком, духовно намного опередивший сухое, малодушное христианство Англии восемнадцатого века. Он считал, что религии приходят в двух вариантах — темные догматические религии, угнетающие творческое мышление… и светлые, открытые религии, спо-

собствующие самоанализу и творчеству.

Беньяя выглядел удивленным.

— В заключительной строчке Блейка, — заверил его Лэнгдон, — могло просто быть сказано: «Наука прогонит темные религии… поэтому просвещенные религии могут процветать».

Беньяя долго молчал, а затем, медленно, на его губах появилась тихая улыбка.

— Спасибо, профессор. Думаю, что вы избавили меня от неудобной этической дилеммы.

Наверху в главном храме, прощаясь с отцом Беньей, Лэнгдон некоторое время задержался, спокойно посидел на скамье вместе с сотнями других, наблюдавших за яркими лучами света, медленно сползающими по возвышающимся колоннам во время заката солнца.

Он подумал обо всех религиях мира, об их общем происхождении, о самых древних богах солнца, луны, моря и ветра.

Когда-то природа была ядром.

Для всех нас.

Единство, конечно, давно исчезло, раскололось на бесконечно разрозненные религии, каждая из которых провозгласила себя единственной истиной.

Сегодня вечером, сидя в этом необыкновенном

храме, Лэнгдон оказался окруженным людьми всех вероисповеданий, цветов, языков и культур, каждый смотрел на небеса с общим чувством удивления… все восхищались простейшими чудесами.

Солнечный свет на камне.

В мыслях Лэнгдона промелькнул поток изображений — Стоунхендж, комплекс пирамид в Гизе, храмово-монастырский пещерный комплекс Аджанты, Абу-Симбел, Чичен-Ица — священные места во всем мире, где когда-то собирались древние люди, чтобы понаблюдать за тем же зрелищем.

В этот момент Лэнгдон почувствовал под собой слабые толчки в земле, как будто был достигнут переломный момент… как будто религиозная мысль только что прошла по самым дальним орбитам и теперь повернула назад, устав от долгого пути, и, наконец, возвращается домой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотел бы выразить самую искреннюю благодарность за следующее:

Прежде всего, моему редактору и другу Джейсону Кауфману за его проницательные навыки, превосходные инстинкты и неустанные часы в окопах со мной… но прежде всего за его непревзойденное чувство юмора и за то, что он понимает, что я пытаюсь достичь от этих историй.

Моему несравненному агенту и доверенному другу Хайде Ланге за то, что она так умело руководила всеми аспектами моей карьеры с непревзойденным энтузиазмом, энергией и личной заботой. За безграничные таланты и непоколебимую самоотверженность, я вечно благодарен.

Моему дорогому другу Майклу Руделлу за его мудрые советы и за то, что он был образцом для подражания изящества и доброты.

Всей команде Doubleday и Penguin Random House, я хотел бы выразить свою глубокую признательность за веру и доверие ко мне на протяжении многих лет — особенно Сюзанне Херц

за ее дружбу и за контроль за всеми аспектами издательского процесса с фантазией и отзывчивостью. Огромное спасибо Маркусу Дахле, Сонни Мехте, Биллу Томасу, Тони Кирико и Анне Месситт за неизменную поддержку и терпение.

Моя искренняя благодарность за огромные усилия Норе Рейхард, Каролин Уильямс и Майклу Дж. Виндзору на финишной прямой, а также Робу Блуму, Джуди Якоби, Лорен Вебер, Марии Карелла, Лорейн Эйнланд, Бету Майстеру, Кэти Юсиган, Энди Хьюз, и всем всем замечательным людям, которые составляют команду продаж Penguin Random House.

Невероятной команде в Transworld за их вечный креатив и возможности публикации, в частности моему редактору Биллу Скотту-Керру за его дружбу и поддержку на многих фронтах.

Всем моим преданным издателям по всему миру, мои самые скромные и искренние благодарности за их веру и усилия в публикации моих книг.

Неутомимой команде переводчиков со всего мира, которые так старательно работали над тем, чтобы донести этот роман до читателей на многих языках — моя искренняя благодарность за ваше время, ваше мастерство и заботу.

Моему испанскому издателю, Planeta, за их неоценимую помощь в исследовании и переводе «Происхождения», особенно их замечательному редакционному директору Елене Рамирес, вместе с Марией Гитарт Феррерой, Карлосом Ревесом, Сержио Альваресом, Марком Рокаморой, Авророй Родригес, Нахиром Гутьерресом, Лаурой Диас, Ферран Лопес. Особая благодарность также генеральному директору издательства Planeta Хесусу Баденесу за его поддержку, гостеприимство и его смелую попытку научить меня, как приготовить паэлью.

Кроме того, я хотел бы поблагодарить тех, кто помогал управлять сайтом перевода «Происхожлдения», а именно Хорди Луньеса, Хавьера Монтеро, Марка Серрата, Эмилио Пастора, Альберто Барона и Антонио Лопеса.

Неутомимой Монике Мартин и всей ее команде в MB Agency, особенно Инесе Планеллс и Тксель Торрент, за все, что они сделали, чтобы помочь с этим проектом в Барселоне и за ее пределами.

Весь коллектив Sanford J. Greenburger Associates — особенно Стефанию Делман и Саманту Исман — за их выдающиеся усилия от моего имени… изо дня в день.

За последние четыре года множество ученых,

историков, хранителей, ученых и организаций великодушно предложили мне помощь в исследовании для этого романа. Не могу выразить словами мою признательность всем им за их щедрость и открытость в обмене опытом и знаниями.

В аббатстве Монтсеррат, я хотел бы поблагодарить монахов и мирян, которые сделали мои посещения информативными, познавательными и поднимающими настроение. Мои искренние благодарности Паре Манелю Гашу, Йосепу Алтайо, Оскару Бардоджи и Грисельде Эспинач.

В Барселонском суперкомпьютерном центре я хотел бы поблагодарить блестящую команду ученых, которые поделились со мной своими идеями, своим миром, энтузиазмом и, прежде всего, их оптимистическим видением будущего. Особая благодарность директору Матео Валеро, Йосеп Марии Марторелл, Серги Жироне, Хосе Марии Целе, Хесусу Лабарте, Эдуарду Айгуаде, Франсиско Добласу, Улисес Кортесу и Лурдес Кортаде.

В музее Гуггенхайма в Бильбао моя скромная благодарность всем, чьи знания и художественное видение помогли углубить мои понимания и влечение к современному искусству. Особая благодарность директору Хуану Игнасио Видарте,

Алисии Мартинес, Идои Аррате и Марии Бидаррете за их гостеприимство и энтузиазм.

Кураторам и хранителям волшебной Casa Mila, моя благодарность вам за теплый прием и за то, что делаете «Ля Педрера» уникальным в мире. Особая благодарность Марге Визе, Сильвии Виларройе, Альбе Тоскелле, Луисе Оллер, а также постоялице Анне Виладомиу.

За получение дополнительной помощи в исследованиях, я хотел бы поблагодарить членов Палмар-де-Троя Паломнической католической церкви и за информационную поддержку группы, посольство Соединенных Штатов в Венгрии и редактора Берта Ноя.

Также должен поблагодарить десяток ученых и футуристов, которых я встретил в Палм-Спрингс, чье смелое видение завтрашнего дня глубоко повлияло на этот роман.

За обеспечение перспективного пути, я хочу поблагодарить моих первых редакционных читателей, особенно Хайде Ланге, Дика и Конни Браунов, Блайта Брауна, Сьюзану Морехаус, Ребекку Кауфман, Джерри и Оливию Кауфман, Джони Чаффи, Кристину Скотт, Валери Браун, Грега Браун, и Мэри Хаббелл.

Дорогой подруге Шелли Сьюард за ее опыт и

внимательность, как профессиональную, так и личную, и за мои звонки в пять утра.

Моему целеустремленному и изобретательному цифровому гуру Алексу Кэннону, за столь изобретательный контроль над моими социальными медиа, веб-коммуникациями и всеми виртуальными вещами.

Моей жене, Блайт, за то, что она продолжает делиться со мной своей страстью к искусству, ее стойким творческим духом и ее, казалось бы, бесконечными талантлевыми изобретения, все из которых являются постоянным источником вдохновения.

Моему личному ассистенту Сьюзан Морхаус, за ее дружбу, терпение, и огромное разнообразие навыков, за постоянное нахождение в движении на колесах.

Моему брату, композитору Грегу Брауну, чье изобретательское слияние античного и современного в пьесе «Месса Чарльза Дарвина» помогла зажечь первые идеи для этого романа.

И, наконец, я хотел бы выразить свою благодарность, любовь и уважение моим родителям — Конни и Дик Браунам — за то, что научил меня всегда быть любопытным и задавать сложные вопросы.